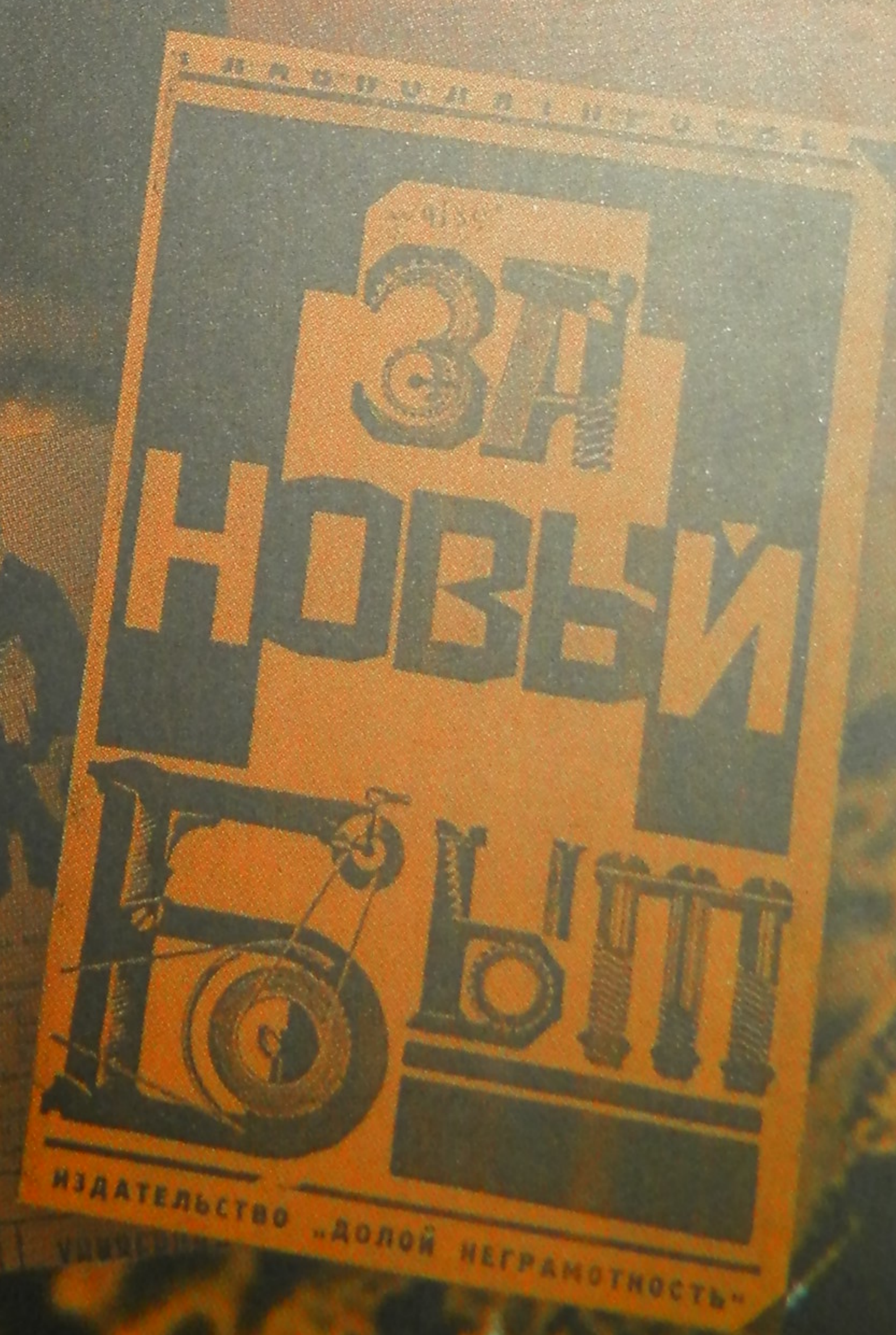
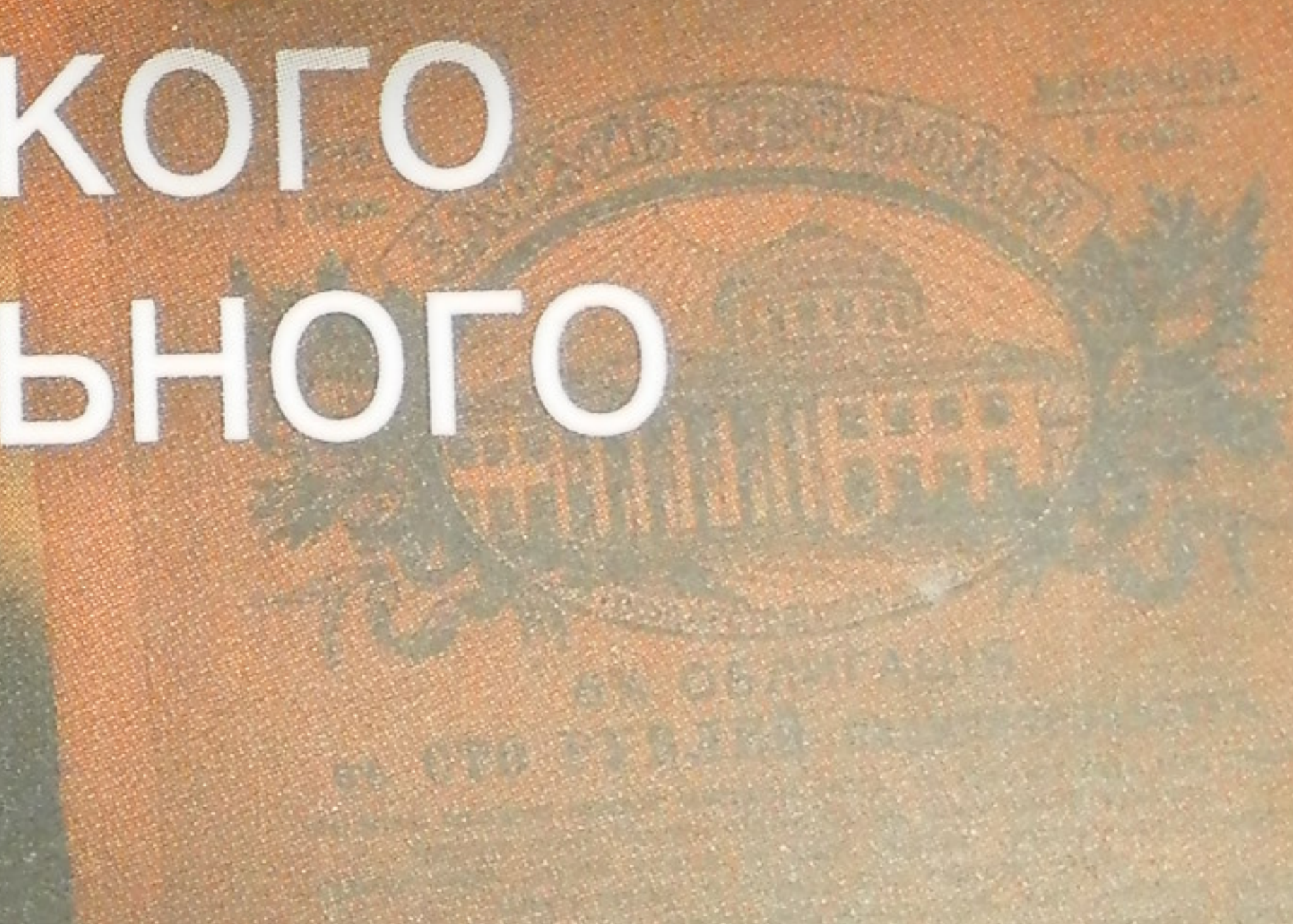
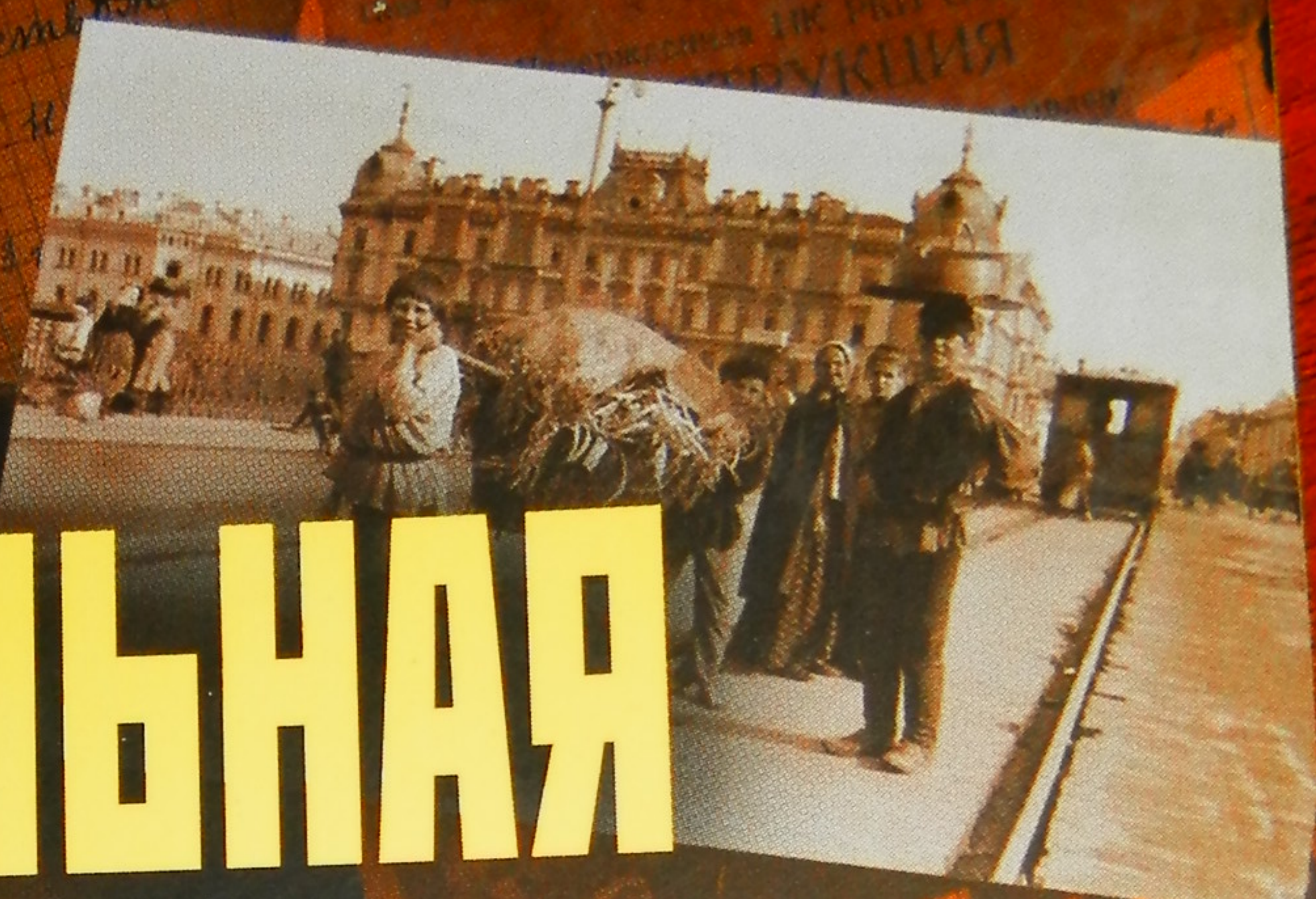

И.Б. Орлов

КОММУНАЛЬНАЯ СТРАНА

становление советского
жилищно-коммунального
хозяйства
(1917–1941)

Игорь Борисович Орлов

окончил Харьковский государственный университет им. А.М. Горького по специальности «История».

Доктор исторических наук, профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Ведет учебные курсы «Политическая история России и зарубежных стран» и «Пропаганда в системе политических коммуникаций» НИУ ВШЭ.

Автор книг «Власть и общество: Диалог в письмах», «Россия нэповская» (обе — 2002, в соавт.), «Символы, знаки и эмблемы: энциклопедия» (2003, в соавт.), «Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от “пьяного бюджета” до “сухого закона”», «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни», «Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны», «Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы» (все — 2007, в соавт.), «Политическая культура России XX века» (2008), «Массовый туризм в сталинской повседневности» (2010, в соавт.), «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления» (2010), «Взятка и борьба с ней в годы нэпа» (2011, в соавт.), «Человек исторический» в системе гуманитарного знания» (2012) и др. Автор многих научных, научно-популярных и публицистических статей, посвященных истории России XX в.

УДК
ББК
О

Оглавление

Орлов, И. Б. «Коммунальная страна»: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941) [Текст] / И. Б. Орлов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 336 с. + 8 с. ч.-б. вкл. — ??? экз. — ISBN 978-5-7598-????-? (в обл.).

В книге доктора исторических наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И.Б. Орлова реконструируется процесс становления и развития советского коммунального хозяйства между двумя мировыми войнами. Впервые на основе архивных документов, материалов периодической печати, источников личного происхождения (дневников, воспоминаний, писем во властные институты) и фотодокументов показывается, как на практике реализовывалась идея коммунального общежития. Становление ЖКЖ как общегосударственной системы раскрыто в контексте реализации нескольких моделей общественного развития: военного коммунизма, нэпа и сталинской модернизации. Книга продолжает историографическую традицию последних лет, для которой характерно обращение к бытовым сюжетам и повседневным практикам обычных людей. В результате история советского ЖКЖ предстает с двух сторон: как совокупности институтов и взаимоотношения с ними различных слоев городского населения.

Для широкого круга представителей социального и гуманитарного знания, а также всех интересующихся советской историей.

УДК
ББК

ISBN 978-5-7598-????-?

© Орлов И.Б., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Предисловие.....	5
Глава 1. Общие проблемы складывания коммунального хозяйства в межвоенный период	25
Глава 2. Развитие городских санитарно-технических предприятий.....	73
§ 1. От водовозов к водопроводам.....	76
§ 2. Социализм — это советская власть плюс канализация всей страны.....	93
§ 3. От чистого города — к городу социалистическому	102
§ 4. Чистота — залог здоровья!	117
Глава 3. Работа городских транспортных предприятий	133
§ 1. От трамвая к метрополитену.....	137
§ 2. Развитие безрельсового транспорта: традиции и новации	155
Глава 4. Энергетические предприятия и вопросы уличного освещения	169
§ 1. Советская власть плюс электрификация всей страны.....	169
§ 2. Газификация и теплоснабжение городов.....	181
Глава 5. Сооружения внешнего благоустройства.....	184
§ 1. Дорожное строительство и городское замощение	185
§ 2. Озеленение как социальная и политическая задача	198

Глава 6. Кладбища и крематории в системе коммунального хозяйства.....	207
Глава 7. Городское гостиничное хозяйство 1920–1930-х годов.....	214
Глава 8. Жилищное строительство и эксплуатация жилого фонда.....	255
§ 1. Жилищное строительство и содержание жилого фонда.....	259
§ 2. Коммунальный быт: идеология и (или) жизненная необходимость?.....	287
Послесловие	303
Библиография	305

Предисловие

Среди всеобщего смятения, он, по сути дела, старался стать историографом того, что вообще не имеет истории.

*Альбер Камю*¹

Известно, что в массовом сознании поздней советской эпохи (не говоря уже о постсоветском поколении) коммунальное хозяйство отождествлялось только с уборкой улиц, канализацией, водопроводом и теплоснабжением. Тогда как на довоенном этапе советской истории функции Главного управления коммунального хозяйства НКВД (а затем Наркомата коммунального хозяйства РСФСР) были весьма широки. Например, в 1920 г. в ведение местных коммунальных отделов, помимо традиционных для городского хозяйства предприятий, входили ремонтно-починочные мастерские общественного пользования и различные перевозочные предприятия (трамвай, конно-железные дороги, местное пароходство, паромы, шлюзы, ямские перевозки, автогужевой транспорт), обслуживавшие нужды Коммунхоза².

В монографии под коммунальным хозяйством понимается совокупность предприятий и служб по обслуживанию населения (в ряде случаев — и промышленных предприятий) городов и поселков городского типа. При этом особо подчеркивается, что специфику советского ЖКХ определял прежде всего его огосударственный характер. Так как в СССР содержание коммунального хозяйства было делом государства, то оно финансировалось (правда, не всё и не всегда) как масштабная техническая и социальная система, определяющая жизнеспособность страны.

Общим методологическим основанием работы является **теория модернизации**; развитие городского хозяйства в межвоенный период

---

¹ Камю А. Чума // Его же. Избранное. М., 1990. С. 130.

² ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 32. Л. 111.

рассматривается в контексте перехода нашей страны к современному обществу. Междисциплинарный характер исследования определил специфический набор **методологических принципов**, включающий, наряду с широким компаративистским контекстом, наработки в области исторической урбанистики, неинституционализма, социальной истории и истории повседневности. В ряду методологических установок:

- теория фреймов, наделяющая повседневный контекст относительно автономным, независимым от конкретных практик существованием³;
- когнитивная стратегия З. Баумана, подразумевающая восстановление смыслов чужого опыта через вникание в традицию, а затем — перевод полученных результатов в форму, воспринимаемую традицией самого исследователя⁴;
- подход к формированию советской повседневности во многом под влиянием именно местных властей, а не инициатив, исходящих от партии, сверху⁵;
- взаимосвязь процесса формирования «советского ландшафта» и качества жизни советского человека;
- представление о городе как самовоспроизводящейся многофункциональной системе и одном из главных «текстов» истории;
- социально-исторический подход к литературе и искусству, признающий за ними способность «нащупывать» реальность и вплетать в ткань художественного произведения формы социального общежития.

В книге становление коммунальной отрасли как общегосударственной системы раскрывается в контексте реализации нескольких моделей общественного развития: военного коммунизма, нэпа и ста-

³ Подробнее по этому вопросу см.: *Вахштайн В.В.* Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2007. 24 с.

⁴ *Bauman Z.* Is There a Post-Modern Sociology? // *Theory, Culture and Society*. L.; Beverly Hills; New Delhi: SAGE, 1988. Vol. 5. No. 2. P. 230.

⁵ *Fitzpatrick Sh.* *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. P. 55.

линской модернизации. При этом история советского коммунального хозяйства предстает с двух сторон: как совокупность институтов и как взаимодействие с ними различных слоев городского населения. Изучение ЖКХ является частью «пространственного анализа видов деятельности и функций городов» в контексте «иерархии видов деятельности» и «смысла существования города»⁶. Другими словами, городское хозяйство воспринимается как часть города — «социального организма» — в тесной взаимосвязи с эволюцией городской среды, которая, в свою очередь, зависит от расширения круга потребностей в объектах, необходимых для существования и развития города.

В работе реконструируется процесс становления и развития советского коммунального хозяйства в период между двумя мировыми войнами. Впервые на широкой источниковой базе показывается, как на практике реализовывалась идея коммунального общежития и «социалистического города». Кроме того, источники позволяют представить историю советского жилищно-коммунального хозяйства с помощью оценок четырех групп населения: практических работников ЖКХ, представителей вышестоящих органов (в том числе партийных), ученых-специалистов и обывателей.

Источниковая база работы представлена разнотипными материалами, которые классифицируются прежде всего по способу представления в них исторической информации: это письменные и визуальные источники⁷. Ценность каждого из источников определяется не только потребностью в нем для раскрытия тех или иных конкретных вопросов, но и достоверностью и полнотой представляемой им информации. Это, в свою очередь, диктует необходимость привлечения максимального количества выявленных источников — от статистических данных до эпистолярного наследия.

Исследование в значительной степени основано на неопубликованных материалах трех центральных государственных архивов. Прежде всего архивные документы представлены фондами Народного ко-

⁶ *Мерлен П.* *Город. Количественные методы изучения*. М.: Прогресс, 1977. С. 25, 30.

⁷ В числе визуальных свидетельств использованы картографические материалы и натурально-изобразительные источники, представленные фотоматериалами (см. иллюстрации).

миссариата местного самоуправления РСФСР (Ф. Р-9475), Главного управления коммунального хозяйства НКВД (Ф. Р-4041) и Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР / Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР (Ф. А-314) **Государственного архива Российской Федерации** (ГА РФ). Эти фонды отражают хронологическую последовательность управления сферой ЖКХ и позволяют реконструировать организационно-правовые основы системы ЖКХ и различные уровни управленческой вертикали: Комиссариат местного самоуправления РСФСР (17 декабря 1917 г. — март 1918 г.), Отдел местного хозяйства НКВД РСФСР (март 1918 г. — апрель 1920 г.), Коммунальный отдел НКВД РСФСР (апрель 1920 г. — 1921 г.), Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР (1921 г. — 15 декабря 1930 г.), Главное управление коммунального хозяйства при СНК РСФСР (31 декабря 1930 г. — 20 июля 1931 г.) и Наркомат коммунального хозяйства РСФСР (20 июля 1931 г. — 23 марта 1946 г.). Общий вектор институциональной трансформации очевиден даже из простого перечня учреждений — усиление роли ЖКХ в системе советского хозяйства. В содержательном плане документы указанных органов содержат указы и постановления высших органов государственной власти, ведомственные циркуляры и приказы, программы и генеральные планы, пояснительные записки и сопроводительные письма, протоколы совещаний и стенограммы съездов, материалы балансовой и финансовой отчетности коммунальных органов и проч.

В частности, материалы НККХ РСФСР позволяют уяснить высокую степень централизации и мелочной регламентации строительных программ в сфере коммунального хозяйства; об этом говорят документы, принятые союзным правительством в 1930-е годы. К примеру, 16 июля 1934 г. СНК СССР принял постановление № 1664 «О строительстве в г. Челябинске второй магистрали водопровода и второго трамвайного пути»⁸, 17 сентября этого же года — постановление № 2228 «О строительстве второго бакинского водопровода»⁹, а 15 февраля 1935 г. — постановление № 241 «О снаб-

жении железными водопроводными трубами 3-го напорного водопровода в гор. Баку»¹⁰.

Дополнительный комплекс документов представлен материалами образованного в 1934 г. Государственного треста зеленого строительства (с 1937 г. — Государственного треста зеленого хозяйства) Наркомата коммунального хозяйства РСФСР (Ф. А-469). Однако дела в этом фонде сохранились только с 1936 г. Помимо протоколов совещаний и отчетов о производственно-финансовой деятельности, наиболее информативна докладная записка о планах работы треста на 1938–1941 гг. (Оп. 1. Д. 4). К этой группе документов можно отнести сохранившиеся за 1938–1941 гг. приказы и отчеты Государственной конторы по проектированию бань и прачечных Главного управления бань и прачечных НККХ РСФСР (Ф. А-520. Оп. 1. Д. 2, 4, 7, 9). Но эти документы разрозненные, малоинформативные и, к сожалению, не содержат планов и чертежей.

В монографии также используются документы, хранящиеся в **Российском государственном архиве экономики**, в частности, материалы о деятельности акционерного общества «Московские гостиницы» в фонде Минфина СССР (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 688). В этом деле представлены не только статистические данные, характеризующие состояние столичных гостиниц, но и материалы специальной межведомственной комиссии по организации акционерного общества. Последние позволяют реконструировать гостиничную сеть столицы, оборудование номеров, а также ведомственные споры о путях развития гостиничного сектора.

В фонде Политбюро ЦК партии **Российского государственного архива новейшей истории** в отдельную опись выделены документы о жилищно-коммунальном строительстве 1917–1966 гг. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31), позволяющие реконструировать механизмы партийного управления сферой советского ЖКХ. Речь прежде всего идет о постановлениях Политбюро, ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и ВЦИК, СНК СССР и РСФСР. Помимо этих документов, особый интерес представляют статистические материалы, характеризующие состояние коммунального хозяйства (Д. 13, 14), и переписка партийного руководства страны о перспективах развития отрасли (Д. 24, 32, 33).

⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 73. Л. 25.

⁹ Там же. Д. 122. Л. 10.

¹⁰ Там же. Д. 163. Л. 17.

К числу опубликованных документов относятся прежде всего **статистические сборники**, посвященные вопросам коммунального хозяйства СССР и РСФСР¹¹. Дополнительные сведения о развитии советского ЖКХ можно получить из общих сборников по народному хозяйству СССР¹².

Здесь надо учитывать ряд обстоятельств, и прежде всего, что в 1920-е годы коммунальная статистика велась очень плохо, в отрыве от городской статистики. Судя по некоторым статьям из «Рабочей жизни» за 1920 г. и в целом по отсутствию статистических материалов в 1917–1920 гг., работа в этом направлении началась только в конце 1920 г.¹³

Но, откровенно говоря, больших успехов в этом направлении достигнуто не было. Конечно, Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР делало попытки разработать образцы отчетности (в 1924 г. были использованы формы ЦСУ и Центрального статистического отдела НКВД, а на 1925 г. готовился окончательный вариант формы отчетности), но неудачные¹⁴. Перепись коммунальных предприятий 1925/1926 хозяйственного года, как и обследования 1924–1925 гг., содержит три раздела: коммунальное хозяйство в городах, коммунальное хозяйство в сельской местности и личный состав органов коммунального хозяйства. Но данные были собраны лишь по городам с числом жителей более 10 тыс. человек¹⁵. В 1928 г.

¹¹ См.: Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1925 г. М.: Стат. бюро НКВД, 1925. 70 с.; Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1928 г. М.: Гл. упр. коммунал. хоз-ва НКВД, 1929; Коммунальное хозяйство СССР к концу I пятилетки: Основные итоги переписи коммунального хозяйства 1932 г. М.: ЦУНХУ Госплана СССР; В/о Союзоргучет, 1935. 116 с.; Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г.: краткий стат. справ. М.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1938. 64 с.

¹² См., например: Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1977. 712 с.; Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с. и др.

¹³ *Кривошеев А.* О статистике в нашем Союзе // Рабочая жизнь. 1920. № 5. С. 6.

¹⁴ Перепись Всероссийского совещания по вопросам коммунальной статистики // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1924. № 4. С. 73–74.

¹⁵ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. М.: Изд-во НКВД, 1927. 371 с.

НК РКИ РСФСР обследовал коммунальное хозяйство только 27 городов республики, а в 1929 г. — жилищное хозяйство 29 городов. В 1930 г. обследованию подверглось жилищное и коммунальное хозяйство Уральской, Ленинградской и Центрально-Черноземной областей, Сибирского и Нижегородского краев¹⁶. Но результаты этих обследований не были систематизированы. Были «положены в шкаф» и материалы проведенной в 1928 г. и частично в 1930 г. инвентаризации коммунального хозяйства. Не существовало ни постоянного штатного расписания отделов коммунального хозяйства, ни упорядоченной финансовой системы¹⁷. Можно говорить об ограниченной репрезентативности статистических документов, так как до переписи 1932 г. почти отсутствовали отчетные статистические сведения о коммунальном и жилищном хозяйстве. Не было и точных данных о бюджете коммунального хозяйства в целом и по отдельным отраслям¹⁸. Впрочем, даже в 1936 г. коммунальные тресты, «объединяя ряд разнородных мелких предприятий, не отражали в своих отчетах с достаточной четкостью финансовые результаты по каждой отрасли, по каждому предприятию». Только с 1937 г. в отчеты трестов включаются приложения, отражающие финансовые результаты по всем отраслям¹⁹.

Особенно запутанной была гостиничная статистика. Например, в показателях учета коммунальных предприятий Статистического отдела НКВД за 1922 г. для 670 коммунальных отделов данные по гостиничному хозяйству отсутствовали²⁰. Не содержалось сведений

¹⁶ *Жуков В.И.* Жилищное и коммунальное хозяйство (По материалам обследования НК РКИ РСФСР) // Коммунал. хоз-во. 1930. № 8–9. С. 109.

¹⁷ *Штоцкий Я.* О работе горкомхозов // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 12. С. 26.

¹⁸ *Тузис Г.* Почему нужна Всесоюзная коммунальная перепись // Там же. № 2–3. С. 45.

¹⁹ *Веселовский Б.Б.* Очередные задачи в области снижения себестоимости продукции коммунальных предприятий // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР НКВД РСФСР. 1936. № 11. С. 4.

²⁰ *Гишман А.* Статистика коммунального хозяйства // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 153–167.

о гостиницах даже в ряде статистических сборников 1930-х годов, отражающих состояние коммунального хозяйства СССР²¹. Не было в рассматриваемый период и определенности с правовым и отраслевым статусом гостиниц. Так, впервые отдельный подраздел в виде таблицы «Коммунальные гостиницы в 1925/26 хозяйственном году» появился в разделе «Коммунальные предприятия» статистического сборника, опубликованного в 1927 г.²² Однако собранные в 1928 г. сведения о состоянии коммунального хозяйства Московской губернии внесли в данные о подмосковных гостиницах, в раздел «Прочие предприятия»²³. В статистическом сборнике за 1937 г. гостиницы отнесены уже не к коммунальному, а к жилищному хозяйству²⁴.

К числу опубликованных источников также относятся законодательные акты межвоенного периода, и прежде всего **специализированные сборники законодательства по коммунальному хозяйству**²⁵. В частности, сборник действующих распоряжений по коммунальному хозяйству 1928 г. содержит семь разделов: организация коммунального хозяйства; финансы коммунального хозяйства; о городских поселениях и поселках; городское земельное хозяйство; городское благоустройство, планировка и строительство; коммунальные предприятия; местное дорожное хозяйство²⁶. Наиболее полно в сборнике кодифицирован первый раздел, что позволяет реконструировать организационно-правовое положение коммунального и жилищного хозяйства. Репрезентативны в плане реконструкции правовой базы

²¹ Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу первой пятилетки: сб. стат. материалов за 1927/28–31 гг. в сопоставлении с дореволюционными. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 135 с.

²² Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. С. 325.

²³ Краткие сведения о состоянии коммунального хозяйства в городах Московской губернии // Коммунал. хоз-во. 1928. № 6. С. 40–44.

²⁴ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г. С. 19–21.

²⁵ См., например: Сборник правил, положений и инструкций по гостиничному хозяйству / под ред. В.И. Шиходырова. М.; Л.: Изд-во М-ва коммунал. хоз-ва РСФСР, 1948. 72 с.

²⁶ *Смирнов А.К.* Действующие распоряжения по коммунальному хозяйству / под ред. П.Ф. Анохина. М.: Изд-во НКВД, 1928. 335 с.

ЖКХ и сборники 1933 г. и 1935 гг.²⁷ Тем не менее сборник 1933 г., представляющий собой углубленную систематизацию законов с применением кодификационного объединения в отдельных случаях однородных норм, более информативен.

Важную составляющую комплекса источников составляют **публикации в периодической печати**, и прежде всего журналов «Коммунальное хозяйство» (М., 1922–1932), «Коммунальный работник» (М., 1922–1923), «Коммунальное дело» (М., 1921–1931), «За социалистическую реконструкцию городов» (М., 1932–1934), «Коммунальное и жилищное строительство» (Л., 1924–1933) и проч. Журналы и газеты («Правда», «Красная газета», «Известия Петроградского городского общественного управления» и ряд других изданий) позволяют не только привлечь богатый фактический материал, но и уловить мнения экспертов и населения по тем или иным наболевшим вопросам развития коммунальной сферы.

Однако анализ содержания периодики свидетельствует о неоднородном характере заключенной в ней информации. Например, выпуски «Коммунального работника» за 1923–1924 гг. малоинформативны, освещают в основном прошедшие коммунальные конференции и общие вопросы деятельности губернских отделов, а также предоставляют сведения о тарифах и зарплатах в отрасли; при этом многие статьи носят откровенно пропагандистский характер. Тогда как «Коммунальный работник» за 1925 г. пестрит бытовыми зарисовками, рассказами, стихами и карикатурами. С 1930 г. журнал становится совершенно неинформативным: в «истончившихся» выпусках преобладает статистика по отдельным городам, отраслям и категориям работников сферы ЖКХ; общесоюзной же и даже общероссийской статистики мало. Ленинградский журнал «Вопросы коммунального хозяйства» за 1924–1927 гг. или содержит специфическую, узкопрофессиональную информацию, или освещает сугубо городскую проблематику.

²⁷ См.: Коммунальное и жилищное хозяйство: кодифиц. сб. законодательства РСФСР на 1 сентября 1933 г. М.: Советское законодательство, 1933. 168 с.; *Левитин М.Ф., Фалькович П.А.* Коммунальное хозяйство: сб. важнейших постановлений, циркуляров и инструкций / под ред. Ф.Т. Недзвецкого. М.: Моск. рабочий, 1935. 320 с.

То же можно сказать и о московском издании «Коммунальное хозяйство» за 1921–1923 гг., в значительной степени освещающем вопросы развития столичного ЖКХ. Впрочем, в номерах за 1922 г., видимо в сравнительных целях, присутствуют информация и статистика по отдельным губерниям и городам (прежде всего по Петрограду). Для журнала «Коммунальное хозяйство» за 1921–1922 гг. характерно рассмотрение вопросов компетенции, разграничения полномочий (вплоть до того, на ком лежат заботы об уборке трупов с вокзалов и пристаней) и бюджетирования коммунального хозяйства. Типично в этом плане постановление Комиссии ВЦИК по коммунальному хозяйству: «основным условием восстановления совершенно разрушенного городского хозяйства является выделение городов (более или менее крупного значения) из уездного и губернского хозяйства и их полная самостоятельность в финансовом отношении»²⁸. Аналогичная проблематика (указы, уставы, компетенции, вопросы бюджета и финансов, убытки) представлена и в первых выпусках журнала «Коммунальное дело» за 1921 г.

Определенные сложности для анализа создают такие особенности прессы, как сложность ее структуры и разнообразие жанров. В частности, в газетах опубликована различная по происхождению и содержанию информация: официальные сообщения и законодательные акты, публицистика и письма, хроника и заметки-отчеты, репортажи и интервью, объявления и проч.²⁹ Это неминуемо поднимает вопрос о репрезентативности той или иной информации. Тем не менее издания 1920-х годов более информативны с точки зрения освещения проблем развития ЖКХ, нежели журналы и газеты 1930-х годов. Кроме того, в 1930-е годы прекращается выпуск целого ряда специализированных изданий, что существенно сужает число доступных источников, используемых при реконструкции истории коммунального хозяйства.

Информацию о развитии отдельных отраслей и предприятий ЖКХ в регионах можно извлечь из соответствующих партийных и комму-

²⁸ Комиссия В.Ц.И.К. по коммунальному хозяйству // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1922. № 1. С. 5.

²⁹ Шевченко М.В. Городская жизнь в Петроградских газетах 1917 года // Проблемы социального и гуманитар. знания: сб. науч. работ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 250.

нальных изданий. Например, из решений состоявшегося в ноябре 1928 г. 1-го областного совещания руководителей коммунального хозяйства Центрально-Черноземной области мы узнаём об отсутствии единой системы в работе коммунального хозяйства, «небрежности» в работе и слабой доходности отрасли. Наряду с призывом изжить бесплатность занятия государственными учреждениями коммунальных зданий (т.е. обеспечить выполнение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1926 г.) отмечалась оправданность и жизнеспособность коммунальных трестов. Отсюда вытекала задача дальнейшего проведения политики трестирования коммунальных предприятий и повсеместного внедрения производства строительных работ хозяйственным способом³⁰.

В целях «одушевления» коммунальных институтов использованы **источники личного происхождения** (дневники, воспоминания, письма во властные институты) и художественная литература. Свидетельства очевидцев интересны как с точки зрения более нигде не зафиксированных фактов, так и с позиций субъективного их восприятия. При этом проблема достоверности содержащихся в них сведений решается путем их сопоставления с официальными документами и прочими источниками.

Визуальные источники представлены фотографиями предприятий коммунального хозяйства (см. иллюстрации), типовых проектов гостиниц³¹ и бань, генеральными планами строительства и реконструкции объектов ЖКХ. Например, Г. Бартель в качестве иллюстрации к своей статье о кремационных обществах публикует фотографию первого в Москве крематория, расположенного на Новом Донском кладбище³². Специфическим источником по истории советского ЖКХ яв-

³⁰ Коммунальное хозяйство ЦЧО. Решения 1-го областного совещания руководителей коммунального хозяйства ЦЧО, 12–15 ноября 1928 г. Воронеж: Коммуна, 1929. С. 3, 6, 10, 18.

³¹ См.: Гостиница на 150 человек городского типа 3-этажная с центральным отоплением. Ленингр. обл. изд-во, 1934. 12 с.; Гостиницы. 10 технических проектов. Ленингр. обл. изд-во, 1934. 60 с.; Коммунальное строительство в СССР. Ч. 2 / сост. А.И. Гольдберг. М.: Всекохудожник, 1932. 7 с.

³² См.: Бартель Г. О кремационных обществах // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1927. № 1. С. 45–49.

ляются карикатуры, дающие возможность дополнительно верифицировать характер происходящих процессов.

В основу авторской периодизации **историографических комплексов** данной монографии положены следующие принципы: различия в методологических подходах, интенсивность обращения к теме и широта охвата проблематики. Это позволяет сделать периодизацию более гибкой, не связывая ее напрямую с утвердившейся в историографии схемой хронологического деления литературы.

Что касается степени изученности рассматриваемой проблематики, то основная масса работ представляет собой исследования в области **исторической урбанистики**. Следует учитывать, что в советское время городская проблематика изучалась преимущественно специалистами в области архитектуры и градостроительства. В частности, градостроительные поиски 1920-х годов велись под лозунгом отрицания пространства исторического города³³. Одновременно в годы нэпа появились первые исследования, рассматривавшие городскую среду как своеобразный «текст» или социальный организм³⁴. Но наиболее полно проблематика «городского текста» как явления культуры была разработана в работах В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана³⁵. Само понятие «городской текст», введенное академиком Топоровым в научный оборот в начале 1970-х годов, возникло на стыке таких взаимосвязанных понятий, как «текст» и «пространство». Исходной исследовательской парадигмой стал «петербургский текст», а вслед за ним

³³ См.: Кириллов В.В. Идеи реконструкции Москвы в проектах 20-х — начала 30-х гг. XX века // Рус. город: ист.-методол. сб. Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 214–245.

³⁴ См., например: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг.: Брокгауз и Эфрон, 1922. 256 с.; *Его же*. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925; Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 468 с.; Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии (основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 21–34.

³⁵ См.: Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30–45; Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Тр. по знаковым системам. Вып. 18. С. 3–29.

появились «московский», «северный» и иные региональные «тексты». Одновременно с конца 1970-х годов утвердилась юридическая точка зрения на город как на объявленное официально и считавшееся современниками городом поселение. Вторым (статистическим) критерием городского поселения стала численность жителей, а третьим — специфическая экономическая деятельность.

В последние годы стали появляться междисциплинарные городо-ведческие модели, основанные на синтезе гуманитарных, естественнонаучных и технических наук. В их числе следует отметить «культурологическое городоведение»³⁶, концепцию «культурно-символического пространства»³⁷, рассмотрение города как «поля диалога»³⁸ и др. С одной стороны, в современной литературе город как система характеризуется внутренней структурированностью, упорядоченностью и иерархичностью. С другой стороны, городская среда представляется многомерным понятием, включающим несколько уровней и организующим пространство городского сообщества.

Можно констатировать, что в изучении городской среды на современном этапе сложился ряд направлений:

- город как объект и субъект урбанизационных процессов, условие и результат урбанизации, понимаемой как составная часть модернизации;
- процесс формирования разнообразных локальных пространств;
- пространственное развитие городов и формирование их селитебной территории;
- городская среда как месторазвитие социально-экономических, культурных и повседневно-бытовых практик горожан и как результат преобразующей деятельности людей;
- образ города и его вписанность в природный ландшафт;
- повседневный быт городских поселений.

³⁶ Глазьев В. Урбанистика М.: Европа: новая площадь, 2008. 220 с.

³⁷ Фокина Т.П. Культурно-символические ресурсы и будущее города: организационный аспект // Города региона: культур.-символ. наследие как гуманитар. ресурс будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15–17 апреля 2003 г. Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 21–25.

³⁸ Яковенко И.Г. Город — разрушитель социокультурного синкретизма // Человек и город: в 2 т. Т. 1. М.: МГВП КОКС, 2000. С. 165–168.

В частности, в книге А.С. Сенявского, посвященной переходу от традиционного сельского общества к городскому, понимание «урбанизированного перехода» как единого процесса со своей внутренней логикой позволило автору рассматривать город как основу урбанизационного процесса. По мнению авторитетного российского ученого, урбанизация обуславливала новое структурирование общества, в которое не успевали «вписаться» «новые горожане»: размыванию традиционных институтов сопутствовала маргинализация населения. В свою очередь, изучение российской урбанизации позволило автору поднять вопрос о сущности советской общественной модели³⁹. Н.Г. Карнишина, рассматривая исторически сложившийся водораздел между столицей и провинцией через понятие «дихотомия», понимаемое как устойчивое существование в рамках единого целого двух равнозначных частей, пишет о стремлении провинции к «самодостаточности»⁴⁰. А.Н. Федоровым губернский город конца XIX — начала XX вв. представлен не только как административный центр, но и как локализованное «жизненное пространство»⁴¹. Автору удалось показать, как революция и Гражданская война привели к «значительной архаизации городской жизни», особенно в промышленно развитых центрах⁴². В коллективном труде сибирских историков обобщены современные поиски междисциплинарных вариантов изучения таких сложных социокультурных феноменов, как советский город и культурно-цивилизационный ландшафт крупных нестолических городов сталинской эпохи⁴³.

³⁹ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. С. 14, 33, 65.

⁴⁰ Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда. Середина 50-х — 80-е гг. XIX в.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 2, 48–49.

⁴¹ Федоров А.Н. Социальные процессы в российском губернском городе в условиях революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.: на материалах Центр. пром. р-на: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 51.

⁴² Там же. С. 137.

⁴³ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурные характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2004. 292 с.

В следующую группу включены работы по истории и социологии повседневности, в которых предметом исследования становится не сама социальная реальность, а формы ее представления в сознании людей. В рамках современной социологии повседневности специально рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений жизни общества, включая зонирование пространства обитания в деловых и «спальных» районах мегаполисов, в общественном и личном транспорте⁴⁴. Историки повседневности также включают производственный быт (в нашем случае это сфера ЖКХ) в сферу повседневного. Таким образом, центральными в анализе повседневности становятся насущные жизненные потребности населения. Среди работ, реконструирующих разные стороны советской (в том числе городской) повседневности 1920–1930-х годов, следует отметить исследование Н.Н. Козловой, С.В. Журавлева, А.К. Соколова, Н.Б. Лебиной, А.Н. Чистикова, Г.В. Андреевского, О.Л. Лейбовича, И.В. Нарского, Ш. Фицпатрик и др.⁴⁵ Например, исследование на примере Москвы социальных экспериментов первого послереволюционного десятилетия позволило А.В. Кобозевой рассматривать культуру городской повседневности в качестве ключа к пониманию процесса формирования советского человека («новый город — новый человек»)⁴⁶.

⁴⁴ Подробнее см.: Гудков Л. «Культура повседневности» в новейших социологических исследованиях. М., 1988. 31 с. (Общие проблемы культуры. Обзорная информация. Вып. I. ГБЛ НИО Информкультура).

⁴⁵ Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Мол. гвардия, 2003. 576 с. (Живая история повседневной жизни человечества.); Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 287–334; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 340 с.; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с. (История сталинизма); Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с. и др.

⁴⁶ Кобозева А.В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия: автореф. дис ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 3, 6.

Работы собственно по истории жилищного и коммунального хозяйства немногочисленны. К примеру, в 1920-е годы авторы больше писали об оживлении различных сторон коммунального хозяйства в годы нэпа⁴⁷. При этом ряд авторов специально подчеркивали публично-правовой характер и общественно-полезное назначение коммунальных предприятий, ограничивавших хозяйственный расчет уровнем самоокупаемости⁴⁸.

В литературе этого времени обращалось внимание на то, что в начальный период нэпа значительное количество поселений (и не только мелких) не имели органов, отвечавших за городское хозяйство. На практике функции управления жилищным и коммунальным хозяйством переносились на уездный и губернский уровни. Но одновременно процессы нэповской самоорганизации привели к появлению на местах органов коммунального хозяйства, не предусмотренных советским законодательством (например, коммунальных старост и уполномоченных, столов и проч.)⁴⁹. Поднимались в литературе тех лет и проблемы коммунального образования населения, включая вопросы социальной гигиены и санитарии⁵⁰. Актуализировался вопрос о судьбе и ведомственной принадлежности оставленного советской властью от «старого режима» «коммунального наследства». Например, за 2 года нахождения Крыма в составе РСФСР Центральное управление курортами Крыма разрушило лучшую гостиницу Балаклавы «Гранд-отель», а в гостинице «Россия» устроило склад «разного хлама». В ялтинской гостинице «Россия», где жильцами было занято всего 60 номеров из 200, мебель была «попорчена», а из гардеробов утащили полки и ящики⁵¹. Помимо

⁴⁷ См., например: *Гальперштейн Б.* Коммунальное хозяйство и Великий Октябрь (1917–1924 гг.) // *Вопр. коммунал. хоз-ва.* 1924. № 4. С. 3–6.

⁴⁸ *Ананов И.* Основные черты коммунальных учреждений // *Коммунал. дело:* ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 53.

⁴⁹ *Гибишман А.* Органы коммунального хозяйства в городах и поселках // Там же. № 2. С. 54.

⁵⁰ *Карпин Н.* О коммунальном воспитании населения // *Правда.* 1921. № 200. 9 сент. С. 1.

⁵¹ См.: Государственный курорт в Крыму // *Коммунал. дело:* ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 2. С. 102; *Петров М.* Курортное дело РСФСР и его организация // Там же. № 3–4. С. 48–50; *Семашко Н.* Правда о всероссийской здравнице // *Правда.* 1921. № 151. 13 июля. С. 1.

общих проблем и задач жилищно-коммунального хозяйства, в литературе периода нэпа внимание обращалось и на недостатки капитального строительства в этой сфере.

В работах же 1930-х годов вопросы улучшения городского хозяйства рассматривались как составная часть плана социалистической реконструкции городов⁵². С 1931 г. в печати началась очередная (в череде кампаний первой пятилетки) борьба за перелом в отношении коммунального хозяйства. Суть «коммунального перелома» виделась прежде всего в сокращении сроков строительства объектов, снижении себестоимости строительных работ и усилении контроля расходования средств⁵³. В рамках «нового поворота» пресса писала не только о недостатках в работе горкомхозов, но и о необходимости их перевода на хозрасчет⁵⁴. В литературе тех лет, помимо общих проблем и задач жилищно-коммунального хозяйства, больше внимания обращалось на низкое качество и дороговизну строительства в этой сфере. Например, вопреки директивам правительства о снижении себестоимости такого строительства в Ленинграде на 17,2% в 1933 г., наоборот, произошло его удорожание на 10%. При этом, однако, качество строительства коммунальных предприятий оставалось «по-прежнему, наиболее слабым и уязвимым местом в работе трестов и строительных организаций»⁵⁵.

⁵² См.: За боевую перестройку коммунального и жилищного хозяйства // *Коммунал. дело:* орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 4. С. 1–3; *Никольский Вл.* К вопросу об архитектурно-художественном оформлении города Ленина // *Коммунал. и жилищ. стр-во:* изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 3. С. 5–6; *Ушаков Н.М.* К итогам Всесоюзной конференции по реконструкции городов // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 3. С. 11–14.

⁵³ См.: *Верещаковский И.* Необходим коренной перелом! // *Коммунал. дело:* орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 2–3. С. 16–19; *Гуров Н.* Коммунальное хозяйство г. Смоленска и его перспективы // Там же. № 1. С. 87–91 и др.

⁵⁴ *Штоцкий Я.* О работе горкомхозов. С. 25–26.

⁵⁵ *Корчагин С.* Важнейшая задача дня // *Коммунал. и жилищ. стр-во:* изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 1. С. 15; *Мясников В.* Выше темпы и качество строительства // Там же. № 4–5. С. 5.

Обращает на себя внимание, что в литературе 1920–1930-х годов не было единого или хотя бы более или менее четкого понимания статуса и значения той или иной отрасли в общей системе городского хозяйства. Как уже отмечалось, в изданиях начала 1930-х годов гостиницы нередко приписывались к разным секторам городского хозяйства⁵⁶. Тем не менее историография 1930-х годов в той или иной степени освещала деятельность отдельных отраслей коммунального хозяйства. Не обходилось, правда, в работах данного периода без откровенных «ляпов». Например, в одном из изданий в главе, посвященной гостиницам Новосибирска, были приведены в качестве действовавших адреса уже не существовавших дореволюционных гостиниц города⁵⁷.

Сегодня развитие инфраструктуры, жилищного и коммунального хозяйства советских городов под влиянием урбанизации привлекает внимание как историков-урбанистов⁵⁸, так и специалистов по исторической демографии⁵⁹. Более того, в последние годы развитие ЖКХ все чаще рассматривается в тесной взаимосвязи с эволюцией городской среды вообще. В частности, И.В. Утехин предложил оригинальную реконструкцию мировосприятия обитателей коммуналок конца советской эпохи, с их понятиями о социальной справедливости и определенным поведением⁶⁰. В 2005 г. был издан обобщающий труд «История города. Новониколаевск — Новосибирск: ист. очерки», две главы которого посвящены городскому коммунальному и домаш-

⁵⁶ См., например: *Нейбах И.* На борьбу за план 1933 года // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 1; *Перкон П.* В ногу с темпами индустриализации. Уроки и перспективы коммунального и жилищного строительства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 4. С. 28–33; *Рыскулов Т.Р.* Коммунальное хозяйство на новом подъеме // Там же. № 2–3. С. 2–8.

⁵⁷ Социалистическая реконструкция Новосибирска. М.: Власть Советов, 1936. 168 с. См. рецензию на эту кн.: Социалист. город. 1937. № 2. С. 37–38.

⁵⁸ *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке...

⁵⁹ *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

⁶⁰ *Утехин И.В.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001. 248 с.

нему хозяйству⁶¹. Основные проблемы жилищной политики советского государства довоенных десятилетий подробно раскрываются в работах М.Г. Мееровича⁶². Историография гостиничной сферы представлена, главным образом, исследованиями истории отдельных отелей и гостиниц⁶³. Вопросы истории гостиничного хозяйства Советской России 1920-х годов частично затронуты в диссертационном исследовании А.В. Савельева, посвященном особенностям развития ресторанного дела периода нэпа⁶⁴. И наконец, подробно перипетии формирования гостиничного хозяйства СССР в первые послеоктябрьские десятилетия анализируются в кандидатской диссертации Е.И. Корнеевой⁶⁵. Нашла свое отражение в современной научной литературе и история городского транспорта⁶⁶.

⁶¹ См.: История города. Новониколаевск — Новосибирск: ист. очерки: в 2 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2005–2006.

⁶² *Меерович М.Г.* Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации в архитектурном проектировании. 1917–1941 гг. Изд-во ИрГТУ, 2003. 217 с.; *Его же.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 303 с. (История сталинизма).

⁶³ См., например: *Аверьянов Б.И.* Путь к звездам отеля. Сочи; М.: [б.и.], 2000. 231 с.; *Аннинский Л.* Государственный стиль // Родина. 1995. № 11; *Богданов И.А.* Старейшие гостиницы Петербурга. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 336 с. (Три века Петербурга.); *Ковалевский В.* Душа деянием жива. СПб.: Посох, 1999. 208 с.

⁶⁴ *Савельев А.В.* Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.

⁶⁵ *Корнеева Е.И.* Советское гостиничное хозяйство в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 190 с.

⁶⁶ *Егоров М.В., Шибаев Д.Б.* История московского автобуса. М.: Мосгортранс, 2004. 296 с.; *Иванов М.Д., Кирсанов А.И., Розалиев В.В.* История московского трамвая (1899–2009). М.: ЗАО «Медиа-Бюро», 2009. 302 с.; *Нойтатиц Д.* Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013. 818 с.; История московской конки [Электронный ресурс] / материал подгот. по тексту кн.: *Тархов С.А.* Городской пассажирский транспорт. Краткий исторический очерк к 125-летию возникновения. М.: б.и., 1997. 112 с. // Мосгортранс: сайт. URL: <http://www.mosgortrans.ru/transport/history/moscow-tram/istoriya-moskovskoi-konki/>.

Этот, пусть и краткий, историографический обзор позволяет не только увидеть исследовательский интерес к рассматриваемой в книге проблематике, но и понять, что комплексная история советского ЖКХ до последнего времени не стала предметом специального исследовательского интереса. При расширенном внимании к жилищной политике и коммунальному общежитию, банной культуре, гостиницам и транспорту межвоенного периода из исследовательского фокуса практически выпали такие «непривлекательные» отрасли ЖКХ, как канализация, городское благоустройство, кладбища и т.п. Этот пробел мы попытаемся восполнить в предлагаемой вниманию читателя работе.

Общие проблемы складывания коммунального хозяйства в межвоенный период

Люди с кадетскими мозгами и заячьей душой изо дня в день долбят о том, что мы не справимся с городским хозяйством из-за отсутствия средств, которых мы-де лишились, оказавшись отрезанными от мирового кредита¹.

Одним из важнейших факторов формирования советского ЖКХ после прихода большевиков к власти был *исходный уровень развития городского хозяйства в дореволюционный период*. В первом десятилетии XX в. в 1063 городах и поселках городского типа (с населением свыше 10 тыс. жителей) Российской империи водопроводы общего пользования были только в 219 населенных пунктах (20,6% от общего их числа), при этом каждый пятый из них не имел правильного водоснабжения. В 11 городах работала сплавная канализация общего пользования, в двух городах были канализационные устройства для отвода нечистот и атмосферных осадков, и в шести городах сооружение канализации было только начато, т.е. канализация была или устраивалась в 19 городах (1% при учете действовавших и 1,8% с учетом строившихся). Из остальных городов нечистоты вывозились, причем количество вывозимых нечистот колебалось в пределах 5–20%, прочее оставалось в почве или спускалось в открытые водоемы. Из 114 городских поселений нечистоты вообще не вывозились. Муниципальные ассенизационные обозы имелись только в 84 городах (около 8%). Почти в по-

---

¹ Смирнов М. Коммунальное хозяйство в пятилетнем плане // Коммунал. хоз-во. 1929. № 9–10. С. 5.

ловине населенных мест не существовало мощеных улиц, а в трети за мощение не превышало 25% протяженности улиц и снижалось в ряде случаев до 0,5% площади населенных пунктов. Электростанции до революции работали всего в 61 городе. По разным сведениям, 12–15% населенных пунктов не имели наружного освещения, а в 70% городов, имевших искусственное освещение, оно было преимущественно керосиновым. При этом газовое освещение было в 104 городах (около 10%), а электрическое — в 134 (13%). В двух третях городов на каждый фонарь приходилось от 500 до 6000 саженей² улицы, т.е. города (особенно их окраины) были обречены на полутемное существование. Средства сообщения находились «в зачаточной стадии развития»: трамваи разного рода были лишь в 35–42 городах (3,3–4% всех поселений), а автобусного сообщения «почти не было»³.

В отсутствие водопровода население вынуждено было пить «собственные нечистоты», что порождало эпидемии и массовую смертность. Например, в 1908–1910 гг. в Москве умирало 28,1 человека на 1 тыс. жителей, в Туле — 28,5, Архангельске — 31,7, Пензе — 33,0, Екатеринодаре — 37,3, Твери — 39,7, Омске — 41,6, Нижнем Новгороде — 42,9, Костроме — 43,4 (смертность на уровне африканских и азиатских городов). Подобная ситуация во многом объяснялась скудностью финансовых средств: 40% поселений имели годовой бюджет не более 25 тыс. руб. на город, 37% — не более 100 тыс., и только наиболее крупные города имели бюджет, обеспечивавший «проведение элементарных требований городского благоустройства». При этом около двух пятых бюджета городов расходовалось на содержание правительственных органов. В целом расходы на благоустройство городов (26,1 млн руб.) составляли, к примеру, лишь около половины расходов на содержание Синода (44,2 млн руб.)⁴.

² Сажень — 213,36 см. Вышла из употребления с введением в 1924 г. метрической системы мер.

³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 35. Л. 1; *Петров М.* Благоустройство населенных мест и его задачи // Коммунал. хоз-во. 1921. № 7. С. 10; По большевистски организуем работу над второй пятилеткой социалистической реконструкции городов // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 3–4. С. 4; У нас и у них // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. съезда работников коммунал. хоз-ва. 1932. № 24. С. 3.

⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–3.

Первая мировая война совершенно разрушила коммунальное хозяйство российских городов, а после Февраля 1917 г. коммунальные предприятия страны находились в тяжелом финансовом положении. Например, из записей в журнале Белебеевской городской думы Уфимской губернии за 5 октября 1917 г. видно, что городу, кроме ряда общественных зданий, принадлежала только скотобойня. Даже на благоустройство православного кладбища 727 руб. 35 коп. были выделены частными лицами⁵. В докладе финансовой комиссии, внесенном в Бугскую городскую думу той же Уфимской губернии, отмечалось, что расходы по коммунальным предприятиям в 2 раза превышают доходы⁶. В Петрограде и Москве положение, с одной стороны, было несколько лучше. Так, в 1917 г. прочно вошел в повседневную жизнь телефон, хотя ежемесячная оплата была немаленькой: с декабря 1916 г. в Петрограде — 65 руб. за телефон семейного пользования, 100 — за телефон для коллективного (в коридоре) и 150 — для общего пользования. Был даже развит сервис по телефону, в частности вызов такси⁷.

Впрочем, и в Петрограде в начале 1918 г. топливное (нехватка угля) и финансовое положение городского хозяйства было катастрофическим: эксперты говорили о «форменном крахе городского хозяйства» с дефицитом свыше 100 млн руб. К середине января задолженность по зарплате служащим водопровода, сиротных домов, электрических обществ и прочих предприятий достигла 10 млн руб., а на содержание всех городских предприятий (дрова и проч.) не хватало 20 млн руб. «Катастрофическое расстройство городских финансов» объяснялось в значительной степени тем, что городские предприятия (железная дорога, водопровод и проч.), которые служили главным источником городских доходов (около 50% доходности), в 1917 г. приносили городу весьма значительные убытки. Заведующий Петроградским городским отделом Наркомата местного самоуправления РСФСР был вынужден обратиться в Особое междуведомственное совещание по

⁵ Там же. Ф. Р-9475. Оп. 1. Д. 79. Л. 5–6.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 117.

земствам (в составе В.Е. Трутовского⁸ и В.Р. Менжинского⁹ под председательством А.П. Смирнова¹⁰) по предоставлению ссуд и займов городам с просьбой выделить заем в размере 20 млн руб. 18 января 1918 г. совещание утвердило эту сумму под 8% годовых, а городской совет санкционировал заем¹¹.

В провинции после революции финансовое положение местных коммунальных органов было еще хуже, чем в Петрограде и Москве.

⁸ Трутовский Владимир Евгеньевич (1889, Константиноград Полтавской губернии — 04.10.1937, Москва) — один из организаторов партии левых социал-революционеров (ПЛСР) и член ее ЦК, народный комиссар местного самоуправления РСФСР с декабря 1917 г. по март 1918 г. В июле 1918 г. принимал участие в левозерновском мятеже. Несмотря на преследования и ссылки до 1926 г. руководил нелегальной деятельностью ПЛСР. После 1926 г. находился в ссылке в Краснококшайске, Шадринске, Оренбурге и Алма-Ате, где работал экономистом. Арестован 7 февраля 1937 г., 4 октября приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян. Реабилитирован в августе 1992 г.

⁹ Менжинский Вячеслав Рудольфович (19(31).08.1874, Санкт-Петербург — 10.05.1934, Архангельское Московской области) — советский партийный деятель, чекист, член РСДРП с 1902 г. После прихода к власти большевиков — комиссар ВРК в Госбанке и заместитель наркома финансов. В январе — марте 1918 г. — нарком финансов. Затем руководил уголовным сектором Комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны и активно участвовал в работе Петроградской ЧК. В 1919 г. — нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины, в 1920—1922 гг. — начальник Особого отдела и Секретно-оперативного управления ВЧК. С 1923 г. — первый заместитель председателя ОГПУ, в 1926—1934 гг. — председатель ОГПУ.

¹⁰ Смирнов Александр Петрович (27.08 (09.09) 1877, дер. Никола Васильевской волости Тверской губернии — 10.02.1938, Москва) — советский государственный и партийный деятель, член партии с 1896 г. С 1917 г. — член коллегии НКВД, с 1918 г. — заместитель наркома по внутренним делам, с 1919 г. — заместитель наркома продовольствия, с 1923 г. — нарком земледелия РСФСР, одновременно в 1924—1928 гг. — генеральный секретарь Крестьянского интернационала. В 1928—1930 гг. — первый заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—1931 гг. — член Президиума ВСНХ СССР, в 1931—1933 гг. — председатель Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР. В 1933 г. выведен из ЦК партии, в 1934 г. исключен из партии. В марте 1937 г. арестован и 8 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу, 10 февраля расстрелян. В 1958 г. реабилитирован, в 1960 г. восстановлен в партии.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9475. Оп. 1. Д. 71. Л. 2—2об., 5, 17—18, 20.

Журнал докладов, заслушанных на заседаниях Тамбовской городской думы за 23 января — 13 февраля 1918 г., содержал в основном вопросы аренды помещений, кредитов и займов, налогов и торговли и очень мало информации собственно о коммунальном хозяйстве. К примеру, при рассмотрении вопроса о дополнительных правилах пользования электроэнергией выяснилось, что в начале 1918 г. счета тотчас по их предъявлении оплачивала примерно половина абонентов, а остальные или использовали 14-дневный (льготный) срок, или не оплачивали электроэнергию по 1,5—2 мес. За это время абонент мог переехать в другую квартиру или вообще уехать из города. Таких «безнадежных» счетов за 1914—1916 гг. скопилось на сумму 5 тыс. руб., а в 1917 г. сумма увеличилась. В связи с этим Дума предложила брать с абонентов задаток в зависимости от числа ламп накаливания¹². Еще одной проблемой для тамбовских жителей (впрочем, типичной в первые месяцы после Октябрьского переворота и для других городов) стало повышение платы за работу ассенизационного обоза, ежедневный дефицит от деятельности которого достигал 2,2 тыс. руб. Ожидалось, что дефицит еще больше вырастет в связи с заменой 113 военнопленных русскими рабочими. Поэтому городская дума предложила увеличить плату за дневную бочку с 3 до 4,5 руб., а за ночную — с 3,5 до 5 руб.¹³

Что говорить об общей разрухе в сфере коммунального хозяйства после Октября 1917 г.! Вот типичный пример: в Витебске обнаружилось, что электрическая станция, трамвай, водопровод и прочие предприятия «эксплуатировались с точки зрения наибольшей наживы и наименьшей затраты средств на их поддержание», и эти предприятия оказались в полуразрушенном состоянии. В годы Гражданской войны ввиду отсутствия топлива сады и скверы оказались лишены изгородей, заборов и скамей, а мостовые, тротуары, мостики и каналы находились в «весьма плохом состоянии». В ассенизационном обозе из-за нехватки кормов вместо 50 осталось всего 15 лошадей, а инвентарь был «полуразрушен». Топливный отдел «влачил жалкое существование» и только раздражал население, «у которого было очень мно-

¹² Там же. Д. 43. Л. 28—28об.

¹³ Там же. Л. 30об.

го дровяных карточек, но очень мало дров». Электрическая станция трамвая, построенная в конце XIX в., стала после революции частично освещать город, хотя находилась в «тяжелом положении» и требовала капитального ремонта. Трамвайное движение прекратилось к октябрю 1919 г., так как почти все вагоны были разбиты. Водопровод постройки 1890-х годов работал плохо: магистрали требовали ремонта, трубы в домах протекали, машины на водокачке износились, а один из электромоторов был сожжен¹⁴.

Впрочем, уже в первые месяцы 1920 г. в Витебске начали ремонт городских предприятий и работы по благоустройству. Приводились в «надлежащее состояние» сады и скверы, были починены мосты и мостики, перемасивались мостовые, наладилась очистка улиц путем вывоза мусора на трамвайных площадках. Удалось увеличить ассенизационный обоз до 45 лошадей и отремонтировать часть инвентаря. Началось переоборудование под электрическую подстанцию здания бывшей картонной фабрики. Пустили в движение 7–8 трамвайных вагонов, с помощью которых в этом году перевезли, не считая населения, 60 тыс. больных и раненых красноармейцев и более 1 млн кирпичей для железнодорожных построек. Для водопровода удалось приобрести в Харькове новую динамо-машину, отремонтировать локомотив и электромотор, привести в порядок магистрали и водопроводы в домах, отремонтировать девять артезианских колодцев¹⁵. Но, судя по архивным документам и публикациям в прессе, оживление ЖКХ в 1920 г. не было характерной чертой для всех регионов РСФСР.

Вторым фактором, определяющим функционирование советского ЖКХ в рассматриваемый период, стала *организационная и структурная перестройка сферы управления данной отраслью*. После Октября 1917 г. в течение некоторого времени, как мы видели выше, продолжали действовать органы городского и земского самоуправления, деятельность которых в масштабах страны координировал Комиссариат местного самоуправления¹⁶. Однако 20 марта 1918 г. он был

¹⁴ Там же. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 43. Л. 16–18.

¹⁵ Там же. Л. 19–20.

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительств. 1917. № 10. Ст. 153.

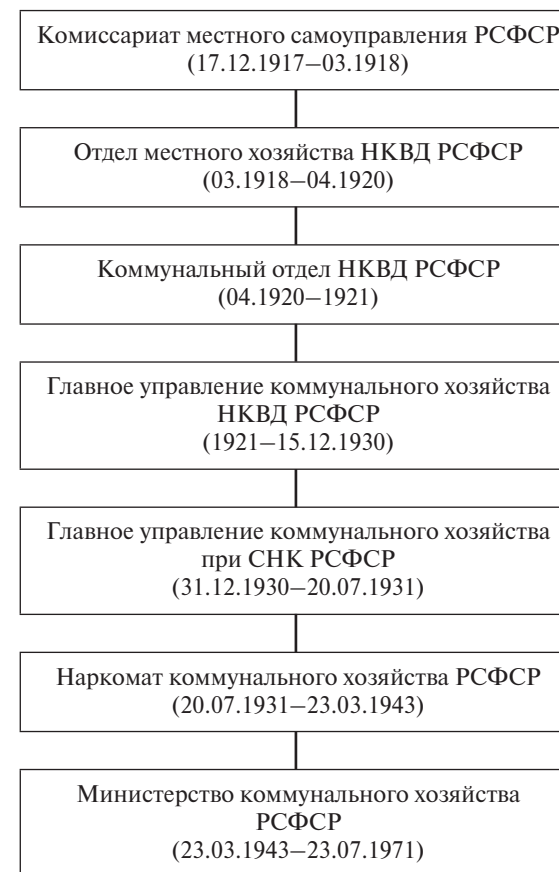

Рис. 1.1. Система управления ЖКХ РСФСР

ликвидирован, а функции руководства коммунальным хозяйством были переданы Наркомату внутренних дел (рис. 1.1). Одновременно с ликвидацией земств и городских дум ликвидировались отделы земского и городского хозяйства. На местах эти функции возлагались на учрежденные при городских и районных (а также губернских и уездных) исполкомах Советов отделы коммунального хозяйства, которые

подчинялись Отделу местного хозяйства НКВД, переименованному в 1920 г. в Коммунальный отдел¹⁷.

Как уже говорилось, архивные документы показывают полный развал сферы ЖКХ в период революции и Гражданской войны. После 6 лет войны и частых реорганизаций коммунальное хозяйство оказалось в худшем состоянии, чем до революции. Так, из протоколов заседаний 2-го Новгородского губернского съезда работников коммунального хозяйства, проходившего в мае 1921 г., узнаём, что с момента образования в апреле 1919 г. Устюженского отдела городского коммунального хозяйства до съезда «вся работа комгорхоза сводилась к нулю». Двухлетняя деятельность отдела ограничивалась учетом городских квартир и движимого имущества. (Сразу приходит на ум известная ленинская концепция социализма как прежде всего учета и контроля. — *Авт.*) А созданный подотдел благоустройства вообще «не успел проявить свою деятельность»: им были составлены только планы постройки бани и столярной мастерской, а также организации ассенизационного обоза. Столь печальное состояние дел местные власти объясняли частой сменой руководства и (традиционно) полным отсутствием средств¹⁸. Из доклада о состоянии Архангельского отдела коммунального хозяйства на II Всероссийском съезде заведующих отделами коммунального хозяйства 10 октября 1920 г. следует, что отдел в Архангельске был создан 1 апреля 1920 г. За полгода существования накопился целый ворох проблем: отсутствие технического транспорта, специалистов и кредита, наличие в структуре только секретариата со штатом, составленным из трех сотрудников. Ситуация осложнялась тем, что «основные положения в отрасли комхозов» предусматривали для каждой местности Советской Республики «самостоятельное разрешение применительно к местным условиям». В итоге отдел только спустя несколько месяцев

¹⁷ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 353. Л. 12–22; Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967): справочник. М.: ЦГА РСФСР, 1971. С. 389; *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР. 1917–1936 гг.: учеб. пособие. М.: Госполитиздат, 1962. С. 381–384; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1920. № 66. Ст. 295.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–4об.

после образования приступил к сбору сведений о коммунальном хозяйстве¹⁹.

Когда в конце 1919 г. в Витебске был избран новый городской совет, в Отдел городского хозяйства были направлены 5 человек. Но трое отказались, а еще один через пару недель был отозван на военную работу; остался на посту только заведующий отделом городского хозяйства. Зато на бумаге к началу 1920 г. Отдел городского хозяйства состоял из следующих подотделов: жилищно-земельного, конфискованных домов, благоустройства, ассенизационного обоза, топливного, трамвая и электричества, водопровода, пожарного, телефонной сети, мастерских, похоронного, адресного стола, бухгалтерии, секретариата. Правда, пожарный подотдел в начале 1920 г. был передан в страховой отдел губернского совнархоза, телефонная сеть — отделу наркомата связи, мастерские — в Витебское единое потребительское общество (ЕПО), топливный подотдел — губтопу²⁰. Но работа оставшихся подотделов была налажена плохо.

Впрочем, судя по документам региональных отделов коммунального хозяйства, это было типичной чертой ЖКХ тех лет. К примеру, Вологодский губернский коммунальный отдел был создан 1 ноября 1920 г., но начал работать только 25 ноября. Помимо организационных мероприятий, отдел был в большей степени занят текущей работой: с 25 ноября 1920 г. по 1 января 1921 г. им было получено 109 входящих бумаг и отправлено 192 исходящих. И это неудивительно, учитывая, что отдел состоял только из заведующего и его заместителя²¹.

Тем не менее сотрясавшие ЖКХ постоянные реорганизации не всегда приводили к отрицательному результату. Так, реальная работа Тамбовского уездного коммуналдела началась в апреле 1919 г. именно после слияния уездного и городского исполкомов²². Реорганизация в 1920 г. Витебского отгорхоза привела к сокращению коллегий в подотделах и бюрократического аппарата вообще, а также к образованию новой структуры отдела. В его состав вошли всего три подот-

¹⁹ Там же. Д. 40. Л. 67.

²⁰ Там же. Д. 43. Л. 16, 18.

²¹ Там же. Д. 46. Л. 5, 5об., 6.

²² Там же. Д. 17. Л. 1.

дела, включавшие отделения²³: хозяйственный (административно-хозяйственное, жилищно-земельное, санитарного благоустройства и снабжения), технический (технической канцелярии, технического благоустройства города, городского строительства, трамвая и электрического освещения, водоснабжения с канализацией) и финансовый (главного счетоводства, контрольного, кассового и расчетного). Тем самым все технические силы объединились, что обеспечило возможность их переброски, а все подотделы сосредоточились в одном помещении²⁴.

На исходе Гражданской войны инерция революционной инициативы способствовала складыванию в коммунальном хозяйстве специфических форм самоуправления. Например, в Архангельске 24 августа 1920 г. на заседании президиума Архангельского уездного горисполкома было утверждено Положение о домовых комитетах бедноты. Домовые комитеты были «местными органами самоуправления, обслуживающими административно-хозяйственные нужды группы (коллектива) граждан города, проживающих в одном или нескольких смежных домах» (100–150 человек, включая несовершеннолетних). Они подчинялись районным комитетам (в пределах района), а те, в свою очередь, Центральному комитету Архангельска, который находился в подчинении Отдела управления уездного горисполкома. Члены домовых комитетов работали безвозмездно, но пользовались правом «премиального вознаграждения натурой», как за сверхурочную работу, т.е. 2 ч в день по норме губернского продовольственного комитета по особым карточкам. Члены районных комитетов работали, как и члены домкомов, а члены Центрального комитета освобождались от основной деятельности, но без сохранения содержания — за «особое установленное вознаграждение»²⁵. В свою очередь, — для городов Владимирской губернии в конце сентября 1920 г. была принята инструкция об реорганизации уличных комитетов, которые не справились с возложенными на них обязанностями «по обслуживанию потребностей городского населения и по содействию советским органам власти в выполнении ими своих задач». Вместо уличных комитетов

²³ Те, в свою очередь, были разделены на столы и делопроизводства.

²⁴ Там же. Д. 43. Л. 20–21.

²⁵ Там же. Д. 40. Л. 61–62об.

создавались районные комитеты (на 2,5–3 тыс. жителей), которые действовали под надзором отделов управления²⁶.

Впрочем, переход от войны к миру, от военного коммунизма к нэпу проходил далеко не гладко, демонстрируя примеры и негативной самоорганизации населения. К примеру, материалы Ставропольского губернского исполкома за 1921 г. содержат информацию о «сознательном» разрушении телеграфных линий и хищениях проводов и столбов местным населением, о разборке мостов, с которых свинчивались болты, и уничтожении дорожных знаков²⁷.

Постоянный поиск направлений деятельности и организационных структур управления коммунальным хозяйством выразился в одновременном существовании в 1917–1925 гг. при райисполкомах Москвы и ряда городов сразу нескольких отделов, имевших сходные функции. Процесс функционального размежевания вызвал ряд структурных изменений, включая реорганизацию в 1921 г. Коммунального отдела НКВД в Главное управление коммунального хозяйства, в компетенцию которого входили вопросы жилищного хозяйства и дорожного дела, эксплуатации и управления коммунальными предприятиями и городскими строениями²⁸. Юридически новая структура наркомата была закреплена Положением о НКВД, утвержденным ВЦИК и СНК РСФСР 24 мая 1922 г.²⁹

Однако факты свидетельствуют о весьма ограниченных управленческих возможностях Главного управления, которое не только не имело особой статьи в смете НКВД, но даже не выделялось в отдельные пункты в пределах сметы. Только в одном случае в смету НКВД были внесены 27 тыс. руб. на работы Научно-технического совета Главного управления, но на бюджетном совещании вычеркнули и эту незначительную сумму³⁰. Впрочем, снижение расходов на коммунальное

²⁶ Там же. Д. 44. Л. 45.

²⁷ Булыгина Т.А. Опыт поиска источников по истории современности городских и сельских жителей Ставрополя // Новая локал. история: сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь; М.: [б.и.], 2009. С. 46.

²⁸ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1в. Л. 124.

²⁹ См.: МВД России: сайт // <https://mvd.ru>.

³⁰ Бюджет Главного управления коммунального хозяйства // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 1. С. 45.

хозяйство в 1923 г. (особенно на содержание коммунальных зданий) было характерно для бюджетов не только губернских (за исключением Минска, Нижнего Новгорода и Витебска), но и уездных городов³¹.

Тем не менее новая страница в истории коммунального хозяйства была открыта именно с окончанием Гражданской войны, в том числе в связи с переходом к платности услуг ЖКХ. При этом в разные периоды на первый план выходили те или иные отрасли, демонстрируя довольно подвижную иерархию внутри жилищно-коммунального комплекса. Опираясь на отчет о работе Брянского губернского отдела коммунального хозяйства за период с 1 декабря 1921 г. по 1 октября 1922 г., можно реконструировать главные задачи в области коммунального хозяйства в 1921–1923 гг.: переход от содержания коммунальных дел на общегосударственные средства к местному финансированию, приведение в исправное состояние муниципальных зданий и домов, снабжение жилищами рабочих и служащих и «общее упорядочение всего дела» муниципализации³². Расширенное заседание ЦК партии в сентябре 1922 г. зафиксировало процесс собирания предприятий коммунального хозяйства в единое целое, а в области жилищной политики — «крупную ремонтную работу» по восстановлению жилой площади³³.

Думается, что победный тон партийных реляций во многом обусловливался подобной отчетностью с мест, хотя и с ней не все обстояло однозначно. Например, на заседании Вологодского губернского съезда коммунальных работников 6 октября 1922 г. заведующий отделом коммунального хозяйства Шаршавин докладывал, что «проделана крупная работа»³⁴. И это притом, что Дорожно-транспортному отделу «пока не пришлось деятельно приступить к своим работам». В силу того, что транспорт был «только что принят» на баланс, по этому вопросу докладчик ничего определенного сказать не смог. Так как других предприятий, кроме кузницы, в подчинении отдела не было,

³¹ Бельский М. Городское хозяйство прежде и теперь // Там же. № 2. С. 7–21.

³² ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

³³ Г.А. Расширенное заседание Президиума ЦК (особое совещание с представителями мест, ГУКХ и ответственными работниками ЦК 15/IX-22 г.) // Коммунал. работник. 1922. № 4 (81). С. 18–19.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 46. Л. 53.

его деятельность свелась в основном к бумажной работе, мелкому ремонту, муниципализации жилья и работе Похоронного отдела³⁵. Весь 1921 г. Вологодский городской коммунальный отдел занимался ремонтом муниципализированных домов, мостов и мостовых, в основном подрядным способом. Из 308 муниципальных домов 232 были сданы в хозяйственное управление учреждениям, партийным и профсоюзным организациям и частным гражданам, и поэтому «доходных статей... не представляли». Постройка новых домов «почти не производилась», хотя потребность в жилищах была «очень велика». Кладбища, за исключением Горбачевского, были сданы в аренду общинам. А общее санитарное состояние города «заставляло желать лучшего»³⁶.

Из материалов III съезда Всероссийского союза работников коммунального хозяйства, направленных в союз Владимирским губкомхозом 2 декабря 1921 г., можно сделать вывод, что работы по ремонту мостов, площадей и тротуаров, устройству и расширению зеленых насаждений в городе «были произведены в незначительном размере» ввиду нехватки материалов и рабочих рук, а также первоочередной необходимости ремонта жилых и нежилых помещений³⁷. В отчете Витебского губернского коммунального отдела за 1921 г. красной нитью проходило «бессилие» некоторых подотделов губернского коммунального отдела, равно как и уездных коммунальных отделов, «побороть созданные жизнью неблагоприятные условия». Особо отмечались «слабые стороны их деятельности в области жилищной политики и, отчасти, благоустройства». Впрочем, если в городах Витебской губернии дороги были в ухабах, «улицы зияли провалами, дома разрушались и грозили раздавить прохожих под своими развалинами», то авторы отчета винили в этом не коммунальных работников, а объективные обстоятельства: отсутствие средств, материалов, транспорта, опытных работников и вообще рабочих рук. Было очевидно, что коммунальное хозяйство, «расстроенное сначала войной, а затем политикой бесплатности коммунальных услуг»³⁸, требовало прежде всего серьезных финансовых вливаний.

³⁵ Там же. Л. 53об., 54.

³⁶ Там же. Л. 94об., 95.

³⁷ Там же. Д. 44. Л. 272.

³⁸ Там же. Д. 43. Л. 39.

При этом в декабре 1922 г. IV съезд Всероссийского союза работников коммунального хозяйства в своей резолюции признал, что основной причиной, тормозящей развитие коммунального хозяйства, являлось отсутствие у него финансовой самостоятельности³⁹. В свою очередь, делегаты IV Съезда заведующих отделами коммунального хозяйства СССР в начале 1923 г. выступили против проводимого Наркоматом финансов принципа «единства кассы», подрывающего основы коммунального хозяйства. Отстаивая право коммунальных органов непосредственно распоряжаться своими доходами, съезд в своих решениях поставил вопрос о переводе отрасли на хозрасчет и трестировании коммунальных предприятий⁴⁰. Заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Болдырев⁴¹ в своей докладной записке «По вопросу финансирования мероприятий по восстановлению коммунального хозяйства РСФСР» от 25 июля 1924 г. сделал неутешительный вывод: «Без преувеличения, коммунальное хозяйство загнано в тупик, из которого оно само выбраться не может»⁴².

Еще одним бичом коммунального хозяйства в годы нэпа стало широко распространившееся взяточничество. Впрочем, из секретной записки руководства Петроградской ЧК на имя Г.Е. Зиновьева видно, что в «колыбели революции» уже в 1920 г. «брались взятки всеми инженерами при подрядных работах во всех отделах Исполкома, где только существовал подрядный способ производства ремонтных работ. Брали взятки от конбазчиков в транспортном отделе Петрогубкоммунны, брали взятки в отделе благоустройства от подрядчиков. <...> Нет такого учреждения, где бы не чувствовалось взяточничество»⁴³. Заведу-

³⁹ 4-й Всероссийский съезд Союза РКХ (6–10.12.1922 г.) // Коммунал. работник. 1923. № 1 (85). С. 16.

⁴⁰ *Земблюхтер М.* Итоги 4-го съезда заведующих коммунальным хозяйством СССР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 4–5.

⁴¹ Болдырев Михаил Федорович (10.1894, с. Архангельские Борки Задонского уезда Воронежской губернии — 25.02.1939, Москва) — государственный деятель. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1924–1928 гг. — секретарь СНК СССР, в 1937–1938 гг. — народный комиссар здравоохранения СССР. Арестован 16 июля 1938 г., осужден и расстрелян 25 февраля 1939 г. Реабилитирован после 1955 г.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 24. Л. 23.

⁴³ Цит. по: *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. С. 51.

ющий Петроградским губернским отделом коммунального хозяйства Н.И. Иванов не сомневался, что «взяточничество имеет хорошую жатву» в ведомстве. Ответственные руководители крупных отделов откомхоза ежедневно докладывали о всевозможных предложениях, являвшихся на деле скрытой взяткой. Например, предлагали овес при условии, что начальник отдела возьмет в свою пользу определенный процент. Или по дешевке предлагали материал, принадлежавший, как оказалось, отделу коммунального хозяйства. Намекали на благодарность за предоставление мебели, содействие в аренде помещений и т.п.⁴⁴

Познакомившись со списком лиц, уволенных из губернских учреждений ведомства НКВД и преданных суду (1922–1923 гг.), можно увидеть, что взяточничество и казнокрадство были распространены среди сотрудников коммунальных отделов разных регионов РСФСР. Например, 30 марта 1922 г. в Псковский губернский народный суд из ГПУ было передано дело члена правления Коммунторга при губернском коммунотделе К.И. Будынникова, обвиненного в «злоупотреблениях по службе». 23 января 1923 г. прокуратура Смоленска возбудила дело по обвинению во взятке техника губернского коммунотдела П.И. Иванова. За вымогательство был уволен смотритель Торопецкого комхоза М.П. Павлов. Был лишен должности и попал под следствие заведующий жилищным отделом Порховского комхоза В.С. Семенов за «укрывательство в течении 4 месяцев подложных договоров и лиц, совершивших подлог». За подделку договоров были уволены управделами Порховского уездного комхоза И.В. Васильев и заведующая читальней при клубе комхоза г. Порхова М. Кудрявцева. В «бесхозяйственном расходовании и преступной сдаче жилых и торговых помещений» был обвинен секретарь месткома коммунальных работников г. Юрьева А.П. Рейман⁴⁵. Заведующий пожарным подотделом комхоза г. Устюга П.О. Рогачевский был осужден за взяточничество⁴⁶.

Одним из критериев развития ЖКХ было соотношение между количеством городов и численностью населения, с одной стороны, и числом обслуживавших их предприятий — с другой. К середине

⁴⁴ *К.С.* В городском хозяйстве. Беседа с т. Н.И. Ивановым (заведующий Губкоткомхозом) // Петрогр. правда. 1922. № 223. 3 окт. С. 3.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9475. Оп. 1. Д. 7. Л. 42–43об.

⁴⁶ Там же. Д. 8. Л. 98.

1920-х годов это соотношение было нарушено в пользу городов южной части Европейской России. На втором месте по этому показателю (кроме канализации) находились центральная часть, Поволжье и восточная часть Европейской России. В худшем положении находились города Севера Европейской России (кроме канализации), Сибири и Средней Азии⁴⁷.

Год от года росла диспропорция между формами заведования коммунальными предприятиями (сметной, хозрасчетной и арендной). Так, число арендованных предприятий (типографий, хлебопекарен и кирпичных заводов) в 1928 г. составляло всего 11% и снижалось год от года. Быстро уменьшалось и число сметных, зато постоянно увеличивалось количество трестированных предприятий⁴⁸. К началу 1928 г. в РСФСР было 270 коммунальных трестов, включавших 1141 предприятие. С учетом так называемого неоформленного хозрасчета число трестированных предприятий отрасли достигало 70%. Но состав трестов был «крайне пестр»⁴⁹, а рентабельность невелика — в среднем 2,8%. Это ставило в повестку дня вопрос о необходимости привлечения средств в коммунальное хозяйство, в том числе и «с иностранного рынка»⁵⁰.

Из числившихся в городах РСФСР к 1928 г. 3276 предприятий 2164 относились к предприятиям общего пользования. По «отрасле-

⁴⁷ Морозов А. Водопроводы и канализация в городах РСФСР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 23–24. С. 13.

⁴⁸ Согласно Положению о коммунальных трестах, утвержденному Совнаркомом СССР 23 октября 1928 г., тресты учреждались как самостоятельные хозяйственные единицы, имевшие права юридического лица с неделимым на паи капиталом и действовавшие на началах хозяйственного расчета.

⁴⁹ К примеру, в 1924–1925 гг. в состав образованного в Екатеринбурге Коммунального треста входили: автотранспортное предприятие, ассенизационный и ломовой обозы, скотобойня, баня, пять гостиниц, шесть парикмахерских, слесарно-механические и столярно-обойные мастерские, похоронное бюро, торфяники, центральный склад, расклейка афиш и купальня (см.: *Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г.* Коммунальное хозяйство [Электронный ресурс] // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург: EdwART, 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ekaterinburg/251/КОММУНАЛЬНОЕ>).

⁵⁰ Сиринов М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы // Коммунал. хоз-во. 1929. № 3–4. С. 7, 9.

вому» последние делились на следующие группы по мере убывания численности: боен — 402, бань — 400, электростанций — 393, водопроводов — 248, гостиниц — 174, мельниц — 131, ассенизационных обозов — 96, переправ — 54, общественных весов — 49, трамваев — 26, автобусов — 25, канализаций — 21, похоронных бюро — 10, разных заводов — 134. Кроме того, в ведении комхозов находились 1112 подсобных и производственных предприятий (кожевенных, кирпичных и лесопильных заводов, хлебопекарен, типографий и проч.). Из 2164 предприятий общего пользования действующими были 97%, а из 1112 подсобных и производственных — 94%. В этом плане динамика была положительной: если в 1924 г. бездействовали 17% предприятий, то в 1927 г. — всего 4%⁵¹.

Но в то же время, по признанию экспертов, коммунальное хозяйство РСФСР в целом оставалось «наиболее отсталой отраслью хозяйства в республике». К примеру, уличного освещения не было в 26 городах республики. А там, где оно было, уличный фонарь приходился на 0,5 км улицы. Канализация в 1928 г. была только в 30 городах, при этом в девяти из них (Воронеже, Иваново-Вознесенске, Калуге, Канавине, Клину, Новороссийске, Новосибирске, Рязани и Хабаровске) была канализована лишь незначительная часть владений, «не могущая особенно существенно повлиять на улучшение санитарного состояния этих населенных мест». Свалки были очень приближены к жилым кварталам: в 37,3% населенных пунктов расстояние до свалок составляло менее 1 км, а нередко они находились прямо в черте сельтебных районов. 15% мелких (до 5 тыс. жителей) городов вовсе не имели свалок. При этом 86,8% ассенизационных обозов принадлежали не комхозам, а частным лицам или другим организациям. Поэтому зачастую планы вывоза нечистот отсутствовали, а выгребные ямы переполнялись. Не лучше (а по ряду показателей даже хуже) было положение с коммунальным хозяйством всего Союза. В 1929 г. трамвай имелся только в 41 из 721 города СССР (для сравнения: в РСФСР — в 28 из 528 городов). Трамвайные линии прокладывались в 16 городах СССР, но при этом их вообще не было в Туркменской ССР. Городские электростанции отсутствовали в 123 городах. Водопроводы име-

⁵¹ Там же. С. 5.

лись в 283 городах, тогда как канализация — только в 28. Площадь застройки в среднем составляла не более 20% территории городов⁵².

Несмотря на то что основные фонды коммунальной отрасли в 2 раза превышали фонды промышленности, ЖКХ даже к концу 1920-х годов не имело планов развития. Постановления ЭКОСО от 4 июля 1929 г. и СНК РСФСР от 4 мая 1930 г. о развитии коммунального и жилищного хозяйства были приняты по результатам выборочных обследований 1928—1930 гг. Только в 1929 г. «улучшение бытовых условий жизни населения» и форсированное развитие коммунального хозяйства было поставлено в качестве одной из важнейших задач социалистического строительства в тесной связи с индустриализацией страны и жилищным строительством⁵³. На 1929 г. капитальные вложения в коммунальное хозяйство (не считая жилищного строительства) были намечены в размере 267,4 млн руб. В ряде городов планировалось строительство новых трамваев, водопроводов, электростанций, бань и прачечных. Но в основном предстояли работы по капитальному ремонту, переоборудованию и расширению существовавших коммунальных предприятий⁵⁴.

Капитальное строительство в сфере коммунального хозяйства, намеченное пятилеткой на 1928/1929 хоз. год, было выполнено с превышением плана на 11,2%. Если в 1927/1928 хоз. году основной капитал увеличился на 5,6% (с 2308 до 2438 млн руб.), то в 1928/1929 хоз. году — на 8,5% (с 2438 до 2646 млн руб.). С каждым годом увеличивался объем продукции коммунальных предприятий. Только за 1928/1929 хоз. год рост составил: по трамваям — 39%, по электростанциям — 41%, по водопроводам — 30% и по баням — 60%. Но к началу первой пятилетки специалисты отмечали крайне незначительный процент присоединения домовладений к водопроводу (10%) и канализации (6%). Понятно, что столь низкие показатели не могли дать необходимого экономического эффекта на затраченный капитал, исчисляемый де-

⁵² Жуков В.И. Жилищное и коммунальное хозяйство... С. 109; Сиринов М. Коммунальное хозяйство в пятилетнем плане // Там же. 1929. № 9—10. С. 5, 8.

⁵³ Морозов А. Задачи санитарно-технического строительства в городах РСФСР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1929. № 8. С. 10.

⁵⁴ Привлечь внимание масс к коммунальному строительству! // Коммунал. работник. 1929. № 10. С. 1.

сятками миллионов. Всего за этот хозяйственный год в коммунальное хозяйство было вложено 288 млн руб. вместо 259 млн по уточненному плану, т.е. на 29,7% больше⁵⁵. Очевидно, что ЖКХ продолжало развиваться привычными экстенсивными методами.

Видимые подвижки начались в ходе первой пятилетки. Резолюция I Всесоюзного съезда Союза работников коммунального хозяйства (12—15 апреля 1931 г.) по докладу Главного управления коммунального хозяйства РСФСР «О состоянии и перспективах развития коммунальных предприятий» зафиксировала «большой сдвиг» в коммунальном хозяйстве, выразившийся как в увеличении основных фондов (за первые 2 года пятилетки — на 26%), так и в расширении коммунального обслуживания предприятий и населения. Эксплуатация коммунальных предприятий в 1930 г. характеризовалась следующими цифрами: число перевезенных трамваями пассажиров выросло на 30%, длина путей — на 9%, а число вагонов в движении — на 18%; общая подача воды в сеть возросла на 8,2%, а длина водопроводной сети — на 6,5%; выработка электроэнергии увеличилась на 39,5%. Но при этом коммунальное хозяйство продолжало отставать «от роста потребности быстро растущей промышленности и увеличивающегося по численности рабочего населения». Так, городской транспорт в Ленинграде, Москве, Ростове, Нижнем Новгороде и Сталинграде оставался «серьезным препятствием к выполнению промфинпланов промышленности, задерживая своевременную и полную доставку рабочей силы к местам работы». Водопровод не удовлетворял «потребностей в водоснабжении не только населения, но даже и предприятий промышленности». «Особую отсталость развития» обнаруживала канализация, которая «далеко не полностью» обслуживала потребности населения и промышленности. «Тяжелое состояние коммунального хозяйства» усугублялось «неудовлетворительной работой коммунальных предприятий»: нехваткой руководства, неполным проведением хозрасчета, падением трудовой дисциплины и проч. В ряду предложений съезда: широкое использование материалов местного происхождения; типизация и стандартизация материалов, оборудования и со-

⁵⁵ Головин М. Текущие вопросы коммунальной жизни // Вопр. коммунал. хоз-ва. 1929. № 6. С. 7—8; Фуремс М. На пороге тринадцатого года (достижения и трудности коммунального хозяйства) // Коммунал. работник. 1929. № 31. С. 3.

оружений; снижение стоимости строительства на 12% и повышение производительности труда на 33%; скорейшая выработка стандартов трамвайных вагонов и автобусов; подготовка вопроса об организации заводов республиканского значения по строительству трамвайных вагонов и автобусов и изготовлению запчастей⁵⁶.

Но практический выход, как обычно, был найден в очередной реорганизации сферы управления ЖКХ. Сперва в июне 1930 г. Главному управлению переподчинили хозяйственные организации, находившиеся ранее в непосредственном ведении наркомата: АО «Коммунстрой», «ВЗОК», «Проектгражданстрой», «Спринклер» и Картоиздательство. Но уже 31 декабря 1930 г. в связи с ликвидацией НКВД РСФСР и других союзных республик функции Главного управления коммунального хозяйства были переданы соответствующему Главному управлению при Совнаркоме РСФСР (и соответствующим главным управлениям при совнаркомах других республик). Дополнительно в сферу его деятельности были включены: руководство планировкой и застройкой городов, регулирование непромышленного строительства и подготовка кадров коммунальных работников⁵⁷.

В структуру ГУКХ при СНК РСФСР вошли:

- 1) руководство;
- 2) планово-экономический отдел;
- 3) отдел коммунальной статистики;
- 4) инвентаризационное бюро;
- 5) энергоотдел;
- 6) отдел жилищного хозяйства;
- 7) жилищно-эксплуатационная группа;
- 8) строительная группа;
- 9) главная коммунальная инспекция;
- 10) центральный пожарный отдел;
- 11) управление делами;

⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 30–31.

⁵⁷ См.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 16. Л. 225; Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. № 60. Ст. 640; Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967). С. 390; *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР: учебник. М.: Высш. шк., 1986. С. 137.

- 12) секретная часть;
- 13) финансовая часть;
- 14) сектор кадров;
- 15) 1-е управление⁵⁸.

20 января 1931 г. к исполнению обязанностей начальника Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР приступил заместитель председателя правительства Республики Т.Р. Рыскулов⁵⁹. В апреле 1931 г. из ВСНХ Главному управлению были переданы все работы по проектированию гражданского жилищного строительства. Но этим перестройка управления коммунальным хозяйством не ограничилась. Речь шла об образовании Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. Вопрос о наркомате был отложен для рассмотрения в Политбюро 5 июля 1931 г. (протокол № 47), но уже 10 июля (протокол № 48) Политбюро утвердило наркомом Н.П. Комарова⁶⁰. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1931 г. провозглашало «в целях скорейшего проведения реконструкции коммунального и жилищного хозяйства и для улучшения хозяйственно-технического руководства им» образование Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. В этот же день ВЦИК и СНК РСФСР утвердили положение о новом

⁵⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Т. 1. С. 1; Д. 10. Л. 7–15.

⁵⁹ Рыскулов Турар Рыскулович (26.12.1894, уроч. Бесагаш Восточно-Талгарской волости Верненского уезда Семиреченской области — 10.02.1938, Москва) — казахский и советский государственный деятель, член партии с 1917 г. В 1922–1924 гг. — председатель СНК Туркестанской АССР, в 1924–1925 гг. — полномочный представитель Коминтерна в МНР, в 1926–1937 гг. — заместитель Председателя СНК РСФСР. Репрессирован, расстрелян 10 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Приказ о его назначении начальником ГУКХ см.: ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

⁶⁰ Комаров Николай Павлович (наст. имя Собинов Федор Евгеньевич) (27.11.1886, дер. Борыково Старицкого уезда Тверской губернии — 27.11.1937, Москва) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1909 г. С 1921 г. — на советской и партийной работе. В 1925 г. — секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), в 1926–1930 гг. — председатель Ленсовета и Ленинградского губисполкома, в 1930 г. — председатель Союзстроя. В 1931–1937 гг. — нарком коммунального хозяйства РСФСР. В июне 1937 г. арестован, в ноябре осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР и расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г.

наркомате, а 23 июля ГУКХ при СНК РСФСР было реорганизовано в новый наркомат, подчиненный ВЦИК и СНК республики⁶¹.

В его составе было образовано девять производственно-отраслевых управлений, с марта 1937 г. получивших статус главных управлений⁶²:

- 1) планирования и зеленого хозяйства;
- 2) дорожно-транспортное;
- 3) строительное;
- 4) санитарной техники;
- 5) энергетики;
- 6) банно-прачечное;
- 7) пожарной охраны;
- 8) экономики труда;
- 9) статистики и учета:
  - функциональные отделы: административный и планово-экономический;
  - секторы: организационный и контрольный;
  - бюро: рационализации, печати, информатизации и техпропаганды;
  - правовая группа;
  - управление делами;
  - секретариат⁶³.

Впрочем, скорее всего реорганизация этим не ограничилась. Ведь согласно приложению к Положению о Наркомхозе РСФСР⁶⁴ его структура была несколько иной.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 1–2; ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3; Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР» // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 5–6. С. 14; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1931. № 42. Ст. 323.

⁶² С 1938 г. на наркомат были возложены функции по руководству материально-техническим снабжением и финансирование областных и городских топливных комитетов, для чего в его составе 19 мая 1938 г. было создано топливное управление (ГА РФ. Ф. 130. Оп. 24. Д. 154. Л. 1–10).

⁶³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Т. 1. С. II; Д. 20. Л. 2–11.

⁶⁴ Положение ВЦИК об утверждении Положения о НК КХ РСФСР от 10 декабря 1931 г. см.: Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–5.

1. Планово-экономическое управление с подразделением на группы:

- а) сводно-методологическую;
- б) районную;
- в) отраслевую;
- г) финплана, промфинплана и бюджета;
- д) снабжения;
- е) труда и кадров.

2. Управление жилищно-бытового хозяйства и гражданского строительства с подразделением на группы:

- а) капитального строительства;
- б) эксплуатации и правового регулирования;
- в) технико-экономического нормирования;
- г) бытовую.

3. Управление кадрами с подразделением на группы:

- а) подготовки кадров;
- б) методическую;
- в) учета и распределения.

4. Управление экономики труда, построенное по системе ответственных исполнителей.

5. Центральное управление пожарной охраны с подразделением на части:

- а) организационно-инспекторскую;
- б) технико-экономическую.

6. Управление планировки земельного хозяйства и зеленого строительства с подразделением на группы:

- а) планировки;
- б) съемки;
- в) земельного хозяйства;
- г) зеленого строительства.

7. Дорожно-транспортное управление с подразделением на группы:

- а) рельсового пассажирского транспорта (трамвай, пригородная электрическая железная дорога);
- б) безрельсового пассажирского транспорта (автобусы, троллейбусы, таксомоторы);
- в) грузовых автомобилей и гужевого транспорта;

- г) мостовых и тротуаров;
- д) городских мостов и акведуков;
- е) набережных и речного местного транспорта;
- ж) по регулированию подземных сооружений и прочих инженерных сооружений.

8. Санитарно-техническое управление с подразделением на группы:

- а) водопроводную;
- б) канализационную;
- в) очистки и утилизации.

9. Энергетическое управление с подразделением на группы:

- а) электрохозяйства;
- б) теплохозяйства;
- в) газохозяйства.

10. Управление делами с подразделением на части и группы:

- а) секретариат коллегии;
- б) общую канцелярию;
- в) группу личного состава;
- г) финансовую группу;
- д) хозяйственную группу;
- е) секретную часть.

11. Научно-технический совет при Коллегии с подразделениями на секторы:

- а) планировки городов;
- б) гражданского строительства;
- в) коммунальных сооружений;
- г) стройматериалов и производства работ;
- д) пожарно-технический.

12. Организационная группа при Коллегии с ответственными исполнителями.

13. Группа контроля и проверки при Коллегии с ответственными исполнителями.

14. Бюро печати, информации и технической пропаганды с ответственными исполнителями.

15. Иностранное бюро с ответственными исполнителями.

16. Правовая группа при Коллегии с ответственными исполнителями.

17. Специальное управление.

18. Строительное управление.

19. Управление учета и статистики.

20. Банно-прачечное управление⁶⁵.

В ГА РФ также сохранились тексты положений об отдельных управлениях наркомата. В частности, анализ положений об Управлении жилищно-бытового хозяйства и гражданского строительства⁶⁶ и Энергетическом управлении⁶⁷ позволяет уяснить довольно детальную регламентацию их деятельности. Одновременно были утверждены положения о городских (поселковых) и районных отделах коммунального хозяйства. Так, городские отделы коммунального хозяйства образовывались во всех городах и рабочих поселках и непосредственно подчинялись соответствующим городским (поселковым) советам. А по ведомственной линии они руководствовались директивами Наркомхоза РСФСР и краевых (областных) отделов коммунального хозяйства. На городские отделы коммунального хозяйства возлагались:

- 1) разработка и проведение общих мероприятий, направленных на развитие и реконструкцию ЖКХ;
- 2) составление планов и их контроль;
- 3) регулирование местного жилищного строительства;
- 4) организация и непосредственное руководство земельно-хозяйственным устройством городских земель и лесов;
- 5) организация управления коммунальными предприятиями и отдельными отраслями хозяйства;
- 6) разработка тарифов и ставок оплаты коммунальных услуг;
- 7) разработка и проведение мероприятий по улучшению эксплуатации и развитию всех отраслей коммунального хозяйства;
- 8) устройство и ремонт подземных сооружений;
- 9) организация производства местных и новых строительных материалов и некоторых видов коммунального оборудования;
- 10) организация подготовки кадров и рабочей силы и т.п.

В городах, к которым согласно постановлению ВЦИК от 20 августа 1930 г. были присоединены прилегающие сельские местности, на

⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11.

⁶⁶ Там же. Д. 19. Л. 9–12.

⁶⁷ Там же. Л. 33–35.

городские коммунальные отделы также возлагались инструктировать и содействовать сельсоветам в области сельского благоустройства, жилищного хозяйства и общегражданского строительства⁶⁸.

В свою очередь, районные отделы создавались при районных исполкомах, а в районах со слаборазвитой промышленностью и коммунальным хозяйством вводилась должность районного инспектора по коммунальному хозяйству. Отделы не имели деления на части и строились по системе ответственных исполнителей. Предметы ведения были аналогичными положению о городских отделах в пределах своего района⁶⁹.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании НККХ РСФСР» было опубликовано в «Известиях» 31 июля 1931 г.; 10 августа решением Оргбюро (протокол № 69), а 15 августа на заседании Политбюро (протокол № 56) был утвержден состав коллегии наркомата, в которую вошли: В.М. Егоров, А.М. Орехов, Я.В. Полуян, Н.Ф. Попов, М.П. Чернышев, И.В. Решетков, М.Х. Поляков и Г.В. Красин. 29 августа Оргбюро (протокол № 73), а 30 августа Политбюро (протокол № 59) дополнительно ввели в состав коллегии наркомата В. Владимирову⁷⁰.

В рамках реформы коммунального хозяйства 19 октября 1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) (протокол № 80) были утверждены проект Положения о Всесоюзном совете по коммунальному хозяйству (ВСКХ) при ЦИК СССР и состав Совета. 25 октября эти решения были утверждены опросом членов Политбюро (протокол № 71). И наконец, 3 ноября 1931 г. Всесоюзный совет под председательством А.П. Смирнова, в компетенцию которого входила разработка основных проблем городской и жилищной политики, был утвержден постановлением Президиума ЦИК СССР. Совет учреждался «для наблюдения и руководства делом развития и реконструкции коммунального хозяйства», собирался на сессии 4 раза в год, а его решения утверждались Президиумом ЦИК СССР. Помимо председателя и Президиума Совета из 10 человек в него вошли 44 представителя разных наркоматов

⁶⁸ Там же. Д. 17. Л. 23–24.

⁶⁹ Там же. Л. 28–28об.

⁷⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 2. Л. 2–5; Известия. 1931. 31 июля.

и ведомств⁷¹. Впрочем, образование этого органа создало дополнительный параллелизм в работе. 14 июля 1937 г. М.И. Калинин в своем письме в Политбюро утверждал, что Совет по делам коммунального хозяйства себя «совершенно не оправдал», так как «какой-либо заметной работы» не провел. Поэтому 7 августа Политбюро приняло решение о его ликвидации (протокол № 51)⁷².

На географию и объемы коммунального строительства в определенной мере (учитывая специфику советской экономики) влияла рентабельность предприятий. Если водопровод и электростанция в 1920-е годы считались рентабельными в любом населенном пункте, то трамвай считался нерентабельным в городах с населением менее 100 тыс. человек, а канализация — менее 50 тыс. человек. Приходилось учитывать и международный тренд: трамвай встречал «сильную конкуренцию» со стороны автобусного транспорта⁷³.

Тем не менее в 1931 г. коммунальное хозяйство демонстрировало довольно резкий рост по сравнению с дореволюционным периодом. Так, из 612 городов электростанции имелись в 510 (в 1917 г. — в 115 городах); водопроводы — в 338 (в 1917 г. — в 214); канализация — в 48 (в 1917 г. — в 16); мусороутилизационные заводы — в 5 (в 1917 г. — в 1); трамваи — в 44 (в 1917 г. — в 35); автобусы — в 86 (в 1917 их не было)⁷⁴. Впрочем, статистической строгостью данные о развитии ЖКХ не обладали. По другим данным, в 1931 г. число городов с водопроводом выросло до 385, а с канализацией — до 71 (вместо 19 до войны). Отличались от приведенных выше данные по трамваям (48 городов) и особенно по автобусному сообщению (180 городов)⁷⁵. Приводились и другие цифры за указанный период: о росте численности городов с водопроводом (с 219 до 333) и канализацией (с 19 до

⁷¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 3–6, 8–8об.; Постановление Президиума ЦИК СССР об утверждении «Положения о Всесоюзном совете по коммунальному хозяйству при ЦИК СССР» от 3 ноября 1931 г. // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 9. С. 6.

⁷² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 26–27.

⁷³ Жуков В.И. Жилищное и коммунальное хозяйство... С. 109.

⁷⁴ Жилищная политика СССР за 16 лет // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 5. С. 4.

⁷⁵ По большевистски организуем работу... С. 4.

32), появлении новых трамваев в 10 городах и новых электростанций в 332 городах РСФСР⁷⁶.

В обращении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда» от 3 декабря 1931 г. к партийным, советским, профессиональным и комсомольским организациям города в общем виде были сформулированы требования к развитию этой сферы в реконструктивный период. Речь шла о новом жилищном строительстве, значительном расширении трамвайного хозяйства, новых линиях водопровода, канализации и т.п. Но, по мнению партийно-государственного руководства страны, темпы роста коммунально-жилищного хозяйства продолжали сильно отставать «от бурно растущей промышленности, увеличения кадров рабочих и вообще трудового населения в целом и быстро растущих культурно-бытовых потребностей рабочего класса». Исходя из сталинской установки, что «советский рабочий требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей», и в соответствии с решением июньского (1931 г.) Пленума Центрального комитета ВКП(б), посвященного развитию жилищно-коммунального хозяйства, намечалось «обеспечить решительный сдвиг вперед во всем жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда». Перед Ленинградским горкомом партии и Ленсоветом на 1932 г. ставилась задача усиленного развертывания работ по реконструкции городского хозяйства, и в первую очередь разрешения «особенно неотложных нужд, а именно жилищного строительства, городского транспорта и водоснабжения». Помимо форсирования работ по восстановлению газового хозяйства, на 1932 г. было намечено «широко развернуть» сеть подсобных предприятий, включая труболитейный и кирпичные заводы, производство бетонных, керамиковых и деревянных труб и т.п. Также предлагалось «развернуть работы по очистке города и его каналов», организовав для этого специальное автотранспортное хозяйство и землечерпательный караван. В списке намеченных задач также были: улучшение освещения города, пожарного дела и уличного движения, увеличение площади зеленых насаждений и другие мероприятия, «улучшающие обслуживание бытовых нужд рабочих масс». На проведение всех этих мероприятий на 1932 г. выделялось 290 млн руб., из них 150 млн — на коммунальное хозяй-

⁷⁶ У нас и у них. С. 3.

ство (в том числе 18 млн — на подсобные предприятия) и 140 млн — на новое жилищное строительство (в том числе 20 млн — на подсобные предприятия). Инвестиции распределялись по отраслям следующим образом: на трамвай — 41 млн руб., безрельсовый транспорт — 20 млн, водоснабжение — 14 млн, мостовые (включая ремонт и настилку новых булыжных мостовых и сооружение тротуаров) — 14 млн, набережные и мосты — 9 млн, канализация — 7 млн, бани и прачечные — 10 млн, газ — 6 млн и мероприятия по благоустройству — 11 млн руб. При этом из всех вложений на жилищное строительство 30 млн руб. ложились на местный бюджет, 30 млн составлял кредит Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, 5 млн — накопления жилищной кооперации, 6 млн — вложения НКПС и 69 млн руб. шли по линии промышленности. Намеченная на 1932 г. программа работ рассматривалась как начало процесса «преобразования Ленинграда в образцовый советский город». Это, в свою очередь, требовало «решительного преодоления отсталости и консерватизма в работе органов коммунального и жилищного хозяйства, проведения целой системы организационных и технико-рационализаторских мероприятий, широко развернутой механизации работ и повышения эффективности растущих вложений». Предполагалось также широкое использование «опыта иностранной техники и специалистов»⁷⁷. Как тут не вспомнить Владимира Маяковского: «Я планов наших люблю громадьё...».

В целом по СССР в 1932 г. основную массу капиталовложений в жилищное и коммунальное строительство предполагалось направить в важнейшие промышленные центры и новостройки (80% средств по жилищному строительству и столько же по коммунальному, без учета Москвы и Московской области). Задачей года стало окончание в первую очередь переходящего строительства и начало нового только при условии его материального обеспечения. В этих целях, помимо мобилизации внутренних ресурсов, внедрения хозрасчета и снижения себестоимости строительства, намечалось «всемерное привлечение»

⁷⁷ Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда» от 3 дек. 1931 г. [Электронный ресурс] // Б-ка нормативно-правовых актов Союза Сов. Социалист. Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3808.htm.

к участию в жилищно-коммунальном строительстве «широких масс трудящихся»⁷⁸.

Этот курс дал определенный эффект. К примеру, по докладу председателя Таганрогского горсовета Алейникова Президиум ВЦИК 20 мая 1932 г. принял постановление «О работе таганрогского горсовета в области коммунально-жилищного хозяйства и строительства», в котором отметил, что горсоветом после июньского (1931 г.) Пленума ЦК был достигнут «ряд успехов в деле коммунально-жилищного хозяйства и строительства». В частности, было начато строительство трамвайной линии и водопровода, построены две фабрики-кухни, переоборудовано электрохозяйство в связи с присоединением города к Артемовской ГРЭС, построено 22 600 кв. м жилой площади и замощено св. 35 тыс. кв. м улиц и площадей. По мнению Президиума ВЦИК, эти успехи были «достигнуты горсоветом благодаря вовлечению рабочих в практическую работу коммунально-жилищного хозяйства»⁷⁹. Но, несмотря на достигнутый значительный рост города (в 1913 г. — 73 тыс. человек, в 1932 г. — 131 тыс.), «со стороны соответствующих союзных и республиканских ведомств, а также Северо-Кавказского крайисполкома не было проявлено необходимого внимания коммунальному хозяйству <...> и улучшению жилищно-бытовых условий рабочих». В свою очередь, горсоветом не было принято «достаточных мер к сохранению существующего жилфонда». Жилищное хозяйство Таганрога «еще не перешло на действительный хозрасчет», инвентаризация городского имущества не была закончена, а на многие домовладения даже не были заключены договоры⁸⁰.

Показательно, что положение качественно не изменилось и через 3 года. 9 июля 1935 г. Президиум ВЦИК рассмотрел (п. 2 повестки № 11) постановление ЦИК СССР «О проверке решений ЦИК Союза ССР от 27 апреля 1934 г. “О работе Таганрогского горсовета”». В очередной раз было отмечено, что Таганрогский горсовет добился «ряда успехов в развитии и укреплении городского хозяйства»: длина трамвайной линии выросла с 18,3 км в 1934 г. до 27,6 км к 1 июля

⁷⁸ Горожанин. Контрольные цифры коммунально-жилищного хозяйства СССР // Коммунал. хоз-во. 1931. № 23–24. С. 69.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 40. Л. 25.

⁸⁰ Там же. Л. 26.

1935 г.; мощность водопровода — с 2,8 тыс. куб. м до 8 тыс., а электростанции — с 2,4 тыс. до 5,6 тыс. В городе были организованы уличные комитеты, оборудован пляж, благоустроен городской парк культуры и отдыха. План ремонтных работ жилых домов в 1934 г. выполнили на 118%, хотя работы были низкого качества. Кроме того, ряд основных решений ЦИК СССР от 27 апреля 1934 г. Таганрогский горсовет «не выполнил и работу по их выполнению организовал неудовлетворительно». В частности, Президиум ВЦИК отмечал «недопустимо медленные темпы жилищного строительства»: план 1934 г. был выполнен на 85%, а в первой половине 1935 г. — на 28% против 50% по плану. План ремонтных работ в 1935 г. был выполнен всего на 41,4%, а по жилищной кооперации — на 26,6% к годовому плану против запланированных 55%. «Значительная часть дворов города» находилась в «антисанитарном состоянии»: из общего числа домов жактов и домовых трестов 12,7% не имели уборных, 23% — мусорных ящиков и 33% — выгребных ям. Несмотря на это капитальные вложения по санитарной очистке города в 1934 г. были использованы только на 35% от установленного лимита, а до мая 1935 г. «не использовались совершенно». Также отмечались задержка со строительством канализации и полный срыв строительства в 1934 г. банно-прачечного комбината при условии, что город имел 2,5 помывки в год на одного жителя. В 1934 г. на рабочие окраины пришлось только 19% общих работ по дорожному и мостовому строительству. Вывод Президиума был неутешительным — горсовет работу «провел неудовлетворительно»⁸¹. Как мы видим, на практике развитие ЖКХ (особенно в регионах) значительно отличалось от задекларированных планов.

Несмотря на то что в области коммунального строительства капиталовложения в 1932 г. возросли по сравнению с 1931 г. на 77%, строительство объектов жилищного и коммунального хозяйства в 1932 г. проходило в целом неудовлетворительно. Особенно плохую работу ВСКХ отмечал в Белоруссии, где сдача жилплощади в эксплуатацию составила всего 22,2% от плана, и на Украине (38,2% от плана). Отставание было заложено еще в I полугодии 1932 г. В частности, в городах особого списка план строительства по сантехнике был выполнен на 21%, по городскому транспорту — на 20%, по дорожно-мостовому

⁸¹ Там же. Д. 163. Л. 45–47.

строительству — на 19% и по банно-прачечному строительству — на 19%. Такое неудовлетворительное выполнение плана коммунального строительства объяснялось прежде всего слабой подготовкой к строительству органов коммунального хозяйства и строительных организаций на местах (в частности, несвоевременным составлением проектов и смет и неудовлетворительной организацией снабжения). Тормозящими факторами были: недостаточное развитие производства местных и новых недефицитных материалов, плохая организация труда и распыленность строительства⁸². Но партийная пресса, исходя из реальности строительных планов 1932 г., виновниками провала объявила горсоветы и строительные организации (в первую очередь тяжелую промышленность, вкладывавшую львиную долю в жилищное строительство), которые подошли к выполнению планов «не большевистски»⁸³.

Одновременно советская печать отмечала, как «быстро меняется физиономия города, и как старые запущенные азиатские города превращаются в культурные пролетарские центры». Хотя тут же признавала, что санитарная норма жилья не обеспечивалась, не везде имелись надлежащие водоснабжение и очистка, городской транспорт оставлял «желать многого», обслуживание населения банями и прачечными находилось в «начальной стадии развития», а замощение, мостовое, энергетическое и зеленое хозяйство — в неудовлетворительном состоянии или, по крайней мере, были развиты недостаточно. В особенно неблагоприятном состоянии в начале 1930-х годов находились промышленные районы и новостройки Урала, Западной Сибири и Донбасса. В соцгородах бараки, как правило, строились без соблюдения санитарно-гигиенических требований: канализация отсутствовала, а ассенизационные обозы были маломощны. Недостаточным было и обслуживание рабочего населения банями и прачечными. Ряд районов новостроек первых пятилеток испытывал значительный недостаток воды, которая нередко даже не подвергалась хлорированию⁸⁴. Отчасти

⁸² *Власенко С.* Ликвидировать прорыв первого полугодия // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 7–8. С. 3; О результатах капитального строительства 1932 года и о мерах по выполнению плана строительства 1933 г. // Там же. 1933. № 3. С. 15–16.

⁸³ На путях второй пятилетки // Там же. № 1. С. 3.

⁸⁴ *Полуян Г.* По следам времени // Коммунал. хоз-во. 1932. № 10–11. С. 19.

это было вызвано масштабами работ: в целом по СССР планировкой и перепланировкой были охвачены свыше 200 городов, и одновременно строилось около 100 новых городов и рабочих поселков⁸⁵.

Недостаточной была и материально-техническая база коммунального хозяйства, тормозившая заданные высокие темпы развития отрасли. Ассигнованные заводам ВОКО суммы (3,4 млн руб. в 1930 г. и 3,8 млн — в 1931 г.) были использованы почти исключительно на поддержание имевшегося изношенного на 40–50% оборудования и зданий. Не лучше была ситуация с капиталовложениями и в 1932 г. Отпущенных ВОКО 3,2 млн руб. хватило только для начала работ по реконструкции завода им. Войкова в Москве и постройки новых цехов на Мышегском заводе. Но для завершения этих объектов не хватало 5 млн руб. Было очевидно, что в 1933 г. без дополнительных средств не удастся «развернуть производство по другим видам коммунального оборудования, а именно: ребристым трубам, канализации, предметам домоустройства». Данные табл. 1.1 демонстрируют степень удовлетворения потребностей в коммунальном оборудовании⁸⁶. Но эти цифры отражали общую потребность по всем отраслям, а потребности комхозов на практике удовлетворялись во вдвое меньшем объеме.

Таблица 1.1
Уровень удовлетворения в коммунальном оборудовании, %

Вид оборудования	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Радиаторы	54,0	18,0	14,7
Ребристые трубы	69,0	19,6	17,2
Канализация	51,0	38,4	15,0

Были и причины организационного характера: в годы первых пятилеток советское коммунальное хозяйство начало терять свою целостность, «распиливаясь» на отрасли, привязанные к центральным ведомствам. В частности, в связи с образованием союзного Наркомата внутренних дел 1 декабря 1934 г. функции Наркомата коммунально-

⁸⁵ Там же. С. 18.

⁸⁶ *А.Д.* Проверяем проведение в жизнь решений июньского Пленума ЦК ВКП(б) // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 3–4. С. 21.

го хозяйства по руководству пожарным делом были переданы НКВД СССР⁸⁷.

Архивные документы позволяют реконструировать объемы, географию и отраслевую специфику капиталовложений в коммунальное строительство РСФСР в начале второй пятилетки (табл. 1.2–1.4).

Таблица 1.2
Капиталовложения в коммунальное строительство
на 1933 г. по 20 ударным городам⁸⁸

Город	Сумма, млн руб.
Москва	165,0
Ленинград	135,4
Кронштадт	7,3
Иваново-Вознесенск	7,4
Горький	33,7
Свердловск	19,4
Челябинск	11,0
Магнитогорск	8,3
Пермь (Молотово)	8,6
Златоуст	3,7
Сталинград	21,6
Саратов	4,9
Ростов-на-Дону	9,8
Грозный	4,0
Новосибирск	7,5
Ижевск	3,8
Сталинск	3,6
Мурманск	5,7
Самара	6,2
Новая Казань	6,3
Итого	473,2

⁸⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1934. № 42. Ст. 260.

⁸⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 140.

Из таблицы видно, что основная масса инвестиций в коммунальное строительство (300,4 млн руб. из 473,2) шла в столичные города, тогда как вложения в коммунальную инфраструктуру остальных ударных городов были на порядок меньше. Что говорить о не попавших в этот список населенных пунктах.

Таблица 1.3
Капиталовложения в коммунальное строительство
на 1933 г. по отраслям, млн руб.⁸⁹

Отрасль коммунального хозяйства	Уточненный план 1932 г.	План 1933 г.
Водоснабжение	126,4	109,7
Канализация	82,8	86,4
Очистка	15,9	25,6
Бани	66,7	25,6
Прачечные	—	12,1
Банно-прачечные комбинаты	—	12,2
Трамваи	127,5	109,4
Безрельсовый транспорт	99,4	73,5
Замошения и тротуары	60,6	94,6
Мосты	24,1	28,0
Гидротехнические сооружения	2,1	6,0
Электрификация	46,3	35,7
Теплофикация	4,0	0,7
Газификация	10,7	16,0
Зеленое строительство	10,5	15,8
Кадры	4,2	12,5
Республиканским трестам	—	12,0
Пожарная охрана	10,4	14,7
Не распределено	—	0,7
Прочие	16,5	—
Итого	708,1	691,2

⁸⁹ Там же. Л. 141.

Окончание табл. 1.3

Отрасль коммунального хозяйства	Уточненный план 1932 г.	План 1933 г.
Метрополитен	28,0	110,0
Земельное хозяйство, съемка, планировка	—	16,4
Производство стройматериалов	39,9	—
Всего	776,0	817,6*
Кроме того, производство стройматериалов за лимитом 1933 г.	93,5	

*

Статистические данные табл. 1.3, помимо отраслевой географии капиталовложений, позволяют увидеть смещение приоритетов в развитии отдельных секторов ЖКХ во второй пятилетке. В частности, мы обнаруживаем снижение инвестиций в водоснабжение и бани⁹⁰, трамваи и безрельсовый транспорт, электрификацию и теплофикацию, а производство стройматериалов для ЖКХ вообще демонстрирует нулевой уровень. Тогда как мы видим увеличение ассигнований в остальные секторы, особенно резкое в гидротехнические сооружения и кадры (почти в 3 раза) и в строительство Московского метрополитена (почти в 4 раза).

Таблица 1.4
Капиталовложения в коммунальное строительство на 1933 г.
по районам, млн руб.⁹¹

Район	Уточненный план 1932 г.	План 1933 г.
Северный край	6,7	8,2
в том числе Коми АО	—	0,3
Карельская АССР	2,5	2,8
Ленинградская область	16,9	13,5
Западная область	9,3	10,5
Московская область	20,3	23,9

⁹⁰ Не компенсируемое даже вложениями в развитие банно-прачечных трестов.

⁹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 142.

Продолжение табл. 1.4

Район	Уточненный план 1932 г.	План 1933 г.
Ивановская промышленная область	16,7	17,3
в том числе Иваново-Вознесенск	—	7,4
Горьковский край	46,9	44,0
в том числе: Горький	38,2	33,7
Ижевск	—	3,8
Чувашская АССР	0,9	1,1
Удмуртская АО	—	3,8
Марийская АО	—	0,7
Центрально-Черноземная область	8,3	11,5
Уральская область	68,8	62,0
в том числе: Свердловск	—	19,4
Челябинск	—	11,0
Пермь (Молотово)	—	8,6
Магнитогорск	—	8,3
Златоуст	—	3,7
Башкирская АССР	5,6	7,3
Татарская АССР	4,6	7,5
Средне-Волжский край	9,3	12,0
в том числе Мордовская АО	—	1,5
Нижнее-Волжский край	25,7	34,0
в том числе: Саратов	—	4,9
Сталинград	—	21,6
Республика Немцев Поволжья	1,0	1,0
Калмыцкая АО	—	0,5
Северо-Кавказский край	26,5	30,6
в том числе: Ростов-на-Дону	—	9,8
Грозный	—	4,0
Кабардино-Балкарская АО	—	0,9
Карачаевская АО	—	0,4
Чеченская АО	—	0,2
Дагестанская АССР	3,2	3,2
Крымская АССР	2,9	7,5
Казакская АССР	8,9	11,3

Окончание табл. 1.4

Район	Уточненный план 1932 г.	План 1933 г.
Каракалпакская АССР	0,3	0,4
Киргизская АССР	3,7	3,6
Западно-Сибирский край	32,4	28,3
в том числе: Новосибирск	—	7,5
Ойротская АО	—	0,1
Хакасская АО	—	0,3
Восточно-Сибирский край	12,7	11,6
в том числе: Бурят-Монгольская АССР	1,4	3,3
Якутская АССР	1,6	2,3
Дальневосточный край	36,5	31,9
в том числе Биробиджан	—	1,1
Ленинград	149,0	135,3
Кронштадт	—	7,3
Москва (с метро)	250,0	275,0
Наркомхоз	6,6	—
Не распределено	—	15,0
Всего	775,9	819,3

Региональная инвестиционная карта отражает очевидный перекоп в финансировании отдельных районов РСФСР в пользу Москвы, Ленинграда и вообще Центральноевропейской части РСФСР. При этом мы видим в 1933 г. снижение (пусть в ряде случаев и незначительное) вложений в ЖКХ в ряде регионов в сравнении с 1932 г.: в Ленинградской области и Ленинграде, Горьковском крае и Горьком, Уральской области, Киргизской АССР, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном краях.

В 1933 г. в 22 городах СССР были построены очистные канализационные сооружения. Количество городов, получавших электроэнергию от коммунальных электростанций, возросло с 431 в 1932 г. до 700 в 1933 г.⁹² Всего за 1931–1933 гг. в городах были построены 150 элект-

⁹² К итогам VIII пленума ЦК СРКХ // Коммунал. работник. 1933. № 6. С. 2.

ростанций, в 10 городах пустили новые трамваи, а сеть трамвайных путей увеличилась на 550 км. Также были пущены в строй 85 водопроводов, в результате чего длина водопроводной сети увеличилась на 1700 км. За это же время в 12 городах была заново построена канализация, а канализационная сеть увеличена на 1380 км. В эти годы были открыты 60 прачечных, замощено свыше 21 млн кв. м улиц и площадей⁹³. Но при этом постановлением Совнаркома СССР № 2526 «О ходе строительства коммунальных электростанций» от 20 ноября 1933 г. это строительство было признано неудовлетворительным⁹⁴. Не лучше обстояло дело и с дорожным строительством, особенно в провинции. Так, из письма рабочего П. Зайцева из Западной Сибири М.И. Калинину узнаём, что в октябре 1934 г. в Солтонском районе, равноудаленном на 120 км от Бийска и Кузнецка, «проселочные дороги, да и тракты здесь в эту пору очень тяжелые», а основным транспортным средством остается лошадь⁹⁵.

Вторая пятилетка стала временем развертывания не только стахановского движения, но и различных общественных инициатив в сфере коммунального хозяйства. Некто В. Суслина в апреле 1933 г. в письме к А.В. Луначарскому от лица инициативной женской группы (некого «совета семи») предложила свое видение «проекта строительства комгородов». «Грандиознейшие работы», с привлечением «культурнейших сил» пролетариата, включали широкую сеть транспортных каналов, которые соединили бы Черное, Средиземное, Азовское и Каспийское моря, и ирригационных каналов, которые должны были придать Прикаспийской низменности «вид цветущей равнины, пригодной для жизни нового коммунистического общества»⁹⁶. В январе 1934 г. на конференции с участием 14 городов коммунальная общественность была посвящена в опыт работы уличных комитетов в Воронеже: здесь выступили с рассказом о своей работе представители двух уличных комитетов Воронежа — Кольцовской улицы и улицы Энгельса. Уличные комитеты, хотя и делали первые шаги, показали, каким важным ре-

⁹³ Власенко С. Коммунальное хозяйство перед новыми задачами // Коммунал. хоз-во. 1934. № 6. С. 3.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 73. Л. 57.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 527. Л. 82.

⁹⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 641. Л. 59–60.

зервом общественной инициативы и самодеятельности стали они для горсоветов, ведущих борьбу за благоустройство городов. По подсчетам Наркомхоза РСФСР, охватывающим далеко не все города, на 1 января 1935 г. в городах насчитывалось уже 3200 уличных комитетов и комиссий содействия благоустройству⁹⁷.

Тем не менее план жилищно-коммунального строительства в 1935 г. был выполнен совершенно неудовлетворительно: при использовании ассигнованных по плану средств на 94% план ввода в эксплуатацию объектов был выполнен в среднем на 64% (в том числе по жилищному строительству — на 56%). При это горсоветы и исполкомы сдали всего около 47% жилой площади, предусмотренной в плане, утвержденном СНК СССР 11 июля 1935 г., а в отдельных республиках — даже еще меньше (например, в УССР — 29%, БССР — 32%, ЗСФСР — 41%). Провалили выполнение плановых заданий и отдельные города. Например, Днепродзержинск выполнил план строительства водопровода всего на 24%, а строительство бань — на 35%. Свердловский горсовет сорвал план жилищного строительства (выполнен лишь на 26%). Псковский горсовет выполнил план строительства трамвайных линий только на 44%. В разных городах сотни жилищно-коммунальных зданий и сооружений остались незаконченными, хотя многие из них были начаты еще в 1929–1931 гг.⁹⁸

Крайне слабо использовались мощности как большинства старых, так и вновь построенных коммунальных предприятий. Например, коэффициент использования трамвая составлял: в Астрахани в 1934 г. — 70,9%, а в 1935 г. — 73,8%, в Перми соответственно — 65,7 и 77,1%, в Куйбышеве — 60,2 и 64,2% и т.д. Из 60 обследованных городов в пяти находилось в движении около 50% вагонов, а остальные были в ремонте или ожидали недостающих частей и оборудования. Коэффициент использования автобусного парка в целом по городам РСФСР составил за 1934 г. всего 64%, а без учета Москвы и Ленинграда снизился до 47%. В некоторых городах использование автопарков было чрезвы-

⁹⁷ Валуевский Н. Уличные комитеты в борьбе за благоустройство // Социалист. город. 1935. № 4. С. 3.

⁹⁸ Постановление Совещания наркомов коммунального хозяйства союзных республик, состоявшегося во Всесоюзном Совете по делам коммунального хозяйства при ЦИК ССР 16–17 февраля 1936 года // Там же. 1936. № 3. С. 10.

чайно низким: в Иваново — 29%, в Ярославле и Ижевске — 25%. Не лучше обстояло дело с пропускной способностью бань и прачечных. За 1934 г. она составила по Татарской АССР — 52%, по Воронежской области — 49% и т.п. Недостаточно развивалась сеть электростанций, плохо обстояло дело с присоединением домовладений к водопроводным и канализационным магистралям⁹⁹.

Плохо внедрялся хозрасчет, особенно в дорожно-мостовом хозяйстве, зеленом строительстве и сфере уличного освещения. Дело в том, что из года в год росла себестоимость коммунальной продукции. Если в 1933 г. для трамваев она составляла 47,9 коп. на 1 вагон/км, то в 1935 г. выросла до 60 коп. Себестоимость коммунальной продукции для автобусов также возросла — с 115 до 134 коп. на 1 машино/км, для бань — с 35,3 до 42,2 коп. на одну помывку, для канализации — с 6,3 до 7,6 коп. за 1 куб. м, для электростанций — с 16,7 и 18,1 коп. за 1 кВт·ч. При этом в номенклатуре расходов обращал на себя внимание огромный процент «прочих расходов»¹⁰⁰.

Согласно записке «Коммунальное и жилищное хозяйство РСФСР (1933–1936 гг.)», которую 6 апреля 1936 г. Н.П. Комаров направил во ВЦИК, общая сумма капиталовложений в коммунальное хозяйство РСФСР за 4 года второй пятилетки (включая план 1936 г.) составила 2543 млн руб. Судя по записке, большая часть средств направлялась на мероприятия, связанные с повышением санитарно-технического уровня городского хозяйства, а также на транспорт и дороги. В итоге «все важнейшие отрасли коммунального хозяйства за последние годы значительно выросли». Однако, основная масса капиталовложений была сосредоточена в главных промышленных центрах, в связи с чем все остальные города получали явно недостаточные средства¹⁰¹.

О развитии ЖКХ РСФСР в послереволюционное 20-летие свидетельствуют данные табл. 1.5¹⁰².

⁹⁹ Нейбах И.И. Работу коммунальных предприятий на должную высоту // Там же. № 6. С. 1.

¹⁰⁰ Веселовский Б.Б. Очередные задачи в области снижения себестоимости продукции коммунальных предприятий. С. 4.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 224. Л. 15.

¹⁰² Там же. Л. 26.

Таблица 1.5
Развитие коммунального хозяйства в городах РСФСР в 1917—1937 гг.

Показатели	1917 г.	На 01.01.1933 г.	На 01.01.1934 г.	На 01.01.1935 г.	На 01.01.1936 г. предварит.	По плану на 01.01.1937 г.
<i>Трамвай</i>						
Число городов, имеющих трамвай	23	33	35	40	42	45
Длина эксплуатационного одиночного пути, км	927	1881	2005	2198	2264	2320
Среднее инвентарное число вагонов	2939	5680	6459	7054	7210	7400
Перевезено пассажиров, млн человек	нет свед.	3846	3850	3938	4011	4105
<i>Автобусные сообщения</i>						
Число городов, имеющих автобусы	не было	62	71	89	95	123
Инвентарное число машин		929	1044	1261	1490	2315
Перевезено пассажиров, млн человек		201	181	191	245	326
<i>Водопроводы</i>						
Число городов, имеющих водопроводы	158	241	249	251	253	256
Протяжение уличной распределительной сети, км	нет свед.	6718	7109	7383	7653	8164
Подано воды в сеть, млн куб. м	—	468	516	581	634	712

<i>Канализация</i>						
Число городов, имеющих канализацию	18	41	48	50	53	58
Протяженность канализационной сети, км	нет свед.	2529	2689	2879	3010	3210
Пропущено сточных вод, млн куб. м	—	165	179	290	320	369
<i>Бани общего пользования</i>						
Число бань	390	688	758	710	718	830*
Пропущено мывших, млн человек	нет свед.	176	203	219	249	278
<i>Прачечные механические и полумеханические</i>						
Число прачечных	11	36	49	68	88	142
Пропущено белья, тыс. т	нет свед.	19	20	23	28	42
<i>Электрические станции</i>						
Установленная мощность, тыс. кВт	нет свед.	141	155	186	212	247
Отпущено электрической энергии за год, млн кВт·ч	—	532	609	721	876	1048

* Без учета бань, которые будут закрыты вследствие ветхости.

Из табл. 1.5 видно, что положительную динамику демонстрировали все отрасли ЖКХ. При этом основную массу городских пассажирских перевозок к концу второй пятилетки осуществляли трамваи, хотя автобусное сообщение развивалось более быстрыми темпами. Сохранялся заложенный еще до революции разрыв между водопроводным хозяйством и канализацией по числу городов, протяженности сети, объемам подачи воды и пропуска сточных вод. Подробнее о развитии разных секторов коммунального хозяйства будет сказано ниже в соответствующих главах.

Третья пятилетка не стала исключением в ряду организационных перестроек ЖКХ. 9 июня 1939 г. структура наркомата в очередной раз была перекроена: помимо производственно-отраслевых главных управлений было создано шесть территориальных главных управлений жилищно-коммунального хозяйства (северо-западных, центральных, южных, приволжский, урало-сибирских и восточных районов). Также в ведении наркомата находились только что созданные самостоятельные главные управления республиканских и местных строительных трестов¹⁰³. В этот же день было принято Постановление СНК РСФСР № 284 «Об утверждении положений о народном комиссариате коммунального хозяйства РСФСР, краевом (областном) отделе и городском отделе коммунального хозяйства»¹⁰⁴. Но уже 10 мая 1940 г. постановлением СНК РСФСР № 334 территориальный принцип был упразднен, а утверждена структура наркомата в составе 10 производственно-отраслевых главных управлений:

- 1) архитектурно-планировочного (ГАПУ);
- 2) жилищного хозяйства;
- 3) водопроводов и канализации (Главводоканал);
- 4) энергетического (Главэнерго);
- 5) трамваев и троллейбусов (Главтрамвай);
- 6) банно-прачечного и парикмахерского хозяйства;
- 7) благоустройства городов;
- 8) строительных трестов (Главстрой);

¹⁰³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Т. 1. С. II; Там же. Ф. 130. Оп. 24. Д. 178. Л. 163–203.

¹⁰⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 32. Сами положения см.: Л. 33–42, 43–48, 49–54.

- 9) проектных организаций (Главпроект);
- 10) учебных заведений (ГУУЗ).

Помимо этого были образованы 12 функциональных отделов и управлений. Функции же ликвидируемых территориальных управлений были переданы соответствующим отраслевым управлениям. В таком виде Наркомат коммунального хозяйства РСФСР просуществовал до 23 марта 1943 г.¹⁰⁵

Впрочем, данные Госплана об итогах развития коммунального хозяйства СССР в 1937–1941 гг. (табл. 1.6)¹⁰⁶ не позволяют уловить связь между структурной перестройкой отрасли и эффективностью работы ЖКХ.

Конечно, коммунальное хозяйство продолжало развиваться даже в условиях начавшейся Второй мировой войны, диктовавшей руководству страны иные приоритеты экономического развития. В частности, в 1940 г. подача воды городскими водопроводами увеличилась против уровня 1939 г. на 9,6%, пропуск сточных вод канализациями — на 10,4%, полезный отпуск электроэнергии — на 5,8%, перевозка пассажиров трамваями — на 0,7% и обработка белья прачечными — на 3,7%¹⁰⁷. Но при этом практика строительства канализации в городах сводилась почти исключительно «к удалению сточных вод с городской территории», ограничиваясь (и то не всегда) удалением «крупных взвешенных частиц». Из 53 действовавших в РСФСР накануне войны городских канализаций только в Москве и Туле имелись сооружения полной биологической очистки. Это метод обеззараживания широко использовался в Германии и США, но в СССР не производилось соответствующего оборудования, несмотря на постановление июньского (1931 г.) Пленума ЦК партии, обязавшего промышленность обеспечить производство специального оборудования для канализации¹⁰⁸. Судя по данным коммунальной статистики, сохранялся существенный разрыв в темпах развития разных отраслей.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Т. 1. С. III; Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. 1940. № 10. Ст. 32.

¹⁰⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 821. Л. 201–200.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 442. Л. 1.

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 33. Л. 8–9.

Таблица 1.6
Итоги выполнения III пятилетнего плана развития
коммунального хозяйства СССР

Отрасли и показатели	План третьей пятилетки	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г. (в границах до 17.09.1939 г.)
Число городов с водопроводом	437	387	437	451	467
Среднесуточная подача воды, тыс. куб. м	5372	3007,2	3488,1	3940,4	4336,5
Протяжение уличной сети, км	18 385	13 385	14 448	15 372,2	16 219,9
Отпуск воды потребителям, млн куб. м	1700	992,3	1151,1	1309,7	1440,9
Число городов с канализацией	146	101	132	135	143
Протяжение уличной сети, км	6884	4726,1	5221,5	5488,4	5741,4
Число бань	1738	1145	1338	1301	1336
Число мест в них, тыс.	198,0	154,8	161,7	170,2	172,4
Число прачечных	386	158	179	199	207
Мощность за смену, т	357	141,2	159,3	181,3	211,9
Пропуск белья, тыс. т	160	49	54,8	62	63,5
Число городов с трамваями	82	74	74	73	74
Протяжение одиночного эксплуатационного пути, км	4576	3925,7	4026	4114,5	4218,3
Инвентарное число пассажирских вагонов	13 101	10 189	10 344	10 591	10 714
Перевозка пассажиров, млн человек	8000	6367,8	6695,3	7072	7095,6
Число городов с троллейбусами	18	5	5	6	7
Инвентарное число пассажирских машин	2134	349	588	713	789
Перевозка пассажиров, млн человек	270	105,2	215,7	304,9	292,6

* Без прибалтийских советских республик.

I полугодие 1941 г. (в границах до 17.09.1939 г.)	Выполнение плана за 3½ года (I полугодие 1941 г. к плану), %	1940 г., % к 1937 г.	I полугодие 1941 г., % к 1937 г.	1940 г., % к 1937 г. (в новых границах)*
474	108,5	120,7	122,5	129,2
4463,3	83,1	144,2	148,4	146,8
16 269,3	89,0	121,2	121,5	127,2
753,7	44,3	145,2	76,0	147,5
145	99,3	141,6	143,6	161,4
3784,9	55,0	121,5	122,4	135,6
1474	84,8	116,7	128,7	131,0
180,5	91,2	111,4	116,6	118,1
211	54,7	???	137,9	144,4
235	65,8	150,1	166,4	182,8
32,9	20,6	129,6	67,1	136,7
74	90,2	100,0	100,0	105,4
4216,5	92,1	107,5	107,4	110,7
10 759	82,1	105,2	105,6	108,0
3462,2	43,3	114,4	55,2	115,2
7	38,9	140,0	140,0	160,0
811	38,0	226,1	283,4	337,8
170,3	63,1	278,1	161,9	279,0

Заданные сверху темпы индустриального развития не оставляли времени и средств на защиту окружающей среды. Нарком коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комаров в своей записке в ЦК партии и лично И.В. Сталину «По вопросу загрязнения рек промышленными и городскими сточными водами» от 26 мая 1937 г. поднял проблему промышленного и бытового загрязнения. По его заключению, города и промышленность возвращали «отработанную воду в виде фекальных и промышленных неочищенных стоков в местные водоемы», делая их непригодными не только для питья, но и для скотоводства и рыбоводства. Наибольшее загрязнение рек давали сточные воды коксохимических, металлургических, бумажно-целлюлозных предприятий и производств синтетического каучука. Особенно большой вред причиняли стоки, содержавшие фенол, «практические методы удаления которого из сточных вод» в СССР не были изучены. К примеру, сточные воды г. Дзержинский, выпускаемые в Оку без очистки, ухудшали качество водопроводов Горького. Бумажный комбинат в Балахне загрязнил воду Волги на всем протяжении до Горького, «сделав ее на этом участке негодной для питья и для рыбоводства». Сточные воды коксохимических предприятий Кемерово испортили воду р. Томь на 100 км ниже по течению. Заводы синтетического каучука в Воронеже настолько загрязнили одноименную реку до ее впадения в Дон, что «в ней уничтожена рыба, а вода окрашена в темный цвет». На Украине некоторые реки были «превращены в сточные коллекторы» и носили «специальное название “технических” рек, в которых уничтожена всякая жизнь». Усугубляли антисанитарное состояние водоемов и хозяйственно-бытовые стоки. Например, Свердловск выпускал ежедневно в р. Исеть 13 тыс. куб. м «сточной жидкости без очистки»¹⁰⁹.

Именно в межвоенный период были заложены основы советского ЖКХ со всеми его плюсами и минусами, включая централизацию строительных программ и остаточный принцип финансирования коммунального хозяйства, создание современной городской инфраструктуры и ухудшение экологической ситуации, приоритетность столичных городов и крупных промышленных центров в ущерб малым городам, бюрократизацию сферы ЖКХ и различные общественные инициативы, острый жилищный кризис и т.п.

¹⁰⁹ Там же. Л. 7–8.

Развитие городских санитарно-технических предприятий

В данной главе рассматривается история городских санитарно-технических предприятий: водопровода и канализации, предприятий по уборке территорий, прачечных и бань. Подробнее положение данных предприятий в период революции, Гражданской войны, нэпа и индустриализации будет рассмотрено в соответствующих параграфах данной главы. Здесь ограничимся констатацией того, что задача создания нового городского хозяйства актуализировалась только после окончания Гражданской войны. К примеру, в Екатеринбурге в первые послереволюционные годы источниками водоснабжения служили р. Исеть, пруд и ключи, канализации не существовало, работала лишь одна общественная баня. Только вспыхнувшая в начале 1920 г. эпидемия тифа подтолкнула местные власти к активизации мер по санитарной очистке города: открытию санпропускников и прачечных, повышению пропускной способности бани и т.п.¹ И это, судя по ведомственным документам и периодической печати, была типичная ситуация. Более того, документы свидетельствуют, что даже к концу первой пятилетки санитарно-эпидемическое состояние большинства промышленных районов и новостроек Урала, Западной Сибири и Донбасса, во многом связанное с уровнем развития санитарно-технических предприятий, было неблагоприятным.

Подготовленная в 1932 г. бюро фракции ЦК Медсантруда докладная записка свидетельствовала, что территории рабочих поселков были «чрезвычайно загрязнены» из-за отсутствия канализации, недостаточного числа выгребных и отсутствия мусорных ям, маломощности ассенизационных обозов и т.п. «Крайне неудовлетворительным»

¹ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

было состояние не только жилых бараков в большинстве промышленных районов, но и вновь построенных капитальных домов в соц-городах, в частности, в Магнитогорске и Березниках. Бараки обычно строились без соблюдения санитарно-гигиенических требований и отличались большой скученностью: средняя норма составляла 2 кв. м на человека, но в ряде случаев (в некоторых районах Кузнецка) она снижалась до 0,75 кв. м. Без надлежащей уборки бараков и при «совершенно недостаточном саннадзоре» это вело к «значительному наличию паразитов» — вшей, клопов и тараканов. «Крайне недостаточным» было и обслуживание рабочего населения банями и прачечными. К примеру, в Кузнецке из-за нехватки воды на одного человека приходилось 0,8 помывки (sic!) в месяц. «Значительный недостаток воды» испытывали ряд районов Урала (Кизел, Половинка, Молотово, Нижний Тагил², Магнитогорск и др.) и Донбасса. Насосные станции водопроводов в Молотово, Магнитогорске и Кизеле пользовались хлорированной водой, «загрязненной фекальными массами». На практике большинство хозяйственных организаций «упорно не выполняли» постановления ВСНХ от 25 ноября 1931 г. и областных и краевых исполкомов в части строительства бань, прачечных, водогреек или проводили их в жизнь «крайне медленно»³.

Такое положение было не только в новых промышленных центрах. Лишь на исходе первой пятилетки власть обратила внимание на катастрофическое положение коммунального хозяйства «колыбели Революции». В результате на 1932 г., «в виду недостаточной мощности водопроводных станций и недостаточности сети, особенно в рабочих районах» Ленинграда, было намечено увеличить мощность главной водопроводной станции на 90 тыс. куб. м суточной подачи воды. К 1933 г. планировалось строительство первой очереди Южной станции мощностью 160 тыс. куб. м суточной подачи воды. Также предполагалось проложить 85 км новой водопроводной сети и произвести проектные и изыскательские работы по сооружению Ладожского водопровода. Учитывая «техническую устарелость» (47% из дерева), из-

² Так, постановление СНК СССР № 159 «О строительстве водопровода и канализации в Нижнем Тагиле» было принято только 13 февраля 1938 г. (ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 289. Л. 1).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 62. Л. 49–59.

ношенность и нехватка канализационных сетей, было решено в 1932 г. закончить сооружение основной магистрали и присоединение к домам Василеостровской канализации, а также произвести прокладку бетонной канализации взамен пришедшей в негодность деревянной и проложить новую в районах жилищного строительства. Также на 1932 г. было запланировано строительство пять бань и три банно-прачечных комбинатов, с пропускной способностью бань до 400 человек каждая, а также «привести в надлежащее состояние имеющееся банное хозяйство». Одновременно намечались меры по развитию домовых прачечных в старом жилищном фонде, и особенно в новостройках⁴.

По официальным данным, в 1932 г. только в РСФСР было уложено около 500 км водопровода и около 210 км канализации⁵. Тем не менее даже в 1936 г. в ведомственных документах признавался факт слабого развития во многих городах водопроводно-канализационного хозяйства, не удовлетворявшего потребностей населения⁶.

Качество коммунальных услуг резко ухудшалось по мере удаления от столицы. Даже в Москве в конце 1930-х годов большинство населения жило в домах без ванн и мылось раз в неделю в общественных банях. Но в подмосковных Люберцах с населением 65 тыс. человек не имелось ни одной бани, а в «образцово-показательном» рабочем поселке Орехово-Зуево отсутствовали уличное освещение и водопровод. В Воронеже вообще новые дома для рабочих до 1937 г. строили без водопровода и канализации, а в городах Сибири без водопровода, канализации и центрального отопления обходилось подавляющее большинство населения. Сталинград с населением, приближавшимся к полумиллиону, еще в 1938 г. не имел канализации. В рабочих поселках близ Днепропетровска вода нормировалась и продавалась в бараках по 1 руб. за ведро⁷.

Впрочем, санитарно-технический сектор коммунального хозяйства продолжал развиваться. Например, накануне войны в Москве был поднят вопрос о дождеприемных колодцах, строившихся из кирпича и стоивших очень дорого. В целях ускорения строительства и сниже-

⁴ Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда».

⁵ О результатах капитального строительства 1932 года...

⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 224. Л. 17.

⁷ *Фицпатрик III*. Повседневный сталинизм... С. 64.

ния стоимости колодцев, уменьшения загруженности городских улиц стройматериалами и высвобождения высококвалифицированных каменщиков Трест строительства водосточков Моссовета в 1940 г. начал строить дождеприемные колодцы из сборных железобетонных конструкций⁸. Но новые технологии, как и финансовые вливания, сосредоточивались в основном в столице. Так, в 1940 г. в РСФСР планировалось вложить в водопровод и канализацию 88,03 млн руб., при этом в одной только Москве — 105,2 млн⁹. Комментарии, как говорится, излишни. Строительство социализма в одной отдельно взятой стране выходило на новый уровень — строительства коммунизма в отдельно взятом городе.

§ 1. От водовозов к водопроводам

Удивительный вопрос —
Почему я водовоз?
Потому что без воды —
И не туды, и не сюды.

*«Куплеты водовоза» из фильма
«Волга, Волга»*

В кинокомедии Григория Александрова «Волга, Волга» (1938 г.) водовоз Кузьма Иванович (в исполнении Павла Оленева) в куплетах воспел огромное значение воды в нашей жизни. Наличие к квартире водопровода стало предметом гордости детей в известном стихотворении Сергея Михалкова «А что у вас?», впервые опубликованном в газете «Известия» 17 июля 1935 г.:

«— А у нас в квартире газ!
А у вас?
— А у нас водопровод!
Вот!».

Впрочем, снабжение населенных пунктов водой во все времена было важнейшей задачей городских властей. Российский водопро-

⁸ Васильев В.С. Сборные дождеприемные колодцы // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Аккад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1940. № 4. С. 27.

⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 6.

вод, по археологическим данным, ведет свою историю от деревянных труб Новгорода конца XI — начала XII вв.¹⁰ Судя по всему, имелся деревянный водопровод и в древней Москве. Однако первые летописные сообщения о московском водопроводе относятся только к XVII в. Летописец сообщал, что в 1601 г. был построен водопровод «из Москвы-реки на государев двор на Конюшенной на большой, по подземелью великою мудростию»¹¹. В 1633 г. для напорного водопровода, обслуживавшего дворцовые здания, была приспособлена Свибловская башня Кремля. Несмотря на то что состоявший из металлических труб кремлевский водопровод XVII в. был совершенным для своего времени сооружением, водоснабжение Кремля практически прекратилось с переносом столицы в Санкт-Петербург. Только в конце XVIII в. снова встал вопрос о налаживании водопроводного дела во второй столице. Однако уже после 10 лет эксплуатации Мытищинский (Екатерининский) водопровод, строительство которого завершилось в 1804 г., пришел в полную негодность. В 1826–1835 гг. московский водопровод был перестроен, но воду провели в немногие здания (Кремлевский дворец, Воспитательный дом, городскую тюрьму, городские ряды, общественные бани и государственные театры). Остальное население для своих нужд использовало водозаборные колонки («фонтаны»). В 1850 г. начались работы по устройству двух новых водопроводов с подачей воды из Москвы-реки, а в 1853–1858 гг. был наконец перестроен Мытищинский водопровод¹².

В августе 1858 г. были утверждены Правила для водоснабжения частных домов в Москве из общественных водопроводов, разрешившие присоединение к водопроводной сети учреждений, предприятий и домов частных лиц с проводкой соединительных труб за их счет и оплатой для «заведений» по 20 коп. за «газовое ведро» и в частных домах — в размере одной шестой от оценочной стоимости домовладения.

¹⁰ См.: Монгайт А. Раскопки 1938 г. на Ярославском дворике в Новгороде // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 192–195.

¹¹ Цит. по: Яковлева О.А. Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII в. // Изв. АН СССР: Отдел. техн. наук. 1951. № 4. С. 623.

¹² См.: Андреев А. История московского водопровода // Вед. моск. гор. полици. 1850. № 63, 64, 66, 67; История Москвы: в 3 т. Т. 3. М., 1953. С. 334.

Но за 3 года, прошедшие после утверждения правил, было присоединено только 32 «заведения» и 20 домовладений, так как проводка водопровода стоила дорого, а водовозы вполне удовлетворяли нужду населения в воде. В 1860-е годы, как и ранее, водоснабжение Москвы находилось в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий, но в 1870 г. московские водопроводы были переданы в ведение Городской думы. Одновременно началось расширение Мытищинского водопровода, в 1871 г. был построен Ходынский водопровод, а в 1882 г. — Андреевский, оба, однако, впоследствии заброшенные.

Изыскания 1870—1883 гг. с привлечением иностранных специалистов не привели к реальному увеличению мощности водопроводной сети. Только в 1887—1892 гг. силами русских инженеров и строителей был построен новый городской водопровод протяженностью 110 км. В 1899—1901 гг. до мощности в 3,5 млн ведер был расширен Мытищинский водопровод, правда, за счет некоторого ухудшения качества воды. В 1898 г. был утвержден проект нового Москворецкого водопровода, первая очередь которого была завершена в 1905 г., а в 1908 г. было начато строительство второй очереди. В итоге, если в 1893 г. уличная водопроводная сеть Москвы составляла всего 10 верст¹³, то в 1916 г. она достигла 580 верст. Соответственно число домовых присоединений с 2300 в 1900 г. возросло до 9470 (и это притом, что к сети было присоединено всего 34,2% домов Москвы). Так как перед Первой мировой войной численность москвичей возросла более чем на 3,5% в год, в 1913 г. Городская дума приняла решение об очередном расширении водопроводной сети. В итоге к 1916 г. Мытищинский и пущенный в 1905 г. Москворецкий водопроводы поставляли в город около 12 млн ведер воды в сутки. Так что, если в 1897 г. на одного жителя Москвы приходилось 1,5 ведра в сутки, то в 1917 г. — уже 6,5 ведра¹⁴.

До 1861 г. водопровод существовал только в Москве, Саратове, Вильно, Ставрополе и маленьком уездном Торжке. В столичном Пе-

тербурге водопровода (как, впрочем, и канализации) не было. Наконец, в 1860-е годы водопровод был построен в столице, семи губернских центрах (Риге, Ярославле, Твери, Владимире, Костроме, Воронеже и Ревеле) и в Ростове-на-Дону, который был крупным портовым городом. В 1870-е годы водопровод появился еще в 10 городах, в том числе в Одессе, Киеве, Харькове, Казани и Минске, а из маленьких городов — в Алексине Тульской губернии и Мензелинске Уфимской губернии. В 1880-е годы водопроводы были построены уже в 17 городах, в том числе в Тифлисе и пяти других губернских центрах, а в 1890-е годы — еще в 17 городах, из них в 12 губернских (Туле, Нижнем Новгороде, Кишиневе, Екатеринодаре и др.). В итоге к 1910 г. 168 из 862 городов Европейской части России уже имели водопровод¹⁵.

С одной стороны, развернувшееся в пореформенную эпоху строительство водопроводов шло нарастающими темпами. С другой стороны, водопровода в то время не было в подавляющем большинстве небольших городов центральных губерний, а также ни в одном из городов Сибири и Средней Азии. По данным 1911 г., на 1063 населенных пункта с числом жителей более 10 тыс. человек только 219 (20,6%) имели водопроводы. При общей протяженности водопроводной сети в 5800 км не имели водопровода такие промышленные центры, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Златоуст и почти все города Донбасса. По данным Всероссийской гигиенической выставки, накануне Первой мировой войны 80,9% городских поселений были лишены водопровода, а из 227 поселений, имевших водопровод, только 65 предварительно очищали воду и вели санитарный надзор за ее качеством. Для сравнения, в Германии водопровод в это время имели 74% мелких городов и 98% крупных. Если 90% российских населенных городов получали воду из открытых источников, то в Германии их доля не превышала 10%¹⁶. Прежде всего сложившееся положение объяснялось тем, что до революции развитие водопровода и канализации в большинстве про-

¹³ Верста — русская единица измерения расстояния, равная 500 сажням или 1500 аршинам, что соответствует современным 1066,8 м.

¹⁴ История Москвы. Т. 4. М., 1954. С. 528—534; Т. 5. М., 1955. С. 708—709; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. М.: Изд. стат. отд. Моск. Совета, 1927. С. 9; *Сытин П.В.* Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. М.: Новая Москва, 1926. С. 37.

¹⁵ Россия: географическое описание Российской империи по губерниям и областям. Т. 1: Европ. Россия. СПб.: Тип. «Бережливость», 1913. С. 277.

¹⁶ *Власенко С.* 15 лет борьбы и побед в области городского хозяйства // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 9—10. С. 6; *Петров М.* Благоустройство наших городов перед революцией // Коммунал. работник. 1922. № 1—3 (78—80). С. 27; *Шенгели Г.* По следам времени. С. 16.

винциальных городов было объектом концессий и, как правило, не соответствовало ни росту населения, ни потребностям города.

В годы революции и Гражданской войны по вполне понятным причинам водопроводное хозяйство оказалось совершенно заброшенным. Например, в марте-апреле 1917 г. в Петрограде отмечался недостаток воды на верхних этажах домов, так как работы по строительству Ладожского водопровода были приостановлены, а две городские водопроводные станции были не в состоянии снабжать весь город¹⁷.

Только после Гражданской войны на повестку дня встала задача создания фактически нового водопроводного хозяйства. Но на практике между «громадьём планов» и началом их реализации нередко проходили годы. Например, в Свердловске¹⁸ к сооружению водопровода городской совет приступил лишь в 1925 г., а строительство новой фильтровальной станции мощностью 18 тыс. куб. м воды в сутки началось только накануне Великой Отечественной войны¹⁹.

Во Владимирской губернии в конце 1921 г. водопровод функционировал в семи городах: Владимире, Вязниках, Гусь-Хрустальном, Коврове, Муроме, Переяславле и Юрьеве. К примеру, на городской водокачке Владимира были установлены новый двигатель и насос, в ряде районных городов отремонтированы колодцы, а в Гороховце произведена замена деревянных труб на протяжении 432 саженей. Но при этом продолжались устройство и ремонт водопроводных будок и колодцев. Ведь основная часть населения губернии продолжала пользоваться водой из колодцев и рек²⁰. Подобное соотношение между водовозами и водопроводами было характерной чертой развития подавляющей массы советских городских поселений периода нэпа.

В 1924 г. из почти 2200 городов СССР только 328 имели водопроводы, общая длина которых составляла 7 тыс. верст. Наибольшее число из них (117) питались грунтовой водой, 79 — речной и 41 — артезианской. 22 водопровода имели смешанное водоснабжение, а сведений об источниках водоснабжения 69 водопроводов не было. При этом наибольшая длина сети труб (2400 верст) приходилась на долю речных во-

допроводов. Для грунтовых и артезианских колодцев этот показатель составлял 1650 и 500 верст соответственно. В свою очередь, водопроводы со смешанным водоснабжением имели длину сети в 1 тыс. верст (из них 800 верст для водопроводов, питавшихся одновременно речной и грунтовой или артезианской водой). Большинство водопроводов имели длину не более 40 верст и только 20 — бóльшую длину (к примеру, длина труб Ленинградского и Московского водопроводов была больше 600 верст каждая). Все водопроводы страны давали 76 млн ведер воды в сутки. Для сравнения, этот показатель только для Лондона составлял 76 млн, а для Нью-Йорка достигал 120 млн ведер²¹.

Впрочем, в большинстве городов не было водомеров, и учет воды производился по нормам. В силу этого процент неучтенной воды в среднем по стране составлял около 50%, а в ряде городов был еще больше: в Челябинске — 66%, в Курске — 60% и т.д. В 1924 г. воду всем потребителям через водомеры отпускали только в Москве. Платный отпуск воды достиг в столице довоенного уровня (88% от всего поданного в город количества воды), а остальные 12% приходилось на помывку канализационных труб, тушение пожаров и утечку. Однако тарифы на воду почти во всех городах СССР были выше довоенных и колебались довольно широко: от 8 коп. за 100 ведер в Ленинграде до 3 руб. за 100 ведер в Костроме²². И это притом, что плата за пользование водопроводом взималась, по общему правилу, ниже себестоимости. Например, в Ефремове Тульской губернии в 1924 г. вода отпускалась по тарифу 0,2 товарные копейки при себестоимости 0,4 коп.²³, т.е. в 2 раза дешевле.

Одним из важнейших вопросов водопроводного (как, впрочем, и канализационного) хозяйства во всероссийском масштабе к середине 1920-х годов был вопрос о домовых присоединениях. В городах, где имелись водопроводы, к ним были присоединены около 18% домовладений²⁴. Впрочем, как мы увидим, этот показатель был несколько

¹⁷ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 110.

¹⁸ В 1924 г. Екатеринбург был переименован в Свердловск.

¹⁹ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 44. Л. 272.

²¹ Хроника // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 5. С. 48.

²² Там же. С. 49.

²³ Печковский Н. Коммунальное хозяйство Тульской губернии // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 1–2. С. 67.

²⁴ Митлянский Ю. О присоединениях домовладений к магистралям водопровода и канализации // Коммунал. хоз-во. 1924. № 7. С. 2.

завышен. В докладной записке заместителя наркома внутренних дел РСФСР М.Ф. Болдырева «По вопросу финансирования мероприятий по восстановлению коммунального хозяйства РСФСР» от 25 июля 1924 г. состояние водопроводов во многих городах характеризовалось как «отчаянное». Водопроводы имелись в 213 городах, но в них, по его данным, были присоединены только 12% домовладений. Более благоприятная ситуация сложилась в Москве, где из 100 домовладений к сети были присоединены 34%, и в Ленинграде (около 50%). Но в Ленинграде на фильтрах образовались «угрожающие трещины», а домовые ответвления прохудились настолько, что 20% воды уходило в землю. В Старой Руссе технадзор запретил эксплуатацию котлов, а в Новороссийске курорт и порт в результате аварийного состояния сети остались без воды²⁵. В Саратове потери водопроводной воды возрастали ежегодно, к 1924 г. достигнув 71%²⁶.

В ноябре 1924 г. состоялось Всероссийское совещание по рационализации водопроводных и канализационных устройств, на котором было выделено три категории городов в зависимости от способа снабжения водой: получавшие воду из кранов в квартирах (центр города), из водоразборных будок (окраины), из рытых колодцев и открытых водоемов (дальние окраины и предприятия). Статистика показывала, что процент заболеваемости и смертности на окраинах городов был выше, чем в центре, в первую очередь из-за отсутствия «здоровой питьевой воды». В 213 городах (включая Москву и Ленинград) на 694 624 домовладения количество действовавших домовых присоединений составляло всего 12,5% (бездействовавших — еще 20%). Показательно, что в провинциальных городах наибольший процент домовых присоединений (76%) был в жилищных товариществах, там же отмечался наименьший процент бездействовавших соединений — 8%²⁷.

На апрель 1925 г. не имели водопроводов 8 городов РСФСР с населением более 60 тыс. человек (в том числе Владивосток, Новосибирск

и Благовещенск), 10 городов с населением 40–60 тыс., 10 — с населением 30–39 тыс. и 10 — с населением 20–29 тыс. человек. В 1925 г. удельный вес водопроводов с подземными водами достиг 62%, т.е. превзошел уровень 1911 г. (58%). Это было характерно для малых городов, тогда как в крупных городах, пользовавшихся подземными водами, назрела потребность в переходе к речному водоснабжению. При этом 87 речных водопроводов (35%) забирали воду в пределах городов и ниже по течению, а свыше 30% таких водопроводов не имели систем очистки воды; были и города, где не очищалась даже вода, забираемая ниже города. По официальным данным, фильтрацию воды производили 65% речных водопроводов (75% из них имели американские фильтры, 20% — английские и 5% — те и другие одновременно). Как мы видим, водопроводное хозяйство на 100% зависело от импортных фильтров. Хлорирование воды, кроме Ленинграда применялось еще в 18 городах. Утечка воды в среднем по Союзу ССР составляла 25–30% подаваемой воды. Правда, в регионах картина была довольно пестрой: если в Арзамасе этот показатель составлял 20%, то в Астрахани из-за частых прорывов старых труб утечка достигала 60%²⁸.

Хотя в 1925 г. число водомеров достигло 79,8 тыс. шт. (в 3,5 раза больше, чем в 1910 г.), приборами было оборудовано немногим более половины домовых присоединений, а 80 водопроводов были лишены водомеров. В среднем доля исправных водомеров составляла 82%, но были города — рекордсмены по числу неисправных водомеров: 75% в Полтаве, Сызрани и Хабаровске и 90% (!) в Арзамасе. Существенным недостатком водопроводного хозяйства было разнообразие систем водомеров (например, в Баку — 18 систем), что удорожало их и увеличивало время их ремонта. Из 174 напорных водопроводов электрифицированы были только 49 (28%), 52 имели паровые насосы или насосы, работавшие от паровых машин, 38 были оборудованы двигателями внутреннего сгорания и 35 имели смешанное оборудование. При этом состояние силовых установок было «крайне тяжелое» во многих городах (Калуге, Умани, Херсоне, Горбатове, Халтурине, Вологде, Твери и др.). Впрочем, состояние водопроводного хозяйства пусть медленно, но менялось к лучшему. В ряде городов (Астрахани, Ленинграде, Самаре, Оренбурге и др.) была проведена смена оборудования, построе-

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 24. Л. 19.

²⁶ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920–1930-е гг. (на материалах г. Саратова): дис. ... ист. наук. Саратов, 2014. С. 123.

²⁷ Брагинцев Н. О водопроводных присоединениях // Коммунал. дело. 1926. № 9. С. 26–27.

²⁸ Коммунальные предприятия // Там же. 1926. № 7. С. 56.

ны новые водопроводы в Иваново-Вознесенске, Таганроге, Звенигороде, Можайске, Верее и Белой Церкви. Продолжалось строительство водопроводов в Ромнах, Дмитрове, Наро-Фоминске, Орехово-Зуеве, Свердловске и Грозном²⁹.

Интенсивное развитие нового электростроительства, восстановление электрических станций в городах и других населенных пунктах, обновление коммунального оборудования — все это к середине 1920-х годов выдвигало неотложную задачу электрификации водопровода. Обычно в тех городах, где существовало центральное водоснабжение, имелись и электрические станции общественного пользования. Но очень немногие города применяли электрическую энергию для подъема и подачи воды и пользовались, как правило, самостоятельными силовыми установками. Так, по имеющимся на 1 октября 1923 г. сведениям о 108 водопроводах РСФСР, собственные силовые установки имели 73% из них, 20,5% пользовались электрической энергией и 6,5% применяли и электрическую энергию, и свои силовые установки. В частности, из 45 водопроводов Украины электрифицирована была примерно половина³⁰.

Ситуация не особо изменилась и к 1925 г., когда число водопроводов общественного пользования в СССР увеличилось до 300 вследствие их устройства в небольших населенных пунктах³¹. Но были и обратные примеры. Несмотря на то что Свердловск был крупным горнопромышленным центром (в 1925 г. — около 95 тыс. жителей), он не имел водопровода, если не считать нескольких источников воды внутри города, из которых питались несколько водоразборов, снабжавших жителей водой, отпускавшейся в бочки и ручную посуду. Но вода из этих источников была сильно загрязнена органическими отбросами, которые проникали в источники из многочисленных выгребных ям города³².

²⁹ Там же. С. 57.

³⁰ Брагинцев Н. Электрификация водопроводов // Коммунал. дело. 1925. № 4. С. 7.

³¹ Данилов Ф. Первый Всесоюзный (XIII) водопроводный и санитарно-технический съезд // Там же. № 11–12. С. 9.

³² Пушечников В. О постройке нового водопровода в г. Екатеринбурге // Там же. № 2. С. 49.

Специалисты в 1926 г. признавали состояние и благоустройство городов в отношении водопровода «далеко неблагоприятным». Действительно, к 1926 г. из 524 городов РСФСР водопроводы имелись лишь в 199 городах (38%). Причем около половины водопроводов были сооружены до 1900 г., а вторая половина — в первую четверть века. По данным по 151 городу РСФСР, сооружение водопроводов в районах распределяется следующим образом (табл. 2.1)³³.

Таблица 2.1
Распределение водопроводов по регионам РСФСР на 1926 г.

Сооружение	Северная часть Европейской России	Центральная часть Европейской России	Поволжская часть	Восточная часть Европейской России	Южная часть Европейской России	Средне-азиатские области	Сибирь	Всего
До 1900 г.	12	25	14	7	18	—	—	76
С 1900 по 1910 г.	7	9	9	6	9	2	3	45
С 1900–1915	4	10	1	—	1	1	1	18
С 1900–1925	1	4	—	—	1	—	—	6
Всего	24	48	24	13	29	3	4	145

Как мы видим, наиболее интенсивное строительство наблюдалось в 1900–1910 гг. (5,6 водопровода в год), затем темпы строительства снизились до 4,5 и, наконец, до 1,5 водопровода ежегодно. В количественном отношении лучше обустроены водопроводом были города южной части Европейской России, затем следовали Поволжье и Центральная часть Европейской России (Промышленная и Черноземная области). Четвертое место занимала восточная часть Европейской России, а после нее шли города ее северной части. На последнем месте находились Сибирь и среднеазиатские области республики. Значительно отставали по оборудованию водопроводами от средней нормы по РСФСР города Сибири и среднеазиатских областей, за исключением городов с населением от 40 тыс. человек. Ниже средней нормы обслуживались водопроводами города Восточного района с населением от 20 до 40 тыс. человек и северной части Европейской

³³ Морозов А. Водопроводы и канализация в городах РСФСР. С. 10.

России с населением до 20 тыс. человек. Почти у 75% городского населения в местах своего постоянного пребывания были водопроводы, но с учетом недостаточного развития водопроводной сети (не превышавшей 50% длины проездов) и незначительного числа домовых подключений (2,7–14,6% общего числа домовладений без Москвы и Ленинграда) и водоразборов (в средней 11 на город) пользовалась лишь половина этого населения³⁴.

Всего на территории РСФСР водопроводы в 1926 г. имелись в 264 населенных пунктах, правда, 60 из них были чрезвычайно примитивно устроены и располагались в сельских поселениях. Население городов и рабочих поселков с водопроводами составляло около 70% городского населения по РСФСР, но из-за недостаточно развитой сети в этих поселениях фактически обслуживалось не все население, а лишь около 40–50%. Следовательно, фактически в РСФСР пользовались водопроводами только около 20–25% городского населения. Душевое потребление воды тоже было незначительным: в среднем на душу городского населения, не считая Москвы и Ленинграда, потреблялось около 2,2 ведра (27 л) в сутки, в то время как Москва потребляла 75 л, Берлин — 129 л, Чикаго — 1207 л³⁵.

Оставляло желать лучшего и качество водопроводной воды. Например, в 1926 г. в Ростове-на-Дону были преданы суду 4 человека из администрации водопровода. Из-за повреждения канализации и изношенности труб произошло заражение сточными водами источников водоснабжения. Из-за загрязнения водопровода нечистотами вспыхнула эпидемия брюшного тифа (5626 заболеваний и 74 смертных случаев). И это не было единичным случаем. Во второй половине 1920-х годов вспышки тифа наблюдались в Краснодаре, Бежице и других населенных пунктах³⁶. Одной из причин подобных случаев было слабое распространение хлорирования воды. В России хлорирование воды было впервые применено по инициативе инженера Войткевича в Нижнем Новгороде в 1910 г., правда, во время ярмарки. В 1911 г.

³⁴ Там же. С. 11, 13.

³⁵ Головин М. Текущие вопросы коммунальной жизни // Вопр. коммунал. хоз-ва. 1926. № 4. С. 47.

³⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 10; Коммунальные предприятия // Коммунал. дело. 1926. № 21–22. С. 101.

хлорирование применялось уже постоянно в Ростове-на-Дону по инициативе инженера Горбачева, причем детали производства хлорирования были разработаны на месте профессором Дзержговским³⁷. Но внедрялось хлорирование крайне медленно, как до революции, так и после нее.

Как уже указывалось, процесс восстановления водопроводного хозяйства и нового строительства начался с 1921 г., и на конец 1926 г. только в РСФСР было уже 214 городских поселений с действовавшими водопроводами. К началу первой пятилетки водопроводная сеть составляла 6700 км. Статистические материалы демонстрируют рост удельного веса населения, охваченного водопроводом, в 1923–1927 гг.: 12,2% в 1923 г., 18,4% в 1925 г. и 19,4% в 1927 г.³⁸ При этом потребность в восстановительных и строительных работах по всем водопроводам РСФСР, кроме Москвы, к концу 1926 г. составляла 46 млн руб. Необходимость нового строительства водопроводов в городах, где их еще не было, определялась в сумме около 43 млн руб. Но в 1926/1927 хоз. году в капитальный ремонт было вложено около 17% необходимых затрат (не считая Москвы), а постройка новых водопроводов продвинулась только на 10%³⁹.

В 1929 г. состояние водопроводного хозяйства всюду указывалось «неудовлетворительным»: в РСФСР водопроводные предприятия имелись лишь в 216 городах из 506 (около 43%). Водопроводная сеть была «очень слабо» развита по отношению к протяженности улиц. Длина сети всех водопроводов в РСФСР в этом году составила около 5,3 тыс. км, а без Москвы и Ленинграда — 3,8 тыс. км при общей длине улиц и проездов 13,5 тыс. и 11,7 тыс. км соответственно. Водопроводная сеть хотя и росла (главным образом, на окраинах и в рабочих районах), в среднем (без Москвы и Ленинграда) составляла лишь 32–33,5% протяженности улиц и проездов. Несмотря на то что водопроводами были обслужены города с численностью до 77,8% всего городского населения РСФСР, развитие сети водоразборов было не-

³⁷ Эвморфонуло Л. Хлорирование водопроводной воды // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1928. № 5. С. 47.

³⁸ Шенгели Г. По следам времени. С. 16.

³⁹ Целибева П. Дальнейшее развитие коммунального хозяйства // Коммунал. работник. 1928. № 3. С. 22.

достаточным. Незначительным оставалось и число домовых присоединений — 9,1% от всего числа домовладений (для сравнения: 38,3% в Москве и 48,9% в Ленинграде), причем число присоединений росло медленными темпами. Но при этом водопроводное хозяйство, «несмотря на все его дефекты», являлось доходным⁴⁰.

Перспективы нормального водоснабжения населенных пунктов до начала 1930-х годов оценивались, главным образом, по количеству городских водопроводов. К 1931 г. из 721 города на территории СССР городов с водопроводом было 333 (46%), а в РСФСР — 270 (37% от общего числа городов). Не было точных статистических сведений о водоснабжении рабочих поселков (свыше 300 в РСФСР), а тем более — совхозов, МТС и колхозов⁴¹.

В выступлениях на I Всесоюзном съезде работников коммунального хозяйства в апреле 1931 г. отмечалось, что водопроводное хозяйство (как и коммунальное хозяйство в целом) вступило «в реконструктивный период значительно позднее, чем в остальных отраслях народного хозяйства», но успело достичь «весьма многого». Были построены новые водопроводы в Иваново-Вознесенске, Свердловске, Богородске, Павлове, Выксе, Кулебаках, Новосибирске, Сталинграде, Шахтах, Новороссийске, Сочи, Грозном, Троицке, Чебоксарах, Сормове, Павловском Посаде, Бронницах, Волоколамске, Воскресенске, Дмитрове, Звенигороде, Кашире, Можайске, Орехово-Зуеве, Ленинске, Раменском, Озерах и др. Кроме того, во многих городах (преимущественно промышленным) проводилась реконструкция водопроводного хозяйства. Правда, в ряде городов (Новосибирск, Иваново-Вознесенск и др.) только что построенные водопроводы оказались «уже не в состоянии справляться с обслуживанием населения» в силу темпа роста городов. Отмечался факт «полной неудовлетворительности водопроводного хозяйства». В городах, имевших водопроводы, длина магистральной сети составляла всего 30% от длины городских улиц и проездов. Число домовладений, присоединенных к водопро-

⁴⁰ Морозов А. Задачи санитарно-технического строительства в городах РСФСР. С. 10–11; Сирин М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы. С. 6.

⁴¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 10; Смирнов А. Проблема жилищного и коммунального хозяйства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 10.

водной сети (без Москвы и Ленинграда), составляло около 10% числа всех домовладений. Большая часть населения пользовалась водой только из водоразборных уличных колонок, а значительная часть населения многих городов пользовалась «водой из зараженных грунтовых рытых колодцев, из рек и прочих водоемов».

В итоге потребление воды при норме для проектируемых «социалистических городов» и благоустроенных городов Западной Европы в 150 л на человека в сутки и при «голодной норме» в 35 л составляло по СССР в среднем 22–23 л. Лишь в Москве и Ленинграде потребление воды составляло 90 и 140 л на человека в сутки соответственно. Во многих же мелких городах фактическое потребление воды снижалось до 18–15 и даже до 10 л в сутки. Многие водопроводы по существу имели «только название водопровода», так как забор воды из рек производился прямо в черте города, вследствие чего в город подавалась недоброкачественная вода, из-за чего, как уже упоминалось, происходили частые вспышки брюшного тифа. Но курс был взят не на реконструкцию старых, а на усиленное строительство новых водопроводов, благо советская плановая система давала возможность строить единые групповые водопроводы для промышленности и города. Такие водопроводы-гиганты проектировались и строились в Нижнем Новгороде, Новосибирске, Архангельске и других городах, что позволяло не только рационализировать энергетическое хозяйство водопроводов, но и «значительно снизить стоимость воды»⁴².

Впрочем, с новым строительством не все обстояло гладко. Например, 17 мая 1931 г. Совнарком РСФСР принял постановление № 561 «О включении Саратовского водопровода в титульный список первоочередного строительства на 1931 год». ГУКХ было предложено отнести это строительство к числу первоочередных. Тогда и выяснилось, что строительство Саратовского водопровода обеспечено всеми материалами, за исключением чугунных труб⁴³.

Тем не менее в последующие годы вложения в строительство новых водопроводов и расширение старых росли непрерывно. Причем наибольший рост (почти на 75%) дал 1932 г.: с 43,5 млн руб. до 75 млн. Далее вложения в водопроводное хозяйство демонстрируют значи-

⁴² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 12–13.

⁴³ Там же. Д. 1. Л. 133.

тельно меньший прирост — 81 млн руб. в 1933 г. и 82,8 млн в 1934 г. Скорее всего, резкий рост вложений в 1932 г. был связан с началом строительства канала Москва — Волга, имевшего целью обеспечить водоснабжение столицы, где потребление воды в этом году увеличилось на 21%⁴⁴. К 1935 г. в связи с постройкой канала Рублевский водопровод подавал до 500 тыс. куб. м воды, что в 4 раза превышало ее подачу в послереволюционные годы и в 2 раза — расчетную подачу, принятую по первоначальному проекту⁴⁵.

Наряду с реконструкцией и расширением существовавших сооружений были заново построены 43 водопровода. При этом очевиден разрыв между намеченным на 1934 г. ростом суточной и годовой подачи воды на 40% и длиной уличной сети на 14% увеличением себестоимости на 31,7% и отпускных цен на 30,8%, ростом эксплуатационных расходов на 98,6% и валовым доходом на 87,4%. Таким образом, плановые показатели отражали значительное увеличение мощности водопроводных сооружений, удлинение магистралей и рост доходов, но одновременно — «значительное отставание в развитии сетей и домовых соединений от роста мощности готовых сооружений»⁴⁶. Повышение же себестоимости 1 куб. м воды отчасти можно объяснить внедрением усовершенствованных способов очистки воды и новым строительством.

Следует указать, что в середине 1930-х годов норм по эксплуатации не существовало, в силу чего отдельные предприятия пользовались расчетами, составленными на основе статистических данных. Например, развитие стахановского движения на ленинградских насосных станциях привело к увеличению давления насосов и соответственно к росту суточной подачи воды на 3,5%. В то же время к «утяжелению» городской сети примерно на 25% вело наличие громадных резервов, составлявших до 50% общей мощности насоса, и специальных пожарных насосов. Были предприняты меры по увеличению скорости отстоя и фильтрации воды без ущерба для качества. Так, в Горьком промывку фильтров стали производить не 1–2 раза в сутки, а раз в неделю,

увязав это с потерей напора воды. Но были и примеры обратного характера. Так, Первомайская станция в том же Горьком увеличила скорость фильтрации с 5 до 7 куб. м в час за счет ухудшения качества воды. Промышленность не обеспечивала достаточного количества, разнообразия моделей и качества насосов и электромоторов. Сохранялось отставание в присоединении домов к водопроводной сети: к 1936 г. в Сталинграде на 1 км сети приходилось 23 домовых присоединения, в Москве — 15, а в Горьком — 10⁴⁷. Для сравнения: в таких же городах Германии число подключений в эти годы было почти в 2 раза больше. Злободневной оставалась и задача предотвращения больших потерь воды в сети (в отдельных городах — до 49%) и непроизводительного расхода воды потребителями, не имевшими водомеров, платившими по подушной норме и потому не заинтересованными в сокращении потребления воды. В Горьком при 2070 домовых присоединениях была всего 1 тыс. водомеров, в Куйбышеве эти показатели составляли 1866 и 1300, в Сталинграде — 2571 и 1739 соответственно. Для сравнения: в аналогичных по численности населения немецких городах число водомеров даже превышало число подключений. При этом водомеров советское коммунальное хозяйство каждый год получало все меньше, поэтому Московский водопровод был вынужден организовать собственное производство мелких водомеров, а Ленинградский — запасных частей к ним⁴⁸.

В 1935 г. масштабные работы по строительству водопровода были проведены в Москве, Баку, Владивостоке, Харькове, Киеве, Ленинграде, Тифлисе, Свердловске, Одессе и Горьком, главное внимание было уделено рабочим окраинам и новым промышленным районам. В результате в 1935 г. городская разводящая сеть (без водоводов) увеличилась на 622 км, в том числе: в РСФСР — на 346,1 км, в УССР — на 201 км, в ЗСФСР — на 67,6 км, а во всех остальных республиках — на 47,3 км⁴⁹. Однако в небольших городах преобладающим способом

⁴⁴ Там же. Д. 175. Л. 11; На путях второй пятилетки. С. 2.

⁴⁵ Кротов И. Реконструкция московского водопровода в связи с постройкой канала «Москва — Волга» // Социалист. город. 1935. № 5. С. 18.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 11–12.

⁴⁷ Планы застройки требовали не менее 30–40 домовых присоединений на 1 км.

⁴⁸ Брагинцев Н.С. Стахановское движение и рационализация городских водопроводов и канализаций // Социалист. город. 1936. № 4. С. 12–13.

⁴⁹ Коновалов П.В. Итоги коммунального строительства 1935 года и план на 1936 год /// Там же. 1935. № 12. С. 8.

снабжения водой оставались водоразборные колонки или водоразборные будки с «сидельцем», отпускавшим воду за плату. Понимая невозможность в ближайшее время отказаться от водоразборных колонок, инженеры предлагали хотя бы заменить примитивные колонки с «сидельцами» автоматическими. Правда, признавая при этом, что «рационального типа таких колонок еще нет, и они ждут своего изобретателя»⁵⁰. В общем — очередной замкнутый круг.

По данным Главного управления водопроводов и канализаций за 14 апреля 1940 г., водопроводы имелись в 290 городах РСФСР, а длина распределительной сети составила 9713 км. За 1939 г. водопроводами было подано в сеть 1 060 624 тыс. куб. м воды. Число работавших в водопроводном хозяйстве достигло 17 596 человек, доходы — 295,5 млн руб., а ориентировочная восстановительная стоимость хозяйства — 1135 млн руб.⁵¹ За последний предвоенный (1940) год план полезного отпуска воды был выполнен на 101,5%. Наивысший процент выполнения показали водопроводы Новосибирска, Таганрога, Ярославля, Молотова и Дзержинска. При этом на водопроводах в Симферополе, Алушке, Вязьме, Ногинске, Тушине, Ельце, Вышнем Волочке и Майкопе в 1940 г. не произошло ни одной аварии. В то же время часть водопроводов дала «неудовлетворительные показатели выполнения производственной программы»: Рязань — 32,5%, Элиста — 57,4%, Уфа — 73,6%, Керчь — 81,4%, Сызрань — 85,4% и т.п. Утечка и неучтенный расход воды в 1940 г. составили 8,1% против 7% по плану. Особенно большой процент утечки дали водопроводы в Красноярске (16,5%), Сталинске (17,1%), Саратове (18,2%) и Архангельске (32,9%). Средняя себестоимость 1 куб. м отпущенной воды составила 22,2 коп., что было больше запланированного на 1,8 коп.⁵²

Как мы видим, в предвоенный период так и не удалось преодолеть ряд негативных тенденций в развитии водопроводного хозяйства. Очевидно, что на небольшое перевыполнение плана 1940 г. повлияли не столько развертывание социалистического соревнова-

⁵⁰ Брагинцев Н. За лучшую эксплуатацию водопроводов и канализаций // Там же. 1936. № 6. С. 7–9.

⁵¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 6.

⁵² Там же. Д. 442. Л. 6–7; Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 124.

ния между водопроводами и рост стахановского движения, сколько проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., ужесточившего требования к трудовой дисциплине во всех отраслях народного хозяйства. Несмотря на увеличение объемов планово-предупредительного и капитального ремонта и некоторое сокращение воды, используемой на собственные производственные нужды, основными причинами увеличения себестоимости, как и в предыдущие годы, оставались повышение тарифов на электроэнергию и перерасход фонда зарплаты. Не удалось, как указывалось выше, даже приблизиться к европейским показателям по числу домовых подключений и счетчиков воды. Отсутствие последних не стимулировало население к бережливому отношению к водным ресурсам, а низкие доходы, в свою очередь, заставляли всячески уклоняться от установки счетчиков. Впрочем, власть накануне ожидаемого военного столкновения решала иные задачи, все более финансируя водопроводное хозяйство (как и ЖКХ в целом) по остаточному принципу.

§ 2. Социализм — это советская власть плюс канализация всей страны

А у нас своя цивилизация, хотя и без канализации.

*И.А. Красновский,
российский журналист*

Одной из первых канализационных работ в государственном масштабе (кроме царскосельских) было устройство канализации в Варшаве. В Москве устройство канализации началось в 1895 г., но к 1916 г. к канализационной сети города было присоединено всего 27% домовладений. До 1900 г. в России было всего четыре канализации (в Москве, Гатчине, Ялте и Ростове-на-Дону). Наибольшее развитие канализации относится к 1900–1910 гг., когда она сооружается в Детском Селе, на Нижегородской ярмарке, в Самаре, Саратове, Севастополе и Кисловодске. В 1910–1915 гг. сооружение канализации продолжалось в Нижнем Новгороде, Царицыне и ряде других населенных пунктов. Но, по данным Всероссийской гигиенической выставки, накануне Первой мировой войны только 13 городов (1,3%) имели систему уда-

ления сточных вод и нечистот, а 98,7% жили среди собственных нечистот. Из 13 канализованных до войны городов только пять очищали сточные воды на полях орошений или на биологических фильтрах. В итоге до революции были канализованы 19 населенных пунктов: Одесса, Киев, Москва, поселок при Вознесенской фабрике (Московская губерния), Ялта, Тифлис, Ростов-на-Дону, Петергоф, Детское Село, Днепропетровск, Нижний Новгород, Оренбург, Пермь, Самара, Саратов, Севастополь, Царицын, Харьков и Кисловодск. При этом в столичном Петербурге канализация была с деревянными трубами и спуском нечистот прямо в открытые водоемы⁵³.

Понятно, что за годы революции, Первой мировой и Гражданской войн ситуация (особенно в провинции) существенно ухудшилась. Из заявления жителя Астрахани А.К. Мачавариани М.И. Калинину от 17 июня 1920 г. узнаем, что в городе в «гигиеническом отношении — ноль внимания: абсолютная грязь, все ватерклозеты на улице открытые, и зловоние и заражение воздуха идет своим темпом»⁵⁴. Даже в Москве строительство общественных уборных замерло в 1918 г. Ремонтить их начали только в 1922 г., а планомерно строить общественные уборные — в 1924 г. До этого в столице насчитывалось всего 22 общественных уборных и 57 писсуаров. Впрочем, параллельно шло строительство второй очереди канализации, завершенное к 1924 г., частью даже вне Камер-Коллежского вала⁵⁵.

По данным городской переписи 1923 г., из 816 городов СССР канализацию имели те же 19 населенных пунктов, что и до революции, включая и такие «сомнительно канализованные города, как Ленинград». Да и число присоединенных к канализации домов было невелико. Так, в Сталинграде к канализации было присоединено всего

⁵³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 17; *Морозов А.* Водопроводы и канализация в городах РСФСР. С. 11; *Романчук О.* К вопросу об организации санитарно-технического дела (водопровод, канализация и центральное отопление) // Рабочая жизнь. 1919. № 9–10. С. 26; *Петров М.* Благоустройство наших городов перед революцией. С. 27; *Шенгели Г.* По следам времени. С. 16; *Шерстюк М.В.* К вопросу об истории канализации и водостока в Москве // Новая локал. история: сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь; М., 2009. С. 373.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 55. Д. 12. Л. 85–86.

⁵⁵ *Шерстюк М.В.* К вопросу об истории канализации и водостока в Москве. С. 373, 375.

2% владений, в Перми — 2,6%, в Самаре — 4% и в Саратове — 5,8%. Максимальное число домов было подключено в Москве (31%). Всего в указанных 19 населенных пунктах из 179 тыс. владений к канализации было присоединено 34,7 тыс., да и то в более чем 4 тыс. из них в 1923 г. канализация не работала⁵⁶. По данным 1923 г., всего в Союзе ССР было 145 городов с населением свыше 20 тыс. человек, в которых отсутствовала канализация⁵⁷.

В среде специалистов звучали скептические заявления, что в условиях России в «переживаемую эпоху» о введении канализации «в сколько-нибудь широких размерах, даже в более или менее отдаленном будущем, конечно, речи быть не может». Специалисты ссылались на западный опыт, показывающий, что при экстенсивной застройке и величине участков в 500–600 кв. м «вопрос о необходимости канализации отходит на задний план». Широкая распланировка и редкая застройка большинства русских городов, по мнению ряда специалистов, была очень близка к этим условиям, что позволяло заменить дорогостоящую канализацию очисткой сточных вод на прилегавшем к дому участке⁵⁸. Звучали и предложения о внедрении немецкого опыта торфяных клозетов⁵⁹.

Впрочем, все эти дискуссии не снимали с повестки дня вопрос о канализовании крупных промышленных центров, особенно их рабочих окраин. Так, 20 февраля 1923 г. пленум Моссовета постановил немедленно приступить к подготовительным работам по строительству канализации на окраинах города — района канализации 3-й очереди. Для канализования окраин был принят метод районирования, т.е. устройства районных очистных сооружений. В итоге общая протяженность городской канализационной сети на 1 января 1925 г. превысила уровень 1913 г. на 24%. Но из этой сети металлические напорные трубы составляли всего 2,58%, а остальное — кирпич-

⁵⁶ *Френкель З.* От свалок к полям ассенизации // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 17. С. 15.

⁵⁷ *Авинов Н.* Задачи развития коммунального хозяйства союза по данным пятилетних перспектив Госплана // Коммунал. хоз-во. 1927. № 9–10. С. 8.

⁵⁸ *Л.В.* Нужна ли канализация при экстенсивной застройке? // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1922. № 1. С. 37–38.

⁵⁹ *Френкель З.* От свалок к полям ассенизации. С. 23.

ные каналы. Немного увеличилось, по сравнению с 1913 г., и число домовых подсоединений — с 6727 до 8232⁶⁰. В 1924 г. в Москве к канализации было присоединено 30% владений, в Ленинграде — 48%, в прочих же городах — только 13%. Но в Ленинграде и Кронштадте деревянные трубы совершенно сгнили, поэтому влага впитывалась в почву и разрушала фундаменты зданий⁶¹. В этом же году в Туле был только составлен проект устройства канализации, но его осуществление потребовало длительного времени⁶².

В 1925 г. в СССР имелось уже 22 канализации, но район действия некоторых из них был очень незначительным. Не лучше обстояло дело с канализацией в РСФСР. Она имелась лишь в 15 городах (за исключением Ленинграда), но пользовались ею не более 40% населения этих городов, т.е. около 1,5 млн человек (включая и Ленинград, где канализация была представлена лишь водостоками⁶³. Можно сказать, что к середине 1920-х годов СССР оставался неканализованной страной. Более того, по прогнозам экспертов, основным методом удаления нечистот в городах еще долго должен быть оставаться вывоз. Канализование только крупных городов требовало значительных затрат и потому, в широком масштабе, считалось «делом будущего». Достаточно сказать, что канализация имелась только в 2,5% городов, причем и в этих городах действительно канализованы были лишь 25% владений. Ленинград даже не приступил к разрешению этой задачи, а Москва была канализована на одну треть⁶⁴.

В 1926 г. из 23 канализованных городов пять (Одесса, Тифлис, Самара, Петергоф и Гатчина) имели общесплавную систему канализации, остальные — раздельную. Общее протяжение всей уличной сети (без Гатчины) составляло 1516 верст. Сплавляли загрязненные воды

⁶⁰ Шерстюк М.В. К вопросу об истории канализации и водостока в Москве. С. 374.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 24. Л. 19.

⁶² Печковский Н. Коммунальное хозяйство Тульской губернии. С. 67.

⁶³ Головин М. Текущие вопросы коммунальной жизни // Вопр. коммунал. хоз-ва. 1926. № 4. С. 47; Там же. № 11. С. 55; Данилов Ф. Первый Всесоюзный (XIII) водопроводный и санитарно-технический съезд. С. 9.

⁶⁴ Горбов В.С. Очередная задача в деле оздоровления городов // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 15–16. С. 18.

без всякой очистки в море Севастополь, Петергоф и Ялта, в большие реки — Ростов-на-Дону, Пермь и Нижегородская ярмарка. При этом очистка вод ограничивалась задержанием грубых нерастворимых частиц на решетках (в Оренбурге и Самаре), «осадочники» имелись лишь в Нижнем Новгороде и Саратове. Поля орошения и поля фильтрации имели только московская, одесская, киевская и сталинградская канализации. В Харькове, Симферополе, Детском Селе и Екатеринославле сточные воды поступали на станции биологической очистки. Но даже там, где имелись очистительные сооружения, очистке подвергалась не вся сточная жидкость: в Киеве только 14%, в Екатеринославле — 25%. Симферопольская канализация была открыта в 1925 г. и еще не успела выйти на полную мощность, а в Полтаве строительство канализации не завершилось. При этом в Иркутске в отсутствие канализации губисполком продал убыточный коммунальный обоз частному товариществу «Извопромышленник» за 40,5 тыс. руб., что коммунальная печать охарактеризовала как «совершенно недопустимое» явление⁶⁵. Если брать РСФСР, то в 1926 г. канализация имелась в 18 городах с общим количеством населения до 4 млн человек. Но во многих давно канализованных городах (Перми, Сталинграде, Самаре, Саратове, Оренбурге и др.) число присоединений было ничтожным — от 1,6 до 5,8% общего числа домовладений⁶⁶.

Плохо внедрялись в канализационное хозяйство и технические новшества. Например, в 1927 г. профессора Чижев и Дитрих, а также инженер Рейнеке доложили на Президиуме Ленсовета о первом опыте постройки бетонной канализации, но Президиум постановил продолжить строительство канализации на Васильевском острове по старым планам⁶⁷. Даже в столице применение интенсивных методов очистки сточных вод, например, аэрофильтрации с активным илом, было стимулировано постановлением июньского (1931 г.) Пленума ЦК партии «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР»⁶⁸.

⁶⁵ Коммунальные предприятия // Там же. 1926. № 7. С. 58.

⁶⁶ Морозов А. Водопроводы и канализация в городах РСФСР. С. 11.

⁶⁷ Хроника коммунальной жизни // Там же. 1927. № 7. С. 85.

⁶⁸ Шерстюк М.В. К вопросу об истории канализации и водостока в Москве. С. 374–375.

В целом в 1927 г. положение с канализированием городов в СССР обстояло «исключительно плохо». К примеру, если в РСФСР (где с канализацией дело обстояло лучше, чем в других республиках) водопроводы имелись в 199 городах (38%), то канализация — только в 18 (3,4% включая ленинградскую систему)⁶⁹; в идеале эти показатели должны совпадать.

Даже к 1931 г. канализованных городов в СССР насчитывалось не более трех десятков. После революции были канализованы: Ессентуки, Пятигорск, Алушка, Симферополь, Сергиев Посад, Клин, Полтава, Тула, Ульяновск, Баку и Минск. В начале 1930-х годов велись работы по сооружению канализации в Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде и Свердловске. В 1931 г. начались работы по канализованию Челябинска, Новосибирска, Лысьвы, Воронежа, Грозного и др. При этом не имели канализации такие крупные города, как Иваново-Вознесенск, Казань, Таганрог, Новороссийск, Кострома, Архангельск, Томск, Астрахань и др. Общее протяжение уличных канализационных сетей в городах составило около 2,1 тыс. км, из которых после 1917 г. было уложено не более 450 км. Общим недостатком канализаций было их незначительное использование, за исключением Москвы. Число домовых присоединений к канализации было «ничтожно и во всяком случае значительно меньше, чем число домовых присоединений к водопроводу». Например, в Перми процент домовых присоединений к канализации составлял всего 1,6%, в Сталинграде — 2,5%, в Ростове — 16%. Для сравнения: в Германии канализацию имели до 800 городов, а в Англии и США почти не было населенных пунктов с числом жителей свыше 5 тыс. человек, которые не имели бы канализации⁷⁰.

Докладчики на I Всесоюзном съезде работников коммунального хозяйства (12–16 апреля 1931 г.) декларировали, что «всякий город, благоустроенный в полном смысле слова, должен иметь у себя также и канализацию», ведь отсутствие канализации препятствовало жилищному строительству. В качестве причин отставания канализирования от прокладки водопроводов назывались: более дорогостоящее сооруже-

жение, возможность канализования только «капитально застроенных городов» и нецелесообразность канализации для старых городов, преимущественно состоящих из 1–2-этажных зданий. Кстати, в начале 1930-х годов в стране строились в основном 3–4-этажные дома, нормальное существование которых было возможно «только при условии их канализации». Пример тому — негативный опыт проживания в четырехэтажных домах в Иваново-Вознесенске и Орехово-Зуеве, оборудованных водопроводом, ванными и промывными уборными при отсутствии канализации и удалении нечистот ассенизационными обозами⁷¹.

В 1932 г. в СССР было уже 52 канализованных города, из них 44 — в РСФСР. Кстати, в республике отмечались самые высокие темпы расширения географии канализации: в 1923 г. — 26 городов, в 1929 г. — 33, в 1930 г. — 37 и в 1931 г. — 40. Этот рост непосредственно отразился на увеличении объема сточных вод, особенно значимом в 1932 г. (табл. 2.2)⁷².

Таблица 2.2
Рост объема сточных вод по РСФСР в 1928–1932 гг.

Год	Количество сточных вод, млн куб. м
1928	58,0
1929	65,6
1930	87,3
1931	117,9
1932	162,3

В области канализации успешное завершение первой пятилетки подтверждалось следующими показателями: сооружением новых очистных и канализационных предприятий в 38 городах; ростом канализационной сети с 1524 км в 1928 г. до 2,5 тыс. км к концу 1932 г.; увеличением объема сточных вод, подвергавшихся очистке, с 86 тыс. до 240 тыс. куб. м⁷³. Только в 1931–1933 гг. наряду с реконструкцией

⁶⁹ Авинов Н. Задачи развития коммунального хозяйства союза... С. 8.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–18; Смирнов А. Проблема жилищного и коммунального хозяйства. С. 11.

⁷¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–18.

⁷² Шенгели Г. По следам времени. С. 16–17.

⁷³ На рубеже двух пятилеток // Коммунал. работник. 1932. № 71–72. С. 2.

и расширением существовавших сооружений были заново построены 12 канализаций. Рост показателей канализационного хозяйства отражен в табл. 2.3⁷⁴.

Таблица 2.3
Основные показатели развития канализационного хозяйства

Показатель	1931 г.	1934 г. (по плану)	Рост, %
Среднесуточный спуск сточных вод, тыс. куб. м	723,3	1034,7	43,1
Годовой спуск, млн куб. м	264,0	377,7	43,1
Себестоимость 1 куб. м	4,2	7,2	71,4
Отпускная цена 1 куб. м	10,6	18,8	77,4
Валовой доход, млн руб.	28,1	71,1	153,0
Эксплуатационные расходы, млн руб.	11,1	27,1	144,1
Длина уличной сети, км	2148,0	2762,0	28,6

С одной стороны, канализация демонстрировала более быстрый рост по сравнению с водопроводами, а с другой — развитие сети и коллекторов отставало от роста головных сооружений.

К началу 1937 г. в СССР было канализовано уже 85 городов, причем канализация проводилась как в центре населенных пунктов, так и на их окраинах. Общее протяжение канализационных сетей СССР с 1917 по 1937 г. выросло с 960 до более чем 4 тыс. км, т.е. почти в 5 раз. Но эти 85 городов составляли всего 11,5% от общего числа городских поселений, да и канализацией здесь была охвачена далеко не вся территория. К примеру, в Ленинграде «правильная канализация» имела только на Васильевском острове, где ее строительство началось в 1925 г. Сточные воды остальных районов Ленинграда выпускались «без надлежащей очистки» в городские водные протоки. Сохранялся разрыв между объемами обустройства канализации и водопроводов: последние в 1936 г. были в 399 городах, а канализация, как отмечено выше, — только в 85. Реально из 3 млн куб. м ежедневно подаваемой воды только четверть отводилась канализацией, а остальное сливалось в реки или оставалось в почве городов. В канализацион-

ном строительстве отмечались разные трудности, и в первую очередь дефицит канализационных (особенно керамических) труб. Заводы в 1937 г. смогли дать всего 25% их общей потребности. До революции в России пять заводов производили 17 тыс. т керамических труб в год, а недостававшие ввозили из-за границы. В 1937 г. в СССР (в условиях курса на производство продукции собственными силами) семь заводов производили ежегодно уже 74 тыс. т труб, но только коммунальному хозяйству было необходимо 82 тыс. т, а всего для нужд советского хозяйства — 283 тыс. т. При этом два из семи заводов (Боровичский и Щекинский) были перегружены заказами промышленности. В 1932 г. началось строительство трех новых заводов керамических труб (Пензенского, Тавтимановского в Башкирии и Славянского), но к 1937 г. завершить строительство так и не удалось⁷⁵.

Вот типичный примерный канализационного строительства в крупном промышленном центре. В Свердловске, где строительство канализации началось только в 1927 г., в 1928–1930 гг. были построены главный коллектор и временные очистные сооружения, а к 1933 г. устроено 38 км канализационной сети и 142 домовых присоединения. Общая протяженность канализационной сети Большого Свердловска к концу 1937 г. составила уже 348 км. Впрочем, домовладения, не присоединенные к канализации, обслуживались ассенизационным обозом, чья мощность по объему работ в 1933 г. превышала мощность канализации. Тем не менее в 1930-е годы были канализованы в основном промышленные районы города. Заканчивалось строительство и главного загородного коллектора, чья длина к началу 1939 г. достигала 10,6 км⁷⁶.

По сведениям Главводоканала, к апрелю 1940 г. канализация имела в 90 городах РСФСР, а длина канализационной сети выросла до 3872 км. Число работавших в отрасли достигло 4022 человек, а ориентировочная восстановительная стоимость канализационного хозяйства — 631 млн руб. За 1939 г. доходы от канализационного хозяйства составили 136,27 млн руб.⁷⁷ За 1940 г. по канализации план пропуска

⁷⁵ Кастальский А.В. Перспективы канализационного строительства в третьей пятилетке // Социалист. город. 1937. № 7. С. 17.

⁷⁶ Анимича Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 6.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 12.

сточной жидкости был выполнен на 101,7% при снижении себестоимости отпуска 1 куб. м на 0,7 коп., или на 8,9%⁷⁸.

Однако как в РСФСР, так и в Союзе ССР в целом, к Великой Отечественной войне сохранились основные диспропорции: между развитием водопроводов и канализации, ростом канализационной сети и числом домовых подключений. Понятно, что столь слабое развитие канализации актуализировало проблему вывоза нечистот, а заодно и уборку мусора.

§ 3. От чистого города — к городу социалистическому

— Ну, как устроился? Работа не пыльная?

— Как тебе сказать... дворник я.

Современный анекдот

До революции в российских городах нечистоты по большей части зарывали в землю. Когда же выгребные ямы переполнялись, нечистоты выливались наружу. Нередко по пути к местам слива, они разливались по дорогам. Дело в том, что в преобладающем большинстве населенных пунктов практиковалась вывозная система удаления жидких нечистот. Причем в 474 пунктах из 1063 жидкие нечистоты вывозились на свалку, в 202 — для удобрения садов, полей и огородов, в 175 — частью на свалку, а частью для удобрения полей, в 98 пунктах нечистоты частью удалялись по трубам в местные водоемы, а частью вывозились на свалки. В 114 пунктах нечистоты или не вывозили вообще или вывозились без определенной системы. И это неудивительно: вывоз нечистот регламентировался обязательными постановлениями только в 340 пунктах (32%). Ассенизационные обозы имелись лишь в 395 населенных пунктах (37%), но только в 84 из них (8%) обозы принадлежали городским общественным управлениям, остальные были частными.

Специально отведенные для свалок места имелись лишь в 747 пунктах (70%). В 61 пункте свалки заливались водой, в 29 — водой

водой и грунтовыми водами. Вместительными для нечистот в 327 городах и поселках служили простые деревянные выгребные ямы, в 220 пунктах наряду с деревянными имелись бетонные и кирпичные ямы, подвижные приемники, поглощающие колодцы и проч. В 44 населенных пунктах были только подвижные приемники, в 105 — деревянные ямы и подвижные приемники, в 83 — поглощающие колодцы и простые земляные ямы. В 101 пункте не имелось никаких приемников. В свою очередь, мусор кучами лежал во дворах и нередко не вывозился более года. В лучшем случае он сбрасывался на пустырях в пределах городской черты. В 426 населенных пунктах мусор и другие твердые отбросы вывозились на свалку, в 164 — на поля для удобрения почвы, в 31 — на свалку и на поля, а в 442 — сваливались в реки, овраги, море или вовсе не удалялись. Сжигание на свалках в кучах (как правило, неполное) практиковалось в 178 пунктах. Для этого были построены специальные мусоросжигательные печи английского образца в Петербурге, Царском Селе и Ялте. Но после революции эти печи были ликвидированы как «не соответствовавшие составу нашего мусора»⁷⁹.

Современные исследователи отмечают, что начало санитарно-гигиеническому кризису российских городов после падения монархии положила халатность дворников, больше митинговавших, нежели работавших. После Февраля в 1917 г. в Петербурге вообще прекратилась поливка улиц, а мусорные кучи, ставшие рассадником инфекций, осложняли проход и издавали зловоние. Весной и летом настоящим бедствием для дворников стали семечки. Но хуже всего обстояло дело с вывозом нечистот, что на долгие годы стало головной болью местных властей. Даже в Москве и Петрограде в 1917 г. тары для вывоза не хватало, нужно было в 2 с лишним раза больше. С начала мая 1917 г. в Петрограде смертность от дизентерии обогнала смертность от туберкулеза, а с лета в городе появилась угроза эпидемии дизентерии⁸⁰.

Ситуация принципиально не улучшилась и с приходом к власти большевиков. Но одновременно новая власть стала получать предложения от самодельных изобретателей об усовершенствовании

⁷⁹ Бурче Ф.Я. Очистка населенных мест // Социалист. город. 1937. № 11–12. С. 30.

⁸⁰ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 91–94, 96–97.

⁷⁸ Там же. Д. 442. Л. 8.

очистки городов. Например, некто М.П. Новиков в письме во ВЦИК в январе 1918 г. просил помочь с внедрением изобретенной им снеготаялки производительностью 15–20 возов снега в час⁸¹. Впрочем, архивные документы не позволяют прояснить судьбу этого изобретения. Думается, оно было далеко не единственным.

Обследование в 1918 г. удаления нечистот в Брянске выявило, что оно осуществлялось частью канализацией, частью обозом и частью зарыванием их в землю. Городского обоза для вывоза твердых отходов и ассенизационного обоза в городе не было. Вывозил нечистоты подрядный обоз из 20 лошадей, при этом тариф за вывоз составлял 40 руб. за бочку или ящик. Для свалки нечистот в 3 верстах от города выше по течению реки было отведено три места площадью до 2 десятин каждое⁸². В 1919 г. в Москве для облегчения очистки решили построить в черте города восемь временных сливных пунктов. Предполагалось, что разгружать на них будут исключительно из пневматических бочек, но этого не произошло, так как все такие бочки за годы революции исчезли из обращения⁸³.

Какова бы ни была система вывоза отходов, преимущество после прихода к власти большевиков всегда отдавалось муниципальной организации. Правда, в годы Гражданской войны все эти установки оставались по большей части на бумаге. С переходом к нэпу для уборки частных дворов горожане разбивались на околотки, обслуживаемые одним постоянным рабочим, находившиеся под руководством и наблюдением десятников. Постепенно восстанавливались круглогодичная уборка улиц от мусора и помета, а также их летняя поливка. При этом, однако, мусор отчасти сортировался прямо на месте⁸⁴.

Впрочем, на местах очистка продвигалась с трудом. Так, в июле 1921 г. Ставропольский губисполком принял постановление о немедленной очистке города от мусора и навоза, а возчикам предписал сразу же собирать конский навоз за лошадьми. Кроме того, владельцы частного жилья и служащие учреждений обязывались до 8 утра очи-

⁸¹ ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 55. Л. 15–15об.

⁸² Там же. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 42. Л. 28.

⁸³ Горбов В.С. Очередные задачи в деле оздоровления русских городов // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 19. С. 19.

⁸⁴ Николаев Н. Очистка городов // Коммунал. хоз-во. 1922. № 12. С. 8.

щать от мусора прилегающую территорию и организовать вывоз мусора на городскую свалку. Но все попытки местных властей заставить горожан следить за чистотой (в том числе чистить тротуары от снега) успехом не увенчались. Так как с начала Первой мировой войны в городе не было ассенизационной очистки, работникам общественных столовых приходилось самим очищать выгребные ямы. Попытка же создать артель по вывозу нечистот из общественных мест города провалилась⁸⁵.

В начале нэпа «большим, но неизбежным злом» населенных мест оставалось накопление мусора, главным образом в виде отходов от домашнего хозяйства и уличного смёта. По статистическим данным, количество мусора на душу населения составляло в мирное время до 2 фунтов в день. Хотя в Москве и Петрограде с населением около 1 млн человек в 1922 г. оно уменьшилось почти в 4 раза, количество смёта составляло не менее 25 тыс. пудов в день. Поэтому, если мусор сразу не вывозили, он быстро накапливался. Самым простым способом удаления твердых отходов в РСФСР оставался вывоз смёта за город на свалочные места и засыпка оврагов. Но по мере расширения городов жилища все более приближались к свалкам, служившим рассадниками эпидемий⁸⁶.

Поэтому в повестку дня остро встал вопрос об утилизации мусора. Богатый опыт утилизации был накоплен к тому времени на Западе, но далеко не все способы были применимы в стране Советов. Например, устройство центральных мусоросжигательных печей было связано с большими затратами, а потому — не по средствам многим коммунальным отделам. Более широкое применение могло найти строительство «сравнительно мелких печей», могущих обслуживать несколько кварталов с населением в 2–3 тыс. человек. Хотя такие печи не полностью утилизировали продукты горения и требовали добавочного топлива, с их помощью все-таки обезвреживались отходы. В 1922 г. таких печей в России было до 200, но в подавляющем числе они не работали. В этих условиях одним из вариантов решения задачи очистки городов

⁸⁵ Булыгина Т.А. Опыт поиска источников по истории современности городских и сельских жителей Ставрополя. С. 46–48.

⁸⁶ Браунер А. Мусоросжигание в городах // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1922. № 3. С. 39.

от нечистот стала передача коммунальным отделам военных ассенизационных обозов⁸⁷.

Тем не менее через 2 года после введения нэпа для специалистов было очевидно, что «едва ли в каком-либо другом деле практическая постановка так противоречит состоянию научных знаний, как в деле ассенизации населенных пунктов». Оказалось, что почти во всех городах страны «безраздельно господствует система выгребных ям с вывозом нечистот на городские свалки самого первобытного характера»⁸⁸. Правда, в 1923–1925 гг. наметился (особенно в Москве и Московской губернии) сдвиг в сторону отказа от свалок и переход к «технически правильно устроенным полям ассенизации с систематическим захиванием вывозимых нечистот» и последующим использованием их под сельскохозяйственные культуры. Специалисты, впрочем, считали это недостаточным. В целях упорядочения вывоза, ограждения городских почв от пропитки нечистотами, устранения зловония во дворах и домах при очистке выгребных ям, необходимо было переходить к налаживанию «хорошо оборудованного коммунального ассенизационного обоза с пневматическими бочками и герметически закрывающимися фурами». Причем удаление нечистот, домовых отходов и мусора должно было стать регулярным⁸⁹. А иначе, как это было в Астрахани в течение 1920-х годов, весной содержимое выгребных ям поднималось на поверхность дворов и заражало почву⁹⁰.

К середине 1920-х годов в СССР не было опыта мусоросжигания, в то время как за границей последнее признавалось неотъемлемой частью городского благоустройства. Только в 1924 г. в Киеве была построена первая в СССР мусоросжигательная станция, ежемесячно перерабатывавшая до 31 тыс. пудов⁹¹ мусора. В конце 1925 г. на

⁸⁷ Там же. С. 47–48; Хроника центра // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1921. № 1. С. 86.

⁸⁸ Френкель З. От свалок к полям ассенизации // Там же. 1925. № 17. С. 15.

⁸⁹ Там же. С. 22.

⁹⁰ Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 103.

⁹¹ Пуд — 16,3804964 кг. Отменен в 1920 г. декретом «О введении международной метрической системы мер и весов», но в печати продолжал использоваться.

станции сделали приспособления для нагрева воды для коммунальных бань: 3 тыс. ведер ежедневно исходя из того, что пуд мусора при горении нагревал до 78–110°C 2,5 ведра воды. В 1926 г. была пущена в ход небольшая (5 т мусора в сутки) опытная мусоросжигательная станция в Москве. Намечалось строительство таких станций в Харькове, Ростове-на-Дону и Симферополе⁹². Но большинство российских городов в середине десятилетия не имело никакой системы удаления отходов, а население больше полагалось на «красное солнышко», которое все подсушит, и «мать — сыру-землю», которая все поглотит. Полей ассенизации в России насчитывалось к этому времени буквально единицы, зато продолжался процесс «украшения» окраин городов свалками⁹³.

В 1927 г. заведующий подотделом благоустройства Кунгурского городского местхоза техник К. И. Стерхов изобрел машину для очистки городских площадей и улиц от мусора и пыли. Он получил на нее патент от ВСНХ и одобрительный отзыв от ГУКХ. Более того, Свердловский городской местхоз ассигновал 750 руб. на приобретение такой машины⁹⁴. Но это решение (как и широкое внедрение уборочной техники) осталось на бумаге. Дело в том, что в подавляющем большинстве заграничных городов вопрос собирания и хранения мусора в домовладениях жестко регламентировался местными властями, вплоть до обязательства домовладениям устанавливать во дворах посудины для хранения мусора определенной формы, размера и т.п. В городах СССР такой регламентации не было даже в середине 1920-х годов. Мусор выносился из квартир в какой угодно посуде и выбрасывался во дворе в какой-нибудь ящик, если такой существовал, а то и попросту кидался в кучу где-нибудь в глубине двора, в месте, удаленном от глаз жителей и коммунального начальства⁹⁵.

Даже в конце 1920-х годов коммунальные отделы в большинстве своем уделяли мало внимания вывозу нечистот и их обеззаражива-

⁹² Коммунальное предприятие // Коммунал. дело. 1926. № 21–22. С. 101.

⁹³ Горбов В. С. Очередная задача в деле оздоровления городов. С. 19.

⁹⁴ Хроника коммунальной жизни // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1927. № 8. С. 71.

⁹⁵ Холодилин С. Собираание и хранение домашнего мусора во владениях // Коммунал. хоз-во. 1926. № 2. С. 57.

нию. К примеру, из 46 городов Ленинградской области коммунальный транспорт для вывозки нечистот имелся только в семи. Но при этом в контрольных цифрах Ленинградского областного комхоза на 1929/1930 хоз. год развитие ассенизационного транспорта совершенно не предусматривалось. Как, впрочем, и в ряде других областей (Нижегородской и проч.) и республик (Татарской, Дагестанской и др.). Ежегодно в 506 городах РСФСР (не считая рабочих поселков) накапливалось около 78,72 млн гектолитров⁹⁶ жидких нечистот при норме 492 л на одного человека. Если предположить, что 24,6 млн гектолитров в канализованных городах пропускались через канализационные сооружения, то для удаления оставшихся 56,58 млн гектолитров требовалось не менее 506 обозов. Но ассенизационные обозы имелись только в 172 городах и вывезли в течение 1927/1928 хоз. года всего 12,3 млн гектолитров жидких нечистот, или 21,7–22,7% от их общего накопления. Да и бочек в этих обозах имелось всего 25,4–26,4% от необходимой потребности⁹⁷.

Не лучше обстояло дело и с вывозом твердого мусора (табл. 2.4)⁹⁸, которого в среднем на одного жителя накапливалось 182,5 кг в год (для 506 городов это составляло 7,2 млн т). В подавляющем большинстве советских городов «в силу их неблагоустроенности, главным образом из-за отсутствия во многих из них мощеных улиц», заграничная механизированная очистка была неприменима. Поэтому для вывоза этого количества мусора требовались обозы в составе 6850 колымаг⁹⁹ по 400 кг каждая. Однако в 1927/1928 хоз. году мусор вывозился коммунальными обозами лишь в 117 городах; в результате за этот год было вывезено только 252 тыс. т мусора (8,7% от всего объема). В этих 117 городах было только 700 повозок, или 11,4% от их общей потребности. Около 80% жидких нечистот и более 90% мусора вывозилось мелкими частными обозами, совершенно не заинтересованными в санитарном оздоровлении поселения¹⁰⁰.

⁹⁶ 1 гектолитр (гл) равняется 100 л, или 0,1 куб. м.

⁹⁷ Коржев П. Санитарное оздоровление городов и рабочих поселков // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1930. № 2. С. 43.

⁹⁸ Там же. С. 44.

⁹⁹ Колымага — тяжелая крытая четырехколесная повозка с рессорами.

¹⁰⁰ Коржев П. Санитарное оздоровление городов и рабочих поселков. С. 43–44.

Таблица 2.4

Удаление нечистот и мусора коммунальными обозами за 1927/1928 хоз. год, % к их накоплению (накопление = 100)

Области, края и АССР	Количество городов	Удаление жидких нечистот		Удаление мусора	
		Количество городов, вывозивших	Удалено, % к накоплению	Количество городов, вывозивших	Удалено, % к накоплению
Центрально-Черноземная	40	14	17,2	12	5,0
Северный край	15	2	22,5	2	8,5
Московская	64	22	36,6	12	32,0
Ленинградская	46	7	3	5	1,6
Ивановская	39	19	26,9	11	4,0
Западная	45	14	18,9	11	11,6
Уральская	31	10	21,3	3	2,1
Нижегородский край	34	14	33,5	6	7,3
Средневолжский край	20	6	7,6	4	6,4
Нижеволжский	16	11	21,3	7	10,0
Сибирский	36	9	28,6	2	1,7
Дальневосточный	17	7	32,1	7	19,0
Крымская АССР	12	9	46,3	12	68,0
Татарская АССР	10	1	15,8	1	1,7
Немцев Поволжья АССР	3	1	7,7	1	5,8
Северо-Кавказский край	33	23	23,1	19	18,7
Ленинград*	1	—	5,9	—	8,4
Москва*	1	—	11,8	—	7,6

* Для Ленинграда и Москвы в части жидких нечистот накопление исчислено только по числу жителей, не охваченных канализацией, а именно: в Ленинграде — 400 тыс. человек, в Москве — 600 тыс. Накопление мусора в Ленинграде, Москве и Крыму установлено в размере 200 кг в год на одного человека.

Из таблицы видно, что на первом месте по удалению жидких нечистот стояли Крымская республика, Московская область, Нижегородский и Дальневосточный края, а на последнем — Ленинградская область, Средневолжский край и Республика Немцев Поволжья. В свою очередь, первое место по удалению мусора также занимали Крымская республика и Московская область, а последнее — Ленинградская область, Татарская республика, Сибирский край и Уральская область.

Рост за 3 года перед первой пятилеткой численности санитарно-транспортных коммунальных обозов на 67,6% (и соответственно общего числа удаленных жидких нечистот на 26,7% и мусора на 3,4%) почти не внесли «ощутимых результатов в дело санитарного оздоровления городов». Так, за 1927/1928 хоз. год количество удаленных жидких нечистот выросло только на 7%, а мусора, наоборот, сократилось на 15,5%. Причем по некоторым областям и краям сокращения количества удаляемого мусора достигло 50% (Сибирь и Северный край) и даже 80% (Центрально-Черноземная область). Удаление мусора сократилось на 70% в Архангельске, Рязани и Туле. В эти годы в Ярославле и Костроме удаление мусора коммунальными обозами было прекращено, а в Иваново-Вознесенске коммунальный обоз для вывоза мусора просто отсутствовал¹⁰¹.

Показательно, что наибольшее сокращение вывоза нечистот в 1927/1928 хоз. году по сравнению с предыдущим годом наблюдалось в крупных городах, в особенности в областных, краевых и республиканских центрах. Причины сокращения вывоза нечистот коммунальными обозами крылись в сокращении мощности обозов в 15 городах на 15,8% за год, а в 8 городах, давших сведения за 3 года, на 43,4%. «Рекорд» в этом отношении били Орел (на 71%) и Саратов (на 52,4%). Нередким было и использование обозов не по прямому назначению. Но прежде всего на сокращение объемов вывоза влияли падение производительности труда и трудовой дисциплины в обозах. По имеющимся сведениям о 54 городах за период 1926/1927–1927/1928 хоз. годы (без Москвы и Ленинграда), несмотря на рост числа лошадей на 2,8% и сокращение расстояния до свалок на 1,5%, вывоз, наоборот, сократился на 6,5% за счет снижения числа поездок в день на 2,4% и количества рабочих дней на одну лошадь на 6,2%. Данные комму-

¹⁰¹ Там же. С. 45.

нальной статистики свидетельствовали, что падение производительности труда (количества поездок в день) «далеко превышает средний размер» по Ленинградской, Центрально-Черноземной, Западной областям и Северному краю. Из 56 городов вывоз жидких нечистот и мусора сократился в 25 городах, в том числе в Москве. Несмотря на увеличение количества лошадей в этих городах и не изменившееся расстояние до свалок, удаление нечистот уменьшилось до 76,1%¹⁰².

Июньский (1931 г.) пленум ЦК ВКП(б) в целях полной реконструкции очистного хозяйства Москвы наметил провести в течение 2–3 лет механизацию всей очистки столицы. В числе намеченных пленумом мероприятий по улучшению санитарного состояния города были: запрет на организацию свалок в городской черте и максимальная загрузка мусоросжигательного завода, развертывание в 1932 г. производства коммунальных (поливочных, мусорных, подметальных) машин и возложение очистки на районные власти с привлечением к ним в помощь домовладений¹⁰³. За этим последовало постановление СНК РСФСР от 14 мая 1932 г., посвященное мероприятиям по улучшению санитарного состояния городов и новостроек, в котором горсоветам было предложено издать обязательные постановления о регулярной очистке городов¹⁰⁴. К этому постановлению Наркомхозом РСФСР и Наркомздравом РСФСР была издана подробная инструкция¹⁰⁵. Но на практике, несмотря на все инструкции, нередко средства, выделяемые горсоветам на очистку, или вообще не использовались, или передавались на другие нужды. В результате транспорт удовлетворял нужды в очистке городов в 1931–1933 гг. не более чем на 30%¹⁰⁶.

Экспериментальным путем было подсчитано, что в 1933 г. в жилых домах Ленинграда на 2681 тыс. жителей накапливалось 250,5 тыс. т мусора в год¹⁰⁷. 57% замощений в Ленинграде убирались домоуправ-

¹⁰² Там же. С. 46–48.

¹⁰³ Бурче Ф.Я. Очистка населенных мест. С. 30.

¹⁰⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1932. № 44. Ст. 196.

¹⁰⁵ См.: Бюллетень Наркомхоза РСФСР. 1932. № 21.

¹⁰⁶ Бурче Ф.Я. Очистка населенных мест. С. 31.

¹⁰⁷ Всего же в год в Ленинграде накапливалось около 500 тыс. т мусора, т.е. объемы бытового мусора примерно равнялись объемам промышленных отходов.

лениями, которые складывали смёт в общее мусорохранилище, тогда как остальные 43% смёта, убираемого коммунальными органами, не попадали в мусор из жилых массивов. Не получил распространения и опыт Баку, где очистка домов от мусора производилась коммунальными органами¹⁰⁸. Накопления городского мусора (домовые и уличные смёты, кухонные отбросы, зола, бросовые домашние вещи, твердые хозяйственные отбросы) в крупных городах в середине 1930-х годов составляли около 200 кг в год на жителя. Наиболее распространенный во многих городах способ хранения мусора в домовых помойных ямах с вывозом 1–2 раза в месяц или реже на загородные свалочные места не давал «удовлетворительного разрешения о его сборе и обезвреживании»¹⁰⁹.

XVI Всероссийский съезд советов в январе 1935 г. предписал городским советам организовать систематическую очистку городских улиц, площадей и дворов, более широко привлекая к этим работам население. В этих целях, наряду с механизацией работ по очистке в крупных городах, предусматривалось увеличить число транспортных средств и производство подсобных инструментов (лопат, ломов и проч.). 10 июня 1935 г. ЭКОСО РСФСР было вынесено постановление о механизации работ по очистке в 1936–1937 гг. в 40 городах: в Москве и Ленинграде — на 75%, в Свердловске, Ростове-на-Дону, Горьком и Сталинграде — на 50%, в остальных городах — на 30%. С 1935 г., когда стали выпускать шасси для приспособления их под специальные уборочные машины, в сфере очистки начались улучшения. К примеру, в Москве в 1937 г. доля очистки с механизацией работ достигла почти 100%¹¹⁰. В Свердловске в 1933 г. подметальных машин было всего семь, а в 1937 — уже 64¹¹¹.

Ниже в табл. 2.5 приведены данные о состоянии очистки по 38 крупным городам РСФСР¹¹².

¹⁰⁸ *Бабаянц Р.* Методы определения и нормы накопления городских отбросов // Социалист. город. 1936. № 3. С. 32–33.

¹⁰⁹ *Жохов К.* Мусороперерабатывающие станции // Там же. С. 33.

¹¹⁰ *Бурче Ф.Я.* Очистка населенных мест. С. 31.

¹¹¹ *Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г.* Коммунальное хозяйство.

¹¹² *Бурче Ф.Я.* Очистка населенных мест. С. 31.

Таблица 2.5
Сравнительные показатели развития санитарной очистки
в России и РСФСР

Показатель	Единица измерения	В царской России в 1912 г.*	В том числе в Москве и Санкт-Петербурге в 1912 г.	В 1936 г.	В том числе в Москве и Ленинграде в 1936 г.
Численность населения	тыс. жителей	5801	3240	13 334 (в 1934 г. — ок. 5500)	6330 (в 1934 г. — ок. 4500)
То же канализованных	тыс. жителей	451	400	5500	4500
Городской обоз	ед.	1362	195	3965	1282
Частный обоз	ед.	3509	1385	—	—
Городской транспорт, %	%	28	12	100	100
Частный транспорт, %	%	72	88	0	0
На 1000 жителей конного городского транспорта	ед.	0,235	0,06	0,3	0,2
То же частного	ед.	0,6	0,43	0	0
Механический транспорт	ед.	0	0	300	206
Машин на 1000 жителей	ед.	0	0	0,023	0,033
В переводе на лошадиные силы	ед.	0	0	0,586	0,396

* Очистка проводилась только в семи городах.

Таким образом, если население увеличилось в 33 городах на 130% (из 40 без Мурманска и Сталинска как новых городов), а в Москве и Ленинграде — на 95%, городской обоз вырос в 38 городах на 191%, а в Москве и Ленинграде — на 583%. Частный обоз был вообще ликвидирован. Почти полностью были уничтожены свалки в черте горо-

да в Москве, Ленинграде, Таганроге и ряде других городов. Были построены новые мусоросжигательные установки в Москве, капитально отремонтирована старая станция в Ленинграде. В Ленинграде же был построен первый в СССР коммунальный утилизационный завод для трупов павших животных и пищевых конфискатов. В Москве конный транспорт полностью заменили механизированным транспортом и уборочными средствами. Были значительно механизированы аналогичные работы в Ленинграде, но весьма незначительно — в остальных исследованных 38 городах РСФСР. Также был изготовлен первый электромобиль, проработавший в течение года в качестве опытного образца. Среди достижений второй пятилетки: устройство ассенизационных полей для утилизации отходов в Ленинграде и Таганроге, использование во многих городах отходов как биотоплива в парниках и теплицах¹¹³.

Впрочем, все эти цифры требовали корректировки. Так как в городах мусор удалялся различными организациями, то определить норму накопления на основании данных о работе коммунального транспорта по вывозу мусора «не представляется возможным»¹¹⁴. Что касается очистки городов в целом, то уже в конце 1934 г. в этом деле отмечался «большой сдвиг». Но достижения относились в большей мере к внешней очистке уличного хозяйства от грязи и мусора, тогда как положение с очисткой дворов и вывозом нечистот специалисты признавали скорее неудовлетворительным. И это при том, что в 1934 г. было выделено на очистку 14,4 млн руб., т.е. почти столько, сколько в 1931–1933 гг. (15 млн). В это время ассенизационными обозами располагали свыше 400 городов, а количество лошадей в этих обозах выросло с 8700 в 1931 г. до 13 670 в 1934 г. На основании правительственного постановления (май 1932 г.) о санитарном оздоровлении городов в ряде мест были проведены месячники чистоты. Например, в Ленинграде по результатам месячника было вывезено 7,5 тыс. возов мусора и нечистот. В Воронеже, где в месячнике участвовало свыше 9 тыс. человек, было вывезено 4 тыс. бочек нечистот и 12 тыс. возов твердого мусора. Впрочем, как свидетельствуют ар-

¹¹³ Там же. С. 32.

¹¹⁴ *Бабаянц Р.* Методы определения и нормы накопления городских отходов. С. 31.

хивные документы, многие города этими кампанейскими методами подменяли систематическую работу по санитарному оздоровлению городов¹¹⁵.

Во второй половине 1930-х годов остро встала задача очистки не только столичных городов и крупных промышленных центров, но и районных центров. Для последних в качестве наиболее рационального способа утилизации отходов предлагалось их сельскохозяйственное использование. По мнению специалистов, в небольших городах, где не было многоэтажных зданий, при отсутствии канализации целесообразно было устраивать люфт-клозеты¹¹⁶ с вытяжкой, не загрязняющие воздух. Население этих небольших городов в основном пользовалось «простыми холодными отхожими местами с выгребными ямами», которые предполагалось заменить пудр-клозетами, где нечистоты смешивались с торфом или другими материалами (садовой или огородной землей, золой, парниковым перегноем, соломой в смеси с землей и проч.), хорошо поглощающими жидкость и газы. Приемником нечистот в пудр-клозетах служил наземный ящик или иной сосуд, в результате чего получался компост, в который можно было добавлять и другие органические отходы, включая мусор и отходы питания, и жидкие помои. В свою очередь, для сбора домашнего мусора предлагались специальные квартирные приемники емкостью до 15 л¹¹⁷.

В конце второй пятилетки зазвучали предложения о введении в возможно большем числе городов организованной коммунальной очистки домов, прекратив тем самым практикуемую бесплановую очистку домов по заявкам жителей. По аналогии с водопроводом и канализацией планировался переход на регулярную очистку со взиманием платы по установленному тарифу. Так, согласно постановлению Совещания по очистке городов, проходившего в Ленинграде 25–29 мая 1937 г., в течение третьей пятилетки во всех городах с населением свыше 50 тыс. человек, на курортах республиканского и мест-

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 29.

¹¹⁶ Люфт-клозет — отопляемая внутридомовая уборная, состоящая из приемной воронки, сточной трубы, подземного выгреба и вытяжного канала.

¹¹⁷ *Виноградов Н.В.* Очистка районного центра на базе сельскохозяйственной утилизации отходов // Социалист. город. 1937. № 7. С. 27.

ного значения, в населенных местах в пределах охранных зон водопроводов планировалось перейти на коммунальную очистку. Речь шла прежде всего о механизации уборки улиц (подметании, поливке и борьбе со снегом), переходе на баковую систему сбора и хранения мусора и смёта и оборудовании вновь строящихся домов (начиная с четырехэтажных) мусоропроводами¹¹⁸.

На состоявшемся в Ленинграде в октябре этого же года Всесоюзном совещании по очистке городов были отмечены значительные успехи в этой области. В частности, во второй пятилетке капиталовложения в эту сферу возросли в 6 раз — с 16,5 млн до 100 млн руб. Значительно выросла и материально-техническая база (особенно в столице): на 1 ноября 1936 г. в парке Московского треста уличной очистки было 575 машин, а в мае 1937 г. — уже 1007¹¹⁹. К апрелю 1940 г. 320 городов РСФСР имели ассенизационный транспорт, 145 — автоцистерны и 78 — автомашины для вывоза мусора¹²⁰. В свою очередь, число полей ассенизации достигло 120¹²¹.

Однако постановление СНК РСФСР от 29 марта 1940 г. «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния городов и райцентров» в этом году было «выполнено неудовлетворительно». Так, значительная часть Саратова, Пятигорска, Уфы, Курска, Энгельса, Иваново, Рязани и других городов находилась «в антисанитарном состоянии». Поля ассенизации, на которых нечистоты обезвреживались почвенным методом и использовались для выращивания сельскохозяйственных культур, имелись только в 25 городах республики. Устройство простейших общественных уборных и помоек внутри кварталов и сливных станций по приему нечистот, разрешенное постановлением правительства от 29 апреля 1940 г., горисполкомами не производилось. Коммунальный транспорт для вывоза нечистот имелся только в 300 крупнейших городах РСФСР, но и он часто использовался не по назначению. В итоге план вывоза мусора и нечи-

¹¹⁸ *Кашкаров Н.А.* Санитарно-техническое строительство в третьей пятилетке // Там же. № 9–10. С. 29.

¹¹⁹ *Г. и С.* Коммунальная очистка городов // Там же. С. 47.

¹²⁰ На 1 января 1940 г. число городов РСФСР достигло 595, а рабочих поселков — 778 (ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 17).

¹²¹ Там же. Л. 8.

стот коммунальными обозами в 1940 г. был выполнен всего на 64,2% (в том числе гужевым транспортом — на 87%, а автотранспортом — на 38,9%)¹²². К концу 1930-х годов канализационная сеть Саратова охватывала 6,4% домовладений, что для областного центра было явно недостаточным¹²³.

Как мы видим, многие начинания и новации (в том числе технического плана) не получили распространения. Особенно проблематично дело с очисткой населенных пунктов от мусора и нечистот обстояло в провинции. В свою очередь, все попытки мобилизовать на очистку общественность оставались на уровне периодически проводимых кампаний. Не проявляли особой инициативы в этой сфере и горисполкомы.

§ 4. Чистота — залог здоровья!

Говорят, граждане, в Америке бани отличные.

<...> А у нас бани тоже ничего. Но хуже. Хотя тоже мыться можно.

Михаил Зоценко. Баня. 1924

С давних времен баня была неотъемлемой частью русского образа жизни, считаясь хранительницей очищающей воды, усиливающей жизненную энергию человека. Помимо своего функционального назначения, баня играла большую роль в различных обрядах. Например, посещение бани считалось необходимым накануне венчания и на следующий после свадьбы день. Позднее баня стала олицетворением гостеприимства и своеобразным «клубом по интересам»¹²⁴.

¹²² Там же. Д. 442. Л. 9–10.

¹²³ *Соловьева Т.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 123.

¹²⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Русская баня: история, традиции, полезные советы. М.: У-Фактория, 2004. 392 с.; *Курукин И.* «Семь радостей», или Баня на Руси [Электронный ресурс] // Итоги.ru. 2000. № 52 (238). 26 дек. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2000/52/119750.html>; Баня и печь в русской народной традиции. М.: INTRADA, 2004. 287 с.

До революции банно-прачечное дело не было общегородской проблемой. Бани, отданные на откуп частному капиталу, размещались в основном в центральных районах города и резко различались по уровню благоустройства. Общественных прачечных даже в крупных городах насчитывались единицы.

Кроме того, индустриальный и урбанизационный процессы начала XX в. постепенно превращали баню в «банно-помывочный комплекс». Эта трансформация ускорилась после прихода к власти большевиков, национализировавших наиболее крупные бытовые предприятия, включая бани. В августе 1918 г. декретом ВЦИК бани были муниципализированы, а в апреле 1920 г. переданы в ведение коммунальных отделов исполкомов¹²⁵. В годы Гражданской войны, когда предприятия сферы быта были привлечены к первоочередному бытовому обслуживанию красноармейцев, создавались банно-дезинфекционные отряды и поезда¹²⁶.

Тем не менее даже эпоха военного коммунизма не изменила назначения бань. В частности, принятый в сентябре 1920 г. декрет «Об обеспечении населения республики банями» обязывал местные власти предоставлять горожанам «банную помощь». Наряду с противоэпидемическими мероприятиями декрет ставил задачу внедрения в быт «навыков чистоты». Однако развал городского хозяйства не позволил организовать работу бань на должном уровне. В то время как красноармейцы использовали бани для массовых стирок обмундирования, обычные горожане имели шанс помыться только в специальные «недели чистоты»¹²⁷. Впрочем, иногда создавалось впечатление, что в первые годы после большевистского переворота бани были не нужны. Современники отмечали, что «население пользуется банями изредка, перестает их посещать, и нередко случаи использова-

¹²⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1920. № 26. Ст. 131.

¹²⁶ Тюшев В.А. Развитие бытового обслуживания населения в СССР. М.: Высш. шк., 1982. С. 26–27.

¹²⁷ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Булгарин, 2006. С. 50. Сама процедура проведения подобных «недель» ярко описана в рассказе Пантелеймона Романова «Терпеливые люди» (1920).

ния бань для других целей, например под склады, сушилки для льна, зернохранилища»¹²⁸. В начале 1921 г. в бане на Васильевском острове, в Петрограде, был ненадолго открыт крематорий¹²⁹, а баню, в свою очередь, организовали в здании тюрьмы. В помещении бани на Боровой улице начал работать Железнодорожный райком РСДРП(б)¹³⁰.

Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону с переходом к нэпу, когда в обслуживание населения активно включился частник. Например, в Ленинграде в 1927 г. из 65 бань 15 находились в частных руках¹³¹. Впрочем, отношение к банному предпринимательству оставалось настороженным. Некто И.В. Миклашевич в письме М.И. Калинин в конце июля 1921 г. жаловался, что был обвинен в политической неблагонадежности в силу бывшего дворянства, наличия недвижимого имущества и аренды бани¹³².

Параллельно развивался и государственный банный сектор: только за 1921–1922 гг. в стране были построены 30 коммунальных бань¹³³. Переход к нэпу частично реанимировал банное хозяйство, но в целом состояние этой сферы коммунального хозяйства оставалось плачевным. К примеру, на Ставрополье к началу 1922 г. было всего две бани, рассчитанные на помывку 500 человек¹³⁴.

На протяжении 1922–1925 гг. удельный вес городов, имевших коммунальные бани, вырос с 42,4 до 56,2%. Если в 1922 г. на 100 комхозов в среднем приходилось 75 бань, то в 1924 г. — 93, а в 1925 г. — уже 111.

¹²⁸ См.: Амчиславский И. Как устроить культурную и доступную баню // Фельдшер. 1938. № 3.

¹²⁹ Бани в СССР официально приравняют к крематориям в 1959 г. после принятия Правил и норм планировки застройки городов, согласно которым банно-прачечные комбинаты, бани и крематории должны были размещаться на «обособленных участках вне жилых кварталов и микрорайонов».

¹³⁰ Богданов И. Праздник тела и души // Родина. 2000. № 4. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=194&n=13.

¹³¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы... С. 82.

¹³² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 3. Л. 152–158.

¹³³ Экономико-статистический справочник Ленинградской области. Л., 1932. С. 202.

¹³⁴ Булыгина Т.А. Опыт поиска источников по истории современности городских и сельских жителей Ставрополя... С. 48.

На протяжении первой половины 1920-х годов коммунальная статистика фиксировала сокращение числа бездействовавших и сдававшихся в аренду бань (за исключением 1925 г.). Общую положительную динамику развития банного хозяйства отражают данные табл. 2.6¹³⁵.

Таблица 2.6
Состояние банного хозяйства (на 100 коммунальных бань)

На 1 октября	Эксплуатируемые комхозами		Сдающиеся в аренду
	действующие	бездействующие	
1922 г.	34,3	25,3	40,4
1923 г.	47,9	20,4	31,7
1924 г.	58,6	13,8	27,6
1925 г.	50,5	6,2	43,3

Тем не менее на 1 октября 1925 г. почти половина городов не имела коммунальных бань. В среднем на один комхоз приходилось немногим более одной бани. При этом недостаток коммунальных бань не компенсировался развитием заводского банного хозяйства. Рабкор из Воронежа В. Строгаль в письме в редакцию журнала «Голос кожевника» в 1924 г. жаловался, что обещанной бани при заводе рабочие не могут дожидаться уже 3 месяца¹³⁶. Актуальным развитие банно-прачечного хозяйства делало наличие большой доли жилого фонда (прежде всего на окраинах городов) без горячего водоснабжения. К примеру, в 1927 г. в Екатеринбурге была сдана в эксплуатацию городская баня № 1. Также в этом году планировалось построить три бани на рабочих окраинах Москвы, а в 1928 г. — баню в Заречной части Вологды¹³⁷.

Но в целом по стране картина не была столь идиллической. Тверской рабочий А.А. Ильин в августе 1928 г. жаловался в «Рабочую газету» на то, что за «сказочным» ростом рабочего поселка Первомайский катастрофически не успевает поселковая инфраструктура. В Перво-

¹³⁵ Коммунальные предприятия // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 21–22. С. 98.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 5545. Оп. 1. Д. 6. Л. 131.

¹³⁷ Хроника коммунальной жизни // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1927. № 7. С. 92.

майском, где число жителей перевалило за 10 тыс., не было ни одной бани — «роскоши», по словам одного ответственного работника. Чтобы сходить в баню, рабочие Пролетарки, составлявшие большинство жителей рабочего поселка, должны были пройти 4 версты и столько же обратно. А во время весеннего разлива дорога «на помывку» увеличивалась раза в два¹³⁸.

Особую остроту проблема бань приобрела с конца 1920-х годов в связи с бурным ростом городского населения. Так, если в Москве до Первой мировой войны работали 62 бани, пропускавшие в день 238 тыс. человек, то в 1929–1930 гг. в столице на 2,7 млн человек приходилось всего 44 бани с пропускной способностью в 190 тыс. человек¹³⁹. В таких условиях люди не имели возможности помыться даже 2 раза в месяц. При этом на местах уездные власти могли по каким-то только им ведомым причинам закрыть недавно отремонтированную баню¹⁴⁰.

Самое главное, что постепенно исчезали прежние банные традиции. Уже в годы нэпа столичных и провинциальных рабочих заставляли «коллективно» мыться под лозунгом борьбы за «новую культуру». Например, в 1929 г. комсомольцы завода «Красный судостроитель» организовывали коллективные походы в баню, мотивируя это тем, что они ходят «коллективно в театр, кино, музеи, так почему же нельзя провести “мобилизацию” и на этом участке культурного фронта?»¹⁴¹ При этом советские «здания для мытья» были рассчитаны не на комфорт, а на максимально большую пропускную способность. Поэтому отдельные номера сменились казенными залами с постоянной нехваткой банных шаек¹⁴². Новую символику очищающего значения банной процедуры в сознании советских людей закрепила пьеса Владимира

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 200. Л. 140–141.

¹³⁹ Хроника коммунальной жизни // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1929. № 3. С. 93; Экономика-статистический справочник Ленинградской области. С. 202.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33–38.

¹⁴¹ Зудин И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни (Быт современной молодежи). Л.: Прибой, 1929. С. 43–44.

¹⁴² Сценки из «банной жизни» 1920-х годов подробно описаны Михаилом Зошенко.

Маяковского «Баня» (1930 г.), высмеивавшая общественные пороки тех лет, и прежде всего бюрократизм и комчванство.

В начале первой пятилетки состояние банного хозяйства также характеризовалось специалистами как крайне неудовлетворительное. Во-первых, многие бани дореволюционной постройки не удовлетворяли элементарным санитарно-техническим нормам: большинство зданий были ветхими, система трубопроводов горячей и холодной воды — изношенной, оборудование — несовершенным. В силу этого, из-за утечки воды и нерационального расхода топлива, существенно подорожала эксплуатация бань. Во-вторых, из-за малой емкости бань пользоваться ими могла незначительная часть населения: в среднем на одного жителя приходилось 9–10 помывок в год вместо положенных 52, т.е. потребность в банях удовлетворялась максимум на 20%¹⁴³. В 1931 г. в РСФСР имелось 518 бань, а в УССР — 15; таким образом, по сравнению с довоенным временем число бань даже сократилось. В частности, в Москве в 1931 г. функционировала всего 51 баня¹⁴⁴.

Поэтому решениями июньского (1931 г.) Пленума ЦК ВКП(б) был намечен целый ряд мероприятий по линии эксплуатации и строительства банных объектов: создание строительно-проектировочных норм, которых ранее не знала Россия; ограничение радиуса обслуживания населения банями в пределах 1–1,5 км (для чего планировалось создание небольших районных и городских бань); постепенное внедрение передовых «гигиенических» способов мытья в размере не менее 25% от общей пропускной способности бань¹⁴⁵. С образованием в 1931 г. вместо Главного управления коммунального хозяйства при НКВД СССР наркоматов коммунального хозяйства союзных республик развитие банно-прачечного хозяйства получило дополнительный толчок. Так, согласно Положению о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г., в январе 1932 г. была создана Республиканская контора по проектированию и монтажу банно-прачечных предприя-

¹⁴³ Занин Е.Н. Строительство бань и прачечных // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 33.

¹⁴⁴ Зарубин Н. Поставить на должную высоту банно-прачечное хозяйство // Там же. № 10–11. С. 19.

¹⁴⁵ См.: Сметнев Н.И. Пути развития советской бани // Социалист. город. 1936. № 1. С. 30–37.

тий Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, в феврале 1936 г. преобразованная в Государственный трест «Банпрачмонтаж», просуществовавший до апреля 1938 г. И наконец, с мая 1938 г. по февраль 1941 г. в составе наркомата функционировала Государственная контора по проектированию бань и прачечных «Банпрачпроект» Главного управления бань и прачечных. В функции «Банпрачпроекта» входило проектирование не только бань, прачечных и банно-прачечных комбинатов, но и бассейнов для плавания, ванно-душевых устройств, санпропускников, котельных к баням и прачечным и проч.¹⁴⁶

Заместитель наркома коммунального хозяйства РСФСР В. Владимиров в докладной записке «О состоянии банно-прачечного дела в РСФСР» от 29 августа 1935 г. отмечал, что за последние годы банно-прачечное хозяйство, находившееся в ведении местных советов, «значительно выросло». Только за 1933–1934 гг. было введено в эксплуатацию 134 бани. С 1931 г. пропускная способность бань выросла более чем на 10 тыс. мест, а количество помывок в среднем на одного жителя в год — до 12,4. Но состояние банно-прачечного хозяйства, по мнению автора записки, недостаточно удовлетворяло потребности населения. Имелись «серьезные недочеты» в эксплуатации, и прежде всего «неравномерное использование мощности бань и прачечных в различных городах». По плану бани должны были работать 300 дней при 12 ч в сутки и при коэффициенте 0,7 среднего заполнения бань, чтобы пропустить 2,5 тыс. человек на каждое банное место в год. Фактически по РСФСР процент использования мощности бань к заданию наркомата в 1931 г. составлял 60,3%, а в 1934 г. — 73,9%.

Правда, ради справедливости стоит заметить, что в ряде городов, областей и территорий (Москве, Кировском крае, Свердловской и Ивановской промышленной области, Западной Сибири и др.) использовалось больше бань, чем планировал наркомат. В то же время в городах Московской области коэффициент использования бань не превышал 47,3%, в Калининской — 54% и т.д. Основной причиной неудовлетворительной эксплуатации бань был высокий процент изношенности зданий, котельных и оборудования (примерно 200 баням было 35 лет). В частности, отмечалась полная негодность котлов в Уфе, Ростове-на-Дону, Орджоникидзе, Воронеже, Иркутске и проч.,

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-520. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Д. 7. Л. 21.

а также плохое обеспечение бань топливом. По директиве наркомата каждая баня должна была иметь не менее двухмесячного запаса топлива, а на практике его хватало на 10–45 дней, а во многих местах запаса не было вообще. Особенно тяжелое положение с топливом сложилось в Восточно-Сибирском крае, на Северном Кавказе, в Красноярске и др. Хотя в 1935 г. положение с топливом несколько улучшилось, в Иркутске, Чите, Астрахани и других населенных пунктах «перебои со снабжением бань топливом» не были ликвидированы. Также отмечалось неудовлетворительное санитарное состояние бань во многих городах: в помещениях было грязно и холодно, в мыльных и раздевальных выбиты стекла, перебои с горячей водой, не организована продажа мыла, мочалок, нет простынь и полотенец, не хватало шаек и проч. Только в 1934 г. по требованию санитарного надзора было закрыто 35 бань в Москве, Казани, Ростове-на-Дону, Смоленске и др. За первую половину 1930-х годов значительно повысилась себестоимость эксплуатации бань: в 1931 г. в среднем по РСФСР она составляла 22,3 коп. (при тарифе в 29 коп.), а в 1934 г. выросла до 39–40,2 коп. при тарифе 47,13 коп. В отдельных городах себестоимость колебалась от 21,9 коп. (в Иваново) — до 97,9 (в Кировске). На существенное увеличение себестоимости повлияли не только удорожание топлива, низкое использование мощности и простой, но и недостаточно квалифицированные кадры¹⁴⁷.

На практике к концу первой пятилетки каждый житель Москвы и Ленинграда имел возможность посещать баню 11–14 раз в год, а в среднем по СССР этот показатель составлял не более шести годовых посещений. Несмотря на столь скромные результаты развития отрасли, на вторую пятилетку формулировались новые принципы организации банно-прачечного хозяйства, и прежде всего гарантирование каждому из живущих в доме возможности «посещения банно-душевого устройства 2–3 раза в месяц и каждому представителю семьи или одиночке пользование прачечной 2 раза в месяц». Возможность обеспечить эти нормы виделась в создании коллективных «домовых банно-прачечных устройств». Это казалось оптимальным решением при практической трудности снабжения каждой квартиры ванной или душем. Более того, при упрощенном строительстве (щи-

¹⁴⁷ Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–3.

товом, фибролитовом и проч.) невозможно было установить квартирные устройства. При проживании в одной квартире нескольких семей ванна теряла ценность и в гигиеническом смысле.

Следующей ступенью в сети коммунальных банных предприятий должны были стать квартальные бани укрупненных размеров с радиусом действия 1–1,5 км и пропускной способностью 150–350 человек в час. Что касается собственно бань, то планировалось развивать больше душевых отделений с небольшим числом ванн. Но на практике принятое обязательное соотношение (25% ванно-душевых отделений на 75% отделений русской бани) изменилось: наметилась тенденция к более частому внедрению душевых отделений — до 50% и даже до 100%. На смену русской бане шли помывочные отделения, которые в случае необходимости должны были использоваться как санитарные пропускники. Декларировалось, что новый тип бань должен был удовлетворять «разносторонние повышенные потребности населения не только в очищении тела, но и в отдыхе и оздоровлении его при помощи купальных бассейнов, массажа и пр.», а также путем устройства гардеробов, парикмахерских, ожидален и т.п.¹⁴⁸

Но даже в середине 1930-х годов крайне слабо использовались мощности как большинства старых, так и вновь построенных коммунальных банно-прачечных предприятий. Так, за 1934 г. пропускная способность бань и прачечных составила по Татарской АССР 52%, а по Воронежской области — 49% от возможной¹⁴⁹. Предполагалось, что в годы второй пятилетки развитие душевых устройств на промышленных предприятиях, увеличение количества ванн и душев в жилых помещениях в значительной степени снизят в крупных промышленных центрах роль и значение бань. Впрочем, вопрос о свертывании банного строительства не ставился в силу того, что баня по своим специфическим свойствам не могла быть полностью заменена душевыми и ванными устройствами. Выход виделся в изменении существовавших типов бань путем развития в них душевых устройств и ванн, позволявших увеличить пропускную способность. Кроме того, ставилась задача разукрупнения бань и приближения их к рабочему

¹⁴⁸ Сметнев Н.И. Основы банно-прачечного дела в СССР // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 47–48.

¹⁴⁹ Нейбах И.И. Работу коммунальных предприятий на должную высоту... С. 1.

потребителю. Это предусматривало, в свою очередь, решительную борьбу со стремлением строить «бани-дворцы»¹⁵⁰.

Действительно, со второй половины 1930-х годов внутренней отделке бань (за редким исключением) не стремились придать комфортабельный вид. Ведь в предвоенных условиях типовая баня была предназначена прежде всего для оборонных целей, т.е. при необходимости превращалась в «обмывочный и дегазационный пункт». Новое назначение бань современник определил следующими словами: «Этот участок коммунального хозяйства преследует не только гигиенические, но и оборонные задачи»¹⁵¹.

Из отчета «О состоянии банно-прачечного хозяйства в городах РСФСР», подписанного наркомом К.Д. Памфиловым¹⁵², видно, что на 1 января 1939 г. в городах РСФСР было 803 коммунальные бани на 125 тыс. мест. Для сравнения: в 1917 г. в стране насчитывалось всего 384 городских бани, а в начале 1928 г. — 505 бань¹⁵³. Проект постановления СНК РСФСР от 31 августа 1939 г. «О мероприятиях по упорядочению банно-прачечного хозяйства РСФСР» за подписями председателя СНК РСФСР В.В. Вахрушева¹⁵⁴ и К.Д. Памфилова позволяет реконструировать тарифы на пользование банями (табл. 2.7)¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Ушаков Н. Проблемы второго пятилетия // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 7–8. С. 9.

¹⁵¹ Спешин Н. Задачи банно-прачечного хозяйства в третьем пятилетии // Социалист. город. 1937. № 7. С. 20.

¹⁵² Памфилов Константин Дмитриевич (25.05.1901, с. Мамоново Духовщинского уезда Смоленской губернии — 02.05.1943, Москва) — советский государственный и хозяйственный деятель. Член партии с 1918 г. В 1937 г. — начальник Главного управления жилищного хозяйства Наркомхоза РСФСР, с 1938 г. — нарком коммунального хозяйства РСФСР, в 1940–1942 гг. — заместитель Председателя СНК РСФСР, затем и.о. Председателя СНК РСФСР.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 401. Л. 1.

¹⁵⁴ Вахрушев Василий Васильевич (15(28).02.1902, Тула — 13.01.1947, Москва) — советский партийный и государственный деятель. В 1936–1937 гг. — начальник Мосэнерго, в 1937–1938 гг. — народный комиссар местной промышленности РСФСР, в 1939–1940 гг. — заместитель Председателя СНК РСФСР. В 1939–1940 гг. — Председатель Правительства РСФСР и одновременно до 1946 г. — нарком угольной промышленности СССР.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 401. Л. 29.

Таблица 2.7

Средние городские тарифы на пользование банями в городах РСФСР

Группы бань	При себестоимости одной помывки по утвержденному на 1939 г. плану, коп.	Средний по городу тариф на одну помывку, коп.
I	До 30 включительно	50
II	От 30,1 до 35 включительно	55
III	От 35,1 до 40	60
IV	От 40,1 до 45	65
V	От 45,1 до 50	70
VI	От 50,1 до 55	75
VII	От 55,1 до 60	80
VIII	От 60,1 до 65	85
IX	От 65,1 до 70	90
X	От 70,1 до 75	95
XI	От 75,1 до 80	100
XII	От 80,1 до 85	105
XIII	Более 85,1	110

На основе сведений из Главного управления банно-прачечного хозяйства, датированных 14 апреля 1940 г., число городов РСФСР, имевших коммунальные бани, выросло до 469, а количество бань в них — до 835. Единовременная вместимость бань составила в 1939 г. 130 476 мест, а полученные от бань доходы — 185 615 тыс. руб.¹⁵⁶ Тем не менее Памфилов, выступая на совещании по банно-прачечному хозяйству 19 апреля 1940 г., признал, что «этот участок у нас заброшен»¹⁵⁷. Общие итоги выполнения плана развития коммунального банного хозяйства СССР в предвоенные годы демонстрируют данные табл. 2.8¹⁵⁸.

Как мы видим, рост банного хозяйства не прекращался до самого начала войны, опережая плановые показатели. По другим сведениям, в 1940 г. коммунальное банное хозяйство страны насчитывало

¹⁵⁶ Там же. Д. 373. Л. 7.

¹⁵⁷ Там же. Д. 433. Л. 1.

¹⁵⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Л. 201–200.

Таблица 2.8
Итоги развития банного хозяйства СССР в 1937–1941 гг.

Показатель	План 3-й пятилетки	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1-я пол. 1941 г.	Выполнение плана за 3½ года (1-я пол. 1941 г. к плану), %	1940 г., % к 1937 г.	1-я пол. 1941 г., % к 1937 г.
Число бань	1738	145	338	301	336	474	27,3	231,7	326,9
Число мест, тыс.	198,0	154,8	161,7	170,2	172,4	180,5	91,2	111,4	116,6

1421 баню на 178,3 тыс. помывочных мест, а общее число бань (включая ведомственные) в СССР к началу 1940 г. составило 6666 с единовременной вместимостью 314 тыс. человек¹⁵⁹. Но объемы и качество коммунальных услуг резко ухудшались по мере удаления от столицы. Даже в подмосковных Люберцах в 1930-е годы при населении 65 тыс. человек не имелось ни одной бани. В Новосибирске на 150 тыс. жителей их было всего три. Бани были самым запущенным объектом коммунального хозяйства Астрахани: перед войной из 13 городских бань работало всего 9¹⁶⁰.

Судя по ведомственным документам, план 1940 г. по баням и прачечным был «выполнен совершенно неудовлетворительно». Невыполнение плана помывок в банях было вызвано прежде всего длительными простоями бань из-за перебоев в снабжении топливом и затянувшегося капремонта. Всего за 1940 г. бани в 46 краях, областях и АССР простояли 37,5% от общего количества рабочих дней. В итоге себестоимость одной помывки в бане против плана СНК РСФСР (без Москвы и Ленинграда) оказалась превышенной на 17,7% из-за невыполнения плана помывок и перехода на местные, более до-

¹⁵⁹ Тюшев В.А. Развитие бытового обслуживания населения в СССР. С. 40–41.

¹⁶⁰ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... дис. ... канд. ист. наук. С. 95, 99–101, 103; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 64.

рогие виды топлива. Санитарное состояние бань также оставалось «неудовлетворительным»¹⁶¹.

Не лучше обстояло дело в послереволюционное двадцатилетие и с прачечными. С одной стороны, согласно коммунальной статистике, с 1925 г. началось строительство крупных механических коммунальных прачечных. С другой стороны, уже упомянутый рабкор Ильин писал, что в рабочем поселке Первомайский в 1928 г., несмотря на то что «прачечная открыта с утра до ночи все дни кроме воскресенья», была «такая теснота, что редко найдете даже “место” на каменном асфальтовом полу, чтобы выстирать белье». «Альтернативой» была стирка белья в холодной воде р. Тьмаки, «которая загрязнена фабричными отбросами»¹⁶². Даже в Москве в 1929 г. единственная механическая прачечная, находившаяся в ведении московского коммунального хозяйства, почти не обслуживала население, а стирала белье только для детских домов, гостиниц и т.п.¹⁶³

Поэтому МКХ в 1929/1930 хоз. году по заданию Президиума Моссовета построил три новых крупных прачечных, каждая мощностью по 4 тыс. кг белья в смену. Тем не менее июньский (1931 г.) пленум ЦК партии «уделил большое внимание вопросам банно-прачечного дела» как одному «из отсталых участков городского хозяйства». В Москве в 1931 г. было 16 прачечных, а на 1932 г. планировалось иметь уже 20. Причем 75% нагрузки предполагалось использовать для индивидуальных потребителей. Прачечные были оборудованы австрийскими машинами, а постройка шла с привлечением иностранных консультантов. Правда, в ходе эксплуатации возникли серьезные проблемы. Например, загрузка прачечной в Пролетарском районе столицы, оборудование которой находилось «в печальном состоянии», составляла не более 50%, в том числе из-за недостатка профессиональных кадров, прогулов работников, низкого качества работы и отсутствия заказов¹⁶⁴.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 442. Л. 8.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 200. Л. 140–141.

¹⁶³ Хроника коммунальной жизни // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1929. № 3. С. 93.

¹⁶⁴ Кондратьев С. Нужно суметь овладеть техникой банно-прачечного дела // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 10–11. С. 18.

При этом Банно-прачечный трест в Москве был ликвидирован, да и в целом в РСФСР прачечное хозяйство находилось «на задворках». Существовавшие коммунальные прачечные обслуживали всего 0,5% населения, а остальные жители стирали сами или пользовались кустарными прачечными. В Москве к концу второй пятилетки работало свыше 10 больших механических прачечных, основной бедой которых, наряду с бедностью кадров, были случаи потери белья, задержки в стирке, территориальная оторванность прачечных от жителей. Существовала потребность в небольших семейных прачечных (одна на ЖАКТ), рассчитанных не более чем на 3–5 тыс. человек¹⁶⁵.

В 1930-е годы увеличилось как число прачечных, так и их пропускная способность, в том числе в регионах. К примеру, в Екатеринбурге в 1932 г. были пущены сразу две бани с прачечными — на ВИЗ и в Привокзальном районе — мощностью 2 т белья в смену¹⁶⁶. В первой половине 1930-х годов одними из главных задач банно-прачечного дела стали «повышение санитарно-гигиенического обслуживания населения» и «защита населения от массовых эпидемий». Планировалось создать сеть прачечных, включавшую домовые или жилкомплексные устройства, квартальные самодеятельные механизированные прачечные и крупные коммунальные прачечные, работавшие через приемосдаточные конторы. При строительстве новых прачечных предлагалось учитывать «максимальную механизацию ручных процессов», а также необходимость развития машиностроения банно-прачечного оборудования, подготовку инженерно-технических и производственных кадров и всемерную пропаганду банно-прачечного дела через печать и путем создания специальных ячеек по типу добровольных обществ¹⁶⁷.

Во многом эти проекты остались на бумаге. Несмотря на то что капиталовложения в банно-прачечное дело в СССР росли из года в год (в 1928/1929 хоз. году — 13,8 млн руб., в 1929/1930 хоз. году — 20,4 млн, в 1931 г. — 39,8 млн, в 1932 г. — 64 млн), удельный вес механических прачечных даже в Москве не превышал 3%¹⁶⁸. За 1933–

1934 гг. в РСФСР были введены в эксплуатацию 33 новых прачечных, в результате чего мощность прачечных выросла с 46,2 до 74,7 т белья в смену. Но «прачечное хозяйство, несмотря на значительный рост», находилось на уровне, «совершенно не удовлетворяющем потребность населения». Прачечные использовались всего на 52% своей мощности и при этом обслуживали главным образом учреждения и организации и «лишь в незначительной части индивидуального потребителя». Характеристиками прачечных к середине 1930-х годов оставались: низкое качество стирки белья, продолжительные сроки обслуживания (до 20 дней), частые случаи пропажи и порчи белья, высокая стоимость стирки (в РСФСР — в среднем 65 коп. за 1 кг), преобладание несовершенного и устаревшего оборудования¹⁶⁹.

Перед войной специалисты в очередной раз вернулись к идее домовых прачечных как первичного звена сети прачечных по обслуживанию населения. Термин «домовые прачечные» был связан прежде всего с их расположением. Но по форме эксплуатации они делились на два типа: самодеятельные, в которых белье обрабатывалось самими владельцами белья, и промышленные, работавшие с привлечением наемного труда. Появление последнего типа объяснялось отсутствием свободного времени у жителей домов и их «законным желанием» за невысокую плату получить готовую продукцию из прачечных¹⁷⁰.

В целом был взят курс на развитие крупных механических прачечных. Если до 1917 г. на территории РСФСР было только девять таких прачечных, то к 1939 г. — уже 110. Общая пропускная способность этих предприятий составляла 102 тыс. кг белья в смену, хотя средняя мощность одного предприятия — ниже 1 т белья в смену. Только в Москве и Ленинграде находились более крупные прачечные, благодаря чему там сконцентрировалось 35% мощности коммунальных механических прачечных всего РСФСР¹⁷¹. На 1 января 1939 г. в РСФСР была 131 коммунальная прачечная (111,5 т белья в смену). Для сравнения: в 1917 г. коммунальных прачечных было только 11, в 1923 г. — 17,

¹⁶⁵ Зарубин Н. Поставить на должную высоту банно-прачечное хозяйство. С. 19.

¹⁶⁶ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

¹⁶⁷ Сметнев Н.И. Основы банно-прачечного дела в СССР... С. 46, 47, 49.

¹⁶⁸ Там же. С. 47–48.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 184. Л. 1, 3.

¹⁷⁰ Сметнев Н.И. Домовые прачечные // Коммунал. стр-во. 1939. № 1. С. 38.

¹⁷¹ Домбровский А.А. Проблема укрупнения прачечных предприятий // Там же. № 4. С. 29.

в 1932 г. — 36, в 1937 г. — 110¹⁷². К апрелю 1940 г. в 112 городах имелись 145 механических прачечных. Пропускная способность сухого белья в смену составила 128 т, а доходы от прачечных за 1939 г. — 47 250 тыс. руб. Число работавших в банях, прачечных и входивших в этот комплекс парикмахерских¹⁷³ достигло 60 138 человек¹⁷⁴.

В целом же положение в данной области перед войной оставляло желать лучшего. В частности, в 1940 г. Наркомхоз утвердил типовые штаты парикмахерских на 4, 6 и 8 кресел, разработал новую сдельную систему оплаты труда парикмахеров, утвердил (совместно с Наркомздравом) санитарные правила по устройству, оборудованию и содержанию парикмахерских. В ряде парикмахерских были выделены 1–2 кресла для обслуживания детей и установлен порядок их обслуживания вне очереди. В большинстве городов были установлены новые преискуранты парикмахерского обслуживания, налажен выпуск парикмахерского инструмента повышенного качества. В то же время постановление СНК РСФСР от 13 марта 1940 г. «Об улучшении обслуживания населения парикмахерскими» было выполнено в 1940 г. «неудовлетворительно». Прирост кресел составил за 1940 г. всего 45,5% от плана, а число подготовленных мастеров парикмахерского дела — 41,1%. Наркомздрав не выполнил постановления правительства РСФСР в части выпуска материалов улучшенного качества: лаков, красителей, химикатов¹⁷⁵.

Хотя в целом развитие банно-прачечного дела вполне укладывалось в партийно-государственный курс на поддержание ускоренных темпов роста коммунального хозяйства при минимизации затрат на эту сферу и невысоком качестве услуг.

¹⁷² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 401. Л. 10.

¹⁷³ При 2507 парикмахерских и 13 202 местах в них.

¹⁷⁴ Там же. Д. 373. Л. 7.

¹⁷⁵ Там же. Д. 442. Л. 9.

Работа городских транспортных предприятий

В данной главе освещается работа городских транспортных предприятий: трамвая, автобуса, троллейбуса, такси, метрополитена и проч. Разбору их работы предшествует краткий экскурс в историю создания системы управления городским транспортом в первые годы советской власти.

Когда в ноябре 1917 г. был образован объединенный Московский совет рабочих и солдатских депутатов, в составе его исполкома были созданы Транспортный комитет и Автомобильный отдел. Хотя в первые месяцы советской власти для хозяйственного управления использовался аппарат земских управ, городских и районных дум. Показательно, что первым в ведение Наркомата путей сообщения РСФСР был передан местный транспорт вплоть до городского трамвая, поэтому в составе НКПС было создано Центральное управление местного транспорта, а на местах — окружные управления шоссейных и грунтовых дорог. Руководство развитием автотранспорта, строительством автозаводов и организацией ремонта автомобилей постановлением СНК РСФСР в мае 1918 г. было возложено на Центральную автомобильную секцию ВСНХ. Но декретом СНК РСФСР от 8 апреля 1920 г. были созданы коммунальные отделы при местных исполкомах советов, в ведении которых оказались городские трамваи, местные пароходства, паромы, перевозки и автомобильный транспорт. При райсоветах действовали соответствующие транспортные отделы. Таким образом, в системе управления городским транспортом отчетливо проявлялось дублирование функций.

Хотя с окончанием Гражданской войны руководство транспортом было несколько упорядочено, децентрализация управления не исчезла. В 1921 г. при НКПС было образовано Центральное управление местного транспорта (ЦУМТ), на которое было возложено руковод-

ство автомобильным и гужевым транспортом, складским хозяйством и погрузо-разгрузочными операциями. В 1923 г. на учрежденное тремя наркоматами (путей сообщения, внешней торговли и внутренней торговли) АО «Автопромторг» возложили организацию автомобильного транспорта, устройство и эксплуатация автохозяйств, перевозку грузов и пассажиров, а также ремонт автомобилей и производство запчастей. Однако в Москве и ряде городов продолжали действовать транспортно-гужевые промыслово-кооперативные товарищества.

В целом власти исходили из того, что правильная транспортная политика коммунальных хозяйств должна способствовать политике территориального расширения городов, и, вследствие этого, рационального решения жилищного вопроса¹. Постановлением ЦИК СССР «О дорожном хозяйстве и автомобильном деле СССР» от 28 ноября 1928 г. в очередной раз руководство дорожным хозяйством и автомобильным делом на территории СССР было возложено на НКПС. При наркомате было создано Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Цудортранс), а при губернских исполкомах образованы соответствующие отделы. Даже после выделения в начале 1932 г. автотранспорта с шоссейными и грунтовыми дорогами в отдельную отрасль управления система местных органов осталась прежней. С 1938 г. при исполкомах советов были созданы дорожные отделы, которые ведали руководством и развитием автотранспорта на своей территории, за исключением строительства дорог и управления дорогами общесоюзного значения, которое оставалось в ведении НКВД СССР. В 1939 г. на местах были образованы управления автомобильного транспорта при краевых и областных исполкомах; при этом сохранялся дорожный отдел, ведавший строительством, ремонтом и эксплуатацией дорог местного значения. В 1939 г. для обслуживания городов грузовыми автоперевозками было образовано очередное специальное управление.

Функциональное разделение было характерно и для рельсового транспорта, в том числе на уровне отдельных городов. Например, в 1929 г. столичное Управление городских железных дорог (МГЖД) было реорганизовано в Трест московских городских железных дорог, а в 1931 г. на базе треста было образовано три новых: Московский

¹ Гербо А. Электрические трамваи // Коммунал. хоз-во. 1925. № 1. С. 10.

трамвайный, трамвайного строительства и трамвайного электротехнического хозяйства. В начале 1930-х годов Трамвайный трест был разделен на две службы: движения и пути, — но с 1932 г. он вместе с другими транспортными трестами перешел в ведение Транспортного управления. В 1937 г. из системы Мострамвайтреста был выведен Троллейбусный трест, а в следующем году на два треста (автобусных перевозок и таксомоторов) был разделен трест Мосавтолегтранс. И наконец, в 1939 г. из Транспортного управления в особое Управление таксомоторного транспорта выделились таксомоторные парки. Постоянные организационные перестройки сферы управления городским транспортом не только свидетельствуют о ведомственной борьбе, но и отражают реальное значение в глазах власти того или иного вида транспорта.

Л.М. Каганович на июньском (1931 г.) пленуме ЦК ВКП(б) особо отметил роль коммунального транспорта: «Вопросы городского транспорта стоят перед нами, как очень острые вопросы». Основные пути реконструкции городского хозяйства, намеченные решениями этого пленума, получили развитие в постановлении ЦК партии и СНК СССР от 10 июля 1935 г. о генеральном плане развития Москвы, где вопросам реконструкции городского транспорта уделено «весьма почетное место»². В 1935 г. общее количество перевозимых всеми видами транспорта пассажиров в столице планировалось довести до 2,5 млрд человек против 1,5 млрд в 1931 г. Ожидалось, что потоки пассажиров, направляющиеся по наиболее людным улицам города, достигнут 30 тыс. человек в час (например, в Нью-Йорке в это время они составляли не более 12 тыс.)³.

Несколько иной была ситуация с состоянием городского транспорта в провинции. Например, в Астрахани к 1933 г. протяженность путей оставалась незначительной (менее 20% улиц), а изношенность парка составляла 85%. Не удалось разрешить транспортную проблему и с автобусным сообщением: в 1938 г. в городе было всего пять автобусов, в 1939 г. — 13 и в 1940 г. — 15. Это создавало большие интервалы

² Сосянц В., Эрмансон Э. Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке // Коммунал. стр-во. 1938. № 1. С. 14.

³ Как и когда будет построен московский метрополитен? // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 84.

движения транспорта и постоянную тесноту⁴. И это была, скорее, типичная провинциальная картина.

Только к началу третьей пятилетки перед пассажирским транспортом страны были поставлены следующие задачи:

- широкий охват территории городов, рабочих поселков и промышленных предприятий;
- установление быстрых и удобных средств сообщения между городами и пригородами, промышленными предприятиями и сельскохозяйственными районами;
- предоставление населению максимальных удобств: устранение переполнения подвижного состава, наличие удобной мебели, вентиляции, отопления и ликвидация шума при движении;
- удешевление себестоимости эксплуатации⁵.

Но, как мы увидим далее, многое из намеченного осталось на бумаге. Тем не менее сводка о развитии ЖКХ, составленная Главным управлением трамваев и троллейбусов «Главтрамвай» 14 апреля 1940 г., показывает, что в это время число работавших в трамвайном и троллейбусном хозяйстве достигло 70 200 человек. Доходы за 1939 г. от трамвайно-троллейбусного хозяйства составили 796 920 тыс. руб. В то же время сохранялся давно сложившийся перекос в развитии столичного и регионального городского транспорта. В частности, план капиталовложений на 1940 г. по трамваям и троллейбусам по РСФСР был намечен в размере 24 750 тыс. руб., тогда как по Москве предполагаемые инвестиции предполагалось довести до 45 590 тыс. руб.⁶ Как мы видим, разрыв в финансировании был почти 2 раза, и это только касательно трамвая и троллейбуса. С учетом строительства Московского метрополитена, развития автобусного сообщения и таксомоторов (см. соответствующие параграфы данной главы) курс на строительство «транспортного социализма» в одном отдельно взятом городе становится еще более очевидным. В силу того что вопросы развития городского транспорта (прежде всего столичного) весьма

⁴ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 104–105.

⁵ Сосяниц В., Эрмансон Э. Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 16.

⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 5.

подробно рассмотрены в научной литературе (см. соответствующий раздел в предисловии к книге), в данной главе ограничимся кратким историческим экскурсом, а также разбором общих направлений и приоритетов развития как отдельных видов транспорта, так и городского транспорта страны в целом.

§ 1. От трамвая к метрополитену

МКХ тебе не тень
Навело на майский день.
Через год без всякой тени
Прите в метрополитене.

*Владимир Маяковский. Частушки
о метрополитене. 1926*

До революции население в городах обслуживалось только одним видом механизированного транспорта — трамваем. Обслуживание было рассчитано на состоятельные слои населения и городских служащих, в силу чего трамвайные пути строились, главным образом, в центральной части города. Большинство трамваев было пущено и эксплуатировалось концессионерами-бельгийцами.

История российского трамвая имеет более чем вековую историю. В конце 1840-х годов в Москве были введены частные конные линейки — открытые многоместные конные экипажи, организовавшие движение между Красной площадью и окраинами города. С постройкой сети линий конного трамвая линейный промысел утратил свое значение. Первый проект прокладки линии конки был разработан для Москвы в 1864 г., но только в апреле 1872 г. городской думой был окончательно утвержден проект строительства сети линий конно-железных дорог. В 1872 г. компании графа С.А. Уварова и Н.Ф. фон Крузе была дана на 40 лет первая концессия на постройку и эксплуатацию конно-железных дорог (с 1875 г. — Первое общество конно-железных дорог). Движение по первой Петровской линии конного трамвая (от Иверской часовни до Петровского парка) открылось 1 сентября 1874 г. В конце 1883 г. 45-летняя концессия на устройство второй сети конно-железных дорог была выдана инженеру А.Н. Горчакову, передавшему через 2 года свои права и обязательства по контракту вновь созданному Бельгийскому акционерному обществу. Первая (Екатерининская) ли-

ния конного трамвая Общества была открыта в июле 1885 г. на участке от Трубной площади до Екатерининского парка. В 1886 г. Общество проложило первую (от Бутырской заставы до Петровско-Разумовского), а в 1887 г. — вторую (от Калужской заставы до Воробьевых гор) линию парового трамвая. К 1891 г. оба общества договорились с городской управой об объединении сетей, теперь пассажиры могли ехать по всем направлениям по одному пересадочному билету.

Первый электрический трамвай появился в 1891 г. в Киеве (для сравнения: в Германии и Америке — на 10 лет раньше). В 1895 г. Бельгийским обществом была введена в виде опыта электрическая тяга сначала по Долгоруковской линии, а в 1898 г. — от Страстного монастыря до Петровского парка. В марте 1900 г. городской Думой было принято решение о муниципализации трамвая: в сентябре 1901 г. все предприятия 1-го Общества были выкуплены (на выкуп трамвая 2-го Общества дума не решилась), а в 1903 г. был пущен первый в стране электрический трамвай, построенный городом⁷. Первая линия электрического трамвая в Санкт-Петербурге была пущена еще в 1905 г., что подтолкнуло процесс сокращения парового трамвая и конки, появившейся еще в начале 1860-х годов. К Первой мировой войне в России было 35 трамвайных предприятий (на территории будущей РСФСР — 23), которые перевозили в год 914 млн человек. Общее протяжение путей равнялось 1900 км, а трамвайный парк состоял из 4250 вагонов⁸.

По другим сведениям, до революции в России существовало 36 трамвайных предприятий с электрической тягой, из которых 27 принадлежали частным обществам, а девять — муниципалитетам. Москва в этом списке стала 18-й, а Петербург — 24-м городом с электрическим трамваем. Последнее перед революцией (36-е) трамвайное движение открылось в Архангельске в 1916 г. Таким образом, до Первой мировой войны было открыто 31 предприятие, а во время войны — пять.

⁷ Первый электрический трамвай в Москве был пущен в марте 1899 г.

⁸ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 78; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху... С. 49; Гербко А. Электрические трамваи. С. 13; Павлов Н.Н. Как устроен и работает трамвай // Коммунал. работник. 1924. № 5–6. С. 15; История московской конки; Целибева П. Современное развитие трамвая в наших городах // Коммунал. работник. 1929. № 19. С. 5; Шенгели Г. По следам времени. С. 17.

Если же считать трамваи с конной и электрической тягой, то их в России было 50. За редким исключением, как уже указывалось, частные трамваи принадлежали бельгийским акционерным обществам, получившим концессию на постройку и эксплуатацию трамвая сроком на 40–50 лет. В небольших провинциальных городах (Севастополе, Кременчуге, Ярославле, Твери, Смоленске и проч.) бельгийцы брали концессию не только на трамвай, но и на освещение и применение электричества в технических целях. В крупных городах они довольствовались трамваем в силу его рентабельности⁹. Только начиная с 1906–1907 гг. в Москве, Петербурге и Самаре трамваи стали строиться городскими самоуправлениями. До революции 60% трамвайных предприятий приходилось на города с числом жителей менее 100 тыс. Причем муниципальные предприятия открывались преимущественно в крупных городах (шесть из девяти), в том числе в Москве и Петрограде, тогда как частные предприятия были в девяти крупных городах из 27. При этом 27 частных предприятий обслуживали 4 млн 117 тыс. человек, а девять муниципальных — 4 млн 907 тыс. Из всей длины одиночных путей 51% приходился на частные, а 49% — на муниципальные. Тогда как распределение вагонов было обратным — 41 и 59% соответственно, что указывает на большую интенсивность движения на муниципальных предприятиях¹⁰.

Кроме того, концессионеры нередко использовали уже бывшее в употреблении оборудование, в силу чего к революции трамваи уже были совершенно изношены. Например, построенный в 1895 г. нижегородский трамвай в 1914 г. передан концессионером городу «в совершенно разбитом состоянии» с сетью всего 10 км¹¹. Для сравнения: построенный в 1906 г. городским самоуправлением харьковский трамвай (3,7 км и 1,2 млн пассажиров в год), сменивший принадлежавшую бельгийскому товариществу конку, к 1916 г. эксплуатировал 21 км путей, а объемы перевозок выросли до 38 млн пассажиров в год¹².

⁹ Гербко А. Электрические трамваи. С. 11–13.

¹⁰ Там же. С. 12; Сосянц В., Эрмансон Э. Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 14.

¹¹ Хроника коммунальной техники // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 1. С. 40.

¹² Коммунальные предприятия // Там же. 1926. № 21–22. С. 96.

Мировая война резко ухудшила положение городского транспорта. Парк трамваев стал сокращаться с 1914 г. По сравнению с 1913 г. трамвайное движение в 1917 г. сократилось на 50%. В 1917 г. в целом трамвайный кризис был углублен: сократилось количество вагонов, зато увеличилось количество пассажиров — за счет солдат, которым ранее запрещалось ездить в трамваях. К примеру, после Февраля 1917 г. уровень дореволюционного пассажиропотока в Петрограде был восстановлен только к середине апреля. При этом выявились массовое хамство и безбилетный проезд. Так как солдаты могли ехать бесплатно, то многие (особенно уголовники) одевали шинели. Только 11 октября солдат обяжали платить 5 коп., тогда как для остальных пассажиров в Петрограде тариф на электрический трамвай был поднят до 20 коп. (до революции — 5 коп.). Отмечалась и массовость трамвайных краж¹³. На практике «демократизация» городского транспорта отражала процесс трансформации городской культуры сервиса в сторону его большей доступности.

Неудивительно поэтому, что после прихода большевиков к власти в Москве, Петрограде и на местах начался процесс захвата рабочими трамвайных предприятий. В апреле 1918 г. инженер Общества конно-железных дорог Г.Л. Соколовский жаловался в ВСНХ, что общее собрание служащих и рабочих Казанского трамвая незаконно, вопреки Положению о рабочем контроле, принятом ВЦИК и СНК 14 (27) ноября 1917 г., «национализировало» трамвайное предприятие, отстранив директора Общества¹⁴. Впрочем, в результате обобществления положение с трамваями не улучшилось. Более того, во время Гражданской войны трамвайное хозяйство было совершенно развалено. В 1918–1920 гг. трамвайное движение сократилось до 1% от довоенного уровня, а в ряде городов — до нуля. Вследствие полной изношенности вагонов и путей и недостатка электроэнергии трамвайное движение или почти полностью прекратилось, или обслуживало только военные нужды. Например, в Москве число перевезенных в 1920–1921 гг. пассажиров составило одну десятую от числа пассажи-

¹³ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 79, 81, 85–86, 88; Пронин П. 1-я Всероссийская трамвайная конференция (17–24.12.1922 г.) // Коммунал. работник. 1923. № 2 (86). С. 44.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 76. Л. 3.

ров в 1911–1913 гг., в Киеве — одну двадцатую, а в Одессе — всего одну сороковую. В Смоленске, Казани, Нижнем Новгороде, Астрахани и Орле трамвайного движения в годы Гражданской войны не было вообще. Исключение составляли только предприятия Ленинграда, Архангельска и Самары. К примеру, в Ленинграде в 1920 г. была введена бесплатная перевозка пассажиров, отмененная только в августе 1921 г. В Самаре не было сильного падения численности пассажиров даже в 1917–1918 гг. В Архангельске пик перевозок пришелся на 1920 г., а с 1921 г., наоборот, отмечалось значительное их снижение¹⁵.

С переходом к нэпу ситуация начала налаживаться. С введением платности в конце 1921 г. (пусть и со льготами для рабочих) трамвайное сообщение стало оживать, и к концу 1922 г. достигло 50% довоенной производительности. Значительную роль в восстановлении трамвайных парков сыграли субботники: в результате принятых мер к концу 1921 г. было отремонтировано около 6,5 тыс. электромоторов и более 700 трамвайных вагонов. Данные анкетирования к Всероссийской трамвайной конференции по 16 из 36 трамваев показали, что за период февраля — октября 1922 г. наметилась тенденция к увеличению тарифов. Впрочем, население предпочитало ездить «зайцами». Даже когда в Москве в феврале 1923 г. ввели штраф за безбилетный проезд в трамвае, в 3 раза превышающий стоимость билета, население предпочитало расплачиваться с милиционером на месте без оформления протокола. Тем не менее введение платы за проезд в трамвае позволило ввести в эксплуатацию новые трамвайные линии, а перевозку пассажиров в 1922 г. довести до 18 млн человек в год.

Можно говорить, что 1922 г. стал «временем перехода от разрушения трамвайных предприятий к медленному их восстановлению», а 1923 г. — началом «планомерной эксплуатации для большинства трамваев». К концу 1922 г. в стране было 36 предприятий с электрической тягой и три — с конной, но функционировали соответственно 24 и одно. Если в 1922 г. не работали трамваи в Симферополе, Владикавказе, Пскове, Евпатории, Витебске, Казани, Астрахани и Нижнем Новгороде, то в 1923 г. — только во Владикавказе и Кременчуге.

¹⁵ Гербо А. Электрические трамваи. С. 16; Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР. С. 104–105; Пронин П. 1-я Всероссийская трамвайная конференция (17–24.12.1922 г.). С. 44.

Астраханский трамвай был пущен в марте 1922 г., витебский и казанский — в начале 1923 г., евпаторийский — в июне, нижегородский — в августе, бакинский — в феврале 1924 г., богородский (Московской губернии) — в марте, курский — в октябре. В 1923 г. была предпринята попытка пустить трамвай во Владикавказе (5–6 вагонов вместо 19), но через 3 месяца движение было прекращено из-за убыточности.

Если до 1924 г. в стране не было открыто ни одного трамвайного сообщения, то в этом году были сооружены сразу три новых трамвайных предприятия — в Баку, Богородске и Старой Руссе. В частности, в Баку строительство трамвая началось весной 1923 г. а уже в начале 1924 г. было открыто движение по первой круговой линии, в марте — по черноморской линии до кислотного завода, в мае — на Баиллов док. К концу сентября из 18 намеченных верст двухколейного пути в эксплуатации находилось 15,5 версты (42 моторных вагона и 20 прицепных). Проездной тариф составлял 5 и 7 коп. за станцию. И это при чрезмерно раздутом штате обслуживания — 494 человека, или 11 человек на вагон. Также планировалось построить новую ветку в промышленные районы — Сабунчи и Сураханы. Сабунчанская ветка должна была стать первой в Азербайджане быстроходной электрической железной дорогой¹⁶. Для сравнения: сооружение богородского трамвая началось в сентябре 1923 г., а пущен он был 2 марта 1924 г. Одноколейная линия длиной 10 км (шесть моторных вагонов и шесть прицепных) была доведена к Глуховской текстильной фабрике, причем все оборудование было изготовлено на отечественных заводах. Проездной тариф за одну станцию составлял 8 коп., в штате было 144 человека, или 18 человек на 1 вагон¹⁷.

Процесс восстановления трамвайного хозяйства в регионах шел непросто. Так, трамвайное движение в Нижнем Новгороде к маю 1923 г. было восстановлено только до уровня 1918 г. Правда, при этом были произведены некоторые изменения в подвижном составе

¹⁶ Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. С. 59; Гербо А. Электрические трамваи. С. 11; Митлянский Ю. Трамвайные тарифы в 1922 году // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 5–6. С. 85; Пронин П. 1-я Всероссийская трамвайная конференция (17–24.12.1922 г.). С. 44; Хроника коммунальной техники. С. 37–39.

¹⁷ Там же. С. 39–40.

и трассе пути: одноколейный путь в нижнем городе был переделан на двухколейный, построено 2 км путей до Сенной площади и соединительный путь между верхней и нижней частями города. Общая длина путей составила 21,4 км. При количестве обслуживающего персонала в 417 человек (13 человек на вагон) тариф составлял от 5 до 7 коп.¹⁸ Царицынский трамвай до 1923 г. обслуживал только центральную часть города. В 1923 г. в городе проложили ветку до завода «Баррикады» и приступили к сооружению большой загородной ветки, и в первую очередь 4 км пути до Максимовского лесопильного завода. При этом у царицынского трамвая, достигшего 80% от уровня довоенной перевозки пассажиров и 70% от уровня эксплуатируемых до войны вагонов, оказался самый низкий тариф — 4 коп., т.е. в 2 раза ниже среднего показателя по СССР. В апреле — ноябре 1924 г. была построена одноколейная ветка Севастополь — Балаклава протяженностью 14,5 км. Если в августе 1923 г. в Саратове эксплуатировалось 36 из 78 км, то к концу 1924 г. — уже 65 км. В Краснодаре была расширена трамвайная сеть, охватившая рабочий район. На московском трамвае, где в 1924 г. на линию выходило более 800 вагонов, была произведена замена 30 км рельсов с применением термитной сварки стыков, капитально отремонтированы 70 вагонов и заказано 75 новых¹⁹.

Но в целом по стране в начале 1924 г. в рабочем состоянии находилось всего 37 трамвайных парков. В Воронеже, Казани, Курске и ряде других городов трамваи или не работали и разрушались, или же находились «под угрозой полной остановки». Если сравнивать интенсивность работы трамвая до войны и в первой половине 1924 г., почти везде по стране наблюдалось снижение перевозки пассажиров — 20–80% от довоенного уровня²⁰. Пробег пассажирских вагонов и их среднее количество также в значительной степени сократились²¹.

¹⁸ Трамвай в Н.-Новгороде // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 1–2. С. 72; Хроника коммунальной техники. С. 40.

¹⁹ Павлов Н.Н. Как устроен и работает трамвай. С. 15; Хроника коммунальной техники. С. 41–42.

²⁰ Впрочем, были и исключения: в Москве перевозка пассажиров составляла 95% от довоенного уровня, в Харькове — 100%, Твери — 107%, Нижнем Новгороде — 148%.

²¹ Там же. С. 42.

За 1922–1924 гг. число пассажиров трамваев в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве и Ростове увеличилось с 284 до 517 млн и достигло в 1924 г. 80% от уровня 1912 г. В конце 1924 г. в СССР трамвайное движение функционировало в 38 городах, в двух из которых (Баку и Богородске) его до войны не было. Однако, если в 1914 г. отношение вагонов в движении к инвентарному числу было 0,7, то в 1924 г. этот показатель снизился до 0,4–0,5, что демонстрировало увеличение ветхого и неисправного подвижного состава. С 1 сентября 1923 г. по 1 октября 1924 г. трамваи перевезли 74% от числа пассажиров, перевезенных в довоенный период, а по числу поездок на одного жителя — 84% (хотя без Москвы и Петрограда показатели были еще ниже — 56 и 64% соответственно). При этом для разных городов показатели различались. Если трамвайные предприятия в Москве, Харькове, Царицыне и Твери давали к середине 1920-х годов увеличение числа перевезенных пассажиров по сравнению с довоенными нормами, то Одесса, Киев, Самара, Казань и Саратов — наоборот, значительное снижение. Отчасти это объяснялось тем, что Первая мировая и Гражданская войны оказали «разрушающее влияние на разные города» в разной степени. Влияли на трамвайные перевозки и разные финансовые возможности коммунальных органов²².

В 1924–1925 гг. длина трамвайных путей в стране увеличилась также весьма незначительно: с 1144 до 1188 км. И это несмотря на то, что за эти годы были построены трамваи в Баку, Богородске, Воронеже и Старой Руссе. Зато в 1925–1926 гг. трамвайное строительство пошло более энергичными темпами. В 1926 г. в РСФСР трамвайное сообщение имелось в 26 городах, планировалось провести трамвайное сообщение еще в 12 городах, в том числе в Перми, Омске и Грозном. В Саратове прокладывалась новая линия в Агафоновский поселок, во Владикавказе строилась линия протяженностью 0,33 км, а в Сталинграде — Заполотновская линия. Закончилась постройка трамвайной линии в Самаре, линий ленинградского трамвая до Озерков и пятигорского трамвая — до ст. Горячеводск. Эти процессы охватили не только

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 24. Л. 19; *Гербо А.* Электрические трамваи. С. 16–17; *Хроника коммунальной техники.* С. 42–44; *Гринвальд Ю. К.* Трамвай и автобус среди других транспортных средств в городах // *Вопр. коммунал. хоз-ва.* 1926. № 3. С. 117.

РСФСР. Так, приступил к постройке шести новых линий тифлисский трамвай, шла постройка трамвайных линий между Днепропетровском и пос. Кайдаки. Завершилась постройка путей, соединивших центр Киева с отдаленной окраиной — Сталинской. Главное, что в разных городах страны предпринимались меры по увеличению протяженности линий и численности подвижного состава. К примеру, в Харькове на весну 1927 г. было намечено полное переоборудование трамвайного хозяйства: перевод трамвая на широкую колею, постройка больших вагонных парков, закупка мощных моторных вагонов и т.п. Также был разработан проект соединения Харькова с шестью пригородными поселками линией протяженностью 128 верст. В Воронеже, где летом 1926 г. открылись три линии трамвая, весной 1927 г. планировалось начать постройку четвертой линии, от заставы до вокзала. На 1927 г. были намечены значительные работы в Ростове-на-Дону: достройка путепровода и дамбы для трамвайной линии, ведущей в Ленгородок, прокладка второго пути на двух линиях, постройка новых линий (бойни — Нахичеванский полустанок и в Ленгородок), закупка 15 закрытых прицепных вагонов и постройка семи открытых и проч.²³

Всего за 1926/1927 хоз. год было перевезено около 1,5 млрд пассажиров, вагонный парк достиг 4,6 тыс. ед., длина путей составила 2 тыс. км, а число годовых поездок на одного жителя — 155 (до революции было 107). Когда в 1927 г. были пущены трамваи в Туле и Сталино, из довоенных трамваев не был восстановлен только кременчугский. В 1928 г. в СССР имелись 40 действовавших трамваев с общим протяжением эксплуатационного пути в 2,1 тыс. км. Объем перевозки пассажиров за 1927/1928 хоз. год для всех трамвайных предприятий возрос на 12%. При этом рост перевозок происходил, главным образом, за счет увеличения провозоспособности существовавшего оборудования, улучшения работы уже имевшихся вагонов и путей, восстановления «мертвецов с кладбищ» и увеличения работы вагонов на линии²⁴.

²³ *Головин М.* Текущие вопросы коммунальной жизни. С. 55; *Коммунальные предприятия* // *Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД.* 1926. № 21–22. С. 96–97.

²⁴ *Трамвайщик.* Наши трамваи к одиннадцатой годовщине октября // *Коммунал. работник.* 1928. № 27. С. 4; *Ушаков Н.* Проблемы второго пятилетия. С. 9; *Целибева П.* Современное развитие трамвая в наших городах. С. 5.

Таким образом, накануне первой пятилетки «трамвайное хозяйство слабо развивалось»: число трамвайных предприятий не увеличилось, шло лишь некоторое развитие существовавших. И это при том, что к 1929 г. в городах трамвай оставался «пока почти единственным видом общественного транспорта». Но трамвайные перевозки отставали от потребности городов: не хватало подвижного состава, имевшийся был сильно изношен, а промышленность не способна была удовлетворить потребность в вагонах. Сравнение данных работы трамваев за 1928/1929 и 1929/1930 хоз. годы показывает рост перевозок на 28% при увеличении единиц вагонного инвентаря на 10% и длины пути на 11,4%²⁵. Другими словами, объемы пассажирских перевозок росли в большей степени за счет переполненности трамваев, нежели за счет интенсификации транспортной сети. К примеру, в Саратове коренная реконструкция подвижного состава началась только в 1928 г., когда стали закупать новые вагоны и ремонтировать старые. По данным на 1937 г., вагоны новой конструкции составляли уже почти 80% всего подвижного состава²⁶.

В целом по стране только в годы первой пятилетки произошли качественные изменения в области трамвайного хозяйства. Широкое распространение трамвайного сообщения в городском хозяйстве опиралось на убеждение, что «городские электрические железные дороги» по своим транспортным свойствам являются одним из наиболее эффективных средств сообщения. Поэтому вместо 35 городов, имевших трамвайное сообщение в 1917 г. (1,5 тыс. км путей), по плану 1932 г. оно распространилось на 48 городов, а длина путей должна была вырасти до 3 тыс. км. Если в 1917 г. был перевезен 1 млрд пассажиров, то план 1932 г. предусматривал перевозку 5,2 млрд человек. Инвентарное число вагонов с 4,8 тыс. в 1928 г. должно было вырасти до 8,6 тыс., а число вагонов в движении — с 3,5 до 7 тыс.²⁷

²⁵ *Леонгардт Ю.* Наши задачи в трамвайном хозяйстве // Коммунал. работник. 1931. № 12–13. С. 7; *Сиринов М.* Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы. С. 6; *Целибеев П.* Современное развитие трамвая в наших городах. С. 5.

²⁶ *Соловьева Т.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 129.

²⁷ *Власенко С.* 15 лет борьбы и побед в области городского хозяйства... С. 5.

Но прежде всего партийно-государственное руководство страны обратило внимание на развитие трамвайного парка Ленинграда и Москвы. Так, ЦК партии и советское правительство, отметив «резкое отставание трамвайного хозяйства от потребностей промышленности и роста населения», наметило на 1932 г. проложить в Ленинграде 55 км новых путей для пассажирского движения и 30 км для замены изношенного пути и расширения грузовых веток. Предполагалось увеличение пассажирского парка на 450 вагонов (из них 350 моторных) за счет их выпуска на «Красном путиловце». Также планировалось закончить к концу 1932 г. постройку главных трамвайных мастерских и двух новых парков, увеличить количество питающих подстанций. В числе мер «обеспечения нормального трамвайного движения» было и строительство трамвайных виадуков. А необходимость «расширения использования пригородов для отдыха трудящихся» и их доставки на работу ставила задачу электрификации пригородного сообщения на участке Балтийской линии (Ораниенбаум — Гатчина) и прокладки второй колеи по Приморской линии²⁸.

Апогей развития трамвайной сети в Москве также пришелся на начало 1930-х годов, когда она охватила Бульварное и Садовое кольца и все соединяющие их улицы. Были проложены трамвайные линии и на окраины столицы. В частности, если в 1913 г. на одного жителя Москвы приходилось в среднем 145 поездок на трамвае, в 1931 г. — 480, то за 1932 г. их число выросло до 500. За год с лишним, прошедший после июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б), количество вагонов в столице возросло на 350 ед., и число трамваев — на 20%. Но качественные показатели работы некоторых организаций за I полугодие 1932 г. оказались ниже, чем за II полугодие 1931 г. По тресту МГЖД в мае 1931 г. себестоимость перевозки трамваем одного пассажира составляла 3 руб. 94 коп., а в 1932 г. она выросла до 4 руб. 11 коп. Если в июне 1931 г. коэффициент использования трамвайных вагонов (по выпуску их на линию) равнялся 90,4%, то в I полугодии 1932 г. он снизился до 89%²⁹.

²⁸ Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда».

²⁹ *Булганин М.* В боях за пролетарскую Москву // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 9–10. С. 17, 20; Как и когда будет построен московский метрополитен? С. 84.

В целом по стране в 1932 г. было сдано в эксплуатацию около 350 км трамвайных путей, т.е. в 2 раза больше, чем в предыдущем году. Если в 1926 г. в СССР было 39 городов с трамваями (в РСФСР — 26), то в 1932 г. эти показатели выросли до 44 и 30 соответственно. Изменились и другие показатели, характеризовавшие состояние трамвайного хозяйства страны. Так, протяжение трамвайной сети в пересчете на одиночный путь выросло по СССР с 2024 км в 1926/1927 хоз. году до 2437 км в 1930 г. и 2650 км в 1932 г. Аналогичными темпами росла численность подвижного состава СССР: с 4497 единиц в 1926/1927 хоз. году до 5615 в 1930 г. и 6647 — в 1932 г. В целом по СССР число перевезенных пассажиров в 1926/1927 хоз. году составляло 1490 млн человек, в 1930 г. оно выросло до 2750 млн человек, а в 1931 г. достигло 4110 млн. Всего же за первую пятилетку было построено пять новых трамвайных линий (в Сталино, Минске, Перми, Свердловске и Макеевке) и завершались строительные работы еще в шести городах — Челябинске, Эриване, Грозном, Шахтах, Таганроге и Константиновке³⁰. Несмотря на то что в 1932 г. трамвайное движение в стране оставалось чрезмерно перегруженным, городские электрические железные дороги по своим транспортным свойствам были одним из наиболее эффективных средств сообщения, что и обуславливало их широкое распространение в городском хозяйстве. Однако в конце первой пятилетки остро встал вопрос экономии электроэнергии путем введения автоматического переключения стрелок на всех трамвайных линиях в СССР³¹.

Еще более острой была проблема нового строительства. Так, за 1931–1934 гг. число трамвайных предприятий в РСФСР выросло с 29 до 35. Новые предприятия были созданы в Челябинске, Шахтах, Дзержинске, Таганроге, Сталинске и Грозном. Было начато строительство трамваев в Керчи, Магнитогорске, Иваново, Новосибирске, Златоусте и Новороссийске, в котором уже эксплуатировалась часть пути. Одновременно шли реконструкция и расширение трамвайного хозяйства: укладка новых путей, улучшение энергоснабжения, уве-

³⁰ Святицкий Н. Коммунальный пассажирский транспорт РСФСР в четвертом году пятилетки // Коммунал. работник. 1932. № 39–40. С. 6.

³¹ Сосняц И. Применение автоматических и централизованных управлений на трамваях // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 40–41.

личение вагонного парка и т.п. Но капиталовложения в 1932–1934 гг. в большей степени были направлены на расширение и реконструкцию старых, нежели на строительство новых трамваев. Это не могло не отразиться на ряде показателей работы российского трамвая (табл. 3.1)³².

Таблица 3.1

Показатели развитие трамвая в РСФСР

Показатели	Единица измерения	1931 г.	1933 г.
Длина эксплуатационного пути к концу года	км	1723,0	2011,7
Среднегодовое число вагонов в движении	шт.	4064	5230
Коэффициент использования вагонного парка	%	82,3	81,5
Число перевезенных пассажиров	млн человек	3087	3876
Эксплуатационная скорость	вагоно-км	13,0	13,2
Производительность труда на одного работника по эксплуатации	вагоно-км	6270	7200
Себестоимость 1 вагоно-км	коп.	41,0	47,5

Основными «недочетами» большинства трамвайных предприятий РСФСР являлись: «недостаточность организационного производства» и слабая насыщенность предприятий техническими кадрами, высокая текучесть рабочей силы и низкая производительность труда, неналаженность планово-предупредительного ремонта и запущенность отдельных частей трамвайного хозяйства, неумелое регулирование и использование вагонов на линии, недостаточная квалификация вагоновожатых и частые аварии³³. Впрочем, это были типичные проблемы, препятствовавшие развитию трамвайного парка СССР в целом.

В первой половине 1930-х годов в большинстве городов РСФСР было введено грузовое трамвайное движение, получившее наибольшее развитие в Ярославле, Горьком, Архангельске, Москве, Ленин-

³² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 18.

³³ Там же. Л. 20.

граде и Астрахани. К 1935 г., помимо развития и реконструкции действовавших трамвайных линий, продолжалось строительство новых. В частности, были построены быстроходные электрические железные дороги в Ленинграде, Горьком, Баку — Сабунчи и в других населенных пунктах³⁴. Но к середине 1930-х годов сохранялось значительное отставание в области трамвайного вагоностроения, хотя отмечались первые попытки отдельных трамваев приблизиться к новым формам вагоностроения. К примеру, в Киеве еще в 1932 г. был построен пробный двухосный моторный вагон большой емкости. Крайне слабо использовались мощности как большинства старых, так и вновь построенных коммунальных предприятий. Например, коэффициент использования трамвая составлял: в Астрахани в 1934 г. — 70,9%, а в 1935 г. — 73,8%, в Перми — соответственно 65,7 и 77,1%, в Куйбышеве — 60,2 и 64,2% и т.д. В пяти из 60 городов в движении находилось около половины вагонов, остальные были в ремонте или ожидали недостающих частей и оборудования³⁵.

26 июля 1935 г. нарком коммунального хозяйства Н.П. Комаров направил в СНК РСФСР докладную записку «О состоянии трамвайного хозяйства в городах РСФСР», в которой отметил, что за период первой пятилетки и 2 года второй пятилетки трамвайное хозяйство в РСФСР «значительно выросло». За этот период были пущены новые трамваи в 11 городах: Челябинске, Шахтах, Грозном, Таганроге, Дзержинске, Сталинске, Златоусте, Керчи, Иванове, Новороссийске и Новосибирске. Протяженность трамвайных путей к началу 1935 г. достигла 2137 км, а количество вагонов — 6960 ед., увеличившись по сравнению с дореволюционным периодом почти в 2,5 раза. Размер пассажирских перевозок в 1934 г. (около 4 млрд человек) в 5 раз превысил размер дореволюционных. Трамвайный парк пополнился 4,5 тыс. новых вагонов (в том числе четырехосными вагонами американского типа большой емкости). При этом нарком писал и о серьезных недостатках трамвая как основного вида пассажирского транспорта

³⁴ Там же. Л. 21; *Сосянци В.* Реконструкция городского транспорта в СССР // Социалист. город. 1935. № 1. С. 8.

³⁵ *Бондаревский Д.И., Бекин П.Л.* Современный трамвайный подвижный состав // Там же. № 8. С. 31; *Нейбах И.И.* Работу коммунальных предприятий на должную высоту. С. 1.

в городах: нехватке мест в вагонах в часы пик; нарушении регулярности движения из-за неисправностей вагонов, путевого хозяйства и системы токоснабжения; снижении коэффициента выпуска вагонов на линию (кроме Москвы и Ленинграда) до 70% вместо нормальных 85–90%; малой средней эксплуатационной скорости трамвая (кроме Москвы и Ленинграда), составлявшей лишь 12,5 км (в Севастополе — до 9,3 км); неналаженности системы предупредительных ремонтов подвижного состава и путей; неорганизованности движения вагонов по расписанию и т.п.³⁶

Реконструкция трамвайного дела к началу третьей пятилетки способствовала появлению во многих городах более емких и рентабельных четырехосных вагонов и организации изготовления на Ярославском тормозном заводе мотор-компрессоров, заменявших устаревшие осевые компрессоры. Широкое внедрение получила система открытых парков с уборочно-смотровыми помещениями. Значительные улучшения произошли в электрохозяйстве в связи с заменой старых преобразователей тока ртутными выпрямителями современного типа. Проведенные в путевом хозяйстве мероприятия способствовали ликвидации разнотипности рельсов (из 14 типов осталось два), внедрению термитной или электрической сварки рельсовых стыков, переходу крупных трамвайных предприятий от ручного перевода стрелок на автоматическое и централизованное. Почти везде была механизирована очистка путей от снега при помощи снегоочистителей. В итоге инвентарное число вагонов увеличилось с 4253 в 1913 г. до 10 120 на 1 января 1938 г. Эксплуатационная скорость выросла с 9 км/ч в 1913 г. до 14 км/ч в 1937 г. (на 56%), а коэффициент использования подвижного состава увеличился с 0,75 до 0,84. Если в 1913 г. трамвайное сообщение имелось в 35 городах, а в 1923 г. — в 34, то в 1928 г. — уже в 42, 1932 г. — в 53 и в начале 1938 г. — в 74 городах. Количество обслуживаемого населения также увеличилось с 8,5 млн жителей в 1913 г. до 22,02 млн к началу 1938 г. Если в 1913 г. трамваи перевезли 915 млн пассажиров, то в 1928 г. — 2746 млн, в 1932 г. — 4941 млн, а в 1937 г. — 6022 млн, т.е. в 6,6 раза больше, чем в 1913 г.³⁷

³⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

³⁷ *Сосянци В., Эрмансон Э.* Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 14–15.

В повестку дня встала задача реконструкции трамвайного хозяйства, и прежде всего полной замены старых двухосных вагонов современными бесшумными, быстроходными и комфортабельными двух- и четырехосными вагонами, созданными на базе американских вагонов типа ПСС длиной 15 м и шириной 2,6 м. Участники специального совещания по вопросу о выборе типа вагона в декабре 1937 г. единогласно пришли к выводу о необходимости строительства одноярусного четырехосного вагона американского типа, а не двухъярусного английского. Актуальными задачами третьей пятилетки оставались полная ликвидация узкой колеи, автоматизация управления переводом стрелок и организация профилактического ремонта³⁸.

По ведомственным сведениям на 14 апреля 1940 г., число городов РСФСР, имевших трамвайное сообщение, достигло 42, длина одиночного пути составила 2421 км, а инвентарное число вагонов — 7453 шт. При этом всего три трамвайных линии принадлежали промышленным предприятиям, а остальные находились в ведении городских властей³⁹. Однако план пробега вагонов и перевозки пассажиров в 1940 г. был выполнен всего на 90,4%. Это невыполнение объяснялось прежде всего низким коэффициентом использования подвижного состава и малой эксплуатационной скоростью. Так, коэффициент использования трамвайного парка в 1940 г. составил 81,2% против 85,1% по плану и 82,9% по сравнению с 1939 г. Невыполнение плана выпуска трамваев на линию было вызвано неудовлетворительным содержанием подвижного состава (в первую очередь — плохим качеством осмотров и ремонта вагонов), невыполнением плана ремонта, недостатком электроэнергии и нехваткой вагонных бригад, неумением правильно организовать технологию осмотров и ремонта. План ремонта вагонов по РСФСР (без Москвы и Ленинграда) по капитальному ремонту был выполнен всего на 56,9%, по большому ремонту — на 53%, по среднему — на 61,2% и по малому — на 52,6%. Особенно неудовлетворительно обстояло дело с ремонтом вагонов в Горьком, Казани, Сталинграде, Ногинске, Владивостоке и Орджоникидзе. Плохо выполнялся план капитального ремонта 1940 г. в трамвайном хозяйстве в целом: на 73,3%, в том числе в Москве — на 88%, в Ленинграде — на 49,4%

³⁸ Там же. С. 16–17.

³⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 5.

и в остальных городах — на 81,8%. Эксплуатационная скорость вместо 14,65 км/ч по плану составила 14,16 (96,7% плановой), что было меньше показателя 1939 г. (14,3). Несколько улучшилась работа трамвая только в IV квартале 1940 г.⁴⁰

Если в целом по стране конкурентов у трамвая в это время не было, то в столице его монополия была нарушена с открытием в 1935 г. первых линий метрополитена⁴¹. После этого были разобраны трамвайные линии, совпадавшие с линиями метро по направлению. Также были перенесены на второстепенные улицы линии с северной и западной частей Садового кольца.

Возможность строительства метрополитена в Москве обсуждалась городской думой еще до революции. В очередной раз вопрос о строительстве подземки возник в 1924–1925 гг.: фирмой «Сименс-Бау-Унион» даже был составлен проект ветки от Сокольников до Театральной площади, но он оказался неудачным. По другим сведениям, существовал еще один проект, согласно которому к 1931 г. планировалось построить три линии: Сокольники — Мясницкая — Центр; Тверская застава — Тверская улица — Центр; Смоленский рынок — Арбат — Воздвиженка — Центр⁴², но и он остался на бумаге.

По решению июньского (1931 г.) Пленума ЦК партии строительство метрополитена должно было начаться в апреле 1932 г. По новому проекту первоочередные ветки метро планировалось закончить к декабрю 1933 г. Предполагалось проложить 11,5 км между Сокольниками и Крымским мостом и от библиотеки им. В.И. Ленина до Смоленского рынка. Интервалы между остановками должны были составлять от 370 м до 1 км. К 1936 г. подземная сеть должна была вырасти до 80,3 км: пять радиальных линий (Мясницко-Усачевская, Арбатско-Покровская, Таганско-Тверская, Краснопресненско-Рогожская, Замоскворецко-Дзержинская) должны были пересечь весь город. Также

⁴⁰ Там же. Д. 442. Л. 4, 6.

⁴¹ Весьма подробно история Московского метрополитена до 1935 г. изложена в обширной монографии: *Нойтати Д.* Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013. 818 с.

⁴² Как и когда будет построен московский метрополитен? С. 84; Хроника коммунальной техники // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 1. С. 45.

планировалось построить особую кольцевую линию между Садовым кольцом и Окружной железной дорогой. С самого начала было решено не связывать линии метрополитена с линиями пригородных железных дорог: при запланированном интервале движения поездов метро в 1,25–2 мин трудно было приспособить к нему расписание пригородных поездов. Также был решен вопрос в пользу подземных линий, а не наружных эстакад в силу узости столичных улиц и их кривизны. Поездной состав московского метро должен был состоять из шести вагонов по 170 мест каждый (48 для сидения и 122 для стояния), запланированная средняя скорость движения — 20–26 км/ч⁴³.

Согласно плану, в 1932 г. на Русаковском шоссе в районе Сокольников были начаты опытные работы по сооружению подземного канала в направлении Сокольники — Дворец Советов — Крымская площадь. Если ранее пуск в эксплуатацию линии метрополитена планировался к началу января 1934 г., то затем сдача первой очереди была перенесена на 1935 г. С ноября 1934 г. при Моссовете начало функционировать Управление метрополитена, а 15 мая 1935 г. было открыто движение первой очереди станций метрополитена, получившего имя Л.М. Кагановича. Пассажиры перевозили четырехвагонные составы с графиком движения 12 пар поездов в час. Суточные перевозки составляли 177 тыс. пассажиров, или всего 2% общегородских перевозок⁴⁴. В 1937–1938 гг. вошли в эксплуатацию станции второй очереди метрополитена с раздельным движением шестивагонных поездов по двум линиям: Кировско-Фрунзенской и Арбатско-Покровской. При этом провозная способность Московского метрополитена была в это время выше, чем у других метрополитенов в мире: 10 млн пассажиров в год на 1 км пути (для сравнения: данный показатель для парижского метро составлял 6,7 млн, нью-йоркского — 5 млн, лондонского — 3,8 млн, берлинского — 3,4 млн)⁴⁵.

Строительство метрополитена в Москве было важным звеном сталинского плана социалистической реконструкции «красной сто-

⁴³ Как и когда будет построен московский метрополитен? С. 85.

⁴⁴ К 1940 г. этот показатель перешел рубеж в 1 млн пассажиров.

⁴⁵ ГР. С-В. Метрополитен строится // Коммунал. работник. 1932. № 19–20. С. 10; Сосяц В., Эрмансон Э. Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 16.

лицы». Линии второй очереди строились под наиболее оживленными магистралями города и должны были связать между собой главные вокзалы, площади, стадионы, парки культуры и проч. Планировалось привести в порядок и освободить от старых домов набережные шириной по 60 м по обеим берегам Москва-реки, а около рампы и на самих перекрытиях разбить скверы⁴⁶. Строительство третьей очереди Московского метрополитена началось в 1940 г., но в первые месяцы войны было заморожено почти на год.

Очевидно, что метрополитен оказался одним из символов сталинского «большого скачка». «Подземная электричка», с одной стороны, знаменовала собой связь с ленинским планом ГОЭЛРО, а с другой — олицетворяла светлое коммунистическое будущее. Впрочем, развитие столичного метрополитена решало вполне прагматичные транспортные задачи, которые стояли перед всеми советскими мегаполисами. Кроме того, наличие метро становилось признаком «столичности» для ряда союзных республик. Эстафету столичного метро во второй половине XX столетия подхватили Ленинград (1955 г.), Киев (1960 г.), Тбилиси (1966 г.), Баку (1967 г.), Харьков (1975 г.), Ташкент (1977 г.), Ереван (1981 г.), Минск (1984 г.), Горький (1985 г.), Новосибирск (1986 г.), Куйбышев (1987 г.) и Свердловск (1991 г.).

§ 2. Развитие безрельсового транспорта: традиции и новации

Из всех живых существ стадный инстинкт наиболее развит у троллейбусов.

Юрий Шанин, писатель и филолог

Предшественниками московского автобуса были линейки (открытые кареты на 10–14 мест летом и большие сани зимой), начавшие курсировать по Москве в 1847 г., и омнибусы (большие закрытые кареты), начало движению которых было положено в 1872 г. (маршрут от Ильинских ворот в с. Останкино). Но линейки и омнибусы

⁴⁶ Катцен И.Е. Завершение строительства Арбатского радиуса московского метро // Социалист. город. 1937. № 3. С. 9, 12.

не выдержали конкуренции с конным трамваем: многие городские маршруты были закрыты, а владельцы линеек переориентировались на пригородные линии. Все проекты использования конных и автомобильных омнибусов конца XIX в. не нашли поддержки у городских властей.

Первая пробная линия автомобильных линеек была открыта между заставой у Марьиной Роши и Останкино в июле 1907 г., но эти машины ездили только в летний сезон. Летом 1908 г. открылись частные автобусные линии, перевозившие в пригородные местности, а в конце июля от Театральной площади до Болотной площади и Серпуховских ворот начал курсировать первый автобус. Но, не проработав и месяца, из-за плохих мостовых он вышел из строя. Только в мае 1910 г. небольшие автобусы стали курсировать от Пресненской заставы в Серебряный Бор. В 1913 г., когда в Московскую городскую думу поступило предложение об открытии автобусного сообщения по улицам, по городу курсировали семь частных автобусов, которые обслуживали прибывавших на вокзалы постояльцев гостиниц. Автобусное движение было закрыто с началом Первой мировой войны, и только в начале 1920-х годов в связи с резким ростом населения Москвы (с 1,027 млн в 1920 г. до 1,8 млн человек в 1924 г.) возникла острая необходимость увеличения численности общественного городского транспорта. Так как имевшиеся линии трамвая не обеспечивали связи окраин с центром, в октябре 1923 г. было принято решение об организации в Москве автобусного движения. Правда, первые восемь английских 28-местных автобусов фирмы «Лейланд» вышли на маршрут от Каланчевской площади через центр до Тверской заставы только в августе 1924 г. В феврале 1925 г. с прибытием еще 16 «Лейландов» открылись два новых маршрута: от Курского вокзала до Брянского, и от Виндавского вокзала до Саратовского. В конце года московское коммунальное хозяйство имело 94 «лейланда», 30 немецких автобусов «МАН», два «форда» и 12 «рено»⁴⁷.

В целом по стране в 1924 г. на междугородных, пригородных и городских линиях работали 94 автобуса, спустя год их число достигло 344, а к началу 1927 г. в автобусном парке было 911 машин. Из года в

⁴⁷ Коммунальные предприятия // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 7. С. 65. Подробнее см.: История московской конки.

год при этом менялся характер подвижного состава, и автомобильный транспорт общего пользования приобретал более организованные формы. Подвижной состав на междугородных, пригородных и городских линиях сообщения СССР в 1924–1927 гг. увеличился с 245 до 1288 машин, т.е. на 426%, и отличался разнообразием. Больше всего было автобусов (79,5%), далее шли грузовые машины (в том числе 39% новых), последнее место занимали легковые машины (в том числе 14,5% новых). Если в 1924 г. в СССР насчитывалось 52 линии общей протяженностью 3326 км, то спустя год линий было 133 (протяженность сети увеличилась до 6686 км), а к 1927 г. — 263 (14 582 км). Хуже обстояло дело с междугородными линиями. Так, в 1924 г. среднее их протяжение составляло 64 км, в 1925 г. с открытием значительного количества городских линий оно уменьшилось до 37 км и даже к 1927 г. в связи с открытием ряда дальних линий оно достигло только 55 км⁴⁸.

С 1925 г. начала расширяться география автобусных предприятий. Так, с конца марта было открыто автобусное движение в Курске. Помимо четырех организованных станций предполагалось пустить четыре автобуса общей вместимостью до 100 человек при цене за проезд в 10 коп. за станцию. Открылось автобусное сообщение в Ростове-на-Дону, предполагал расширить движение транспортный трест во Владимире. В Екатеринославле в повестке дня стояло заключение договора на приобретение пяти автобусов, чтобы установить сообщение с пригородным поселком Амур-Нижнеднепровск. Обсуждался вопрос о введении автобусного сообщения в Витебске⁴⁹.

Характеристика городского автобусного сообщения в СССР к началу первой пятилетки дана в табл. 3.2⁵⁰.

Очевиден перекоп в развитии автобусного сообщения в пользу Москвы как по количеству линий, так и по числу машин. Неудивительно, что в Московском округе на городских линиях оказался самый низкий тариф за пассажира-километр (4,88 коп.), а в Среднеазиатском округе — самый высокий (11,2 коп.) при среднем тарифе по стране 6,55 коп. Сильно различались тарифы и на междугородных

⁴⁸ Соколова М. Автобусный транспорт Союза в 1924–1927 гг. // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1928. № 4. С. 44–45.

⁴⁹ Коммунальные предприятия // Там же. 1925. № 7. С. 65–66.

⁵⁰ Соколова М. Автобусный транспорт Союза в 1924–1927 гг. С. 46.

Таблица 3.2
Показатели развития автобусного сообщения в СССР в 1928 г.

Округа	Пройдено, км	Перевезено пассажиров	Количество линий	Расстояние, км	Количество машин
Московский	7 736 940	34 173 293	29	229	164
Ленинградский	58 431	323 970	2	6	5
Украинский	2 937 514	14 366 231	16	82	112
Закавказский	5778	5088	1	2	2
Северокавказский	—	—	12	77	50
Западный	1 100 969	2 246 327	13	53	49
Волжский	179 328	328 394	4	22	19
Крымский	—	—	—	—	—
Сибирский	220 789	409 147	8	41	43
Среднеазиатский	455 546	1 326 604	6	32	36
Дальневосточный	—	—	—	—	—
Уральский	877 566	2 694 471	8	40	34
Казахский	404 815	1 666 248	5	22	22
Северный	—	—	—	—	—
Итого	13 977 676	57 539 773	104	606	536

линиях, где в 1928 г. было перевезено 922 768 пассажиров и пройдено 6 778 488 км. В среднем тариф составил 7,74 коп., но на междугородних линиях стоимость пассажира-километра сильно зависела не только от протяженности линии (чем длиннее, тем дороже), но и от характера местности (равнинная или гористая). Так, в среднем в гористой местности тариф был выше на 54%⁵¹.

Впрочем, статистические данные демонстрируют и другие цифры роста автобусного парка СССР в 1920-е годы: 112 машин в 1922 г., 97 — в 1923 г., 147 — в 1924 г., 263 — в 1925 г., 735 — в 1926 г., 1073 — в 1927 г.

⁵¹ Там же. С. 46–47.

и 1110 — в 1928 г.⁵² Скорее, можно доверять последним цифрам, так как они совпадают с данными Всесоюзной автомобильной переписи 1928 г., согласно которым в СССР в этом году было 16 426 автомобилей (одна машина на 9 тыс. жителей)⁵³. Наибольшую плотность давал Крымский округ (одна машина на 39 кв. км площади), затем Закавказский (одна на 92), Московский (одна на 119) и Украинский (одна на 180). Наименьшие показатели демонстрировали: Сибирский округ (одна машина на 29 407 кв. км), Северный (одна на 16 079), Дальневосточный (одна на 14 940) и Казахский (одна на 11 942). Из зарегистрированных машин новых было всего 30,4%. Если учитывать внутреннее деление автомобилей, то картина в 1913–1928 гг. менялась следующим образом (табл. 3.3)⁵⁴.

Таблица 3.3
Данные Всесоюзной автомобильной переписи 1928 г.

Год	Автомобили					Мотоциклы
	легковые	грузовые	автобусы	специальные	всего	
1913	7308	1548	—*	—	8856	3127
1922	5600	4576	112	388	10 676	1948
1923	6056	4640	97	250	11 043	2405
1924	6665	4904	147	358	12 074	2952
1925	7448**	5550	263	384	13 645	4347
1926	7701	6129	735	558	15 123	5511
1927	7003	5906	1073	1310	15 292	5746
1928	7457	6517	1100	1342	16 416	6305

* Впервые регистрация автобусов была введена в 1922 г.

** В 1925 г. в Москве появились первые такси, управление которыми было сосредоточено в МКХ исполкома Моссовета. Кроме таксомоторов МКХ в 1920-е годы в Москве работали легковые автомобили и такси Автопромторга и частных лиц.

⁵² Целибеев П. Автобусное хозяйство у нас и за границей и обзор американской автобусной промышленности // Коммунал. хоз-во. 1930. № 1–2. С. 51.

⁵³ Для сравнения: в 1913 г. в России было около 12 тыс. автомобилей, в основном легковых.

⁵⁴ Соколова М. Автотранспорт СССР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1929. № 9. С. 30.

Как мы видим, наибольшие изменения претерпело число грузовых автомобилей, автобусов и специальной техники. Большая часть транспорта (52,2%) принадлежала производственным и торговым организациям (государственным, хозрасчетным и кооперативным) и содержалась на их средства. Этим же организациям принадлежало 8% мотоциклов. Частники имели 17,7% автомобилей и 84,6% мотоциклов, общественные организации — 2,8% автомобилей и 0,8% мотоциклов. 27,3% автомобилей и 6,6% мотоциклов принадлежали государственным организациям и содержались на средства центрального или местного бюджета. Среди легковых преобладали машины от 8 до 12 налоговых сил (34,8%) и от 12 до 20 (42,4%), составлявшие 77,2% легкового парка. Машины специального назначения распределялись следующим образом: 54% — пожарные, 19% — санитарные, 10,2% — цистерны и проч. Наиболее распространены были автобусы вместимостью 10–12 мест (35,6%), в основном использовавшиеся на грунтовых дорогах и в малонаселенных местностях. Автобусы вместимостью 22–28 мест составляли 25,6% и предназначались для массовых перевозок по городу. Остальные автобусы распределялись таким образом: 14–16 мест — 26,6%, 18–20 мест — 6,5% (для городских и загородных поездок), 30 и более мест — 5,7% (в крупных населенных пунктах). 37,1% автотранспорта принадлежало предприятиям транспорта и связи, второе место занимал транспорт промышленных предприятий (24,2%), третье — государственный административный аппарат (18,2%). На долю частника приходилось 8%⁵⁵, на кооперацию — 6,6%, общественные организации — 3%, торговые организации — 2,2%, сельское хозяйство — 0,7%. Крупные автохозяйства (20 и более автомашин) составляли всего 1,1% от всех автохозяйств, а автохозяйства, насчитывавшие более 100 машин, — лишь 0,1% (их было 11)⁵⁶.

К 1929 г. автобусное сообщение еще не получило широкого распространения. Основным видом городского транспорта, как мы уже

⁵⁵ Первоначально автобусы эксплуатировались различными организациями, а таксомоторы — частными лицами. Но с 1924 г. исключительное право на эксплуатацию автобусов и такси как пассажирского транспорта общего пользования получили органы коммунального хозяйства.

⁵⁶ Соколова М. Автотранспорт СССР. С. 31.

отмечали, был трамвай. К 1930 г. 24,3% автобусов были переделаны из грузовых машин. Наиболее распространены были машины вместимостью до 16 мест (для междугородного движения) и 27 мест (городской транспорт). В СССР отказались от двухэтажных автобусов из-за низкого расположения трамвайной подвески. Неудобства были связаны и с высоким центром тяжести: в Ленинграде такой автобус во время испытаний перевернулся на повороте. Не прижились и многоместные машины (с числом мест свыше 27) — их насчитывалось всего 5%⁵⁷. Специалисты обращали внимание на «уродливую сторону» организации пассажирского автосообщения: многосерийность и многотипность ввезенных за 1920-е годы в СССР машин. На практике «каждое коммунальное хозяйство изобретало себе марку и тип автобуса, отличавшийся от других». Например, Москва остановилась на «лейландах»⁵⁸, Ленинград склонился к «маннесман-мулагам» и «фомагам», Урал имел «фиаты», Северный Кавказ — «рено» и «форды», Сибирь — «зауреры» и «ланчии» и т.п. Всего насчитывалось 76 автобусных фирм, которые ежегодно меняли модели своих машин. Моссовет в 1929 г. отказался от импорта английских автобусов, которые, как потом выяснилось, были самыми надежными и долговечными машинами (проходили почти 14 лет), и сделал заказ Ярославскому автозаводу на изготовление 100 новых автобусов типа Я-6 на 36 мест. Но эти автобусы оказались плохими и по исполнению, и по эксплуатационным качествам. Дело в том, что в Ярославле изготавливались только шасси и рама, а мотор, коробка передач и рулевое управление поставлялись фирмами «Геркулес» и «Мерседес». Поэтому в мае 1931 г. Моссовет приобрел несколько образцов многоместных итальянских автобусов фирмы «Ланчия»⁵⁹.

Довольно пеструю картину представлял собой автобусный парк в 1929 г. и по типу владельцев. Из 1110 машин коммунальному хозяйству и предприятиям связи принадлежало 84,5%, частникам — 4,7%,

⁵⁷ Целибеев П. Автобусное хозяйство у нас и за границей... С. 50.

⁵⁸ Оказавшиеся непригодными для московских условий автобусы МАН первой поставки и «рено» были переданы в города Московской губернии. По состоянию на 1 января 1929 г. в столице имелось 175 «лейландов», 16 МАН, три «бюссинга», один «фиат» и один отечественный автобус Я-3.

⁵⁹ Подробнее см.: История московской конки.

административным органам — 4,1%, промышленности — 3,7%, общественным организациям — 1,1%, кооперации — 0,4%, сельскому хозяйству — 0,3%. Еще 1,2% автобусов принадлежали прочим владельцам. Для сравнения: мировой автобусный парк на 1 января 1929 г. насчитывал 242,2 тыс. автобусов. Первое место по числу автобусов занимали США — 92,3 тыс., или 38,1% мирового автопарка⁶⁰.

Рост автобусного хозяйства в первые 2 года первой пятилетки отражают данные табл. 3.4⁶¹.

Таблица 3.4

Развитие автобусного движения в 1928/1929–1929/1930 хоз. годы

Название показаний	1928/1929 хоз. год	1929/1930 хоз. год
Число городов	54	60
Население в них, тыс.	8448	9321
Число перевезенных пассажиров, тыс.	134 875	205 270
Число машин в инвентаре, ед.	596	868
Протяжение автобусных линий, км	565	682

Тем не менее к 1931 г. пассажирский коммунальный транспорт «оказался далеко недостаточным для обеспечения перевозки рабочих», в силу чего являлся «узким местом в строительстве пятилетки»⁶². Как уже указывалось, автобусное сообщение стало развиваться с 1923/1924 г., и к началу 1931 г. на города РСФСР приходилось около 500 машин, работавших на городских линиях, и 200 — на междугородных. Но до 1931 г. автобусное сообщение находилось не только в ведении коммунальных хозяйств: автобусы эксплуатировались Автопромторгом в городах Сибири и «Крымкурсо-Союзтрансом» в Крыму. Только в 1931 г. начался процесс передачи автобусного сообщения в городах в ведение коммунальных органов. При этом точных статистических данных по автобусам (в отличие от данных по трамваям) не было, так как учет и регулирование всего автотранспорта сначала

⁶⁰ Целибеев П. Автобусное хозяйство у нас и за границей... С. 51.

⁶¹ Шенгели Г. По следам времени. С. 18.

⁶² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

находились в ведении НКПС, а затем — Главдортранса. Кроме того, специалисты отмечали такие негативные показатели развития автобусного сообщения, как: «крайне плохое состояние городских дорог»; плохое состояние машин, в том числе в силу трудности снабжения запчастями 39 разных марок машин; отсутствие квалифицированных специалистов; недостаточность снабжения новыми машинами; «крайне дорогую себестоимость» 1 машино-км (50–70 коп.) и как следствие — «непомерно высокие тарифы на проезд» — 4–10 коп. за 1 пассажира-км⁶³.

Начало 1930-х годов ознаменовалось определенными сдвигами в развитии автобусного хозяйства страны. Если в 1926 г. вложения в автобусное хозяйство составили 3 млн руб., то по плану 1932 г. они выросли в 10 раз (!) — до 30 млн⁶⁴. Особенно высокие темпы роста и качественные сдвиги демонстрировали в эти годы Москва и Ленинград. Так, в столицу в конце октября 1931 г. стали поступать первые отечественные автобусы АМО-4. На 1 января 1932 г. в Москве курсировали по маршрутам 268 автобусов, в том числе 25 АМО-4. После июня 1931 г. к концу 1932 г. в столице были введены в строй 108 новых автобусов (увеличение составило 48%), 160 новых таксомоторов (больше на 65%), 126 новых грузовых машин (рост на 30%). Поступление большого числа автобусов в 1931–1933 гг. позволило открыть новые маршруты в рабочие районы и пригородные местности: в Измайлово, Ленинскую слободу, Химгородок, в пригороды Люблино и Лосиноостровская, сёла Коломенское, Кузьминки, Черемушки, Воронцово, Лианозово, до станции Химки, в Рублево, Балашиху и др. В ноябре — декабре 1931 г. на ряде перегруженных линий было введено движение автобусов-экспрессов. С января 1933 г. началось движение автобусов по Садовому кольцу. В 1932 г. для нужд Ленинграда предполагалось отпустить 1275 грузовых машин (в том числе 500 для ЖКХ), 770 легковых автомашин и шасси для городского хозяйства (в том числе 270 для специальных работ — очистки, поливки и ликвидации пожаров), 370 автобусов и 500 такси. Также намечалось построить три новых гаража для грузовых автомобилей и два — для легковых

⁶³ Там же. Л. 28–28об.

⁶⁴ Власенко С. 15 лет борьбы и побед в области городского хозяйства. С. 5.

автомобилей и такси. Ставилась задача восстановления водно-пассажирского хозяйства (40 катеров) на Неве и каналах города⁶⁵.

Всего в 1932 г. автобусное движение было налажено в 95 городах СССР и 60 городах РСФСР. В 36 городах СССР и 32 городах РСФСР появился не существовавший до революции грузовой автопарк⁶⁶. На конец 1932 г. были запланированы следующие показатели автобусного хозяйства: число городов с автобусным движением — 117; количество автобусов — 3065; длина маршрутов — 3500 км; количество пассажиров — 529 млн; число поездок на одного жителя — 32. Но по сравнению с долей трамвайных перевозок, доля автобусных перевозок в общем пассажиропотоке составляла не более 13%. Этот дефицит не компенсировался развитием таксомоторов, которые имелись только в Москве (на 1 марта 1932 г. — 448) и Ленинграде (84); тогда как таксомоторное движение в Нижнем Новгороде только планировалось⁶⁷.

Грузовой коммунальный транспорт в то время использовался главным образом для обслуживания коммунального хозяйства и городского жилищного строительства и только в немногих городах (Москве, Ленинграде, Смоленске, Самаре и др.) — как транспорт общего пользования. К началу 1934 г. число грузовых машин составило 950 ед. Работа коммунального грузового автопарка за 1932–1934 гг. характеризовалась следующими показателями: коэффициент использования парка колебался в пределах от 0,65 до 0,72, использования тоннажа — от 0,68 до 0,85, а пробега — от 0,6 до 0,67⁶⁸.

Что касается развития безрельсового транспорта в 1917–1934 гг., то было организовано автобусное сообщение как в городах, так и в пригородах. Начало внедряться в городах и массовое таксомоторное движение, а в Москве был построен первый троллейбусный парк. Число городов, имевших автобусное сообщение, в 1934 г. выросло до 90 против 53 в 1931 г., а числ работавших машин увеличилось в 2,5 раза и достигло 1046 ед. Если количество перевезенных пассажи-

⁶⁵ Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда»; *Булганин М.* В боях за пролетарскую Москву. С. 17; История московской конки.

⁶⁶ *Шенгели Г.* По следам времени. С. 17–18.

⁶⁷ *Святыцкий Н.* Коммунальный пассажирский транспорт РСФСР в четвертом году пятилетки. С. 6.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 21.

ров в 1931 г. составило 188,8 млн человек, то только за I полугодие 1934 г. автобусы перевезли около 130 млн человек. Постепенно изжила себя разнотипность автобусного парка. Значительно выросло и гаражное хозяйство⁶⁹.

Но качественные показатели эксплуатации автобусов были скорее неудовлетворительными. В частности, себестоимость 1 машино-км выросла с 83 коп. в 1931 г. до 1 руб. 17 коп. в I полугодии 1934 г. (на 41%). Неудовлетворительными были и показатели производительности труда. Коэффициент использования автобусного парка в целом по городам РСФСР составил за 1934 г. всего 64%. А если не считать Москву и Ленинград, то он понизился в 1935 г. до 47%. В некоторых городах использование автобусных парков было чрезвычайно низко: в Иванове — 29%, в Ярославле и Ижевске — по 25%. Помимо перебоев в снабжении коммунального автохозяйства горючим, резиной и запчастями, основной причиной плохой работы автобуса в ряде городов стало «неудовлетворительное хозяйственно-организационное руководство», плохая организация работ, низкая квалификация шоферов и обслуживающего персонала⁷⁰.

Тем не менее в 1937 г. 3100 автобусов обслуживали 170 городов СССР. Все 1930-е годы автобусный парк пополнялся машинами отечественного производства: Я-3 (на 36 мест), АМО-34 (на 28 мест) и ЗИС-38 (также на 28 мест) с комфортабельным кузовом и мощным двигателем. Ставилась задача оборудовать автобусы пневматическими тормозами и управлением для дверей, отоплением и вентиляцией. В 1937 г. автобусный транспорт перевез около 680 млн пассажиров, но удельный вес его оставался незначительным — 10% от общего объема перевозок пассажиров всеми видами городского пассажирского транспорта. Автобус сохранял роль «пионера коммунального транспорта» на новых направлениях, где мощность пассажиропотоков не требовала других видов транспорта. Но в городах он оставался подсобным транспортом по отношению к метро, трамваю и даже троллейбусу⁷¹.

⁶⁹ Там же. Л. 20; *Сосянци В.* Реконструкция городского транспорта в СССР. С. 8.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 20; *Нейбах И.И.* Работу коммунальных предприятий на должную высоту. С. 1.

⁷¹ *Сосянци В., Эрмансон Э.* Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 15, 18.

Наибольшими темпами автобусное хозяйство продолжало развиваться в столице, где за 1935–1940 гг. протяженность автобусных линий возросла с 589 до 985 км, а число автобусов — с 422 до 1230. За вторую половину 1930-х годов автобусное сообщение охватило все районы города и пригороды. При этом произошло качественное обновление автобусного парка. В 1936 г. были списаны все «ярославки», и в 1937 г. Москва получила большую партию ЗИС-8, что позволило в 1937–1938 гг. списать все старые «лейланды». После того как в марте 1938 г. Автозавод им. И.В. Сталина выпустил новый автобус ЗИС-16 вместимостью 35 пассажиров, к маю 1940 г. по Москве курсировали 260 таких автобусов. Начались перед войной и эксперименты по переводу автобусов на газогенераторное топливо: в 1939–1940 гг. на светильном газе работали три машины.

Как уже отмечалось, в 1933 г. к 15-летию революции в Москве появились первые в СССР троллейбусы⁷². Две пробные машины были построены кооперативным способом Ярославским автозаводом, московским Автозаводом им. И.В. Сталина и заводом «Динамо» из советских материалов и оборудования. Эти машины получили индекс «ЛК» по имени инициатора введения троллейбусного сообщения Лазаря Кагановича. В 1934 г. в столице открылось троллейбусное движение⁷³, а в 1936 г. заводом «Динамо» для Москвы был построен первый опытный грузовой троллейбус. Также в июле 1936 г. с Ярославского завода в столицу прибыла первая машина нового типа — ЯТБ-1, а в июле 1937 г. — ЯТБ-2. Кроме Москвы, троллейбусы вскоре появились в Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону и Тбилиси. Емкость троллейбуса составляла 36 мест для сидения и 14 мест для стояния. Эксплуатационная скорость (17,5 км/ч) была выше аналогичного показателя трамвая (14,5 км/ч). Несмотря на то что уязвимым местом нового транспорта оказались токоприемники (отсюда значительное число сходов роликов с проводов)⁷⁴, «наши троллейбусы, построенные целиком на

⁷² Впервые идея строительства троллейбусных линий на пригородных направлениях в Москве была высказана еще в 1924 г., а вновь озвучена в конце 1932 г.

⁷³ В январе 1934 г. ЗИС изготовил опытную трехосную машину ЛК-3 длиной 12 м вместимостью 85 пассажиров.

⁷⁴ Роликовые токосъемники на всех троллейбусах были заменены на скользящие в 1940 г.

советских заводах и из материалов отечественного производства, оказались как по конструкции, так и по выполнению вполне пригодными для эксплуатации»⁷⁵. Но были и другие проблемы, в частности, слишком много персонала, обслуживавшего один троллейбус. В то время как в Москве для обслуживания выпускаемого вагона трамвая требовалось 9,6 человека, а автобуса — 11,5 человека, на вагон троллейбуса приходилось до 19,5 человека. При этом в крупных городах троллейбус использовался преимущественно на центральных городских магистралях как подсобный вид транспорта, дополнявший метро и трамваи, и на пригородных линиях. Тогда как в средних и малых городах предполагалось использовать его на определенных направлениях, если мощность пассажиропотоков не вызвала необходимости строить трамвайные линии или трамвайное сообщение встречало затруднения технического и экономического порядка⁷⁶.

В день выборов в Верховный Совет РСФСР, 26 июня 1938 г., на улицах Москвы появился пробный советский двухэтажный троллейбус ЯТБ-3, изготовленный на Ярославском автозаводе⁷⁷. В истории советского троллейбусного строения впервые осваивалась машина с цельнометаллическим сварным кузовом. В феврале 1939 г. в столицу прибыла первая машина ЯТБ-4, но цельнометаллической стала только единственная машина марки ЯТБ-5, вышедшая из цехов Ярославского автозавода только в сентябре 1941 г.⁷⁸ В столице к 1940 г. количество троллейбусов достигло 563, а протяженность линий — 198 км. Всего же, по данным на 14 апреля 1940 г., в РСФСР в трех городах имелось 605 троллейбусов⁷⁹.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 21; Булавин Н.П. Грузовой троллейбус // Коммунал. стр.-во. 1939. № 10. С. 30; Сосянц В., Эрмансон Э. Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке. С. 15.

⁷⁶ Там же. С. 17.

⁷⁷ Этот троллейбус был построен по образцу импортированного летом 1937 г. из Англии двухэтажного трехосного троллейбуса фирмы ВЕС.

⁷⁸ Ефремов И.А. Двухэтажный советский троллейбус // Коммунал. стр.-во. 1939. № 1. С. 42. Более подробно история московского троллейбуса изложена в кн.: История московской конки.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 5.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что 1920–1930-е годы стали периодом появления новых видов транспорта. Так, в Москве в 1924 г. началось движение автобусов, в 1925 г. — такси⁸⁰, в 1934 г. по улицам столицы пошли троллейбусы, а в 1935 г. было пущено метро. Однако, несмотря на рост новых видов городского транспорта, основная роль принадлежала трамваю. Для сравнения: в Саратове автобусное сообщение было открыто только в 1935 г., а такси появилось на улицах города лишь в 1938 г.⁸¹ В целом по стране протяженность транспортных маршрутов была незначительной, а изношенность парка, наоборот, большой. Но развитие транспортной инфраструктуры существенно преобразило облик городов и рабочих поселков.

⁸⁰ Правда, первые автомобили появились в Москве еще в конце 1898 г., а в 1907 г. в городе стали курсировать первые автотаксомоторы.

⁸¹ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального город... С. 38–39.

Энергетические предприятия и вопросы уличного освещения

Долой природы наглое иго!
Вы будете жить в тепле, в свете,
заставив волной электричество двигать.

В.В. Маяковский. Мистерия-буфф

§ 1. Советская власть плюс электрификация всей страны

До революции в России было 289 электростанций общей мощностью 170 332 кВт. Кроме того, в довоенное время существовали и частные электростанции (главным образом при заводах) общей мощностью до 1,5 млн кВт. В 1916 г. в стране имелось 76 сельских электростанций. В 1918 г. на всей территории бывшей России работало около 255 электростанций общественного пользования, чья общая мощность не превышала 410 тыс. кВт. В 1917–1922 гг. большей частью в мелких и средних городах были построены 182 городских электростанции мощностью 18 725 кВт. Но к началу нэпа на 89 городских электростанций, имевших 205 двигателей и 73 котла, в удовлетворительном состоянии были всего 59 двигателей (29%) и 8 котлов (11%)¹. В общем, положение с энергетическим хозяйством городов было плачевным.

В 1921 г. в РСФСР началась планомерная электрификация страны (так называемая ленинская электрификация). В плане электроснабжения страны, составленном в 1920 г., намечалось, во-первых, восстановление, переоборудование и расширение уже существовавших электростанций и, во-вторых, сооружение новых районных мощных

¹ Шенгели Г. По следам времени. С. 18; Электрификация нашей страны // Коммунал. работник. 1927. № 7. С. 8.

электроцентралей. В 1921 г. из 162 обследованных станций в более или менее удовлетворительном состоянии (не требовавшем капитального ремонта) находилась 81 станция, т.е. половина. Но общая мощность этих «благополучных» станций составляла только 15 328 кВт. Более того, состояние всего десятка станций с мощностью выше средней могло считаться удовлетворительным. Остальные же 70 представляли собой мелкие станции, построенные большей частью после революции².

Но с крупными электростанциями все было сложнее. К примеру, в июле 1919 г. на имя заместителя председателя ВСНХ В.П. Милютина инженер Ю.В. Максимов отправил письмо о решении Комитета государственных сооружений о прекращении строительства Волховской и Свирской электростанций. Автор письма сообщал, что еще в 1914 г. русское правительство решило начать водное электростроительство, используя водопад Валлинкоски на р. Вуоксе. Но германский «Дойче банк», израсходовав несколько миллионов марок на обработку мнения финляндского Сената, добился отказа в предоставлении русскому правительству права использования водопада. Весьма сильная немецкая партия, вдохновленная электротехническим «Обществом 1886 года», фирмой «Сименс-Шуккерт» и иными предприятиями, основанными в России «Дойче банком», затормозила и проект шлюзования Волхова и Свири. Строительство этих электростанций началось лишь после прихода к власти большевиков. Пока строительство находилось в руках Морского и Путейского ведомств, «дело шло без запинки». Но после перехода строительства в ведение Комитета государственных сооружений «дело стало приходить в упадок». Автор письма считал, что крики «все на войну» были «маскировкой неумения, нехотения и заинтересованности в не производстве работ»³.

Ситуацию с электроснабжением на исходе Гражданской войны наглядно иллюстрирует заявление граждан пос. Володарского в Совнарком от 25 сентября 1920 г. Просьба о выделении по пуду керосина на квартиру мотивировалась необходимостью вечером, после воз-

² Лившиц Н. Электрические станции общественного пользования, их состояние, функционирование и финансовое положение // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 2. С. 86.

³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 860. Л. 102–103об.

вращения с работы из Петрограда, и утром, перед уходом на работу, иметь хотя бы минимальное освещение, чтобы постирать, зашить, да и просто собраться⁴. Аналогичное прошение на имя М.И. Калинина направили 20 ноября 1919 г. жители Должинской волости Старорусского уезда Новгородской губернии. Они жаловались, что отсутствие керосина не позволяло населению «осветиться в ночное время», в силу чего приходилось или сидеть «в темноте и в бездействии», или ложиться «спать на всю долгую ночь»⁵.

В связи с введением декрета СНК от 30 января 1921 г. об отмене платы за пользование электричеством местные власти ввели нормированное потребление электроэнергии со штрафными санкциями за его превышение. К примеру, астраханский горкоммунхоз разрешил гражданам использовать в каждой комнате и кухне по одной лампочке мощностью не более 25 свечей. Нормы потребления устанавливались по кварталам и зависели от метража жилой площади, которую занимала семья. Если она проживала в однокомнатной квартире, то могла ежемесячно расходовать 4 кВт·ч, в двухкомнатной — 6, в трехкомнатной — 8 и в четырехкомнатной — не более 10 кВт·ч. Перерасход установленной нормы вел за собой наказание в виде лишения права пользоваться электричеством сроком на 10 дней, если нарушение совершено в первый раз, а при вторичном нарушении электричество отключали. Кроме того, прекращение поставок в СССР вольфрамовой нити привело практически к исчезновению с улиц ламп накаливания. Ситуация с городским освещением стала улучшаться только с конца 1920-х годов⁶.

В Екатеринбурге к началу нэпа освещение состояло из сотни электрических и двух десятков керосиновых фонарей. Остро стоял вопрос об энергоснабжении города, получавшего электроэнергию от мелких маломощных установок. Оборудование самой крупной из них электростанции, «Луч», находилось в аварийном состоянии. Новую Свердловскую городскую электростанцию, основанную на использовании пригородных торфяников, начали строить только в 1923 г.,

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 237. Л. 316.

⁵ Там же. Ф. 1235. Оп. 55. Д. 4. Л. 210–210об.

⁶ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 102–103.

а первая очередь вступила в строй в 1927 г. В начале 1920-х годов Тюмень зимой погружалась во мрак уже в 5 ч вечера. «Расцветена огнями» из кафе, магазинов и кинематографов была только улица Республики, где сосредоточивалась вся городская жизнь. «Начало комхозовской электрификации» сводилось к «скромненько болтающимся подслеповатым лампочкам» на двух-трех прилежавших к центру улиц. Освещение улиц в Ленинграде было возобновлено только с 1 сентября 1924 г.⁷

На 1 января 1923 г., когда передача электростанций коммунальным только начиналась, было зарегистрировано 974 станции общественного пользования установленной мощностью в 450 681,8 кВт и 176 станций смешанного пользования, из которых 79 при установленной мощности в 47 287,4 кВт отдавали для общественного пользования 6416,5 кВт. Еще 32 станции имели мощность 29 270,5 кВт, а 65 станций отдавали для общественного пользования 3069 кВт⁸.

К середине 1920-х годов «почти единственной организацией, осуществляющей городскую электрификацию», был Отдел центральных станций Электротехнического треста Центрального района, тогда как Электрострой занимался, главным образом, проектированием и техническим надзором. Поэтому успехи в деле строительства были весьма скромными. Так, в декабре 1923 г. была пущена в строй Серпуховская станция с паровым двигателем, а в 1924 г. завершилось строительство городской станции с паровым двигателем на 300 л.с. в Борисове Минской губернии. В эти годы началось строительство гидроэлектростанций на канале Баку в Ташкенте мощностью в 4,5 тыс. л.с. и на канале Занга в Эриване мощностью 5 тыс. л.с., тогда как в ряде городов только приступили к разработке проектов. Что касается деревенских электростанций, здесь главную роль играла кооперация. Например, Центральный союз картофельной кооперации в 1920–1924 гг. при помощи местного населения оборудовал 17 электростанций при картофельных заводах в Костромской, Владимирской и Ярославской гу-

⁷ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство; Городское благоустройство // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 9. С. 55; Севастьянов В. Кусочки тюменского быта / Вечером // Трудовой набат. 1922. 8 дек. С. 3.

⁸ Фр. Об электростанциях // Коммунал. хоз-во. 1923. № 14. С. 7.

берниях⁹. В 1925 г. число электростанций в РСФСР возросло с 300 до 475, но число киловатт увеличилось незначительно — с 150 тыс. до 175 тыс. Кроме того, свыше 100 станций не имели ни инженеров, ни техников¹⁰.

По СССР на 1925 г. имелись сведения только об 121 электрической станции: в РСФСР было 90 станций, в УСССР — 22, в ЗСФСР — 7 и в БССР — 2. Так как в СССР числилось 693 электростанции общественного пользования¹¹, следовательно, сведения имелись относительно 17,5% от их общего числа. Но на долю 121 станции приходилось 439 408 кВт, т.е. около 83% общей мощности станций общего пользования. Таким образом, вне поля зрения статистики остались только станции, дававшие в совокупности 17% установленной мощности, т.е. мелкие. Несмотря на то что «средняя нагрузка станций неудовлетворительна» (машины были загружены на половину, и с каждым годом положение ухудшалось), число произведенных киловатт-часов и электрифицированных владений росло. В 1926 г. в РСФСР насчитывалось 390 городов, обслуживавшихся электростанциями (или 74,5% от всех городских поселений республики). Общая установочная мощность этих электростанций (не считая станций Главэлектро в Москве и Ленинграде) составляла около 141,8 тыс. кВт. В 1926/1927 хоз. году города с населением до 5 тыс. человек имели 30,3% электрифицированных владений, от 50 до 100 тыс. жителей — 40,7%. По почину крестьян в 1918–1926 гг. в деревнях и селах были построены 386 мелких станций. В итоге их общее число достигло 500. Постепенно снабжение населения электроэнергией становилось «наиболее распространенным видом коммунальных услуг»¹².

⁹ Хроника. С. 52–53.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; Головин М. Текущие вопросы коммунальной жизни. С. 38.

¹¹ Электростанции общего пользования относились, как правило (согласно декрету ВЦИК и СНК от 2 августа 1926 г.), к числу монопольных предприятий коммунального хозяйства.

¹² Леви В. Показатели работы электрических станций // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 6. С. 19; Морозов А. Электрификация городов РСФСР // Там же. 1927. № 5. С. 6; Сиринов М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы. С. 6; Электрификация нашей страны. С. 8.

В целом по РСФСР в 1926 г. мощность электростанций достигла 119,8 тыс. кВт (85% установочной). Порайонное распределение станций представлено в табл. 4.1¹³.

Таблица 4.1
Состояние электрического хозяйства РСФСР в 1926 г.

Район	Установочная мощность, кВт	Располагаемая мощность, кВт	Восстановление, %
Северная часть Европейской России	10 701	5733	53,6
Центральная часть Европейской России	62 121	55 703	89,7
Поволжье	17 555	14 429	82,2
Восточная часть Европейской России	19 231	15 193	79,0
Южная часть Европейской России	18 888	17 617	93,3
Сибирь	12 631	10 840	85,8
Среднеазиатская область	624	359	57,5
Итого	141 751	119 874	84,6

Из таблицы видно, что наибольшее отставание в восстановлении электростанций наблюдалось в городах северной части Европейской России и среднеазиатских областей. Но не все города, располагавшие электростанциями, предоставляли потребителю энергию собственного производства. Некоторые города (Пенза, Тула, Саратов, Сталинград) приобретали часть энергии у крупных ведомственных станций. При этом, если в Пензе начали сооружать собственную мощную электростанцию, то в ряде городов (Твери, Владимире, Муроме и Вологде) считали более выгодным присоединение к ведомственным станциям. В итоге с 1923 по 1929 г. доля населения РСФСР, охваченного электричеством, выросла с 48,9 до 65,8%¹⁴.

¹³ Морозов А. Электрификация городов РСФСР. С. 7.

¹⁴ Шенгели Г. По следам времени. С. 16.

К концу 1920-х годов 47 электростанций работали на нефти, но было «довольно значительное число» работавших на угле. 76,6% станций (мелких, средней мощностью до 150 кВт) вырабатывали постоянный ток, а крупные работали полностью или частично на переменном токе. Было отремонтировано около 87% станционного оборудования, в основном в крупных городах. Если в 1919 г. общее число электростанций равнялось 1945, то к концу 1928 г. оно достигло почти 3 тыс. Количество вырабатываемой электроэнергии к 1929 г. увеличилось почти в 3 раза по сравнению с довоенным. Работали и расширялись мощные электростанции (Волховстрой, Земо-Авчалская, Шатурская, Каширская и др.), строились новые «гиганты электрификации» — Днепрострой, Свирьстрой, Иваново-Вознесенская, Шахтинская и другие станции¹⁵.

Быстро росло энергетическое хозяйство и в начале 1930-х годов. На 1 января 1931 г. в РСФСР функционировали 423 городских электростанции мощностью и в УССР — 127 станций. Одновременно ускорился процесс замены маломощных городских станций районными. Материалы I Всесоюзного съезда Союза работников коммунального хозяйства, прошедшего 12–16 апреля 1931 г., содержат сведения не только о росте числа коммунальных электростанций, но и о замене мелких станций крупными и начале снабжения электроэнергией сельской местности. К весне 1931 г. в РСФСР насчитывалось около 450 коммунальных электростанций, 250 из которых (или 58%) имели мощность менее 100 кВт. В этот период коммунальные электростанции оставались источниками снабжения энергией не столько населения, сколько промышленности и предприятий коммунального хозяйства. Доля промышленной нагрузки для крупных станций составляла 30–37%. Разнообразной была и топливная база коммунальной энергетики: 40% электростанций работали на угле, 35% — на нефти, 15% — на дровах и 10% — на торфе. Это разнообразие во многом определялось стремлением строить коммунальные станции, работающие на местном топливе¹⁶.

¹⁵ 12 октября на хозяйственном фронте // Коммунал. работник. 1929. № 31. С. 10; М.Ф. Пять лет по пути Ленина // Там же. 1929. № 2. С. 2; Сиринов М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы. С. 5.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3; Шенгели Г. По следам времени. С. 18.

Увеличение сети коммунальных электростанций за годы первой пятилетки было тесно связано с общим планом электрификации СССР: если в 1929 г. только 461 город снабжался электроэнергией, то в 1932 г. — 700. До начала второй пятилетки строительство коммунальных электростанций «проводилось в сравнительно небольших размерах» и чаще всего хозяйственным способом. Только в 1932 г. в системе Наркомхоза был создан трест «Коммунэнергострой» для проведения изысканий, проектирования, строительства и монтажа коммунальных электростанций. Это позволило начать строительство в условиях вечной мерзлоты (Якутия), сейсмичности (Алма-Ата), а также в горных районах Дагестана. В 1933 г. трест выстроил станции в Верхнеудинске и Ейске, в 1934 г. — Мурманске, Сочи и Вятке, велись работы еще в целом ряде городов. Отпуск электроэнергии в I полугодии 1932 г. по сравнению с таким же периодом 1931 г. увеличился на 36,4%. Если в 1931 г. в РСФСР было 355 коммунальных электростанций общей мощностью 133,4 тыс. кВт (при средней мощности станции в 354 кВт), то в 1934 г. численность станций достигла 384¹⁷, а ихобщая мощность — 211,4 тыс. кВт. Среди них были 325 станций мощностью до 500 кВт, 25 — от 501 до 1 тыс., 27 — от 1001 до 5 тыс., 4 — свыше 5 тыс. кВт. Всего в 1931–1934 гг. были введены в строй электростанции общей мощностью около 90 тыс. кВт.

Изменился и характер коммунальных станций: вместо мелких были выстроены центральные городские станции мощностью от 3 до 10 тыс. кВт. Всего насчитывалось 79 станций с паровым двигателем, 238 — с дизельным, 18 — с водяными турбинами и 46 — со смешанным оборудованием. На указанных станциях были установлены 894 двигателя, из которых 382 были изготовлены до 1910 г., 250 — с 1910 по 1915 г., 67 — с 1917 по 1925 г. и только 195 — после 1925 г. Так как на станциях были дизели десятка разных марок русских и иностранных фирм, возникали затруднения с их ремонтом. Это объясняет резкое сокращение удельного веса импортного оборудования — с 56% в 1931 г. до 25% в 1934 г. А в 1935 г. все вновь устанавливаемые на коммунальных станциях агрегаты изготавливались

¹⁷ Не считая присоединений городских электросетей к районным электростанциям.

внутри страны. Ощутимо выросло в 1933–1934 гг. и потребление электроэнергии на коммунальные нужды на одного жителя в кВт·ч: в Смоленске — с 34,6 до 54,5, в Курске — с 13,5 до 34,3, в Орле — с 14,3 до 20,6 и т.д.¹⁸

При этом следует учитывать некоторое падение общей мощности в 1932 г. в связи с переходом ряда коммунальных станций (в Калинин и других городах) в ведение промышленности и ликвидацией ряда станций в связи с присоединением городов (Тула и др.) к районным централям. На 164 электростанциях отношение располагаемой мощности к установленной понизилось с 84,6% в 1931 г. до 82% в 1933 г. Рост выработки энергии коммунальными станциями немного (на 1%) отставал от роста их мощности. Данные по этим станциям выявили следующие недостатки: плохой ремонт оборудования, систематическую перегрузку станций, частые простои, некачественное топливо и проч. Зато уменьшились потери в сетях и расходы на собственные нужды: с 17,8% в 1931 г. до 16,7% в 1933 г. В 1934 г. решением СНК РСФСР была создана специальная республиканская контора при Наркомате коммунального хозяйства «Энергоремонт», а постановлением союзного правительства ряд коммунальных станций (по особому списку) был приравнен к станциям районного значения в отношении снабжения. К середине 1930-х годов электрификация рассматривалась не только как источник энергии, но и как «огромный фактор культуры и улучшения быта трудящихся»¹⁹.

Действительно, развитие коммунальной энергетики меняло облик городов. Если «раньше освещались только буржуазные улицы и центральные площади, то Советская власть осветила пролетарские окраины городов и близлежащие сельские районы». Впрочем, к началу 1930-х годов Астрахань освещали только 634 фонаря, стоявшие через каждые 394 м. Даже в Ленинграде к середине 1930-х годов установленные уличные светильники, чья мощность достигла 6 тыс. кВт,

¹⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 24; Булганин М. В боях за пролетарскую Москву. С. 17; На рубеже двух пятилеток. С. 2; Полуян Я. Коммунальная энергетика (состояние и перспективы). С. 6–8.

¹⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 24–25; Полуян Я. Коммунальная энергетика (состояние и перспективы) // Социалист. город. 1936. № 1. С. 6–7.

зажигались из 255 разбросанных по городу пунктов. Для этого (также и для гашения) требовались 60 рабочих-зажигальщиков. Развитие коммунальной энергетики давало возможность внедрять электричество в быт: с его помощью кипятили воду, стирали белье, утюжили одежду, готовили пищу на электрических кухнях и т.д. В Ленинграде в 1931–1934 гг. число бытовых абонентов выросло в 100 раз — с 300 человек до 32 тыс. Но отмечался разрыв между потребностью в электроэнергии и ее удовлетворением, так как рост населения и промышленности во многих городах обгонял рост строительства электростанций. В ряде городов из-за нехватки энергии происходили «частые выключения индивидуальных потребителей» и даже перебои в снабжении предприятий. Аварии на электростанциях стали настоящим «бичом народного хозяйства». Причинами отставания отрасли были: запущенность хозяйства, отсутствие запчастей и «надлежащей технической бдительности», слабая трудовая дисциплина и недостаток профессиональных кадров. Согласно данным наркома коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комарова, наиболее крупные города РСФСР снабжались электроэнергией от районных станций и находились «в этом отношении в сравнительно благоприятных условиях». Некоторые города в связи с постройкой новых коммунальных станций также не испытывали «недостатка в электроэнергии (Омск, Астрахань, Курск, Канск, Бийск и др.)». Но многие другие города (Пенза, Вологда, Махачкала, Ворошиловск и проч.), особенно райцентры, располагали «совершенно недостаточной энергетической базой».

Одной из основных причин частых перебоев в работе коммунальных электростанций было «недостаточное снабжение их запасными частями при большой изношенности оборудования». Так, в 1934 г. было удовлетворено всего 7% потребности в запчастях на дизельных станциях, а в 1935 г. — 11,5%. Существенной была и задолженность потребителей коммунальным электростанциям; «рекордсменом» в этом отношении была Ивановская область (7 млн 950 тыс. руб. за 8 месяцев 1935 г.). Что касается отдельных станций, более всего должны были потребители станции в Омске — 200 тыс. руб. В результате на ряде электростанций станций нечем было платить зарплату работникам. Отключить же потребителей было возможно не всегда, так как среди

них были депо, мельничные комбинаты, горсоветы и проч. Числилась задолженность и за отдельными гражданами²⁰.

В 1936 г. в СССР было 373 городских электростанции, в 92 городах — сети, питавшиеся от районных и промышленных электростанций. В зависимости от мощности электростанции распределялись следующим образом: с мощностью свыше 5 тыс. кВт — 9 станций, от 1 тыс. до 5 тыс. кВт — 33 станции, от 500 до 1 тыс. кВт — 21 станция, менее 500 кВт — 350 станций. Следовательно, основную массу составляли мелкие коммунальные электростанции. Если прибавить сюда около 700 более мелких районных станций, которые по решению СНК РСФСР были переданы в наркомхозовскую систему, то всего было свыше 1 тыс. электростанций мощностью менее 500 кВт²¹.

В целом в конце 1930-х годов удельный вес потребления электроэнергии на коммунальные нужды в общем балансе электроэнергии городов определялся промышленным характером их развития. Даже для малых городов удельный вес потребления электроэнергии на коммунальные нужды составлял менее 50%. По проектным данным процент коммунальной нагрузки для 1938–1942 гг. ориентировочно составлял: для Тамбова — 35%, Пензы — 20%, Алма-Аты — 25–30%, Саратова — 15%, Орла — 25%, Ворошиловска — 50%. Таким образом, основную часть нагрузки большинства электростанций составляли некоммунальные нагрузки (промышленные предприятия, пищевая промышленность, железнодорожный транспорт и т.д.). Термин «коммунальная электростанция» являлся по существу условным, отражавшим лишь ведомственную принадлежность, а не какие-либо технические или экономические особенности электростанций²².

²⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 224. Л. 15–16; *Афонин Д.И., Бегунов И.Н.* Рационализация эксплуатации уличного освещения Ленинграда // Социалист. город. 1936. № 8. С. 25; *Корноухова Г.Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 104; *Нейбах И.И.* Работу коммунальных предприятий на должную высоту. С. 1; *Полуян Я.* Коммунальная энергетика (состояние и перспективы). С. 6–7.

²¹ *Я.П.* Коммунальные электростанции и стахановское движение // Социалист. город. 1936. № 8. С. 4.

²² *Россиевский Г.И.* Коммунальная энергетика в третьей пятилетке // Коммунал. стр.-во. 1939. № 4. С. 8–10.

В связи с ростом домовладений сохранялось и отставание доли электрифицированного жилья. Например, в Астрахани этот показатель снизился с 89,8% в 1937 г. до 70,8% в 1940 г.²³ Зато в Саратове постоянно росло число уличных электроточек — с 800 в 1932 г. до 1708 — в 1943 г. и 2600 — в 1939 г. Накануне Второй мировой войны протяженность освещавшихся улиц в городе составила 171,3 км²⁴.

По данным Главного энергетического управления, к апрелю 1940 г. в 303 городах РСФСР было 334 коммунальные электростанции, тогда как коммунальные сети имелись всего в 140 городах. Выработка электроэнергии этими станциями за 1939 г. составила 938 302 тыс. кВт·ч.; от станций других ведомств было получено 1 084 724 тыс. кВт·ч. Число работавших в отрасли достигло 20 826 человек, а доходы за 1939 г. Наркомата коммунального хозяйства от энергетического хозяйства достигли 439 млн руб. Главэнерго были подведомственны: трест по организации эксплуатации, наладке, испытанию и ремонту оборудования электростанций и сетей (Оргкомунэнерго) с 250 работавшими; трест по производству и заготовке запасных частей, оборудования и снабжению ими коммунальных электростанций и сетей («Энергозапчасть»), имевший четыре завода²⁵. Можно говорить о складывании в довоенный период единой системы коммунальной энергетики. Но согласно докладной записке НККХ РСФСР «О работе основных отраслей ЖКХ и выполнении плана капитального строительства в 1940 году» от 19 февраля 1941 г., план по выработке электроэнергии был невыполнен на 10%, в основном из-за необеспеченности электростанций местными видами топлива. Кроме того, на невыполнение плана повлияла задержка пуска в эксплуатацию новых агрегатов (в Иркутске, Пскове и Кирове) и недостаточное выделение лимитов на топливо для дизельных электростанций (Армавир, Ворошиловск, Елец, Мичуринск, Орел, Ульяновск, Чебоксары, Чистополь)²⁶. Другими словами, на-

²³ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 103.

²⁴ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 127–128.

²⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 442. Л. 1.

кануне войны коммунальная энергетика продолжала сталкиваться с застарелыми проблемами финансирования, материального обеспечения и кадровой обеспеченности. Понятно, что это отражалось на городском благоустройстве и организации быта горожан.

§ 2. Газификация и теплоснабжение городов

Перед Первой мировой войной годовая продукция городских газовых установок доходила до 93 млн куб. м газа. Однако, по сравнению с заграничными городами, это была ничтожная величина. Насколько Россия отставала в деле снабжения городского населения газом, показывают следующие цифры: в классической стране производства газа, Англии, один житель большого города (например, Лондона или Бирмингема) потреблял в среднем 300–400 куб. м газа в год, в Берлине — 170, в Брюсселе — 220²⁷. Даже Московское газовое хозяйство до революции развивалось чрезвычайно медленно. Максимальный довоенный выпуск газа не превышал 21 млн куб. м в год, а количество присоединенных абонентов достигло лишь 10,7 тыс.²⁸

Хотя в 1922 г. Московский газовый завод каждые сутки выпускал до 600 тыс. куб. м газа, а в январе 1923 г. выработка достигла более 1 млн куб. м в сутки, до середины 1920-х годов говорить всерьез о газовом хозяйстве в стране не приходилось. Газовые заводы функционировали в Москве и восстанавливались в Ленинграде, Казани и Харькове. Возможное расширение газового производства специалисты связывали с развитием в СССР керосинокалильного освещения²⁹. По

²⁷ Целибеев П. Газовое дело у нас и за границей // Коммунал. работник. 1928. № 13. С. 21.

²⁸ Иоффе И. К итогам совещания по газификации Москвы // Социалист. город. 1936. № 8. С. 21.

²⁹ Керосинокалильное освещение — усовершенствованный способ калильного освещения, при котором подача керосина осуществляется под большим давлением, предназначенный для освещения улиц или больших помещений. По силе света керосинокалильные фонари ничем не уступают электрическим дуговым лампам, но значительно экономичнее их, не требуют никаких устройств типа электрических станций и сети дорогих электрических проводов.

ориентировочным оценкам, в 1925 г. потребление калильных сеток в стране составило около 800 тыс. шт. Но существовала проблема закупки дорогих сеток в Германии³⁰.

Даже во второй половине 1920-х годов, когда восстановление коммунальных предприятий шло быстрым темпом, наибольшее отставание отмечалось в снабжении населения больших городов газом. Газовое производство в городах бездействовало и в полной мере уцелело только в Москве. Из 14 газовых заводов в СССР работал один московский, а остальные находились на консервации. В Москве в 1927 г. было выработано около 10 куб. м газа на душу населения, что было в 40 раз меньше, чем в Лондоне, и в 17 раз меньше, чем в Берлине³¹. Только в годы первых двух пятилеток развитие газового хозяйства в столице сдвинулось с мертвой точки: с 1931 по 1934 г. число московских абонентов увеличилось с 22 479 до 30 500, а отпуск газа на одного потребителя — с 1050 до 1475 куб. м³².

Несколько лучше обстояло дело с теплоснабжением городских квартир, которое создавалось после революции как система общего пользования и уравнительного распределения тепла. После революции появились первые теплофикационные установки, использовавшие тепловые отбросы промышленных предприятий. Начиная с 1920 г. теплоснабжение в городах складывалось как централизованное, с выработкой большей части тепла на теплоэлектроцентралях (ТЭЦ) как побочного продукта при производстве электроэнергии. Именно этот технологический выбор позволил снабжать жилища теплом, получить большую экономическую выгоду, резко сократить число работников и оздоровить экологическую обстановку в городах. К 1932 г. теплофикационные установки имелись не только в Москве, но и в Ярославле, Пскове, Котельнице, Смоленске, Чистополе, Курске, Кузнецке и ряде других городов³³.

³⁰ Соломин. Газовый завод // Коммунал. работник. 1923. № 3. С. 33; Умов. Практические соображения об устройстве уличного освещения в Москве и других городах СССР // Коммунал. хоз-во. 1925. № 5. С. 32.

³¹ Целибеев П. Газовое дело у нас и за границей. С. 21.

³² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 25.

³³ Шенгели Г. По следам времени. С. 18.

Показательно, что в столице работа по расширению и реконструкции энергетической базы в I полугодии 1932 г. шла, главным образом, по линии теплофикации. Строились две электроцентрали во Фрунзенском и Сталинском районах. Значительно расширялась теплоэлектроцентраль Теплотехнического института. Отпуск тепловой энергии московскими станциями в I полугодии 1932 г. на 45,6% превысил показатели I полугодия 1931 г. Всего же за первую пятилетку было создано 10 теплофикационных установок, в результате чего налажено рациональное использование населением отработанного тепла и пара³⁴.

В начале 1930-х годов теплофикация жилых домов получила широкое распространение не только в Москве и Ленинграде, но и во Пскове, Ростове-на-Дону и Иваново. К середине 1930-х годов теплофикация заняла «почетное место в системе коммунальной энергетики». Благодаря теплофикации были устранены мелкие домовые котельные установки, копоть и пыль в городах, в домах появилась горячая вода для отопления и других целей. Москва и Ленинград насчитывали в это время уже десятки километров теплофикационных трубопроводов — целые районы были снабжены горячей водой. Десятки городов (Псков, Ярославль, Калинин, Омск, Смоленск и др.) также постепенно осуществляли теплофикацию, снабжая горячей водой бани, прачечные, предприятия и жилые дома. Но одним из серьезных препятствий в этом деле оставалась нехватка труб³⁵.

Как мы видели, развитие электрификации, газификации и теплофикации шло параллельно и во взаимосвязи. В силу этого проблемы одной отрасли влияли на развитие других отраслей. Кроме того, сохранялась ориентация электрохозяйства на преимущественное обслуживание местной промышленности и предприятий ЖКХ (бань, прачечных и проч.), а не населения. Сохранялось и отставание электрификации, газификации и особенно теплофикации от темпов городского жилищного строительства.

³⁴ Булганин М. В боях за пролетарскую Москву // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 9–10. С. 17; На рубеже двух пятилеток // Коммунал. работник. 1932. № 71–72. С. 2.

³⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 25; Полуян Я. Коммунальная энергетика (состояние и перспективы). С. 7.

Глава 5

Сооружения внешнего благоустройства

В этой главе речь пойдет прежде всего о состоянии дорог и тротуаров, мостов и путепроводов, городских набережных и зеленых насаждений. В материалах III Всероссийского съезда заведующих коммунальными отделами (декабрь 1921 г.) сохранился отчет заведующего Архангельским губернским отделом коммунального хозяйства, позволяющий реконструировать основные проблемы в этой сфере в начальный период нэпа. По сообщению докладчика, подотдел благоустройства был создан в апреле 1921 г. с ограниченным штатом служащих — всего 2 человека. По заявлению заведующего, подотделу пришлось вести работу «в рамках возможного минимума благоприятных условий» других подотделов. В итоге недостаток во всем сказывался даже «на самых незначительных начинаниях», которые редко кончались «желательными результатами». Мостовые ремонтировались ровно настолько, чтобы «предотвратить возможность несчастных случаев». Только ремонт тротуаров, представлявших собой «досчатые мостки, настланные на водосточных канавах», производился «аккуратно» за счет материалов, получаемых из гублескома. Зато площадь зеленых насаждений в городе не изменилась. В уездах все мероприятия носили «случайный характер» и вызывались «потребностями минуты» — ремонтом улиц и общественных зданий. Больше всего внимания, при отсутствии водопровода и канализации, было уделено ассенизационным обозам. При отсутствии последних применялась трудовая повинность или устраивались специальные субботники по очистке городов¹. Впрочем, такая ситуация с городским благоустройством была типичной для малых и средних населенных пунктов РСФСР, а позднее — и СССР в первой половине 1920-х годов.

¹ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.

Положение начало несколько выправляться со второй половины 1920-х годов. Но несмотря на достигнутые улучшения, к концу первой пятилетки внешнее благоустройство, состояние дорог, улиц, озеленение и очистка оставались «наиболее запущенной и отсталой частью коммунального хозяйства»². Как мы увидим ниже, городское благоустройство сдвинулось с мертвой точки только в годы второй пятилетки.

§ 1. Дорожное строительство и городское замощение

Лет чрез пятьсот... дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

По оценкам советских экспертов, «состояние безрельсового дорожного хозяйства России к началу Октябрьской революции» было «далеко не блестящим». К 1914 г. в пределах РСФСР в границах 1927 г. было всего 18,5 тыс. км дорог с «каменной одеждой». Протяженность земских и проселочных дорог в 43 губерниях составляла свыше 1,2 млн км, из которых было улучшено всего около 99 тыс. км. При этом благоустроенные дороги сосредоточивались, главным образом, в земских губерниях Центрального района. Зато в Сибири почти не было дорог с каменным покрытием. Состояние гужевых дорог в большей части России в довоенное время характеризовалось как бездорожье³.

Пресса первой половины 1920-х годов пестрела данными о развале дорожного дела в дореволюционной России: «местные органы не знают своего дорожного хозяйства и не успели еще прибрать его к рукам». Действительно, из 194 уездных органов 45 (23%) не смогли сообщить, сколько дорог имелось в их уездах. По данным Центрального статистического комитета, в 1910 г. в Российской империи

² Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 26.

³ *Нефедьев А.* Дорожное хозяйство к 10-летию Октябрьской революции // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1927. № 12. С. 63.

протяженность дорог, включая проселочные, насчитывала 719,5 тыс. верст. В границах СССР 1923 г. осталось 558 тыс. верст дорог (из них 536 тыс. — грунтовых), из них в Европейской части РСФСР было 187 тыс. верст, на Украине — 182 тыс., в Сибири — 108 тыс.⁴ Таким образом, спустя 5 лет после революции положение дорожного хозяйства ухудшилось.

При этом «уклон коммунальной работы» в области дорожного строительства с началом нэпа был направлен в сторону города, а не деревни. В 1922 г. из 298 уездов дороги строились только в двух (да и то в весьма малом объеме): 6 верст в Ветлужском уезде Нижегородской губернии и 80 сажень — в Нижне-Ладожском уезде Петроградской. В следующем году строили дороги всего в пяти из 177 уездов: Алексинском Тульской губернии — 65 сажень, Полоцком Витебской губернии — 250 сажень, Ветлужском Нижегородской губернии — 9 верст, Костромском — 12 сажень, Архангельском — 87 сажень. Мягко говоря, постройка дорог носила «совершенно случайный характер». Несколько лучше обстояло дело с ремонтом дорог, который был «обычным, хотя и не очень распространенным делом» для органов коммунального хозяйства. В 1923 г. из 177 уездных коммунотделов ремонт проводился в 66 (37%). Правда, в этих 66 уездах, где в ведении коммунотделов состояло 69 тыс. верст дорог, было отремонтировано всего 3,5 тыс. (т.е. не более 5%), тогда как разрушение дорог шло быстрее, чем их ремонт. И это с учетом того, что ремонт носил поверхностный характер и осуществлялся в немалой степени за счет самого населения. Например, в 1923 г. в 38 уездах за счет населения было проведено 40% всех ремонтных работ. Впрочем, ремонт охватил в 1,5 раза больше уездов, чем в 1922 г. И это притом, что в связи с отменой трудгужналога в 1923 г. в десятки раз сократился ремонт дорог за счет местного населения. Но особенно остро ощущались населением разрушение и нехватка мостов. К примеру, в 1923 г. мосты строились в 79 из 173 уездов (46%; в 1922 г. — в 30, или 30%) и ремонтировались в 98 (57%). Всего в 1923 г. было построено 3780 сажень мостов (почти по 50 сажень на уезд) и отремонтировано свыше 8 тыс. сажень (более 80 на уезд)⁵.

⁴ Гибшман А. Из дорожной статистики // Там же. 1924. № 5. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

На 1924/1925 хоз. год, согласно решениям I Всероссийской дорожной конференции (1924 г.), был учрежден субвенционный фонд для дорожного строительства, а в октябре 1925 г. НКВД предложил местным органам разработать планы дорожного строительства. В 1925 г. общее протяжение гужевых дорог (без полевых) по РСФСР составляло около 840 тыс. км, из них дорог с «каменной одеждой» было всего 18,5 тыс. км (2,2%), а грунтовых — 820 тыс. км (97,6%). Наркомат путей сообщения отвечал за 27,5 тыс. государственных дорог (3,3%), из них 6,7 тыс. км (24%) были с каменным покрытием. Протяжение дорог местного значения по республике составляло 810 тыс. км, но дороги с «каменной одеждой» составляли только 12 тыс. км (1,5%)⁶.

Ситуация с мостами и дорогами в РСФСР на октябрь 1925 г. отражена в табл. 5.1⁷.

Для сравнения: если в 1924/1925 хоз. году ассигнования на дорожное дело в местных бюджетах составили 4,7%, то в 1925/1926 хоз. году они выросли до 5,6%. Впрочем, согласно бюджету дореволюционных земств вложения составляли 8–9%. Тем не менее рост ассигнований был очевиден: если 1923/1924 хоз. году принять за 100%, то в 1924/1925 хоз. году рост (даже без учета Московской и Ленинградской губерний) составил 203%, в 1925/1926 хоз. году — 350% и в 1926/1927 хоз. году — 400%⁸. Правда, согласно самой минимальной программе (без нового строительства), на дорожное строительство в РСФСР во второй половине 1920-х годов было необходимо затратить 363,3 млн руб., из них на губернские дороги — 66,5 млн, уездные — 11,12 млн и волостные — 185,6 млн руб.⁹ А существовавшие ассигнования в дорожное хозяйство не обеспечивали даже минимальных потребностей отрасли.

Надо учитывать, что к середине 1920-х годов не только не строились новые дороги, но и почти не ремонтировались существовавшие. В итоге дорожное хозяйство пришло «в мало пригодное состояние». В докладе инженера Витберга на I Всероссийской дорожной кон-

⁶ Нефедьев А. Дорожное хозяйство к 10-летию Октябрьской революции. С. 66.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Головин М. Текущие вопросы коммунальной жизни. С. 55.

Таблица 5.1
Состояние дорожного покрытия РСФСР в 1925 г.

Категория мостов и дорог	Общая протяженность дорог, км, и мостов, пог. м	Протяженность работ, % к общему протяжению		
		Текущий ремонт	Восстановительные работы и капитальное переустройство	Новые работы
Общее протяжение мостов и труб на дорогах губернского значения	300 тыс.	25	40	20
То же уездного значения	480 тыс.	30	45	20
То же волостного и сельского значения	1,1 млн	30	40	30
Общее протяжение дорог губернского значения грунтовых	55 тыс.	30	35	15
То же с «каменной одеждой»	5 тыс.	35	50	50
Общее протяжение дорог уездного значения грунтовых	110 тыс.	35	35	10
То же с «каменной одеждой»	7 тыс.	30	50	30
Общее протяжение волостных и сельских дорог грунтовых	600 тыс.	45	40	15

ференции состояние дорог характеризовалось следующим образом: «вследствие плохого состояния в некоторых губерниях есть участки трактов, которыми перестали пользоваться, прокладывая новые пути по обреза́м трактов и иногда даже за пределами дорожной полосы». В некоторых губерниях состояние дорог было таково, что в ближайшее время ожидалось полное прекращение движения. Были участки дорог, которые использовались лишь между разрушенными мостами. Почти во всех губерниях в среднем 50% дорожных сооружений надо было отстраивать заново, 35% нуждались в капитальном ремонте, а 15% — в переделке настила. Осенью и весной подавляющее большинство дорог были «абсолютно непроезжие»¹⁰.

¹⁰ Цит. по: *Ржевский В.А.* Дорожное строительство // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 11–12. С. 35.

В начале 1926 г. общее протяжение всей сети дорог в СССР равнялось примерно 2 млн км, из них 1,9 млн км были грунтовыми, тогда как протяжение шоссейных, мощеных и вообще дорог с покрытием составляло не более 20 тыс. км (всего 1% от общей длины дорожной сети). Для сравнения: в эти годы в США удельный вес шоссе был выше 10%. Согласно дорожной статистике доля плохих грунтовых дорог (даже в сухое время года) колебалась в отдельных уездах от 5 до 97%. Причем до 10% плохих дорог находились в уездах, расположенных вблизи Москвы и Ленинграда¹¹. Кроме того, до 1928 г. в СССР не было асфальтобетонных дорог. Только в 1928 г. небольшой участок такой дороги был построен под Москвой. Затем опыт постройки асфальтобетонной дороги был применен на Выборгском шоссе под Ленинградом¹².

Не лучшим было и состояние дорожного хозяйства РСФСР. В целом по республике в 1929 г. из общей протяженности шоссейных и грунтовых дорог в 1,25 млн км технически улучшенные составляли 41,6 тыс. км, или 3,3%. Остальная сеть была представлена простыми, часто не всегда проезжими, грунтовыми дорогами. Поэтому контрольные цифры на 1929–1930 гг. предусматривали капитальные вложения в дорожное строительство РСФСР в размере 198 млн руб., причем расходы местного бюджета наконец сравнялись с вложениями союзного бюджета в строительство дорог государственного значения¹³.

В годы первой пятилетки началось широкое внедрение асфальтобетонных покрытий на загородных дорогах. Одновременно на первый план вышло производство холодного асфальта (даман-асфальта, по имени его изобретателя немецкого доктора Дамана), более дешевого, чем асфальтобетон. Хотя в Германии этот тип дорожного покрытия начал внедряться еще в 1918 г., в СССР первый завод по производству даман-асфальта был пущен только в августе 1932 г. Он был построен в Москве, недалеко от которой обнаружили необходимые для про-

¹¹ *Тихоцкий В.* Очередные задачи дорожного дела в уездах // Коммунал. хоз-во. 1926. № 2. С. 122–123.

¹² *Янов П.Н.* Первая асфальто-бетонная дорога под Ленинградом // Вопр. коммунал. хоз-ва. 1929. № 9. С. 73.

¹³ *Лавров Ф.* Перспективы развития дорожного строительства на 1929/1930 г. // Коммунал. хоз-во. 1929. № 21–22. С. 21.

изводства залежи твердого известняка¹⁴. Первый опытный участок из германского асфальта был проложен еще в 1928 г. на Волоколамском шоссе, и за 5 лет качество покрытия не ухудшилось¹⁵.

Не лучше обстояло дело и с городским замощением, которое начало активно развиваться только с 1927 г. Советская пресса не уставала напоминать, что состояние «дорожных одежд в городах дореволюционной России было совершенно неудовлетворительным». Городские управы в основном ориентировались на замощение улиц булыжником, и только часть центральных улиц крупнейших городов имели литой асфальт, гранитную брусчатку и деревянные торцовые одежды. Большинство улиц на окраинах даже Москвы и Петрограда не имели никаких дорожных одежд. В Туле и Ярославле, например, шоссеное покрытие было только на основных городских магистралях. Городские улицы, лишенные дорожных одежд, не имели и водостоков для отвода поверхностных вод, будучи снабжены только открытыми канавами — кюветами. В Москве в 1916 г. из общей площади мостовых лишь около 3% составляли «одежды» усовершенствованных типов. В Петерограде основным типом мостовых были примитивные торцовые мостовые на деревянном основании из необработанной шашки. Все дорожные работы до революции проводились только вручную. При этом в городах не было ни специальных дорожных организаций, ни подсобных предприятий, ни технического персонала, ни квалифицированных рабочих по дорожному строительству. Работы проводились небольшими артелями под руководством подрядчиков¹⁶.

Впрочем, не улучшилось положение с городскими дорогами и в советский период. В годы революции и Гражданской войны замощение улиц было одной из наиболее отсталых отраслей благоустройства городов. «По существу, никакого надзора» за городским дорожным хозяйством не было. Неизменными спутниками улиц стали: загрязненные мостовые, почва под ними и воздух над ними, шум и беспо-

¹⁴ Основным продуктом для изготовления даман-асфальта могут также служить шлак и каменноугольный деготь.

¹⁵ Меркулов Е. Холодный асфальт должен получить широкое применение в Советском Союзе // За рулем. 1932. № 17. С. 18–19.

¹⁶ Страментов А.Е. Строительство городских дорог // Социалист. город. 1937. № 11–12. С. 11.

койная езда, порча лошадей и т.п. Из тысячи с лишним русских городов 30% в 1919 г. не имели никаких мостовых. В числе таких городов без мостовых были все города семи губерний, расположенных в Сибири и Средней Азии, и свыше 100 уездных городов в остальной части империи. Половина городов замостили менее половины своих улиц, и только 20% городов — более половины. Полностью замощенные улицы, если взять городские поселения, бывшие ранее российскими, во время Гражданской войны были только в Риге, Варшаве, Ялте и еще в нескольких, преимущественно прибалтийских и польских городах¹⁷.

При переходе к нэпу ситуация с городским замощением качественно не изменилась. Но при этом, например, в Ярославле в 1924 г. план по замощению улиц заранее предполагалось выполнить всего на 75%¹⁸. В 1928 г. при общем протяжении улиц и площадей в 23 839 км общая площадь мостовых составила 89 086 тыс. кв. м (усовершенствовано же было 8900 тыс. кв. м, или около 10%)¹⁹. Несмотря на то что к 1929 г. планы благоустройства имели 78,7% городов, о качестве этих планов нельзя судить из-за отсутствия соответствующих данных. При этом 11,7% городов не имели мостовых, а в остальных был замощен 21% площади улиц, проездов и площадей. Таким образом, к концу 1920-х годов большая часть городских магистралей была лишена мостовых, а многие из имевшихся мостовых требовали капитального ремонта²⁰.

Поворот в этом отношении был сделан только в начале 1930-х годов. Например, решения июньского (1931 г.) Пленума партии предусматривали замену в Москве в течение 2–3 лет булыжной мостовой усовершенствованными покрытиями (55% — асфальт, 15% — брусчатка и 30% — клинкер²¹) на всех основных улицах и площадях. Ведь

¹⁷ С.П. Усовершенствованные мостовые в городах // Рабочая жизнь. 1919. № 11–12. С. 29; Страментов А.Е. Строительство городских дорог // Социалист. город. 1937. № 11–12. С. 12.

¹⁸ Городское благоустройство. С. 55.

¹⁹ Шенгели Г. По следам времени. С. 18.

²⁰ Сиринов М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы.

²¹ Клинкер (от нем. klinker — «запорный») — высокопрочный кирпич для мощения дорог и полов в зданиях, получаемый из специальных глиен обжигом до спекания.

25% построенных в 1929–1930 гг. асфальтобетонных мостовых столы уже в 1931 г. требовали капитального ремонта. Столь высокий процент разрушений объяснялся тем, что иностранные специалисты не были знакомы с русскими материалами и работой покрытий в условиях города, отсутствовали квалифицированные технические и рабочие кадры, а также недостаточной стандартизацией материалов. Во многих случаях отсутствие достаточного количества водосточков и неудовлетворительный уход за мостовыми также стали причинами их быстрого разрушения. Общая потребность в новом замощении в Москве определялась в размере около 400 тыс. кв. м ежегодного прироста мощеной площади²². Что говорить о других, особенно провинциальных, поселениях.

На 1932 г. ЦК партии и советское правительство утвердили строительство в Ленинграде усовершенствованных мостовых (диабаз, торцы, асфальтобетон) в размере 450 тыс. кв. м против 110 тыс. кв. м в 1931 г. Также было намечено приступить к сооружению набережной правого берега Невы и Обводного канала протяжением до 6 км. В плане 1932 г. было и строительство нового моста через Неву у фабрики «Красный ткач»²³.

Итак, только к концу первой пятилетки власти взялись за дорожное хозяйство столичных городов. Однако в целом по стране специалисты сетовали, что планирование городского дорожно-мостового строительства поставлено «весьма плохо». Более того, в силу «весьма неудовлетворительно» поставленного в наркомхозах и городских дорожных отделах учета, «вполне точной картины фактического положения строительства мостовых» не имелось. Бездорожье советские авторы традиционно относили к наследию «старого строя», когда удельный вес замощенных улиц, проездов и площадей не превышал 20%. За период империалистической и Гражданской войн «значительная часть замощений подверглась разрушению» и «стала непроезжей». Но, как уже отмечалось, только с 1929 г. началось строительство усовершенствованных и высших типов покрытий: асфальтобетона

²² Бурче Ф.Я. Очистка населенных мест. С. 30; Беляев, Бутузов. Дорожное хозяйство Москвы // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 30.

²³ Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда».

(в Москве, Харькове, Ленинграде и Баку), термакадама,²⁴ пропитки, разжиженных битумов и проч. В одной лишь Москве за 1931–1932 гг. было сооружено свыше 1 млн кв. м асфальтобетонных покрытий. На Детскосельском ремонтно-механическом заводе был построен первый советский автогудронатор АГ-1, изобретенный Обуховым. Также было принято правительственное решение о постройке двух заводов дорожных машин²⁵.

Денежные вложения в городское дорожно-мостовое строительство в СССР в первой пятилетке составили около 300 млн руб., из которых на новое строительство было направлено 200 млн, а остальное — на капремонт. В итоге было построено около 25 млн кв. м и столько же капитально отремонтировано. Только в 1932 г. было замощено около 7 млн кв. м площади, т.е. на 40% больше, чем в 1931 г. Общая площадь замощений к концу первой пятилетки составила около 150–155 млн кв. м (или 20% общей площади улиц и проездов), из которых усовершенствованные и высшие типы покрытий были всего на 5 млн кв. м (3,3%). Все остальные дороги были замощены в основном булыжником, губительным для автотранспорта. По РСФСР показатели были ненамного лучше: в 1932 г. общая площадь замощения составила 102,777 млн кв. м, а доля усовершенствованных мостовых — 21 млн кв. м (свыше 20%)²⁶.

Впрочем, на местах за общей положительной статистикой скрывались несколько иные показатели. Так, в Астрахани к 1932 г. 62% городских магистралей были лишены мостовых, а большинство мостовых требовало капитального ремонта. В силу этого и наличия солончаковой почвы улицы после каждого дождя покрывались слоем грязи и становились непроезжими²⁷.

²⁴ Термакадам — бетонное дорожное покрытие в несколько слоев, из щебня и дегтя.

²⁵ Синельников Н.М. Проблема строительства городских дорог во второй пятилетке // Коммунал. хоз.во. 1932. № 12. С. 4.

²⁶ Л.Н. Дорожное строительство во второй пятилетке // Коммунал. и жилищ. стр-во. 1932. № 9. С. 42; О результатах капитального строительства 1932 года... С. 15–16; Синельников Н.М. Проблема строительства городских дорог во второй пятилетке. С. 5; Шенгели Г. По следам времени. С. 18.

²⁷ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 103–104.

Так как до 1917 г. водопровод, канализация, электрические кабели и газопроводы «прокладывались без какого-либо плана», это «весьма болезненно отразилось на последующем бурном строительстве новейших дорожных покрытий». Частыми были случаи вскрытия только устроенных «дорожных одежд» для «упорядочения этого подземного хозяйства». Если до первой пятилетки приходилось ограничиваться только восстановлением разрушенных дорожных покрытий, то первая пятилетка «положила начало коренному перелому в городском дорожном строительстве». Как уже отмечалось, помимо булыжных мостовых, были впервые освоены асфальтобетонные и мозаиковые «одежды», клинкерные мостовые и проч. В Свердловске и Горьком усовершенствованные «дорожные одежды» были построены впервые. На городских улицах страны появились первые дорожные машины, а в ряде городов СССР — асфальтобетонные заводы городского стационарного типа. В частности, в Москве был построен первый в СССР завод даман-асфальта. Заново была создана в широких размерах промышленность дорожно-строительных материалов: изготовление битумов (Баку, Грозный), карьеры для выработки брусчатки (Карельская АССР, Урал, Украинская ССР), строительство клинкерных заводов (Тучковский)²⁸ и др. Программа развернутого строительства усовершенствованных типов дорожных покрытий (асфальт, брусчатка, клинкер) в городах СССР была принята, несмотря на возражения со стороны части специалистов, после решений июньского (1931 г.) Пленума ЦК ВКП(б). На их основе было принято постановление Московского областного и Московского городского комитетов партии,

²⁸ По инициативе Московского совета народного хозяйства начиная с 1926 г. в районе Тучкова были проведены крупномасштабные геологоразведочные работы по изысканию ресурсов минеральных полезных ископаемых с целью их быстрой разработки и выпуска строительных материалов. В 1928 г. приступили к реконструкции кирпичного завода. Новый механизированный кирпичный завод первым в Московской области наладил, кроме производства обычного кирпича, производство клинкера. Тучково стало значительным центром промышленности строительных материалов, благодаря чему 20 февраля 1934 г. Президиум ВЦИК принял решение объединить селения Тучково и Устинково в один рабочий поселок, включив в его состав территорию кирпично-клинкерного и известковых заводов (История Тучково [Электронный ресурс]//Тучково.су: сайт города. URL: <http://www.tuchkovo.su/stranicy-istorii/istoriya-tuchkovo.html>).

президиума Мособлисполкома и Мосгорисполкома о практических мерах по улучшению и развитию московского городского хозяйства. В этом постановлении был дан ряд указаний, реализованных и в других городах СССР:

во-первых, максимальное использование старых булыжных мостовых в качестве основания при устройстве усовершенствованных типов дорожных одежд;

во-вторых, предварительное проведение водостоков и приведение в порядок подземной сети;

в-третьих, учет необходимости максимального расширения улиц;

в-четвертых, широкая добыча и выработка дорожных материалов.

Кроме того, из-за отсутствия специалистов в начале 1930-х годов для активного дорожного строительства потребовалось пригласить специалистов из Германии и Америки²⁹.

В результате вложений в 1931–1934 гг. в дорожное хозяйство около 285 млн руб. значительно увеличилось протяжение замощенных улиц и более чем в 3 раза — площадь усовершенствованных покрытий. Был создан большой парк дорожных машин, построен ряд новых асфальтобетонных заводов и проч. Планы дорожного строительства начиная с 1933 г. значительно перевыполнялись: в ряде городов — в 2–3 раза за счет привлечения средств заинтересованных организаций. В числе лидеров 1933 г. оказались Казань, Москва, Архангельск, Челябинск, Грозный, Сталинск и Самара. Наоборот, аутсайдерами по выполнению плана дорожного строительства этого года стали: Сталинград (52,3%), Горький (74,2%), Ленинград (81,9%) и др. И это при том, что в целом за 1931–1934 гг. «наиболее бурное развитие» дорожное хозяйство получило в Москве, Ленинграде, Горьком, Сталинграде, Самаре и др. Дело в том, что, проведя объемные работы по новому строительству, многие горсоветы не сумели добиться высокого качества работ и снижения себестоимости, особенно высокой в Сталинграде, Горьком и др. В Москве, Ленинграде, Горьком, Казани, Сталинграде, Самаре и ряде других городов была создана специальная служба эксплуатации дорожного хозяйства, но в большинстве городов такой службы не было³⁰.

²⁹ *Страментов А.Е.* Строительство городских дорог. С. 12.

³⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 26–27.

Значительное расширение замощения настоятельно требовалось в связи с запланированным на конец второй пятилетки ростом автопарка до 1 млн машин. В городах первой категории и крупных промышленных центрах намечалось замостить 100% улиц и проездов. Тем самым к концу второй пятилетки площадь замощения во всех городах СССР должна была увеличиться до 240 млн кв. м³¹.

При этом до середины 1930-х годов в Москве и других городах можно было видеть на одной и той же улице различные участки, частично замощенные булыжником, асфальтом и брусчаткой («неоправданная пестрота», как выразился И.В. Сталин в беседе с московскими дорожниками в 1934 г.). Темпы и объемы городского дорожного строительства за четверть века в ряде городов представлены в табл. 5.2³².

Таблица 5.2

Динамика городского дорожного строительства в 11 городах СССР

Наименование города	1910 г.		1936 г.	
	Длина улиц, км	Из них мощеных, км	Длина улиц, км	Из них мощеных, км
Москва	669,0	540,0	1200,8	934,3
Ленинград	381,0	381,0	1024,0	831,5
Горький	102,0	57,9	412,1	246,5
Сталинград	176,0	13,1	349,0	99,5
Ростов-на-Дону	116,0	33,9	577,0	223,3
Свердловск	99,9	29,7	341,8	108,7
Харьков	259,0	101,8	525,0	215,7
Днепропетровск	163,2	73,5	362,0	216,4
Запорожье	16,9	13,5	166,5	49,7
Одесса	209,9	140,0	485,7	257,4
Тбилиси	190,8	97,7	308,4	213,2

³¹ Л.Н. Дорожное строительство во второй пятилетке. С. 42; Синельников Н.М. Проблема строительства городских дорог во второй пятилетке. С. 5.

³² Страментов А.Е. Строительство городских дорог. С. 12.

Как мы видим, при общем росте, картина была довольно пестрой. Динамику же дорожного строительства в РСФСР в годы двух первых пятилеток отражают данные табл. 5.3³³.

Таблица 5.3

Динамика городского дорожного строительства РСФСР в 191–1937 гг.

Год	Мощение, км	Усовершенствованное мощение в том числе, км
1929	7981,0	3,8
1933	8664,0	6,2
1934	9279,0	7,7
1935	9580,0	9,3
1936	9680,0	18,3
на 1/XI 1937	9800,0	21,6

В РСФСР общая протяженность замощенных улиц за период 1921–1936 гг. увеличилась на 220%. В отдельных городах (Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Тбилиси) рост зафиксирован более чем в 2,5 раза; в Днепропетровске, Баку, Свердловске — более чем в 3 раза; Челябинске — более чем в 4 раза; Горьком — более чем в 5 раз; Сталинграде и Ростове — более чем в 7 раз по сравнению с до-революционным периодом³⁴. В последующие годы темпы замощения продолжали расти. Например, в Свердловске в 1928 г. было замощено 468,4 тыс. кв. м улиц, а к началу 1939 г. площадь замощения выросла до 1022 тыс. кв. м, правда, при этом было охвачено всего 35,2% проездов и площадей. Кроме того, в городе имелось 348,8 тыс. кв. м тротуаров, из них 158,8 тыс. кв. м — асфальтовых³⁵.

Всего в РСФСР, по сведениям Главного управления благоустройства городов, на апрель 1940 г. протяженность улиц, проездов и набережных составила 33 357 км (из них 9790 км мощеных), а мостов — 7401 км³⁶. Во многом рост дорожной сети, в том числе с покрытием,

³³ Там же. С. 15.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

³⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 8.

диктовался увеличением численности транспортных средств, объемов грузовых и пассажирских перевозок. Но главным стимулом дорожного строительства выступала подготовка страны к военным действиям.

§ 2. Озеленение как социальная и политическая задача

Драться за каждый зеленый листочек, за каждую веточку.

Л.М. Каганович

До революции в Москве многие зеленые насаждения принадлежали домовладельцам, купцам и прочим гражданам и потому были недоступны для общественного пользования. На 1 января 1916 г. в общественном пользовании находились всего три парка (Сокольническая роща, Воробьевы горы и Мамоновская дача) общей площадью 577,8 га, 36 садов и скверов (41 га) и 26 бульваров (41 га) — всего 659,8 га. Ежегодно высаживались не более 5–6 тыс. деревьев и 20 тыс. кустарников. Но в ведении городской управы в 1913 г. находилось всего 6 тыс. деревьев. За 1906–1916 гг. в Москве было устроено всего 26 скверов и бульваров (9,3 га), причем только в центральной части города; на рабочих окраинах преобладали свалки³⁷.

Революция обобществила зеленые насаждения. Однако в результате топливного кризиса в годы Гражданской войны многие деревья были вырублены. Так, в Саратове площадь лесных посадок к 1921–1922 гг. сократилась до 315 га. Меры по восстановлению зеленых насаждений были предприняты только в 1927–1928 гг.³⁸ Даже в столице площадь зеленых насаждений к 1931 г. увеличилась всего на 102 га. И это при том, что в годы нэпа вопрос о санитарно-оздоровительной роли городской зелени ставился как «вопрос о жизни для молодых и старых». К примеру, соотнесение данных о зеленых насаждениях по

³⁷ Гольдберг М. О нормировании зеленых насаждений и свободных пространств в городах // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 18.

³⁸ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 118.

переписи 1926 г. и о смертности за 1927 г., по материалам управления статистики Госплана РСФСР, свидетельствовало, что в городах с зеленой площадью свыше 10 кв. м на человека смертность резко падала³⁹ (табл. 5.4). Необходимый минимум зеленой площади для городов в то время составлял не менее 20 кв. м на человека⁴⁰.

В начале 1930-х годов вопрос об озеленении был переведен в политическую плоскость. Мотивировали это тем, что ударник «нуждается в здоровом воздухе, проветривании своих легких на свежем воздухе, в заслуженном отдыхе среди зелени и цветов». Утверждалось, что «социализм — это не “каменный век”» и не каменный город». Признание, что современное общество не может жить без камня, железа и бетона, дополнялось уверенностью, что зелень и цветы помогут преодолеть отрицательные стороны железобетонного строительства⁴¹.

За период 1917–1930 гг. в Москве было посажено 205,5 тыс. деревьев и 653,5 тыс. кустарников. Осенью 1930 г. в зеленом фонде столицы прибавилось еще 6520 деревьев и 24 456 кустов. На 1931 г. президиум Московского совета утвердил план посадочных работ в еще больших размерах: 250 тыс. деревьев, 1 млн кустарников, 50 тыс. вьющихся растений и около 100 га газонных посевов. Впервые в истории страны проводились «озеленительные работы столь крупного масштаба». По инициативе Л.М. Кагановича и Бюро Московского обкома партии 16 мая 1931 г. Московский горисполком организовал специальный «Зеленый комитет». Если до организации комитета в Москве за весну было высажено 15 тыс. деревьев и 25 тыс. кустарников, то с 16 июня за одну пятидневку — 17 220 деревьев и 32 тыс. кустарников. Этот результат был достигнут прежде всего работой организованных на фабриках и заводах рабочих бригад, а в вузах и школах — комсомольских и пионерских бригад. Кроме того, рабочие и школьные коллективы

³⁹ При условии, что на смертность влияет целый ряд других факторов: скученность населения, теснота жилищ, отсутствие канализации и проч.

⁴⁰ Губельман Н., Лебедев Г. Пролетарской Москве — зеленые насаждения // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 5–6. С. 69; Саргатских П. Материальная ценность зеленых насаждений в градостроительстве // Коммунал. стр.-во. 1931. № 9. С. 4–5.

⁴¹ Губельман Н., Лебедев Г. Пролетарской Москве — зеленые насаждения. С. 68.

Таблица 5.4
Зависимость смертности населения от площади зеленых насаждений

Наименование города	Зеленых насаждений на одного жителя, кв. м	Количество смертей на 1 тыс. человек
Архангельск	ок. 2	22
Вологда	ок. 2,6	20
Москва	15	14
Калуга	3,6	18
Иваново-Вознесенск	10	22
Владимир	5	24
Кострома	2,3	19
Нижний Новгород	5	19
Вятка	3	23
Свердловск	4,3	27
Златоуст	1	29
Пермь	2	28
Самара	2,7	24
Оренбург	4	26
Ульяновск	2	23
Саратов	3,6	20
Астрахань	1,6	22
Сталинград	2,4	23
Грозный	ок. 4	25
Новосибирск	ок. 3	23
Омск	2,2	24
Иркутск	3,3	20
Владивосток	41	16
Благовещенск	7	20
Чита	5	20
Томск	ок. 6	23
Казань	3,4	23
Елабуга	13	17

брали шефство над молодыми саженцами, давая обязательство охранять их и ухаживать за ними.

Но, по мнению нового руководства столицы, «старая пятилетка развития зеленых насаждений предусматривала черепаший темпы» (на 1931 г. — 40 га новых насаждений, на 1932 г. — 62 га, на 1933 г. — 125 га). Тем самым обеспечение рабочих Москвы санитарной нормой зелени (20–30 кв. м на человека) «откладывалось в далекое будущее». Поэтому Каганович на очередном пленуме Московского комитета партии поставил задачу довести площадь зеленых насаждений в столице до санитарной нормы в ближайшие 3 года. В пределах только Окружной дороги предстояло покрыть зеленью 3–3,5 тыс. га. Кроме того, Трест зеленого строительства Москвы занялся проработкой вопроса о создании вокруг Москвы зеленого кольца в пределах 25–30-километровой зоны отдыха — резервуара кислорода и поставщика ягод, фруктов, овощей, меда и проч. Как уже отмечалось, осенью 1931 г. планировалось ежедневно сажать столько же, сколько за весь 1913 г. Для этого при Тресте зеленого строительства был создан специальный оперативный орган — Штаб по осенним посадкам. Фактически весной 1931 г. было посажено 45 210 деревьев и 126 470 кустов, а осенью этого же года — 250 тыс. и 1 млн соответственно. Было озеленено 218 улиц, 108 бульваров и скверов, 2607 домовладений, 77 фабрик и заводов и т.д. К 1932 г. площадь зеленых насаждений в Москве увеличилась по сравнению с 1916 г. в 5 раз (3284,1 га без пригородных рощ и лесов)⁴².

Распределение зеленых насаждений по районам Москвы представлено в табл. 5.5. В таблицу не вошли придомовые сады (около 125 га) и несколько зеленых массивов, принадлежавших ведомствам и учреждениям (парк Тимирязевской академии, Черкизовская роща, Канатчикова дача и проч.), общей площадью до 1 тыс. га. Всего в Москве в пределах Окружной железной дороги числилось 3282,7 га зелени, но она была распределена «крайне неравномерно». Резко бросалась в глаза «ничтожность зелени» внутри Садового кольца (0,28 кв. м на человека). Несколько лучше (благодаря бульварам) было

⁴² См.: Большевик. 1932. № 4; Гольдберг М. О нормировании зеленых насаждений и свободных пространств в городах. С. 18; Губельман Н., Лебедев Г. Пролетарской Москве — зеленые насаждения // С. 69; Щетинин. Озеленением пролетарскую столицу // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. № 9. С. 45.

Таблица 5.5
Зеленые насаждения Москвы в 1931 г.

Наименование района	Парки	Сады	Бульвары	Скверы	Кладбища	Общая площадь, кв. м	Зеленых насаждений к территории, %
Фрунзенский	1,7	37,62	12,67	15,61	20,0	87,6	3,41
Ленинский	285	12,45	7,22	14,83	5,80	325,30	13,4
Пролетарский	—	8,78	5,56	8,16	—	22,50	0,76
Сталинский	50,95	10,1	8,1	—	31,2	99,9	3,20
Бауманский	46,44	6,09	4,47	3,0	—	60,0	6,81
Сокольнический	598,4	6,7	2,0	1,9	—	609,0	21,12
Держинский	732,3	18,93	6,98	4,29	—	762,5	19,36
Москворецкий	—	9,55	—	1,45	—	11,0	1,37
Краснопресненский	46,0	10,04	11,72	6,24	—	74,9	1,97
Октябрьский	91,25	11,15	2,5	1,0	—	105,90	10,49
Итого	1852,0	131,41	61,22	56,48	57,0	2158,6	81,89

внутри Бульварного кольца и еще лучше — в пределах кольца Камер-Коллежского вала⁴³.

Но в целом по городам СССР в 1931 г. средняя площадь зеленых насаждений составляла всего лишь 1,9% заселенной площади, в то время как должна была достигать не менее 15%. Сопоставление наличной площади зеленых насаждений с количеством населения давало столь же неудовлетворительную картину, а именно: на 1 тыс. жителей приходилось в среднем 0,42 га (или на 1 жителя — 4,2 кв. м), в то время как «голодной нормой» в западноевропейских городах считалось менее 1 га на 1 тыс. человек⁴⁴.

Впрочем, положение, пусть и постепенно, но выправлялось. Решения июньского (1931 г.) Пленума ЦК партии о важности зеленого строительства подтолкнули к резкому росту затрат на зеленые насаждения. Если в 1931 г. на зеленое строительство было ассигновано 3,5 млн руб., то в 1932 г., по разным данным, — от 10,3 до 18 млн. В Сталинграде, например, на озеленение в 1932 г. был выделен 1 млн руб., в том числе 261 тыс. — на строительство парка культуры и отдыха. Массовое озеленение райцентров, кишлаков, колхозов, совхозов и МТС весной 1932 г. началось даже в Средней Азии⁴⁵.

Во второй пятилетке партийное руководство поставило задачу превращения основных индустриальных пунктов страны в культурные, технические и хозяйственно развитые благоустроенные пролетарские центры. Уже с 1933 г., кроме ассигнований по линии коммунального хозяйства, большие средства на озеленение стали отпускать промышленные предприятия. В 1933–1934 гг. общая сумма ассигнований составила 25 млн руб. В итоге в стране не было города и рабочего поселка, где не были бы проведены работы по озеленению. Во многих населенных пунктах были созданы крупные зеленые массивы, парки культуры и отдыха, сады и бульвары. Активно участвовали в посадке зеленых насаждений сами трудящиеся: созданное «Общество друзей

⁴³ Губельман Н., Лебедев Г. Пролетарской Москве — зеленые насаждения. С. 68.

⁴⁴ Сарсатских П. Больше зелени! // Там же. № 7. С. 98; *Его же*. Внимание зеленому строительству // Там же. № 5–6. С. 86.

⁴⁵ Гольдберг М. О нормировании зеленых насаждений и свободных пространств в городах. С. 18.

зеленых насаждений» насчитывало 60 самостоятельных организаций. Трудовое участие населения в посадках в эти годы достигало 15% асигнований на озеленение городов. Особенно широко озеленительные работы развернулись на новых стройках и в крупных промышленных центрах. Например, в Магнитогорске на месте мусорных свалок и загрязненных площадок было разбито 280,6 га скверов и бульваров, заложено 51,5 га питомника, построена крупная оранжерея. В Горьком было устроено 102 га парков и скверов, около 2 км улиц засажено деревьями. Большая работа по озеленению была проведена республиканским трестом «Госзеленстрой», заложившим 1192 га парков, садов и скверов, 258 га питомников как базы для развертывания дальнейших работ по озеленению, засадившим зелеными насаждениями 500 км улиц и дорог и организовавшим ряд оранжерей⁴⁶.

Советская пресса все больше писала о комплексном значении зеленых насаждений для населенных пунктов. С санитарно-гигиенической точки зрения зелень служила фильтром для воздуха и регулятором температуры и влажности воздуха, защитой от ветров и снежных и песчаных заносов, каналом для проведения чистого воздуха с периферии внутрь поселений. Психогигиеническое воздействие проявлялось в благоприятном воздействии на психику, а декоративное — в эстетическом влиянии. Зеленые насаждения выполняли экономические (источник дополнительного плодово-ягодного и овощного снабжения населения), противопожарные (препятствие для распространения огня) и мелиоративные функции (борьба с оврагами и осушка местности). Также зеленые зоны служили местами массового культурного отдыха и предназначались для спортивных и детских игр⁴⁷.

Следует признать, что к середине 1930-х годов стараниями властей, специалистов и общественности в сфере зеленых насаждений были достигнуты значительные результаты. Общая площадь городских насаждений только в 524 городах РСФСР выросла за первую пятилетку на 80%, увеличившись до 16,7 тыс. га против 9,2 тыс. га в 1928 г. К 1935 г. она составляла уже 27 тыс. га. Хотя работы, в основном, велись за счет лимитов Наркомхоза, довольно крупные суммы на

⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 28.

⁴⁷ Гольдберг М. О нормировании зеленых насаждений и свободных пространств в городах. С. 19.

озеленение новостроек (за 1933–1934 гг. — 13 млн руб.) были вложены промышленностью⁴⁸. Зеленое строительство меняло облик и старых центров. Например, в 1933 г. в южной части Свердловска на месте Мещанской роши на берегу р. Исеть был открыт Центральный парк культуры и отдыха. Общая площадь садов, скверов, бульваров города за 1935–1938 гг. выросла с 80 до 125,9 га, уличных газонов — с 22,2 до 73,4 га. На городской площади Коммунаров был разбит сквер, посажено 2 тыс. деревьев и 485 кустарников, благоустроены парк Дворца пионеров и бульвар на проспекте Ленина⁴⁹.

Докладная записка о работе Государственного треста зеленого хозяйства Наркомхоза РСФСР от 2 сентября 1938 г. акцентировала внимание на поднятом трестом и Наркоматом земледелия СССР вопросе о сосредоточении при наркомхозах «дела» выращивания древесно-декоративного и цветочно-семенного материала. Основным злом для автора записки представлялось «крайнее распыление этого дела и отсутствие центрального руководящего, планирующего и оперативного органа по зеленому хозяйству и строительству». Действительно, выращивание древесно-декоративного посадочного материала производилось одновременно несколькими ведомствами: трестом «Госзеленхоз», наркоматами земледелия, совхозов, лесной, тяжелой промышленности и путей сообщения, Управлением лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР, горкомхозами и др. Промышленным цветоводством и цветочным семеноводством занимались, помимо «Госзеленхоза», Московский, Тульский и Киевский тресты зеленого строительства, горкомхозы, Харьковский техникум зеленого строительства, наркоматы внутренних дел, пищевой промышленности, земледелия и путей сообщения, совхозы, колхозы, садово-винодельческие тресты и проч. По мнению руководителя треста, «многие из этих организаций занимаются явно не своим делом», выпуская нестандартный, дорогой и крайне ограниченный в ассортименте материал. Научно-исследовательская работа в области декоративного садоводства, в свое время начатая Академией коммунального хозяйства, была свернута, лаборатории закрыты, а сотрудники уволены. Селекционная работа по цветочно-

⁴⁸ См.: Броун А.А. Задачи озеленения городов // Социалист. город. 1935. № 3. С. 5–8.

⁴⁹ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г. Коммунальное хозяйство.

му семеноводству отсутствовала, поэтому материал выписывали из-за границы. Огромное и ценное хозяйство⁵⁰ эксплуатировались «из рук вон плохо»: учета, надзора и единого руководства не было.

Словом, зеленое хозяйство и строительство оставалось «без руля и ветрил». К примеру, в Ростове-на-Дону местный совет начал строительство большого ботанического сада, вложив в это 1,5–2 млн руб., но в этом же году сад закрыл и передал его садово-парковому управлению, который решил использовать его под парк. В Сталинграде местные организации в 1937 г. выбрали для парка культуры и отдыха место вдали от города, не связанное «никакими массовыми средствами передвижения». При этом они ограничились расходом 300 тыс. руб. на строительство забора, который «разрушается и растаскивается». В Майкопе городской сад наполовину был смыт рекой, а в Магнитогорске за год погибло более половины новых посадок. В итоге было выброшено на ветер более 500 тыс. руб. В Первоуральске все растения, на которые потратили более 0,5 млн руб., «были выломаны, вытоптаны и съедены козами». Судя по вырезкам из газет, «такое положение отмечается во многих городах»⁵¹.

Тем не менее в начале 1940 г. общая площадь зеленых насаждений в городах РСФСР достигла 72 тыс. га при общей площади всех городских земель почти 3 млн га. Города республики обслуживались 14 совхозами треста «Госзеленхоз». Запланированные капиталовложения в благоустройство городов РСФСР (без Москвы) на 1940 г. составили 15,25 млн руб, а в столице — 98,2 млн руб.⁵² То есть на практике осуществлялся план создания «зеленого рая» в отдельном городе. В целом же, несмотря на все усилия, города Советского Союза (особенно на национальных окраинах) весьма медленно приобретали «экологический» облик.

⁵⁰ Только города РСФСР имели около 600 тыс. га городских лесов и лесопарков и 17 тыс. га городских зеленых насаждений.

⁵¹ ГА РФ. Ф. А-469. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁵² Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 8.

Кладбища и крематории в системе коммунального хозяйства

А на кладбище так спокойненько
Среди верб, тополей и берез
Все культурненько, все пристойненько
И решен там квартирный вопрос.

*М. Ножкин. А на кладбище
все спокойненько*

Сразу укажем на прямую зависимость данного сектора коммунального хозяйства (особенно в первые послереволюционные годы) от политики Советской власти в отношении Русской православной церкви. После прихода большевиков к власти началась активная подготовка законодательства об отделении церкви от государства. Впрочем, отношения коммунистической власти и РПЦ на протяжении всей истории советского государства не исчерпывались конституционной формулой отделения. Политика монополюльно правившей партии по отношению к церкви была определена вождем мировой революции однозначно: «Мы должны бороться с религией»¹. В.И. Ленин и его соратники по партии были твердо убеждены в возможности покончить с церковью одним махом — путем лишения ее собственности. Уже декретом II Всероссийского съезда Советов о земле монастырские и церковные земли «со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями» переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Логическим продолжением политики десакрализации погребальной культуры стал декрет Совнаркома РСФСР от 7 декабря 1918 г.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 418.

«О кладбищах и похоронах», которым православная церковь и иные конфессии отстранялись от похоронных дел, а все кладбища, крематории и морги передавались в ведение местных советов. Упразднилось деление мест погребения и похорон на разряды, и отменялась оплата мест на кладбище. Смерть теперь именовалась «актом гражданского состояния», а погребение усопших разрешалось только при наличии удостоверения о регистрации смерти в местном отделе ЗАГС. Расходы на похороны оплачивались советами депутатов по месту смерти граждан, но похоронные религиозные обряды на кладбище совершались только за счет родственников и близких умершего. Все частные похоронные предприятия с их аппаратом подлежали передаче местным советам до 1 февраля 1919 г.

Впрочем, процесс муниципализации похоронного дела в стране Советов шел непросто. Например, в Новгороде вышеуказанный декрет стал воплощаться в жизнь сразу с конца декабря 1918 г., когда в ведение городского совдепа были приняты два частных похоронных бюро. Зато городские кладбища были переданы в ведение открытого еще в апреле 1918 г. Похоронного подотдела городского исполкома Совета депутатов только в феврале 1919 г. В июне этого года указанный подотдел был слит с отделом ЗАГС, но организационная перестройка не изменила удручающего состояния кладбищенского хозяйства. В мае 1920 г. на заседании 2-го Новгородского губернского съезда работников коммунального хозяйства констатировалось, что «кладбища оказались... в неисправности, дороги не расчищались, мостки поломаны, деревянные заборы требовали ремонта»².

Подобное положение кладбищенского хозяйства было скорее нормой, нежели исключением. Так, Похоронный подотдел уездно-городского отдела коммунального хозяйства Перми был создан только 23 ноября 1919 г., получив в ведение все городские кладбища, морги и похоронные бюро. Согласно докладу о деятельности отдела, зачитанному на заседании 1-го Пермского губернского съезда работников коммунального хозяйства в сентябре 1920 г., «к этому моменту кладбища находились в ужасном положении, так как на поверхности земли было сложено не похороненными свыше 200 трупов»³.

² ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 14. Л. 91об.

³ Там же. Д. 15. Л. 76об.

И это несмотря на то что части Красной армии вступили в Пермь еще 1 июля 1919 г. В Витебске Похоронный отдел был организован после введения декрета о муниципализации похоронного дела, проведенной лишь частично по отношению к еврейским кладбищам. «Отсутствие средств, людей и инициативы» не дали возможности распространить действие декрета на христианские кладбища. В итоге Похоронный отдел только в 1920 г. приступил к изъятию похоронного дела из частных рук⁴.

Опыт 1919–1920 гг. показал, что коммуналделами оказались не в состоянии справиться с захоронением граждан из-за отсутствия как специальных перевозочных средств, так и необходимых материалов. Кроме того, наблюдались случаи самостоятельной организации погребений отдельными группами населения из-за соображений религиозного характера. Тем более что введение новой экономической политики приравнивало частную продажу принадлежностей для похорон (гробов, саванов и т.п.) к обычной торговле. Это, в свою очередь, подтолкнуло Главное управление коммунального хозяйства к разработке декрета о демунципализации похоронного дела. Согласно проекту декрета, в исключительном ведении отделов коммунального хозяйства оставалось лишь заведование кладбищами. В свою очередь, кооперативам и частным гражданам предоставлялось право организации погребальных братств, похоронных бюро и магазинов по продаже принадлежностей для похорон⁵.

Но, конечно, коммунистическая власть не могла отдать на откуп частнику идеологическое сопровождение вопросов жизни и смерти. Новым, официальным погребальным обрядом стали «красные» похороны «жертв революции», начало которым было положено 10 ноября 1917 г. Формирование Красного пантеона в Москве первоначально ограничивалось братскими могилами погибших за Советскую власть. Постепенно пантеон дополнился Мавзолеем Ленина и 12 отдельными захоронениями за ним, колумбарием в Кремлевской стене и могилой Неизвестного солдата. Но при этом похороны стали разновидностью бытовых услуг только с принятием 10 февраля 1977 г. Санитарных

⁴ Там же. Д. 43. Л. 18, 20.

⁵ Хроника центра // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1921. № 1. С. 87.

норм и правил устройства и содержания кладбищ, централизовавших систему похоронного обслуживания⁶.

Что касается крематориев, то показательно, что первый кремационный центр в Советской России пытались организовать в 1919 г. в митрополичьем саду Александро-Невской лавры в Петрограде, но проект так и не был реализован. Мысль о постройке крематория возникла вновь в связи с высокой смертностью от голода и эпидемий и полным упадком кладбищенского хозяйства, в частности с закрытием в 1920 г. двух кладбищ — Александро-Невской лавры и Чесменского. В Москве и Петрограде даже были созданы специальные комиссии для постройки крематориев. Но ограничились бывшей столицей, где начали строить временный крематорий, открытый 14 декабря 1920 г. в здании бань на 14-й линии Василеостровского района. Правда, первая отечественная кремационная печь «Металлург», созданная в марте — октябре 1920 г. профессором В.Н. Липиным, проработала только до 21 февраля 1921 г. После всего 379 сожжений она была остановлена из-за отсутствия топлива. Тогда как начавшиеся в 1920 г. в Москве работы по сооружению крематория на ипподроме в здании электрической станции остановились на стадии фундамента «в силу отрезанности от Запада». А местная инициатива носила скорее чрезвычайный характер. Например, к массовой (1200 человек) кремации умерших от голода были вынуждены прибегнуть жители уральского Белорецка, использовав для сжигания тел переделанную Гофманскую печь для обжига кирпичей⁷.

Для сравнения: первый крематорий в мире появился в Милане в 1876 г., затем в 1878 г. — в Германии, в 1885 г. — в Англии и США, в 1887 г. — в Швеции, в 1889 г. — во Франции и Швейцарии, в 1893 г. — в Дании, в 1902 г. — в Канаде, в 1903 г. — в Австралии, в 1907 г. — в Норвегии, в 1913 г. — в Нидерландах, в 1918 г. — в Чехословакии, в 1922 г. — в Австрии, Аргентине, Бразилии, Испании, Мексике, Чили

⁶ Сазанов А. Похоронное дело в России: История и современность. СПб.: Роза мира, 2001. С. 27, 36.

⁷ Алексеев К. Кремация и оздоровление городов // Коммунал. хоз-во. 1922. № 8–9. С. 17; Бартель Г. О введении кремации в городах СССР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 2. С. 31; Сазанов А. Похоронное дело в России... С. 60–64.

и Португалии. Хотя в России был опыт массового сжигания умерших от чумы в Ветлянке еще в 1876 г., пропаганда кремации началась только в конце 1880-х годов. Впрочем, до революции идея кремации наткнулась на жесткое сопротивление Синода⁸.

В 1923 г. по инициативе известного специалиста по кремации Гвидо Бартеля⁹ при поддержке наркома здравоохранения Н.А. Семашко¹⁰ была создана группа по пропаганде кремации, а сам Бартель направлен в Германию и Австрию для изучения этого дела. В октябре 1924 г. Государственным институтом социальной гигиены Наркомата здравоохранения в Москве была организована кремационная выставка, которую за 9 месяцев посетили 40 тыс. человек. Правда, основной контингент посетителей дали бесплатные экскурсии по воскресным дням, устраиваемые МГСПС и Главполитпросветом¹¹.

Наконец, в 1926 г. в столице было начато устройство крематория, открытого на Даниловском кладбище Донского монастыря в следующем году. Под крематорий было приспособлено бывшее церковное здание, а печи и приспособления доставлены из-за границы. Введение «огненного погребения» расценивалось как «культурнейшее оружие в руках нашего государства в борьбе с вековыми предрассудками, суевериями, косностью широких масс населения». Хотя в московском крематории в 1927 г. было сожжено всего 158 человек¹², эти цифры расценивались «для начала деятельности первого русского крематория блестящими». На очереди стояло устройство крематория на

⁸ Бартель Г. О введении кремации в СССР // Там же. 1925. № 15–16. С. 28.

⁹ Бартель Гвидо Габриэлевич (Гаврилович) (1885, Одесса — 1942) — специалист в области кремации. Осенью 1941 г. отправлен как немец в казахстанскую ссылку, в 1942 г. арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

¹⁰ Семашко Николай Александрович (8(20).09.1874, с. Ливенское Елецкого уезда Орловской губернии — 18.05.1949, Москва) — советский партийный и государственный деятель, один из организаторов системы здравоохранения в СССР. В 1918–1930 гг. — нарком здравоохранения РСФСР.

¹¹ Бартель Г. О введении кремации в СССР. С. 29–30.

¹² В октябре был сожжено 34 взрослых и 2 ребенка, в ноябре — 46 и 3, в декабре — 64 и 9 соответственно. Кроме того, в период строительства крематория (с 1 января по 7 октября 1927 г.) были кремированы, согласно завещанию, еще 15 человек.

территории митрополичьего сада в Александро-Невской лавре в Ленинграде, а в перспективе — «задача насаждения кремации и в других крупных центрах». В частности, предполагалось построить крематории на Кирилло-Мефодиевском кладбище в Харькове и в Ростове-на-Дону. В Тифлисе сооружение крематория было даже включено в пятилетний перспективный план строительства¹³. Но новый крематорий в Ленинграде был открыт только в 1973 г. Да и в целом «география» крематориев до войны ограничилась Москвой и Ленинградом, и только в 1983 г. список городов, имевших крематорий, пополнился Свердловском.

Еще перед открытием московского крематория высказывались сомнения относительно его пропускной способности. Действительно, если смертность в Москве в среднем составляла 27 тыс. человек в год, пропускная способность открывавшегося крематория не превышала 6,5 тыс. человек в год. Даже при допущении, что «огненное погребение» распространится на 50% умерших, очевидной была необходимость строительства в ближайшее время еще одного крематория¹⁴. Но второй крематорий открылся на Николо-Архангельском кладбище лишь спустя 45 лет. В 1985 г. крематорий появился на Митинском кладбище, а через 3 года — на Хованском.

Впрочем, количество сожжений в единственном до войны московском крематории росло из года в год. Так, в 1927/1928 хоз. году было 3162 сожжений, в 1928/1929-м — 5001, в 1929/1930-м — 6010. Однако в 1928 г. удельный вес подвергшихся кремации среди всех умерших в столице составил всего 14,5%. И самое главное: 70% прошедших через крематорий составляли «административно сожженные»: мертворожденные, после судебных медицинских вскрытий, выкидыши, безродные и т.п. Не спешили предаться «огненному погребению» даже коммунисты: удельный вес членов ВКП(б), кремированных в московском крематории в 1928 г., составил менее четверти всех сожжений.

¹³ *Бартель Г.* О введении кремации в городах СССР. С. 32; *Его же.* Обзор деятельности по кремации за 1927 год // Коммунал. хоз-во. 1928. № 5. С. 8; *Веселовский Б.* Некоторые итоги и ближайшие задачи // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 1. С. 12; Коммунальные предприятия // Там же. 1926. № 21–22. С. 100–101.

¹⁴ Хроника коммунальной жизни // Там же. 1927. № 7. С. 92.

Даже в 1931 г. Москва, как уже отмечалось, оставалась единственным городом в СССР с крематорием. Хотя с пуском последнего в Москву стали «совершать паломничество» отдельные представители крупных городов Союза (Тулы, Харькова, Ростова-на-Дону, Свердловска и др.), дальше намерений дело так и не пошло¹⁵.

Не в лучшем состоянии находилось перед войной и кладбищенское хозяйство. Архивные документы позволяют увидеть, что в 1939 г. «кладбища, в культурном содержании которых заинтересованы миллионы населения, во многих городах, не говоря уже о селах и деревнях... загажены, не благоустроены, чем вызывают справедливое недовольство трудящихся». Впрочем, речь шла не столько приведении кладбищ в порядок, сколько о возможности разбить на занятом ими месте сады и парки. Подобные планы руководством Наркомата коммунального хозяйства РСФСР считались не только «практически целесообразными», но и «политически необходимыми»¹⁶. На пересечении идеологии и прагматики рождалось новое, далекое от православной традиции отношение к смерти. Однако нет оснований считать ликвидацию захоронений в городской черте и пропаганду кремации только проявлением атеистической политики коммунистической власти. Эти меры, помимо удара по Русской православной церкви и другим религиозным конфессиям, диктовались нехваткой площадей под застройку и задачей придания советским городам современного облика.

¹⁵ *Бартель Г.* Работа Московского крематория // Коммунал. хоз-во. 1929. № 19–20. С. 34; *Колесников Ф.* Огненное погребение (к постройке второго крематория в Москве) // Коммунал. работник. 1931. № 9. С. 17.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-469. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

Глава 7

Городское гостиничное хозяйство 1920–1930-х годов

Гостиницы больше значат в народном быту, чем вы думаете: они выражают общие требования, общие привычки.

Федор Сологуб

Если рассматривать городскую повседневность как «взаимодействие между городской средой и городским населением с целью удовлетворения его разноуровневых потребностей»¹, то гостиничное хозяйство предстает важным элементом городской инфраструктуры и показателем обустроенности социального пространства города. При этом, согласно отраслевой специализации², гостиничное хозяйство (кроме курортных и туристических зон) относится к «градообслуживающим» отраслям.

История отечественных гостиниц своими корнями уходит в XIX столетие. Например, в Москве уже в 1818 г. существовало семь гостиниц, не считая постоянных дворов и трактиров с номерами. Перед Первой мировой войной в городе было, по разным данным, около 240–250 гостиниц, меблированных комнат и подворий. В свою очередь, в столичном Петербурге в начале XX в. функционировали 325 гостиниц. В 1910 г. в империи, помимо постоянных дворов и номе-

¹ См.: *Косякова Е.И.* Городская повседневность Новониколаевска — Новосибирска в конце 1919 — первой половине 1941 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 22 с.

² *Александрсон Г.* Экономическая структура городов США. М.: Инстр. лит., 1959. С. 17, 29; *Мерлен П.* Город. Количественные методы изучения. М.: Прогресс, 1977. С. 29–31.

ров при трактирах, насчитывалось 4685 гостиниц³. При этом все они принадлежали частным лицам. Появлению городских (муниципальных гостиниц) Россия была обязана большевикам.

Начавшаяся мировая война приостановила развитие гостиничного хозяйства как в столицах, так и на периферии. Более того, перед 1917 г. гостиничное хозяйство пришло в полное запустение. Для новой власти выходом из создавшегося положения виделась национализация гостиниц (в основном небольших) и передача их в ведение местных органов власти. Впрочем, получив в наследство от старого режима полуразрушенные гостиницы, советская власть внесла свой вклад в разрушение «индустрии гостеприимства». За годы революции, мировой и Гражданской войн гостиничное хозяйство РСФСР превратилось в «полуразвалины». Часть гостиниц закрылась, другие (в том числе «Метрополь») в силу нехватки жилья были преобразованы в жилые дома. Наиболее оборудованные и крупнейшие из столичных гостиниц стали общежитиями или были переданы различным учреждениям. Некоторые гостиницы были преобразованы в дома советов и дома союзов — своеобразные «общежития» для советских руководящих кадров. Например, «Астория», до октября 1917 г. называвшаяся Петроградской военной гостиницей, в сентябре 1918 г. была переименована в «1-й дом Петроградского Совета»⁴. С осени 1918 г. домом Советов стал и отель «Англетер»⁵. Гостиница «Европейская» в 1919 г. перешла в ведение Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства, а в помещении ресторана «Крыша» до начала нэпа были расселены беспризорники. В московской гостинице «Националь» сначала разместилось советское правительство, а после его переезда в Кремль гостиница была переименована в Первый Дом Советов⁶. Схожей была судьба гостиниц в регионах. К примеру, в здании влади-

³ *Василевский Н.* Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень // Социалист. город. 1937. № 1. С. 14.

⁴ Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. 11 сент.

⁵ С 1919 до октября 1925 г. гостиница называлась «Интернациональ», после чего вернула старое название.

⁶ История гостиниц Москвы [Электронный ресурс] // HotelsMoscow.ru: сайт. URL: <http://www.hotelsmoscow.ru/hotelhistory.htm>.

востокской гостиницы «Версаль» весной 1920 г. работал военный совет Приморской области⁷. Из имевшихся в Саратове до революции 15 гостиниц 13 впоследствии были упразднены и использованы под общежития и квартиры для начальствующего состава Красной армии и артистов⁸.

В Москве в годы Гражданской войны гостиничные вывески сохранились только на строениях, «которые не представляли почти никакой ценности», т.е. гостиницами оставались лишь «третьеразрядные, запущенные, загрязненные» и не имевшие удобств «меблирашки». При этом из 112 столичных гостиниц 96 требовали капитального восстановления. Еще хуже было положение с мебелью, бельем и хозяйственными принадлежностями⁹. Вспомним по этому поводу стихотворение Владимира Набокова «Номер в гостинице» (1919):

Не то кровать, не то скамья.
Угрюмо-желтые обои.
Два стула. Зеркало кривое.
Мы входим — я и тень моя.

Основная масса приезжих в эти годы размещалась, как правило, по частным квартирам, так как Гражданская война почти разрушила городское гостиничное хозяйство. К примеру, в Екатеринодаре к 1920 г. осталось всего четыре гостиницы, чья деятельность носила скорее социальный, нежели коммерческий характер. Подобная практика хозяйства вполне укладывалась в идеологию уничтожения рыночных отношений. Из доклада о финансировании коммунального хозяйства Кубано-Черноморской области в 1920 г. видно, что превышение доходов ЖКХ (в том числе гостиничного хозяйства) над расходами не должно было составлять более 10% бюджета предприятий, чтобы «не превращать коммунальные предприятия в аппарат для выкачивания

⁷ Марков В.М. Здравствуй, Владивосток [Электронный ресурс]: путеводитель-справ. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1988. 240 с. URL: http://www.primkrau.ru/index.php?a=info&rid=v1_b5_1&text.htm.

⁸ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 111.

⁹ Цивцивадзе И. Восстановление гостиничного хозяйства Москвы // Коммунал. хоз-во. 1924. № 22. С. 22; *Ее же*. О московских гостиницах // Там же. 1925. № 23. С. 57.

денег у населения»¹⁰. Кроме того, сложилась практика дотирования региональных коммунальных органов из центрального бюджета, хотя эти дотации больше напоминали милостыню: с января 1918 г. по июнь 1919 г. Особым совещанием отдела местного хозяйства НКВД местным советам на ремонт гостиниц была выдана лишь одна ссуда в размере 5 тыс. руб. Для сравнения: за это время на ремонт кинотеатров было выделено в 2 раза больше средств¹¹.

Если 1920-е годы демонстрировали масштабное гостиничное строительство в странах Запада, то судьба разрушенного гостиничного комплекса РСФСР/СССР в эти годы была непростой. С одной стороны, уже осенью 1921 г. в Москве открылись «Гранд-отель» на площади Революции, «Савой» на Рождественке и «Европа» на Неглинной улице. С другой стороны, общее оживление гостиничного хозяйства страны началось только в 1923–1924 гг., а сколько-нибудь существенное его развитие было связано с проведением в 1927/1928 хоз. году кампании по планировке городов РСФСР¹².

Отчасти реанимация гостиничного хозяйства в годы нэпа была связана с частным интересом — возрождением частных гостиниц и постоянных дворов¹³. Активно вовлекались в гостиничный бизнес и «красные купцы». Например, весной 1923 г. бывший заведующий подотделом Новониколаевского губернского коммунального отдела, воспользовавшись старыми связями, открыл в арендованном доме меблированные номера¹⁴.

Но анализ опубликованных в органе тюменского губкома РКП(б) и губисполкома — газете «Трудовой набат» — в начале 1920-х годов объявлений позволяет уловить основные негативные тенденции в развитии гостиничной сферы начального периода нэпа. В частно-

¹⁰ Цит. по: Волков Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 49.

¹¹ Кириллов И. Коммунальное хозяйство и война // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 34–35.

¹² Колдомасов Б.И., Верещаковский И.И. Коммунальное хозяйство на высшую ступень / под общ. ред. Я.В. Полуяна. М.: Сов. законодательство, 1931. С. 58.

¹³ Метелев А. Ремонт городов // Правда. 1921. № 168. 2 авг. С. 1.

¹⁴ Буденный Н. Сучки и задоринки // Коммунал. работник. 1923. № 5 (89). С. 5–6.

сти, пресса обращала внимание на то, что во всех гостиницах города можно было встретить подростков, игравших в бильярд. Особенно в этом отношении отличался отель «Пале Рояль», где азартные игры в бильярд и пьянство доходили до «высшей точки», а «свежий человек» в этой гостинице чувствовал себя, «как в каком-то притоне». В ноябре 1922 г. содержатель этой гостиницы был оштрафован милицией на 300 млн руб. за торговлю самогонкой на местном рынке. А в феврале 1924 г. пресса опять раздула скандал вокруг этой гостиницы, где процветала «обираловка, иначе говоря — бильярдная», атмосфера которой описывалась в весьма мрачных тонах: «Душно в воздухе, хоть топор повесь. От матерщины скиснут уши даже у рыночной торговки... я видел картину самого наглого, самого беспощадного обыгрывания публики опытными “жуликами” — бильярдных дел мастерами». Впрочем, объектом критики была не только эта гостиница. Как «зарвавшийся нэпман» был охарактеризован и содержатель гостиницы «Гранд де Пари»¹⁵.

Тем не менее гостиничное хозяйство пусть медленно, но втягивалось в рыночные отношения. Поэтому в 1920-е годы представители разных социальных слоев могли выбрать гостиницы и номера, существенно отличавшиеся по уровню обслуживания. В ряде городов имелись даже ночлежные дома для безработных. Состояние коммунального гостиничного фонда РСФСР в середине 1920-х годов характеризуют данные табл. 7.1¹⁶.

Как мы видим, 109 гостиниц в 60 городах РСФСР за этот хозяйственный год приняли всего 57,2% от их расчетной пропускной способности. Их доходная часть была меньше расходной более чем на 457 тыс. руб., т.е. говорить о рентабельности гостиничного хозяйства республики не приходилось. При почти равном числе гостиниц в губернских, областных и республиканских центрах (55) и прочих городах (54) крупные города демонстрировали несколько большую эффективность в использовании номеров, нежели другие населенные пункты.

¹⁵ Азартный притон надо прикрыть // Трудовой набат. 1924. 9 февр. С. 3; Еще раз о «Пале Рояль» // Там же. 1922. 29 нояб. С. 3; За торговлю самогонкой // Там же. 10 нояб. С. 3; Зарвавшийся нэпман // Там же. 24 нояб. С. 3; Нэповские прелести и дети // Там же. 29 нояб. С. 3.

¹⁶ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. С. 325.

Таблица 7.1
Коммунальные гостиницы РСФСР в 1925/1926 хозяйственном году

Группы городов	Число городов	В них гостиниц	Расчетная пропускная способность гостиниц в год, койко-дней	Фактически пропущено посетителей в отчетном году, %	Доходы		Расходы						
					всего	зарплата	топливо	освещение, и т.п.	хозяйственные расходы	ремонт	в том числе		
											топливо	освещение, и т.п.	
С числом жителей	4	4	10 480	54,6	5592	2342	449	514	1162	732			
До 5 тыс. человек													
От 5 до 10 тыс. человек	9	11	29 734	37,3	20 965	6712	2191	1901	3466	5807			
10–20	8	8	115 150	41,1	53 920	11 150	3214	2394	22 159	6193			
20–50	14	25	405 645	41,9	290 190	56 556	13 522	12 027	109 460	36 541			
50–100	13	26	299 498	61,5	538 329	125 022	59 099	38 483	73 465	95 741			
Свыше 100 тыс. человек (без Москвы и Ленинграда)	12	35	545 145	70,7	1 040 667	252 825	49 549	76 246	328 813	94 940			
Всего	60	109	1 405 652	57,2	1 949 663	454 607	128 024	131 565	538 525	239 954			
Губернские (областные, республиканские) города	21	55	785 264	58,5	1 366 565	320 731	72 677	97 043	367 043	169 358			
Прочие города	39	54	620 388	55,5	583 098	133 876	55 347	34 522	171 482	70 596			

Но при этом — бóльшую разницу между доходами и расходами гостиничного хозяйства.

Кроме того, в годы нэпа значительная часть гостиниц продолжала использоваться не по назначению. К примеру, в Петрограде/Ленинграде в гостинице «Октябрьская» располагалось Городское общежитие пролетариата (ГОП), куда свозили беспризорников, по аббревиатуре приюта поименованных «гопниками»¹⁷. Продолжала использоваться под жилье руководителей города и губернии ленинградская гостиница «Астория»¹⁸. В «Европейской», в 1920–1924 гг. называвшейся Домом советских служащих, проживали петроградские чиновники. В начале 1922 г. Петроградский губернский отдел коммунального хозяйства начал восстановление обветшавшей гостиницы, но не довел его до конца. Не располагая средствами, он перевел убыточную гостиницу на самоокупаемость, фактически бросив ее на произвол рынка. После того как в 1924 г. гостиница вошла в подчинение Треста коммунальных гостиниц, со следующего года она, наконец, стала приносить прибыль, львиная доля которой тратилась на ремонт имущества и инвентаря. Но при этом «старое белье и полубитые сервизы» не соответствовали ее первоклассному разряду, а гостиничные номера заполнялись проститутками, сутенерами, подпольными миллионерами и соглядатаями. В районе «Европейской» «буквально шагу нельзя пройти, чтобы не натолкнуться на “личность”, предлагающую или покупающую валюту»¹⁹. Реставрационные работы в гостинице продолжились только после ее вхождения в 1933 г. в реорганизованное ВАО «Интурист». По воспоминаниям старожилов Севастополя, в здании гостиницы «Гранд-отель» в 1920-е годы размещались санаторий и Дворец труда. В 1920–1930-е годы в Кисловодске на базе

¹⁷ Гопники [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гопники>.

¹⁸ *Краснова Е.И., Семенов С.В.* Исторические гостиницы: «Астория» и «Англетер» [Электронный ресурс] // Allcafe: сайт. URL: <http://www.allcafe.ru/readingroom/history/181>.

¹⁹ *Богданов И.* Бренд / Европейский опыт // Изд. дом «Top Manager». URL: <http://www.top-manager.ru/?a=1&id=173>; *Он же.* Старейшие гостиницы Петербурга. С. 88, 92, 97, 99; Красная га. 1922. 22 нояб.; *Шерих Д.* 1924. Из Петрограда — в Ленинград. М.: Центрполиграф; СПб.: ООО «Мим-Дельта», 2004. С. 93.

реконструированных зданий пансионатов и гостиниц было организовано 22 санатория²⁰. В здании владивостокской гостиницы «Золотой Рог» в 1924 г. проходили спектакли Государственного академического Малого театра²¹.

В ряде случаев старые гостиницы сохранялись, хотя уровень обслуживания в них оставлял желать лучшего. Так, в Перми в 1925–1930 гг. некогда элитные «Королевские номера» были превращены в гостиницу коммунального хозяйства²². В гостинице «Англетер», в 1926 г. вошедшей в состав образованного Треста гостиниц, в 1928 г. протекала крыша, не работали вентиляция, лифт и электрические звонки. Арендованный частником в отеле буфет был признан самым грязным в городе²³.

Главным вектором коммунальной политики в 1920-е годы стало восстановление гостиничного хозяйства Москвы, которое за предыдущие годы превратилось в «полуразвалины»²⁴. С переходом к нэпу за оставшиеся в столице гостиницы «зубами ухватилось» Кооперативное трудовое товарищество, превратившее их, по мнению столичных коммунальщиков, «в очаги разврата и преступлений». Товарищество сделало необходимый ремонт помещений лишь на четверть, а с ремонтом инвентаря дело обстояло еще хуже — было выполнено лишь 7% неотложных ремонтных работ. И это притом, что более половины мебели находилось «в плачевном состоянии». Ремонт чаще всего делался для показухи: ремонтировались только парадные входы, вестибюли и коридоры. Ремонт мебели отличался «грубостью и топорностью сделанных исправлений». Городская комиссия обнаружила многочисленные нарушения пунктов договора: сдачу в аренду площадей под торговые помещения, склады и конторы; использование в качестве номеров служебных помещений; антисанитарное состояние номеров и т.п. Так как в большинстве этих гостиниц проживали советские и партийные работники, решением Моссовета в январе

²⁰ Пятница: агентство путешествий: сайт. URL: <http://www.5day.ru>.

²¹ *Марков В.М.* Здравствуй, Владивосток.

²² См.: *Висимская Я.* Скандал с Карлом Марксом // Перм. телеграф. 1991. № 4.

²³ *Богданов И.А.* Старейшие гостиницы Петербурга. С. 221, 226, 230–231, 234.

²⁴ *Шестаков С.С.* О развитии строительства в Москве в связи с жилищным кризисом // Коммунал. хоз-во. 1926. № 1. С. 64–65.

1923 г. «кооперативно-спекулятивная братия» была ликвидирована. Гостиницы, по определению современников, представлявшие собой «рожки и ножки, да и то ободранные, растрепанные и загрязненные», передавались образованной при Московском управлении недвижимых имуществ (МУНИ) особой Коллегии, преобразованной впоследствии в Управление московскими гостиницами (УМГ)²⁵.

Но из 105 гостиниц, перешедших в ведение Моссовета, 80% требовали «солидного ремонта». В «плачевном состоянии» гостиницы находились и с точки зрения сервиса: во многих почти не было белья и постельных принадлежностей. Менее трети комнат сдавались посуточно, а остальные были заняты постоянными жильцами, в том числе администрацией и обслуживающим персоналом. Половину постоянных жильцов составляли рабочие, служащие, безработные и другие категории социально обеспечиваемых граждан, плативших по минимальному тарифу или вообще не плативших за проживание²⁶. В общем, говорить о доходности столичного гостиничного хозяйства не приходилось. Дело осложнялось и «двоевластием» в сфере управления гостиницами: хотя формально УМГ было подчинено МУНИ, фактически Управление находилось в ведении президиума Моссовета.

УМГ сразу отобрало 38 хорошо оборудованных гостиниц с 2119 комнатами, из которых эксплуатировалась 1971. При отсутствии значительного наплыва приезжих руководство коммунальным хозяйством столицы посчитало это число достаточным. Остальные же гостиницы предполагалось сдать частникам в аренду с торгов, предварительно выселив из них постоянных жильцов²⁷. Кроме того, для приезжих, помимо двух общедоступных ночлежных домов, УМГ в начале 1923 г. выделило 21 гостиницу около вокзалов столицы²⁸. На ремонт (нередко полностью восстановительный) в 1924 г. УМГ пришлось

²⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 688. Л. 33об., 43–34об.; *Цивцивадзе И.* Восстановление гостиничного хозяйства Москвы. С. 23; Московские гостиницы // Коммунал. хоз-во. 1925. № 17. С. 67.

²⁶ *И.Ц.* К вопросу о Московских гостиницах (Справки для тов. Ларина) // Там же. 1923. № 4. С. 8.

²⁷ Московские гостиницы // Там же. № 6. С. 25; Московские гостиницы // Там же. 1925. № 17. С. 67.

²⁸ Гостиницы для приезжающих // Там же. 1923. № 4. С. 22–23.

взять в Городском банке кредит на 1,5 млн руб., что позволило в 15 гостиницах произвести капитальный ремонт, а в 18 — средний. Все отремонтированные гостиницы почти полностью были укомплектованы мебелью, бельем и хозяйственными принадлежностями. Как писала коммунальная пресса, гостиницы превратились в «благоустроенное и культурное учреждение»²⁹, пусть и несколько дорогостоящее, так как затраты на благоустройство столичного гостиничного фонда перекладывались на проживающих.

Однако уже в 1925 г. в прессе появились указания на «зияющий пробел» в гостиничном деле: несмотря на быстрый рост потока гостей столицы, «все сливки московских гостиниц» были распылены по различным организациям и учреждениям³⁰. Действительно, к началу 1926 г. в столице имелось: 38 гостиниц Моссовета, два общежития Центросоюза и Дома крестьянина и пять частных меблированных комнат. Причем из этих 45 заведений ранее гостиницами были только «Европа» и «Большая Московская», остальные в прежние годы были всего лишь меблированными комнатами³¹. Впрочем, повышение их статуса до уровня гостиниц мало что изменило в их облике. В итоге оставшимся на плаву гостиницам приходилось отказывать посетителям из-за перегруженности номеров или использовать для размещения постояльцев ваннные комнаты и подсобные помещения.

В декабре 1927 г. УМГ подняло перед Моссоветом вопрос о ликвидации частных гостиниц, которые представлялись чиновникам «очагами проституции», и использовании их помещений. Тут и выяснилось, что МУНИ даже не имело точных сведений о числе частных гостиниц. В итоге в мае 1928 г. Административная подсекция Моссовета обязала МУНИ передать в ближайшее время УМГ всего две частные гостиницы. Что касается остальных, то постановление относилось к ликвидации частных гостиниц на перспективу³².

²⁹ *Цивцивадзе И.* Восстановление гостиничного хозяйства Москвы. С. 23; *Ее же.* О московских гостиницах. С. 57; О московских гостиницах // Коммунал. хоз-во. 1924. № 7. С. 32.

³⁰ *Цивцивадзе И.* О московских гостиницах. С. 59.

³¹ *Шестаков С.С.* О развитии строительства в Москве... С. 64.

³² Пленум Административной п/секции 12 мая // Коммунал. хоз-во. 1928. № 13–14. С. 122–123.

В 1928 г. Управление сосредоточилось на обеспечении гостиниц мебелью. В результате не удалось в полной мере обеспечить мебелью только гостиницы 3-го разряда. Правда, в погоне за «звездностью» руководство гостиниц покупало не целые мебельные гарнитуры, а отдельные предметы, в силу чего в номерах образовывалась «смешанная обстановка». В частности, администрация «Гранд-отеля» без ведома УМГ закупила дорогостоящие музейные вещи — гобелены и картины. Стильную мебель и предметы роскоши приобрел и «Дом Востока». Тогда как на ремонт гостиницы «Урал», находившейся в «очень скверном состоянии», была отпущена всего 1 тыс. руб. Меблировка в гостиницах 2-го и 3-го разрядов оставалась «не на должной высоте». Гостиницы 3-го разряда, где останавливались рабочие и мелкие служащие, грязью и холодом напоминали меблированные комнаты старого образца³³. То есть Управление почти все внимание уделяло внеэкономическим гостиницам, а остальные (особенно третьеразрядные) находились в положении «пасынков».

Обслуживание, как и ранее, оставалось на довольно низком уровне. Не были изжиты кражи, иногда «наглого характера», когда из номеров выносили все, кроме мебели. Несмотря на принимавшиеся меры, сохранялся «старый бич» — проституция. Причем в ряде случаев в организацию «сексуального бизнеса» были вовлечены работники гостиниц. Во многих гостиницах «крысы фирменным образом» объедали жильцов.

Выход из сложившегося в гостиничном хозяйстве столицы критического положения был найден в расторжении договоров с частными арендаторами и создании отдельного гостиничного треста. Впрочем, деятельность последнего складывалась непросто. Так, проверка его работы выявила громоздкость структуры управления, слабую квалификацию сотрудников и высокую текучесть кадров. И при этом зачастую небольшие гостиницы находились «на ответственности швейцаров и дворников»³⁴. Тем не менее острый кризис заставил трест вести работу по увеличению гостиничной площади в двух направлениях: вернуть в гостиничный фонд гостиницы, занятые общежитиями,

³³ Пленум секции 23 октября // Коммунал. хоз-во. 1928. № 21–22. С. 151–152.

³⁴ Проверка работы аппарата треста «Московские гостиницы» // Там же. 1930. № 11–12. С. 30–31.

и построить новые гостиницы. Но в первом случае дело ограничилось возвращением в гостиничный фонд только «Метрополя», а во втором обнаружилось ограничения, связанные с первоочередными приоритетами развития отраслей группы «А». В итоге за 2 года хозяйственной деятельности треста общее количество гостиниц осталось без изменения. Более того, трестирование гостиничного комплекса привело к сокращению числа действовавших гостиниц (и соответственно номеров). Если в 1930 г. функционировали 32 гостиницы (2287 номеров), то к июлю 1931 г. их численность сократилась до 28 с 1709 номерами (при этом 635 номеров были заняты постоянно проживавшими жильцами)³⁵. За исключением немногих благоустроенных гостиниц, в распоряжении треста был целый ряд мелких объектов (в 30–50 номеров), лишенных «примитивных удобств вроде вестибюля, гардероба, а также нормального санитарно-технического оборудования — света, вентиляции, душа, ванн и пр.». Эксплуатация таких объектов была нерентабельной, и реконструкции они поддавались слабо³⁶.

В худшем состоянии (как по количественным, так и по качественным параметрам) находилось гостиничное хозяйство Московской области. Из 31 обследованного в 1928 г. города гостиницы (и то только по одной) находились лишь в пяти: в Егорьевске — с 11 номерами по 20 коек, в Кашире — с 8 номерами, в Ленинске — с 18 номерами и в Сергиевом Посаде — с 12 номерами. О гостинице в Орехово-Зуеве сведений не имелось³⁷.

Свертывание нэпа совпало с выходом промышленности на довоенные показатели. Но «сфера гостеприимства» отставала как по темпам восстановления отрасли, так и в сравнении с довоенными показателями. «Военная угроза» 1927 г., подтолкнувшая рост военных расходов СССР, и Великая депрессия 1929–1933 гг. существенно скорректировали пятилетние планы в сторону развития оборонных отраслей и тяжелого машиностроения. Техническое состояние

³⁵ МОКХ на 1931 г. // Там же. С. 14–20; Проверка работы аппарата треста «Московские гостиницы». С. 29; Тихвинский В. О гостиничном хозяйстве страны // Коммунал. хоз-во. 1931. № 17–18. С. 43.

³⁶ Меллер В.А. Москва строит гостиницы-гиганты // Там же. № 21–22. С. 34.

³⁷ Краткие сведения о состоянии коммунального хозяйства в городах Московской губернии // Там же. 1928. № 6. С. 40–44.

гостиниц к концу 1920-х годов расценивалось как «совершенно неудовлетворительное». Во многих из них («Европе», «Доме Востока», «Крыму», «Центральной» и др.), где капитального ремонта не было с 1926 г., текли крыши, просели перегородки, появились щели в стенах и т.п. Санитарное состояние гостиниц и обслуживание в них также оставляло «желать много лучшего». Нередко приезжие были вынуждены готовить пищу и стирать белье прямо в номерах³⁸.

Опыт Москвы и Московской области, при ряде особенностей, являлся типичным для 1920-х годов и отражал общий тренд гостиничной политики. В частности, не удалось наладить даже учет гостиничного хозяйства. Хотя циркуляр НКВД об инвентаризации коммунальных зданий и имуществ был издан в августе 1926 г., некоторые местные коммунальные органы и советы в 1928 г. даже не приступили к этой работе. Наоборот, в Перми кинулись в другую крайность: инвентаризовали даже дверные ручки и шпингалеты, что не только затягивало работу, но и существенно ее удорожало. В Ярославле полезной площадью гостиниц считали только ту, по которой можно было свободно ходить. Поэтому площадь, занятая ванными, не учитывалась³⁹. Понятно, что такой статистике доверять можно было с большой осторожностью.

Несмотря на то что с завершением нэпа окончательно перестал существовать частный гостиничный сектор, в первой половине 1930-х годов состояние основной массы гостиниц мало изменилось. Как свидетельствуют документы, начало 1930-х годов было отмечено снижением расходов на развитие коммунального хозяйства. Например, план Главного управления коммунального хозяйства по жилищному и коммунальному строительству на 1931 г. был снижен Госпланом РСФСР на 47%. Раздел о гостиницах в этом плане отсутствовал⁴⁰.

Новым этапом в развитии гостиничного хозяйства столицы и страны в целом стал конец первой пятилетки. Постановление ЭКОСО от 14 февраля 1932 г. «Об установлении лимитов для капитального строительства (сверхлимитного и ниже лимитного) в жилищно-ком-

мунальной сфере» распространяло эти лимиты на дома отдыха, общежития и гостиницы с числом проживавших свыше 600 человек. То есть для таких учреждений вместимостью до 600 человек все строительные планы утверждались местными исполкомами, а свыше 600 — соответствующими наркоматами. Для вводимых с 1932 г. в ряде регионов лимитов устанавливались коэффициенты применения: 1,5 — для Москвы и Ленинграда, 0,7 — для Якутской, Бурят-Монгольской и Дагестанской АССР и Каракалпакской автономной области⁴¹.

Но, как и в предыдущие годы, основное внимание было обращено на развитие гостиничного хозяйства столицы. Если верить устной традиции, проект здания престижной гостиницы «Москва», распахнувшей свои двери 20 декабря 1934 г., был подан на утверждение лично И.В. Сталину. На рисунке фасад здания был разделен вертикальной чертой, и Сталин должен был выбрать, какая часть ему нравится больше — левая или правая. Так как вождь написал одобрительную резолюцию посередине рисунка, то у гостиницы появились знаменитые асимметричные башни. Расположенная напротив Большого театра гостиница «Метрополь» («Вавилонская башня XX века»), превращенная большевиками во «второй Дом Советов», спустя годы вернула себе статус отеля высшего разряда. Неслучайно Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» по меньшей мере дважды упоминает ее: Берлиоз подчеркивал, что в ««Метрополе» чудесные номера», а Никанор Иванович настаивал, что иностранцам полагается жить в «Метрополе», а не на частных квартирах. «Националь», в 1920-е годы превращенный фактически в общежитие, в 1932 г. был капитально отремонтирован, после того, как его обставили мебелью из национализированных дворянских усадеб и дворцов (в том числе из Царскосельского и Аничкова). Отель стал таким дорогим, что даже иностранцы не хотели в нем останавливаться. Он был объявлен убыточным, однако в связи с началом войны принять какое-либо решение по нему не успели.

Но не эти дорогостоящие проекты определяли лицо столичного гостиничного сектора. Данные только по тресту «Московские гостиницы» свидетельствуют, что с 1931 по 1938 г. постоянными жильцами в связи с реконструкцией города было заселено 19 гостиниц (959 комнат на 2 тыс. коек). Построены же за эти годы были лишь две гости-

³⁸ Тихвинский В. О гостиничном хозяйстве страны. С. 43–44.

³⁹ Коток Н. Вопросы практики инвентаризационной работы // Коммуналы: сб. ст. Вып. 3. Л., 1929. С. 25–27.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 741. Л. 3.

⁴¹ Коммунальное и жилищное хозяйство... С. 22–25, 29–33, 45–49, 54–55.

ницы: «Киевская» и «Москва» (642 комнаты на 1180 коек). Плюс были надстроены два этажа гостиницы «Якорь», что увеличило гостиничный фонд всего на 64 комнаты (144 койки)⁴².

Из письма управляющего трестом «Московские гостиницы» Самохина наркому коммунального хозяйства РСФСР К.Д. Памфилову в декабре 1938 г. можно реконструировать общую динамику развития гостиничного хозяйства столицы на протяжении 1920–1930-х годов (табл. 7.2)⁴³.

Таблица 7.2

Гостиничное хозяйство Москвы в 1924–1938 гг.

Дата	Кол-во гостиниц	Кол-во комнат	Кол-во коек
1.1.1924	114	4756	7134
1.1.1929	39	2145	2848
1.1.1931	24	1526	2320
1.1.1934	16	1444	2582
25.11.1938	12	1438	3144

Как мы видим, данные свидетельствуют о негативной динамике. Если на 1 января 1931 г. общий гостиничный фонд столицы составлял 1526 номеров (из них постоянными жильцами были заняты 982 номера, или 64,35%), то к 25 ноября 1938 г. фонд уменьшился до 1438 номеров. Более того, из них постоянными жильцами (работниками наркоматов внутренних дел и обороны, Коминтерна и МОПР, иностранцами и проч.) было занято 265 номеров (18,42%)⁴⁴. С 24 до 12 уменьшилось и общее число гостиниц⁴⁵. В 1930-е годы постоянные жильцы продолжали занимать гостиницы «Балчуг», «Дом Востока», «Союзная», «Советская», «Пассаж», «Маяк», «Интернациональная», «Общедоступная» и др.⁴⁶ При этом ряд новых гостиниц сдавались не в лучшем состоянии. К примеру, пятиэтажная гостиница «Общедо-

ступная» на 173 комнаты была построена в 1927 г., а уже в 1938 г. ей понадобился капремонт⁴⁷.

Анализ проектов сооружения новых гостиниц в ряде городов в 1930-е годы показывает некоторые особенности гостиничного строительства, и прежде всего доминирование рационального подхода к их планировке. Например, шестиэтажная гостиница в Свердловске планировалась с точки зрения удобства подъезда транспорта, а внутренняя планировка отражала «график движения прибывающей публики»: вход, справочное бюро, раздевалка и камера хранения багажа. Но размещение столовой, имевшей собственный вестибюль, было ориентировано на приходящую публику, а не на проживавших в гостинице граждан. Второй особенностью гостиничного строительства данного периода стал режим экономии. Так, однокомнатные номера свердловской гостиницы не имели ванных комнат, которые предусматривались только на этажах⁴⁸. При строительстве гостиницы горсовета в Челябинске городские власти не желали сносить одноэтажные дома. Все же проектировщикам удалось втиснуть на выделенной площади здание гостиницы, но норма жилой площади была невысокой — 9 кв. м на одного проживающего и 17 кв. м — на двоих. Минимальной (2,1 м) была и ширина коридоров. Экономии даже на деревянных перекрытиях номеров⁴⁹.

Что же касается состояния гостиничного хозяйства в РСФСР в 1930-е годы в целом, то статистические отчеты об эксплуатации гостиниц в 1931 г.⁵⁰ содержат разрозненные (по отдельным областям, краям и автономиям) сведения, не дающие сколь-нибудь целостной картины. Тем не менее отчеты позволяют увидеть, что почти все гостиницы находились на хозяйственном расчете, а большая часть из них — на самостоятельном балансе. С осени 1931 г. число таких гостиниц стало увеличиваться. Что касается подчиненности гостиниц, то большая их часть входила в коммунальные (домовые и прочие) тресты, часть подчинялась городским или районным отделам ком-

⁴² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4171. Л. 1–2.

⁴³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4171. Л. 5.

⁴⁴ Там же. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Л. 9.

⁴⁶ Там же. Л. 10–12.

⁴⁷ Там же. Л. 28.

⁴⁸ Там же. Ф. 4041. Оп. 9. Д. 72. Л. 4–5.

⁴⁹ Там же. Д. 73. Л. 5–6.

⁵⁰ Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 1897.

мунального хозяйства, а принадлежность некоторых не указывалась. Данные не позволяют выявить и никакой закономерности перевода гостиниц на самостоятельный баланс: ни трестирование, ни подчиненность городским органам ЖКХ, ни размеры гостиниц никак на это не влияли.

Что касается статистических отчетов за 1932 г., то они находятся в очень плохом состоянии. Учетные карточки или не заполнены или заполнены весьма небрежно. В силу того что в них не все гостиницы совпадают с гостиницами из списка 1931 г., затруднительно проводить какие-либо сравнения. Данные построены по другому принципу, нежели в предыдущем году: в частности, не указывалось количество номеров (приводилось только общее количество коек). Зато из отчетов можно узнать год начала эксплуатации той или иной гостиницы⁵¹. Видно, что большинство из них (56 из 80) построены или пущены в эксплуатацию при Советской власти. При этом на годы нэпа (1921–1928 гг.) приходится ровно половина (28) нового гостиничного фонда. С учетом того, что строительство гостиниц, запущенных в эксплуатацию в 1929 г. (и даже в 1930 г.), началось ранее, удельный вес «нэповских новостроек» был еще выше. Тогда как на последний год первой пятилетки (1932 г.) приходится всего три сданные в эксплуатацию гостиницы.

Материалы Всесоюзной переписи коммунальных предприятий и городского благоустройства 1932 года⁵² содержат анкеты по отдельным гостиницам, заезжим и постоянным дворам, общежитиям для приезжающих и домам крестьянина (колхозника). Одно из дел содержит сводные данные по гостиничным объектам разной принадлежности, за исключением гостиниц и общежитий закрытого типа⁵³. Так, из 524 городов РСФСР данные не были получены только из шести городских поселений Якутской АССР. Судя по статистическим данным, жилая площадь номеров и общих комнат в гостиницах республики составляла 528 298 кв. м, в том числе 452 434 кв. м — в коммунальных гостини-

⁵¹ Там же. Д. 1920. Статистические отчеты по эксплуатации гостиниц за 1932 г. Л. 2–4, 6, 9, 10, 14–17, 20, 21, 24, 25, 27, 28, 30–37, 39, 40, 42, 43, 48, 49, 51, 59, 60, 62, 64, 67–69, 71–74, 80, 83–86, 96–100, 102, 104–106, 108, 109, 111–115, 120.

⁵² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 2033–2038.

⁵³ Там же. Д. 2037. Л. 1–5, 16–17.

цах и 75 864 кв. м — в гостиницах прочих организаций. Сопоставимым было и соотношение имевшихся 82 398 койко-мест: 70 316 и 12 082 соответственно. Основное имущество коммунальных гостиниц составляло 105 040,5 тыс. руб. без учета износа и 85 699,3 тыс. руб. с учетом износа. Сумма основного имущества гостиничных предприятий прочих организаций была значительно ниже — 25 770 и 20 916 тыс. руб. без и с учетом износа соответственно. Впрочем, степень изношенности основного имущества коммунальных гостиниц колебалась в различных регионах РСФСР⁵⁴ от 1,6% в Вологде до 49,2% в Челябинске. Для ведомственных гостиниц разрыв был еще больше — от 0,7% в Свердловске до 51,6% в Саратове⁵⁵.

К 1 июля 1932 г. на 1583 населенных пункта в СССР приходилось всего 842 гостиницы. При этом обеспеченность городов гостиницами (638 на 731 город) и поселений городского типа (95 на 139) была выше, нежели в рабочих поселках (109 на 713). Что касается РСФСР, то здесь в 920 населенных пунктах насчитывалось 547 гостиниц. На 532 города приходилось 462 гостиницы, а на 388 рабочих поселков — 85 гостиниц⁵⁶. То есть если в СССР на населенный пункт приходилось 0,53 гостиницы, то в РСФСР этот показатель был несколько выше — 0,59. Если на один город и в СССР, и в РСФСР приходилось 0,87 гостиницы, то на рабочий поселок — 0,21 и 0,15 соответственно. Выше союзных (а в ряде случаев и российских) были показатели соотношения численности гостиниц и населенных пунктов в Узбекской ССР (0,55), ЗСФСР (0,64) и БССР (0,73), тогда как Украина, Туркмения и Таджикистан демонстрировали более низкие показатели.

Данные о численности и мощности гостиниц по союзным республикам на 1 июля 1932 г. (табл. 7.3)⁵⁷ демонстрируют значительный разброс — как по численности гостиниц, так и по числу койко-мест. Кроме того, анализ данных таблицы показывает, что удельный вес коммунальных гостиниц колебался от 95% в Белоруссии до 31,7% в Таджикской ССР (при среднем показателе по СССР 77,6%). Превы-

⁵⁴ В среднем по РСФСР она составляла 18,5% для коммунальных гостиниц и 18,8% — для остальных.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 2037. Л. 1–5.

⁵⁶ Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу I пятилетки... С. 6.

⁵⁷ Там же. С. 16.

Таблица 7.3
Число и мощность гостиниц в СССР на 1 июля 1932 г.

№ п/п	Республики	Категории населенных пунктов	Число гостиниц			Число койко-мест		
			всего	коммунальных	других	всего	коммунальных	других
	СССР	Всего	1663	1092	571	116 410	90 316	26 094
		в т.ч. города	1419	989	430	110 119	87 407	22 712
		рабочие поселки	125	63	62	3230	1765	1465
		поселения городского типа	119	40	79	3061	1144	1917
1	РСФСР	Всего	1047	777	270	84 958	71 955	13 003
		в т.ч. города	955	726	229	82 398	70 316	12 082
		рабочие поселки	92	51	41	2560	1639	921
2	УССР	Всего	306	119	187	18 976	9523	9453
		в т.ч. города	197	93	104	16 326	8731	7595
		рабочие поселки	18	2	16	431	35	396
		поселения городского типа	91	24	67	2219	757	1462
3	БССР	Всего	56	50	6	2994	2843	151
4	ЗСФСР	Всего	165	112	53	6731	4250	2481
		в т.ч. города	129	92	37	5742	3772	1970
		рабочие поселки	8	4	4	147	91	56
		поселения городского типа	28	16	12	842	387	455
5	Узбекская ССР	Всего	71	25	46	1907	1386	521
		в т.ч. города	64	19	45	1815	1386	429
		рабочие поселки	7	6	1	92	н/св.	92
6	Туркменская ССР	Всего (только города)	16	8	8	639	294	345
7	Таджикская ССР	Всего (только города)	2	1	1	205	65	140

шение над общесоюзным уровнем, кроме БССР, наблюдалось только в РСФСР (84,7%). С учетом типа населенного пункта самый низкий удельный вес коммунальных гостиниц (8,1%) был в рабочих поселках УССР. Для сравнения: в РСФСР это показатель составлял 64%.

Как уже указывалось, по темпам роста капиталовложений коммунальных органов в 1928–1932 гг. гостиничное хозяйство по сравнению с другими отраслями коммунального хозяйства находилось не на лучшем месте. Всего за указанный период в гостиницы страны было вложено 56,9 млн руб.⁵⁸, в том числе 47,6 млн — в новое строительство и реконструкцию старых зданий (рост вложений составил 83,7%). Для сравнения: за этот же период вложения в дорожно-мостовое хозяйство составили 298,7 млн, в водопровод — 289,2 млн, в канализацию — 148,4 млн, в бани — 102,3 млн руб. Из всех отраслей коммунального хозяйства меньшие темпы прироста вложений демонстрировали только разные виды транспорта: трамвай (62,5%), такси (78,4%), водный (72,2%) и грузовой автотранспорт (81,8%). Больший, нежели у гостиничного хозяйства, прирост капитальных вложений наблюдался даже у гужевого транспорта (90,1%). Львиная доля вложений (55,5 млн всего и в том числе 38,9 млн со стороны коммунальных органов) была сделана в гостиничный комплекс РСФСР. Но при этом удельный вес вложений в гостиничное хозяйство составил всего 3% от всех капиталовложений коммунальных органов и других ведомств во все отрасли коммунального хозяйства. Это было даже несколько ниже союзного показателя (3,1%). Кроме того, это был самый низкий показатель среди союзных республик, за исключением Белоруссии (0,9%). Самый высокий удельный вес вложений в гостиницы за годы первой пятилетки (10,4%) наблюдался в Таджикской ССР⁵⁹.

Данные о коммунальном строительстве по Союзу ССР на 1 июля 1932 г. показывают наличие 108 строившихся гостиниц (из них 99 коммунальных) в 95 городах, рабочих поселках и поселениях городского типа вместимостью 19 146 койко-мест (16 203 — в коммунальных гостиницах). При этом в 53 населенных пунктах РСФСР строилась 61 гостиница (из них 55 коммунальных) в расчете на 14 406 мест (со-

⁵⁸ Вместе с другими ведомствами вложения по СССР составили 78,1 млн руб.

⁵⁹ Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу I пятилетки... С. 7–10.

ответственно 11 599 — в коммунальных гостиницах)⁶⁰. Таким образом, удельный вес гостиничного строительства в РСФСР составлял соответственно 56 и 55,5%, т.е. по объемам общего и коммунального строительства республиканские показатели были сопоставимы с союзными. Хотя по числу койко-мест российские показатели были несколько выше показателей удельного веса гостиниц — 75,2 и 71,5%. Меньше всего гостиниц строилось в Белоруссии — всего одна коммунальная гостиница на 113 койко-мест. Для сравнения: число строящихся гостиниц в УССР составляло 14, в ЗСФСР — 17, в Узбекистане — 8, в Туркмении — 5 и в Таджикистане — 2. Кроме Украины, где две строящиеся гостиницы не были коммунальными, в остальных регионах (за исключением РСФСР) все гостиницы находились в подчинении коммунальных органов местных советов.

11 мая 1933 г. Президиум Всесоюзного совета коммунального хозяйства при ЦИК СССР заслушал доклад ЦУНХУ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи коммунальных предприятий и городского благоустройства», проведенной в октябре — ноябре 1932 г. Перепись охватила 3288 населенных пунктов, отразив предприятия коммунального назначения независимо от их ведомственной принадлежности⁶¹. Согласно переписи, в стране насчитывалось 2252 гостиницы на 127,5 тыс. мест. На момент переписи строились 134 гостиницы на 15 444 места (всего 6% прироста к уже действовавшим гостиницам). По разным категориям населенных пунктов данных не было, а по республикам распределение гостиниц было таким: РСФСР — 1533 (92 302 места, или 59% от общесоюзного показателя); УССР — 427 (20 772, или 28,8%); БССР — 90 (3811, или 3%); ЗСФСР — 155 (7427, или 5,9%); Узбекская ССР — 22 (455, или 0,5%); Туркменская ССР — 21 (646, или 1,2%); Таджикская ССР — 4 (184 места, или 0,1% общей мощности).

По ведомственной принадлежности гостиницы распределялись следующим образом: Наркомат коммунального хозяйства — 1075 (58,2% от общей численности); Наркомат тяжелой промышленности — 77 (3,1%); Наркомат легкой промышленности — 16 (0,2%); Нар-

⁶⁰ Там же. С. 74–75.

⁶¹ До этого были лишь разрозненные сведения о количестве и характере коммунальных предприятий.

комат путей сообщения — 4 (0,1%); Наркомат снабжения — 190 (4,1%); прочие ведомства и организации — 711 (34,3%)⁶². Как мы видим, ведущее место в системе гостиничного хозяйства занимал Наркомхоз и его органы на местах.

Данные также свидетельствуют, что в I полугодии 1933 г. в самом неблагоприятном положении находилось именно гостиничное хозяйство. Обследование гостиниц в Горьком, Иваново и Уфе, проведенное Комиссией исполнения при Совнарком РСФСР в мае 1933 г., выявило ряд существенных недостатков в гостиничном хозяйстве этих городов. Из докладной записки наркома коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комарова в Комиссию узнаем, что только в Иваново имелась новая, крупная и хорошо оборудованная гостиница вместимостью 222 номера. Тогда как гостиничный фонд Горького и Уфы представлял собой «мелкие домики — бывшие номера» по 20–30 комнат, построенные 40–70 лет назад. Правда, в Горьком велось затянувшееся строительство двух гостиниц (одну строили второй, а другую — третий год). Но местный горсовет отказался от одной гостиницы и передал ее «Интуристу», а вторая к маю 1933 г. была готова только на 20%. Понятно, что гостиниц катастрофически не хватало. И при этом в Иваново из 222 номеров 137 (62%) были заняты постоянными жильцами. Несмотря на то что в номерах ставили от двух до восьми коек, в период большого наплыва жильцы располагались даже в коридорах. В Сормово гостиница представляла собой запущенный заезжий двор, куда командировочные ехали весьма неохотно. В гостиницах Горького было очень сыро, так как ремонт носил «преимущественно декларативный характер», капитально отремонтирована была только гостиница «Неаполь». Если в Горьком водопровод и канализация были в четырех гостиницах, то в Сормово в двух гостиницах их не было вообще. В Уфе водопровод и канализацию имели три гостиницы из четырех. А в новой ивановской гостинице не работали ванны, так как строительная организация неправильно проложила трубы⁶³.

Гостиничный инвентарь был изношен везде, кроме Иваново и гостиницы «Россия» в Горьком. Во всех гостиницах мебель была «раз-

⁶² Предварительные итоги Всесоюзной переписи коммунальных предприятий // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 3. С. 64–65.

⁶³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 3791. Л. 3–5.

ношерстная, не гарнитурная, краска с мебели стерлась, зеркала потеряли способность отражать». По данным комиссии, «краска с отражателей у электроламп настолько стерлась, что вместо функции собирания и отражения света — поглощают его, а следовательно, ослабляют освещение комнаты». Проверка обнаружила, что чистое белье (за исключением гостиниц Уфы) было в заплатах. Смена белья проводилась один раз в 5 или даже в 10 дней. Хотя создание камер хранения в гостиницах проверенных комиссией городов привело к сокращению краж, полностью они не закончились⁶⁴.

Причины сложившейся ситуации проверяющие увидели в системе управления гостиничным хозяйством. Например, на хозрасчет гостиницы были переведены только в Иваново. В Горьком гостиничное хозяйство, наряду с банями, прачечными и парикмахерскими, было частью треста «Комхозпред». В силу этого на гостиничный сектор установился взгляд как на «источник получения прибылей» для поддержки других участков хозяйства. Если в Горьком прибыль гостиничного хозяйства в основном направлялась на строительство новых гостиниц, то в Уфе и Иваново она изымалась в местный бюджет. Но в том же Горьком управляющие гостиниц не имели права сдавать номера, которые распределялись по ордерам городского Распредбюро. Основная функция управляющих сводилась к сбору денег и их передаче в трест, и это на фоне роста гостиничных цен. Так, за 1933 г. средние цены на номера по сравнению с 1932 г. выросли на 100% (в частности, в Горьком — с 3,5 до 7 руб.). Как выяснила Комиссия, основной причиной роста цен было наличие постоянных жильцов, которые оплачивали проживание по льготным расценкам⁶⁵.

Из докладной записки представителя Наркомата коммунального хозяйства Вайсзимбера об обследовании гостиниц Горького видно, что в 1932 г. в городе из семи гостиниц одна была полностью занята постоянными жильцами, а остальные шесть — почти на четверть. В результате для размещения приезжих осталось всего 346 коек. В условиях гостиничного дефицита все гостиницы города были переведены с комнатной системы на коечную. Несмотря на то что в гостинице «Россия» в каждой комнате стояло по 4–8 коек, постоянные

⁶⁴ Там же. Л. 6.

⁶⁵ Там же. Л. 7–8, 10.

жильцы располагались весьма просторно — по 1–2 человека на 30–40 кв. м⁶⁶.

В постановлении Комиссии исполнения при правительстве РСФСР от 25 мая 1933 г. «О состоянии гостиниц в городах Горьком, Иваново и Уфе» отмечались «антисанитарное состояние» (неисправность уборных, наличие насекомых, редкая смена белья) в гостиницах Уфы и Горького, плохая организация питания в ряде гостиниц Уфы и Сорново, а также несоблюдение правил внутреннего распорядка в большинстве проверенных гостиниц. Значительный процент жилой площади гостиниц, занятой постоянными жильцами (23% в Горьком и 61% в Иваново), вел к недопустимо высоким расценкам на сдаваемые номера и койки⁶⁷. Впрочем, когда в 1937 г. Наркомат финансов СССР проверил гостиничный фонд в 110 крупных городах и районных центрах, выяснилось, что из 539 проверенных гостиниц 343 (11 167 номеров) были заселены постоянными жильцами⁶⁸.

По результатам многочисленных проверок в недрах Наркомата коммунального хозяйства в 1933 г. родилась инструкция «О тарификации номеров и коек в гостиницах», содержавшая перечень обязательных удобств, предоставляемых в гостиницах. Один из пунктов инструкции описывал необходимую меблировку номера: кровать с постельными принадлежностями, стол, два стула, графин, стакан, пепельница, плевательница, тумбочка, вешалка, зеркало, потолочная и настольная лампы и чернильный прибор. При отсутствии общей умывальной комнаты предусматривалось наличие умывальника в номерах, температура в которых не должна была опускаться ниже 16°C. Помимо этого были предусмотрены скидки (правда, не свыше 25%) в зависимости от имевшихся недостатков обслуживания: на недостаточную освещенность — до 20%; за близость кухни или уборной — до 10%; за этажность (выше 5-го этажа) — до 5%. С другой стороны, предусматривались и накладки, хотя и не свыше 50%: за наличие ванной и уборной в номере — до 15%; за телефон в номере — до 5%; за отличную меблировку — до 20%; за местоположение — до 10%⁶⁹.

⁶⁶ Там же. Л. 9.

⁶⁷ Там же. Л. 1–1об.

⁶⁸ Волков Ю. Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес. С. 50.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 3791. Л. 13–14.

По поручению Совнаркома РСФСР от 2 июня 1933 г. Наркомат коммунального хозяйства подготовил решение о снижении тарифов на номера и койки в гостиницах. В частности, согласно докладной записке Н.П. Комарова в СНК РСФСР, предлагалось снизить прибыль от эксплуатации гостиничного хозяйства, доходившую до 50–150% к себестоимости, до 25%. Помимо того устанавливались дифференцированные (в зависимости от категории города, оборудования номеров и объема обслуживания) предельные тарифы оплаты 1 кв. м в гостиницах. Например, в Москве, где оплата номера за сутки составляла 14 руб., предполагалось снизить ее до 11 руб. Аналогичное снижение тарифов предлагалось и для других городов: с 16 до 11 руб. в Ленинграде, с 22 до 11 руб. в Воронеже, с 14 до 11 руб. в Горьком, с 13,5 до 8 руб. в Ярославле и т.д. Эти меры сочетались с переводом постоянных жильцов в гостиницах с квартплаты на общий гостиничный тариф. Ведь удельный вес таких жильцов был довольно высок: например, в Горьком к лету 1933 г. они занимали 7,5% гостиничного фонда, а в Воронеже — 15%⁷⁰.

Соответствующее постановление Правительства РСФСР «О снижении тарифов на номера и койки в гостиницах» было принято 7 августа 1933 г. Согласно этому постановлению новые тарифы, вводившиеся с 1 июля 1934 г., не должны были превышать за 1 кв. м жилой площади в сутки: в Москве и Ленинграде — 65 коп.; в краевых и областных центрах, в центрах автономных республик и областей — 60 коп.; в прочих городах — 50 коп. Эксплуатация гостиниц по коечной системе допускалась в отношении не более 20% жилой площади гостиниц, а в городах с населением до 50 тыс. человек — не более 40%⁷¹.

Согласно официальным данным, в годы первых пятилеток был построен целый ряд крупных гостиниц в разных городах РСФСР, в том числе: «Ростов» в Ростове-на-Дону (1 тыс. мест); «Большой Урал» в Свердловске (650); «Южный Урал» в Челябинске (500); «Центральная» в Иркутске (450); «Центральная» в Горьком (350) и «Люкс» в Волгограде (250 мест). Но при этом сохранялись и небольшие типовые проекты на 50, 75, 100 и 150 мест. Первые такие проекты были разработаны в 1931 г. Временной правительственной комиссией по

⁷⁰ Там же. Д. 3793. Л. 1, 3–4.

⁷¹ Там же. Л. 5–6.

отбору и изданию типовых проектов гражданских сооружений⁷². Однако этот процесс растянулся до начала войны.

Из данных таблицы, отражающей состояние гостиничного фонда РСФСР в 1936 г. (табл. 7.4)⁷³, видно, что для имевшихся на тот момент 287 гостиниц загрузка была чуть более 100% — 100,4%.

Но при таком благоприятном усредненном показателе данные по отдельным городам демонстрируют большой разброс по загруженности гостиничного фонда: от 67,8% в г. Шахты Ростовской области до 169% в г. Березники Свердловской области. Среди регионов «чемпионом» по перегруженности гостиниц была Татарская АССР (123%), опережавшая даже Москву (113%) и Ленинград (120,1%). Минимальную загрузку гостиниц давала Бурят-Монгольская АССР (76,7%), хотя показатели по Улан-Удэ были вполне сопоставимы с общероссийскими — 103,2%. Не меньший разброс демонстрировала и общая обеспеченность регионов гостиницами. Рекорд в этом отношении принадлежал Московской области (14 гостиниц в самой столице и 11 в области), а минимальная обеспеченность гостиницами была отмечена в Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Мордовской, Чечено-Ингушской и Чувашской АССР (в каждой республике по одной гостинице, расположенной в столице автономии). В первой десятке по обеспеченности гостиницами, кроме Московской области, располагались: Краснодарский край (20 гостиниц), Ленинградская область (вместе с Ленинградом — 14 гостиниц), Ростовская область (12), Горьковская и Калининская области (по 11), Ивановская, Куйбышевская, Новосибирская и Свердловская области, Орджоникидзевский край и Крымская АССР (по 10), Орловская и Ярославская области (по 8 гостиниц в каждой). Как мы видим, в среднем наиболее обеспечены гостиницами были области, а наименее — автономии⁷⁴.

Индустриальные и урбанизационные процессы, рост туристских и экскурсионных потоков — все это отражалось на растущем спросе на номера в гостиницах и койки в общежитиях и порождало острейший гостиничный кризис 1930-х годов. Почти повсеместно были введены ограничения на получение гостиничного номера: этим правом могли

⁷² Волков Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес. С. 50.

⁷³ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г. С. 19–21.

⁷⁴ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г. С. 19–21.

Таблица 7.4

Гостиницы РСФСР в 1936 г.

	Края, области, АССР, города	Число гостиниц	Число коек	За год предоставлено койко-суток	Загрузка, %
	РСФСР	287	28 151	9 553 687	100,4
	Москва	14	3015	1 394 600	113,0
	Ленинград	7	1230	477 300	120,1
	РСФСР без Москвы и Ленинграда	266	23 904	7 681 794	97,4
1	Алтайский край в т.ч. Барнаул	4 1	301 109	91 401 34 264	100,5 100,3
2	Краснодарский край в т.ч. Краснодар	20 4	1512 467	423 250 129 690	98,1 104,8
3	Красноярский край в т.ч. Красноярск	6 1	297 71	105 570 33 720	103,3 130,0
4	Орджоникидзевский край в т.ч. Ворошиловск	10 1	697 88	190 238 28 375	102,2 86,0
5	Архангельская обл. в т.ч. Архангельск	3 2	409 329	140 778 125 950	89,4 98,3
6	Вологодская обл. в т.ч. Вологда	3 1	158 96	44 957 32 592	77,4 92,8
7	Воронежская обл. в т.ч. Воронеж Липецк	5 2 1	460 324 55	168 600 126 900 18 300	103,6 107,0 91,0
8	Горьковская обл. в т.ч. Горький	11 3	745 357	262 700 159 700	96,3 122,2
9	Иркутская обл. в т.ч. Иркутск	3 1	424 386	185 218 175 602	120,1 124,3
10	Ивановская обл. в т.ч. Иваново	10 1	900 469	282 229 159 286	86,1 92,8
11	Кировская обл. в т.ч. Киров	3 1	341 195	115 651 75 543	94,8 110,9
12	Калининская обл. в т.ч. Калинин	11 2	688 183	184 059 64 041	86,3 98,6
13	Куйбышевская обл. в т.ч. Куйбышев	10 5	915 634	355 689 259 905	113,5 119,1

Продолжение табл. 7.4

	Края, области, АССР, города	Число гостиниц	Число коек	За год предоставлено койко-суток	Загрузка, %
14	Курская обл. в т.ч. Курск	4 1	445 360	146 576 125 550	92,3 95,3
15	Ленинградская обл. в т.ч. Кировск Мурманск	7 1 1	650 48 110	206 986 17 842 43 339	97,6 101,5 107,2
16	Московская обл. в т.ч. Ногинск Орехово-Зуево	11 1 1	503 30 62	139 964 12 460 19 128	88,9 113,5 92,8
17	Новосибирская обл. в т.ч. Новосибирск	10 3	929 533	345 391 215 545	114,5 113,8
18	Омская обл. в т.ч. Омск	4 1	378 84	118 370 38 469	92,2 139,6
19	Оренбургская обл. в т.ч. Оренбург	7 2	490 212	157 847 89 987	91,5 117,6
20	Орловская обл. в т.ч. Орел Брянск	8 1 1	453 113 146	126 706 42 449 44 838	80,0 102,6 83,9
21	Ростовская обл. в т.ч. Ростов-на-Дону Новочеркасск Таганрог Шахты	12 5 1 2 1	1838 1356 82 130 122	570 820 435 010 26 610 46 770 30 210	97,8 105,6 88,6 106,1 67,8
22	Рязанская обл. в т.ч. Рязань	3 2	224 207	74 380 71 580	94,5 94,5
23	Саратовская обл. в т.ч. Саратов	6 2	477 247	150 896 97 033	89,5 111,3
24	Свердловская обл. в т.ч. Свердловск Березники Пермь	10 2 1 1	1997 1119 80 412	652 936 382 929 18 214 145 514	97,3 96,0 169,0 96,0
25	Смоленская обл. в т.ч. Смоленск	6 1	513 367	166 137 127 097	89,3 94,6
26	Сталинградская обл. в т.ч. Сталинград Астрахань	7 1 4	668 392 214	257 000 147 100 94 000	109,3 102,5 127,7

Продолжение табл. 7.4

	Края, области, АССР, города	Число гостиниц	Число коек	За год предостав- лено койко-суток	Загрузка, %
27	Тульская обл. в т.ч. Тула	4 2	419 282	124 348 87 278	98,0 96,3
28	Тамбовская обл. в т.ч. Тамбов Пенза	4 1 1	338 125 90	105 444 39 300 30 344	108,2 159,7 92,1
29	Челябинская обл. в т.ч. Челябинск	6 1	709 438	259 844 180 400	103,1 93,8
30	Читинская обл. в т.ч. Чита	3 1	154 120	62 593 51 279	113,0 116,8
31	Ярославская обл. в т.ч. Ярославль Кострома Рыбинск	8 3 1 1	595 281 103 99	198 324 101 127 35 663 37 234	94,9 105,3 100,1 102,8
32	Башкирская АССР в т.ч. Уфа	7 3	424 317	153 205 125 276	103,7 108,2
33	Бурят-Монгольская АССР в т.ч. Улан-Удэ	2 1	67 36	18 508 13 188	76,7 103,2
34	Дагестанская АССР в т.ч. Махачкала	6 2	322 131	94 000 46 200	80,0 96,6
35	Кабардино-Балкарская АССР в т.ч. Нальчик	1 1	254 254	75 500 75 500	89,5 89,5
36	Калмыцкая АССР в т.ч. Элиста	1 1	45 45	12 900 12 900	95,5 95,5
37	Карельская АССР в т.ч. Петрозаводск	2 1	214 108	61 882 40 764	79,1 103,1
38	Крымская АССР в т.ч. Симферополь Керчь	10 2 1	1432 309 120	388 236 108 580 35 331	89,2 100,4 80,4
39	Марийская АССР в т.ч. Йошкар-Ола	2 1	150 92	41 224 29 834	84,7 92,6
40	Мордовская АССР в т.ч. Саранск	1 1	168 168	14 400 14 400	93,2 93,2
41	Немцев Поволжья АССР в т.ч. Энгельс	3 1	148 56	31 495 15 598	79,5 93,9

Окончание табл. 7.4

	Края, области, АССР, города	Число гостиниц	Число коек	За год предостав- лено койко-суток	Загрузка, %
42	Северо-Осетинская АССР в т.ч. Орджоникидзе	3 3	131 131	33 542 33 542	97,5 97,5
43	Татарская АССР в т.ч. Казань	5 3	478 396	198 922 178 611	123,0 130,6
44	Удмуртская АССР в т.ч. Ижевск	2 1	184 147	56 659 43 419	98,9 80,7
45	Чечено-Ингушская АССР в т.ч. Грозный	1 1	80 80	21 932 21 932	93,0 93,0
46	Чувашская АССР в т.ч. Чебоксары	1 1	180 180	64 487 64 487	97,9 97,9

воспользоваться (да и то не всегда) только командировочные. Газета «Забайкальский рабочий» напечатала письмо рабочего Булыгина, который из-за отсутствия справки о командировке был вынужден в Чите с женой и детьми ночевать на улице. Не смог он устроиться и в Дом колхозника, принимавший только командировочных и приезжих из колхозов⁷⁵. Впрочем, советское гостиничное хозяйство было неспособно удовлетворить спрос даже командировочных, чем активно пользовались частники, сдававшие «углы» по спекулятивным ценам. С другой стороны, граждан нередко вынуждали снимать двух-, трех- или даже четырехкочные номера по полной их стоимости, что еще более усугубляло гостиничный кризис.

20 января 1937 г. нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько⁷⁶ направил письмо И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об упорядочении гостиничного фонда», отметив «безобразнейшее состояние гостиничного фонда, принадлежащего городским советам». Собранные

⁷⁵ Забайкальский рабочий. 1936. 4 авг.

⁷⁶ Гринько Григорий Федорович (18(30).11.1890, с. Шепетовка Лебединского уезда Харьковской губернии — 1938, Московская область) — советский государственный деятель, член РКП(б) с 1920 г., кандидат в члены ЦК партии в 1934–1937 гг. В 1930–1937 гг. — нарком финансов СССР. В августе 1937 г. освобожден от должности и арестован. Один из обвиняемых на Третьем Московском процессе. Расстрелян 15 марта 1938 г. Реабилитирован в июне 1959 г.

наркоматом сведения по 110 крупнейшим городам и наиболее значительным районным центрам (часть из них попала в коммунальную печать)⁷⁷ показали, что в них в середине 1920-х годов функционировали 539 более или менее крупных гостиниц, не считая мелких, подлежащих ликвидации постоянных дворов и номеров. Но к 1937 г. горсоветы ликвидировали 343 гостиницы, оставив только 186. Для сравнения: в действовавших гостиницах было 11 509 номеров, а в ликвидированных — 11 187, т.е. гостиничный фонд был уменьшен почти на 50%, в том числе в городах, где была острая нужда в его расширении. Даже в столичных городах, включая Москву, были закрыты 56 гостиниц на 3274 номера. Сохранилась только 41 гостиница, рассчитанная на 3896 номеров. В крупнейших областных центрах, где были ликвидированы 104 гостиницы, осталось всего 75. В районных центрах гостиничный фонд «похудел» на 3/4. Причем ликвидация гостиниц продолжилась даже в 1935–1936 гг., когда были ликвидированы и переданы под жилье и учреждения 52 гостиницы на 1620 номеров в Москве, Горьком, Баку, Ташкенте, Новосибирске, Херсоне, Вологде, Пятигорске, Ворошиловграде, Орджоникидзе, Пензе, Калуге, Новгороде и др. Только в Москве в 1932–1936 гг. 17 крупных гостиниц («Южная», «Люкс», «Днепр», «Волга», «Маяк», «Пассаж», «Интернационал», «Ярославль» и др.) были превращены в жилые дома. В Одессе ликвидированы гостиницы «Парижская», «Европейская», «Международная», «Савой» и «Ришелье». В Баку в 1923 г. было 20 гостиниц (733 номера), в 1926 г. — 12 (529), а в 1937 г. — всего пять (400)⁷⁸.

Упразднились не только второразрядные гостиницы, но и первоклассные отели. Например, в Ленинграде под общежитие железнодорожников было выделено построенное перед Первой мировой войной здание гостиницы «Селект». Не по назначению использовалось и здание бывшей гостиницы «Медведь». В Москве трест гостиниц содержал превращенные в жилые дома 17 гостиниц, включая «Маяк», «Пассаж», «Интернациональную» и др. Постоянными жильцами в столице были заселены «Балчуг», «Союзная» и «Советская», а также в большей части «Первомайская» и «Центральная». В Одессе под

⁷⁷ Василевский Н. Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень. С. 14.

⁷⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 103.

госучреждения и жилье были заняты гостиницы «Парижская», «Европейская», «Международная», «Савой» и «Ришелье». В Горьком под общежитие артистов Оперного театра была отдана лучшая гостиница города. В Иваново такую же гостиницу занял Дворец труда.

Документы также свидетельствуют о росте в 1930-е годы численности ведомственных гостиниц. В 1937 г. в ведении местных советов осталось только 1100 гостиниц на 90 тыс. мест, считая самые мелкие. Но эти гостиницы нередко заселялись постоянными жильцами, которые не только переполняли номера и создавали антисанитарную обстановку⁷⁹, но и причиняли значительные убытки хозяйству и бюджету гостиниц⁸⁰. Например, в Курске постоянными жильцами был занят 101 номер из 115, в Кирове — 25 из 30, в Саратове — 101 из 136, в Орле — 21 из 26 и в Перми — 135 из 160⁸¹. Практически гостиницы превратились в общежития для «неустроенных ответственных работников»⁸². Вот как описывал положение в трех гостиницах Грозного, занятых постоянными жильцами, «Северокавказский большевик»: «По коридорам несутся тонкие запахи всевозможных жарких и шипение многочисленных примусов. В одном из коридоров глазам открывается пейзаж — густое переплетение веревок, на которых живописно расположены мокрые пеленки, трусики и прочие принадлежности мужского и дамского туалета»⁸³.

При этом городские советы плохо использовали даже оставшиеся в эксплуатации гостиницы. В 110 городах 23,3% номеров были за-

⁷⁹ В группе обследованных Наркомфином СССР в 1936 г. 228 гостиниц хорошо в санитарном отношении содержались только 2,5% гостиниц, а 43,2% находились в совершенно неудовлетворительном состоянии.

⁸⁰ Убыточность была вызвана тем, что с этих жильцов, как правило, бралась не суточная, а квартирная плата по ставкам горсоветов. Кроме того, многие государственные учреждения просто не выплачивали полагающихся сумм за «ведомственных» жильцов. Убытки гостиничное хозяйство несло и в силу распространенной практики бронирования простаивавших номеров и бесплатного предоставления номеров горсоветам.

⁸¹ Василевский Н. Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень. С. 15; Волков Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес. С. 50, 52.

⁸² Правда. 1936. 5 авг.

⁸³ Цит. по: Василевский Н. Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень. С. 15.

няты постоянными жильцами. Во многих городах в гостиницах проживало больше постоянных жильцов, чем временных. К примеру, в Курске функционировали всего две гостиницы на 115 номеров, 101 из которых был занят постоянными жильцами. В Саратове постоянные жильцы занимали 101 номер из 136, в Перми — 135 из 160, в Новосибирске — 191 из 251, в Челябинске — 128 из 168, в Хабаровске — 111 из 119. В Москве в четырех действовавших гостиницах («Балчуг», «Первомайская», «Союзная», «Советская») из 334 номеров постоянными жильцами были заняты 311. В результате такой политики командировочные зачастую не могли разместиться в гостиницах. Бронирование номеров учреждениями и советами лишь обостряло нехватку гостиниц, так как часто забронированные номера пустовали. Наибольший дефицит гостиничного фонда сложился в столичных, областных и краевых центрах. Из 81 гостиницы, по которым были составлены санитарные акты, в 37 (45,7%) обнаружилось грязные номера, вши, клопы, тараканы, выдавалось грязное белье и проч.⁸⁴

«Крайне пестры и разнообразны» были тарифы. В Москве, например, существовало 30 тарифов (от 6 до 110 руб. в сутки), в Ленинграде — 28 (от 8 до 35), в Харькове — 11 (от 7 до 25), в Ташкенте — также 11 (от 10 до 55), в Симферополе — 19 (от 5 до 18), в Уфе — 13 (от 4 до 28), в Иркутске — 6 (от 10 до 33) и в Хабаровске — 8 (от 10 до 35 руб.). При этом тарифы никак не были увязаны «со степенью благоустроенности номеров». Нередко тарифы устанавливались горсоветами произвольно с ориентацией на максимальную прибыль. Если в Москве место в гостинице в среднем стоило 7 руб. 50 коп. в сутки, то менее благоустроенный номер в Ташкенте — 15 руб. Несмотря на постановление союзного правительства о предельных расходах на оплату гостиниц для командированных, горсоветы так и не меняли тарифы коммунальных гостиниц. Из 2327 однокочных номеров в столичных городах по цене ниже 12 руб. в сутки (т.е. по норме для командированных) предлагались всего 835 номеров (35,9%). Но 700 из них (83,8%) были заняты постоянными жильцами.

Такое же, если не хуже, положение сложилось в краевых и областных центрах. В ряде городов широко практиковалась оплата государственными органами номеров, занятых постоянными сотруд-

⁸⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 104.

никами учреждений. Например, в Куйбышеве Станкозавод заплатил за проживание своих сотрудников только с мая по ноябрь 1936 г. 100 тыс. руб. В целях исправления сложившегося положения нарком финансов предлагал: освободить все гостиницы от постоянных жильцов; освободить за 1–2 года все помещения гостиниц, использовавшиеся не по назначению, запретив в дальнейшем занимать гостиницы под учреждения и постоянное жилье; запретить практику широкого бронирования номеров учреждениями и упорядочить плату за пользование номерами; ввести премиально-поощрительную систему за лучшую эксплуатацию гостиниц и лучшее обслуживание в них; «поднять гостиницы в хозяйственном и культурном отношении»⁸⁵. Но эти предложения по большей части остались на бумаге.

Вопросами оборудования гостиниц также никто особо не занимался. Мебель закупалась через комиссионные магазины или производилась кустарным способом без создания даже элементарных удобств для проживающих. Аналогично складывалось положение и с гостиничным строительством. Так, в 1933 г. в РСФСР было использовано всего 11,7 млн из 19,5 млн руб. ассигнованных средств, в 1934 г. — 13 млн из выделенных 44 млн и в 1936 г. — 27,7 млн из 33 млн руб. Понятно, что строительство гостиниц велось очень медленно. В РСФСР из 30 строившихся в 1933 г. гостиниц сдано в эксплуатацию было всего пять. В 1934 г. было начато строительство семи новых гостиниц, а сдано было также только пять. Всего шесть гостиниц вступили в эксплуатацию в 1935 г. С учетом того, что в 1934–1935 гг. вводились в эксплуатацию гостиницы, строительство которых началось в 1933 г. и даже ранее, из 30 строившихся в 1933 г. гостиниц в 1936 г. продолжали сооружаться 14.

Не лучше обстояло дело и в других союзных республиках. В УССР из 28 367 кв. м площади гостиниц, строившихся в 1933 г., за 1933–1935 гг. было сдано всего 3800 кв. м, или 13,4%. В Белоруссии из трех гостиниц, строительство которых началось в 1934 г., не была сдана в эксплуатацию ни одна. Из намеченных к пуску по плану 1937 г. 13 гостиниц Грузии шесть начали строиться еще в 1932 г. Причем новые гостиницы зачастую сдавались с многочисленными недоделками и, как правило, без оборудования. Так, построенная в Новосибирске

⁸⁵ Там же. Л. 105.

гостиница долгое время не эксплуатировалась из-за отсутствия оборудования⁸⁶.

В рассказе М. Зощенко «Спи скорей» (1935–1937) описана провинциальная гостиница середины десятилетия. Писатель с самого начала отмечает дефицит гостиничных мест: «Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить. И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли». Через весь рассказ красной нитью проходит идея убогости гостиниц: номер «с дефектом» (разбитым окном), помойная яма на уровне окна, темная «грязная каморка с колченогим стулом», кроватью с продавленной сеткой, не позволявшей удерживаться в горизонтальном положении, с ящиком и лужей посередине. Оставлял желать лучшего и гостиничный сервис: «короткие отрезки» вместо пододеяльников, простыня с дырками и «громадный военный отряд» клопов. Но зато были одеяла: в Константиновке герою рассказа пришлось вместо одеяла укрываться скатертью. Вспомнил наш герой и плакат «Спи скорей, твоя подушка нужна другому» в Доме крестьянина в Феодосии.

В 1937 г. основная масса капитальных вложений в гостиничное строительство была направлена на окончание так называемого переходного строительства. В частности, в этом году планировалось ввести в эксплуатацию 4216 номеров. Из наиболее крупных гостиниц в 1937 г. должны были быть сданы: в Смоленске (150 номеров), Орджоникидзе (176), Уфе (175), Челябинске (292), Керчи (153), Хабаровске (100) и Горьком (140 номеров). Кроме того, предполагалось закончить строительство гостиницы в Киеве на 110 номеров, в Минске на 155 номеров и завершить оборудование последних 110 номеров в Харькове. В Москве планировалось завершить первую очередь гостиницы «Москва»⁸⁷.

В фонде Наркомата коммунального хозяйства есть подписанная начальником Главного управления жилищного хозяйства наркомата Падежновым справка о состоянии гостиничного хозяйства местных советов РСФСР к 1938 г. Согласно документу, в городах республики насчитывалось 323 действовавших гостиницы с 31 536 койко-местами.

⁸⁶ Василевский Н. Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень. С. 16.

⁸⁷ Ушаков Н. План жилищно-коммунального хозяйства и строительства 1937 г. // Социалист. город. 1937. № 2. С. 6.

Гостиницы имелись во всех краях, областях и АССР, кроме Якутской АССР. Строившаяся в Якутске гостиница на 30 койко-мест должна была войти в эксплуатацию только в конце 1938 г. Всего количество гостиниц и койко-мест в городах распределялось следующим образом: Москва — 12 (2610), Ленинград — семь (1638), Ростов-на-Дону — пять (1403), Куйбышев — четыре (789), Симферополь — две (307), Севастополь — две (97), Орджоникидзе — две (138). Но для курортных городов этого было мало. Так же как недостаточно гостиниц и мест было в городах промышленного значения, куда приезжало много командировочных: в Иваново — одна (470), Саратове — две (211), Сталинграде — одна (292), Хабаровске — две (209 койко-мест).

Гостиничные тресты имелись в девяти городах: Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Горьком, Куйбышеве, Саратове, Казани, Симферополе и Уфе. Там, где не было гостиничных трестов, директора гостиниц подчинялись непосредственно городским жилищным управлениям. В большинстве городов часть гостиниц была заселена постоянными жильцами. Например, в Ярославле в трех гостиницах (286 мест) 60% были заняты постоянными жильцами. В Хабаровске, где были две гостиницы на 209 мест, большая их часть также была занята постоянными жильцами. В силу этого данные гостиницы находились в антисанитарном состоянии: в номерах готовились обеды на примусах и керосинках, стиралось белье, сами номера были заставлены громоздкими вещами и т.п. Но директора гостиниц не имели поддержки от вышестоящих организаций в вопросе выселения постоянных жильцов⁸⁸.

Во многих городах имелись «занятые не по назначению» бывшие гостиницы. Так, в Крымской АССР разными организациями были заняты здания 23 гостиниц, в Орджоникидзе — восьми зданий, в Курске — пяти. После длительных усилий удалось освободить от жильцов и учреждений только гостиницы «Лондон» в Орджоникидзе и «Крым» в Ялте. А в Армавире (Краснодарский край) президиум горсовета вернул под гостиницу здание бывшей гостиницы «Сан-Ремо», занятое ранее Нефтепроводстроем. Наоборот, были случаи, когда закрывались существующие гостиницы. Так, в сентябре 1938 г. была закрыта облисполкомом гостиница в Калининне на 45 номеров, переданная

⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 341. Л. 26.

под квартиры командного состава РККА. В городе осталось всего две гостиницы на 115 номеров. В Куйбышеве в сентябре 1938 г. горсовет в дополнении к 13 занятым номерам гостиницы обязал отвести еще 19 номеров под постоянное проживание артистов⁸⁹.

Количество строившихся в 1938 г. гостиниц достигло 43 (2708 мест). В том числе в этом году было начато строительство пяти гостиниц, строительство 36 продолжилось, а две гостиницы требовали существенных доделок. К вводу в эксплуатацию в 1938 г. были намечены 36 гостиниц, а переходили на 1939 г. пять, но эти планы постоянно нарушались. Например, по плану трех кварталов 1938 г. должно быть сдано в эксплуатацию 13 гостиниц (999 номеров), а сдали всего пять (в Саранске, Сыктывкаре, Великих Луках, Энгельсе и Биробиджане) на 206 номеров. Не были сданы гостиницы в Красноярске, Курске, Горьком, Пскове, Нижнем Тагиле, Рухлове и Петрозаводске. В IV квартале предполагалось сдать 19 гостиниц (1266 номеров), но по факту на 1939 г. перешли 17 гостиниц. Впрочем, даже в сданных гостиницах положение в бельем доходило до того, что выходили «из эксплуатации отдельные этажи, номера»⁹⁰.

К апрелю 1940 г. число гостиниц в городах РСФСР достигло 340 с числом койко-мест в них 38 509⁹¹. Кроме того, за годы второй и третьей пятилеток повысились требования к благоустройству и интерьеру гостиниц. В повестку дня третьей пятилетки была поставлена задача не просто предоставления проживающим койки или номера, а реализация этого на соответствующем гигиеническом и культурном уровне. Градостроительным и сервисным эталоном 1930-х годов стала уже упомянутая гостиница «Москва», для строительства которой был отведен целый квартал в центре города — между Охотным рядом, площадями Свердлова и Революции и Тверской улицей. Основой этой гостиницы, рассчитанной на 1,5 тыс. номеров, стал длинный корпус «Гранд-отеля», а остальные строения подлежали сносу. Строительство гостиницы велось одновременно с масштабной реконструкцией центра Москвы: в 1930 г. был снесен Охотный ряд с его торговыми рядами, мелкими гостиницами, трактирами и церквями. Самая боль-

⁸⁹ Там же. Л. 27.

⁹⁰ Там же. Л. 29.

⁹¹ Там же. Д. 373. Л. 2.

шая гостиница столицы, построенная в 1933–1935 гг. по проекту архитекторов Л. Савельева, О. Стапрана и А. Щусева, открыла новую страницу в истории советского гостиничного хозяйства, став одной из витрин страны «победившего социализма». Чего только стоили 18 комплектов мебели из различных материалов, потолочное освещение, торшеры, настенные лампы и живописные плафоны⁹². Другое дело, что размах строительных планов во многом определялся возрастающими потоками иностранных туристов. В связи с этим выход из гостиничного кризиса виделся в строительстве гостиниц-гигантов, чей парадный облик предвосхищал знаменитые «сталинские высотки» и был призван, прежде всего, презентовать вонне преимущества советского планового хозяйства и общественного строя в целом.

Значительные объемы промышленного и жилищного строительства во второй половине 1930-х годов предъявляли повышенные требования к качеству строительных работ и диктовали необходимость подготовки типовых проектов. Соответствующее совместное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1936 г. обязывало провести типизацию сооружений во всех областях строительства, включая гостиничное⁹³. В соответствии с принятыми решениями Академией коммунального хозяйства и Архитектурно-планировочной мастерской Наркомхоза РСФСР в 1940 г. были разработаны типовые проекты гостиниц на 40 и 70 мест. По этим проектам площадь номера на одно место составляла 9 кв. м вместо принятых в 1938–1939 гг. 12 кв. м. Также сократились и размеры других номеров: к примеру, 14 вместо 16–18 кв. м для двухместных номеров. Номера «люкс» не предусматривались вообще, а трех- и четырехместные номера должны были составлять не более 5%. Сузились с 2,2 до 1,6 м и гостиничные коридоры. В типовых проектах гостиниц, утвержденных НК КХ РСФСР 7 сентября 1940 г., объем здания на одно место был снижен с 107–109 до 71 куб. м. Здание гостиницы на 40 мест (23 номера — 6 одноместных и 17 двухместных) проектировалось в два этажа

⁹² См.: Меллер В.А. Москва строит гостиницы-гиганты. С. 34; Щусев А.В. Анализ архитектурных форм гостиницы «Москва» // Акад. архитектуры. 1936. № 3. С. 73–78.

⁹³ В развитие данного решения 21 июля 1939 г. были приняты постановление СНК СССР «О типовых проектах жилищного строительства» и приказ Наркомата коммунального хозяйства РСФСР № 867 от 25 ноября 1939 г.

с двухсторонним расположением комнат с центральным отоплением, водопроводом и канализацией. Все номера были оборудованы умывальниками и встроенными шкафами, а на первом этаже располагался буфет на 30 человек. Гостиница на 70 мест (38 номеров — 8 одноместных, 29 двухместных и один четырехместный) была запроектирована в три этажа с центральным отоплением, водопроводом, канализацией, столовой на 32 человека и парикмахерской⁹⁴.

Но с началом Второй мировой войны строительство новых гостиниц затормозилось. Неудовлетворительное выполнение плана 1939 г. во многом объяснялось плохой работой подрядных строительных организаций (в этом году капитальное строительство на три четверти велось подрядным способом) и слабым применением в коммунальном строительстве методов скоростного строительства⁹⁵. Документы свидетельствуют, что только по РСФСР в 1940 г. горсоветы должны были ввести в действие 17 гостиниц вместимостью 1495 номеров. По другим сведениям, в 1940 г. из 22 строившихся гостиниц 16 (с 1353 номерами) должны были быть закончены к концу года. Но была сдана всего одна гостиница в Челябинске вместимостью 126 номеров. И это несмотря на то что гостиницы в Воронеже и Уфе⁹⁶, Смоленске и Спаске (Приморский край) строились по специальным решениям ЦК ВКП(б). Строительство гостиницы в Сочи на 99 номеров, которую должны были сдать к 1 января 1941 г., длилось с 1932 г.⁹⁷

К 1941 г. гостиницы были построены в 669 городах СССР из 1241. В РСФСР на 1 января 1941 г. было 346 гостиниц вместимостью 31 329 мест, а в СССР — 793 (64 тыс. мест). Но в целом к 1941 г. на 1 тыс. жителей городов было только 0,92 места в гостиницах⁹⁸. Мало изменилось и состояние значительной части гостиниц (прежде всего

⁹⁴ Ермоленко В.Д. Типовые проекты для малоэтажного строительства жилых домов и гостиниц // Коммунал. стр-во. 1940. № 5. С. 4–8.

⁹⁵ Бельский И.А., Ранопорт В.С. Жилищно-коммунальное строительство горсоветов РСФСР в 1940 г. // Коммунал. стр-во. 1940. № 5. С. 1–2.

⁹⁶ Гостиницы в Воронеже и Уфе должны были быть сданы к 1 января 1941 г.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 461. Л. 18–19; Бельский И.А., Ранопорт В.С. Жилищно-коммунальное строительство горсоветов РСФСР в 1940 г. // Коммунал. стр-во. С. 1.

⁹⁸ Волков Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес. С. 53, 66.

провинциальных). Гостиничное хозяйство развивалось проблематично как с точки зрения обслуживания, так и с финансовой стороны. Несмотря на проделанную в 1920–1930-е годы работу по восстановлению и развитию гостиничного хозяйства, гостиничный фонд страны оставался на очень низком уровне. Существенно ограничили управленческий потенциал гостиничного хозяйства репрессии второй половины 1930-х годов, постоянные переброски директоров гостиниц с места на место, незначительное количество гостиничных трестов и слабая финансовая база, особенно в части амортизационных отчислений на цели капитального ремонта зданий и обновления оборудования.

В организационно-правовом отношении советское гостиничное хозяйство 1920–1930-х годов также находилось в неупорядоченном состоянии. До 1943 г. коммунальные гостиницы не имели отдельных органов управления и находились в составе городского жилищного хозяйства⁹⁹. До 1934 г. отсутствовали единые тарифы на услуги гостиниц¹⁰⁰, да и после этого нередко наблюдался тарифный разбой. До лета 1939 г. не существовало типовой номенклатуры оборудования гостиниц местных советов¹⁰¹, а до осени этого года не было даже типового устава как у гостиничного треста местного совета, так и у гостиниц, непосредственно подчиненных местному совету¹⁰². До 1945 г. не существовало типовых штатных нормативов для гостиниц и домов приезжих¹⁰³, а до 1946 г. отсутствовали Правила внутреннего распорядка в гостиницах, находившихся в ведении местных советов¹⁰⁴. Наконец,

⁹⁹ Постановлением СНК РСФСР № 336 от 5 апреля 1943 г. в составе Наркомата коммунального хозяйства РСФСР создавалось Главное управление гостиничного хозяйства, а коммунальные гостиницы переводились в непосредственное подчинение коммунальных отделов исполкомов городских советов трудящихся.

¹⁰⁰ Установлены 7 июля 1934 г. Постановлением Совнаркома РСФСР № 687 «Об упорядочении гостиничного хозяйства и установлении тарифов на номера и койки в гостиницах» (см.: Сборник правил, положений и инструкций по гостиничному хозяйству. С. 25).

¹⁰¹ Утверждена приказом НККХ РСФСР № 362 от 11 июня 1939 г.

¹⁰² Оба устава утверждены приказом НККХ РСФСР № 676 от 11 сентября 1939 г.

¹⁰³ Введены приказом НККХ РСФСР № 477 от 6 сентября 1945 г.

¹⁰⁴ Впервые были введены приказом министра коммунального хозяйства РСФСР № 317 от 10 июня 1946 г.

до 1948 г. не было типовых должностных инструкций для среднего и младшего обслуживающего персонала коммунальных гостиниц¹⁰⁵. Отчасти это можно объяснить отношением государства к гостиничному комплексу как одному из сегментов сферы услуг, которой отводилась подсобная роль.

Не спасли положение ни акционирование гостиниц, ни их реставрирование и перевод на хозяйственный расчет. Мало изменилось состояние большей части гостиничного хозяйства и после ликвидации частного гостиничного сектора. Расширение государственной сферы гостиничного хозяйства не было напрямую связано с качественным улучшением его работы. Коммунальные гостиницы сохраняли ряд существенных недостатков: изношенный гостиничный инвентарь; в лучшем случае слабую доходность (а в худшем — убыточность); плохой сервис и несоответствие численности гостиниц, номеров и мест масштабам урбанизационного скачка. Острейший «гостиничный кризис» во многом объяснялся сокращением гостиничного строительства во второй половине 1930-х годов и политикой горсоветов по закрытию гостиниц. По сравнению с началом 1930-х годов гостиничный фонд страны был сокращен почти наполовину. Невелик был и кадровый потенциал гостиничного хозяйства. К войне гостиничный сектор представлял собой весьма пеструю картину с точки зрения как состояния зданий и оборудования, так и обслуживания.

¹⁰⁵ Приняты распоряжением Главного управления гостиничного хозяйства 22 февраля 1948 г.

Жилищное строительство и эксплуатация жилого фонда

Правовое состояние жилищного фонда страны регулировалось постановлениями ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» и от 14 мая 1923 г. «О муниципальных строениях»; в последнем муниципальными были объявлены не только строения, изъятые у владельцев до 22 мая 1922 г., но и все бесхозные здания. Хотя «Положение об инвентаризации имущества местных советов» было утверждено ЭКОСО только 21 мая 1927 г., в условиях начинавшегося наступления на нэп. Это во многом объясняет командно-административный характер жилищной политики.

Проблема жилищного строительства оказалась тесно увязанной с вопросами градостроительства, которые в рассматриваемый период также регулировались в основном административными, а не правовыми методами. Вместе с тем в 1920—1930-е годы было предпринято много попыток сформировать правовое поле в области градостроительства. Обширный массив постановлений, распоряжений, инструкций, циркуляров и приказов, принимаемых на различных административных уровнях, в том числе ЦК партии, оказывал прямое и косвенное воздействие на застройку городов и соответственно на развитие ЖКХ.

В силу того что вопросами городского хозяйства до революции ведало министерство внутренних дел, после революции они также были отнесены в сферу деятельности НКВД РСФСР. Вопросами застройки и благоустройства городов, помимо созданного в 1918 г. Главного управления коммунального хозяйства НКВД, занимался созданный в том же году Комитет государственных сооружений (Комгосоор) при ВСНХ, в частности, его Управление городского и сельского строительства. Правда, в годы Гражданской войны деятельность этих учреждений не выходила за рамки мелких восстановительных работ.

Впервые вопрос об узаконении градостроительной политики был поставлен в 1921 г. на I съезде по оздоровлению населенных мест. В частности, ставились задачи приведения поселений в надлежащее санитарное состояние и их рациональной перепланировки. В соответствии с этой программой в ГУКХ был составлен проект Положения об установлении городских планов, согласно которому планы должны были предусматривать развитие города на 25 лет. Но встала проблема сбора сведений о положении населенных пунктов. Хотя введенный в декабре 1922 г. Земельный кодекс прекратил вмешательство земельных органов в городское хозяйство, специального декрета о наделении городов земель так и не появилось. Было отклонено и предложение вернуться к границам 1917 г., когда у городов была четкая межа. Усилия по собиранию коммунального хозяйства городов в единую систему сводились на нет закреплением частей этого хозяйства за отдельными ведомствами. Положение о земельных распоряжках в городах, утвержденное ВЦИК в 1925 г., отводило местным исполкомам роль не обладавших реальными правами наблюдателей. Из Положения о городских и сельских поселениях 1924 г. было сложно определить, что следует относить к городу: установленные критерии рода занятий и численности населения не всегда работали.

После выхода в свет Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 г. «Об обязательности для городских поселений и поселков иметь планы и проекты планировки» был снова поднят вопрос об организации «мониторинга» городских поселений. Но в очередной раз предложения остались на бумаге. Тем не менее, если до 1927 г. на первом месте стояли проблемы жилищного строительства и санитарного оздоровления городских поселений, то с 1927 г. на первый план выдвинулись вопросы городской планировки. На II Санитарно-техническом съезде в мае 1927 г. проблема планировки городов впервые выступила как самостоятельная. Инструкция НКВД 1928 г. установила общие принципы планировки советского города, рассматривавшегося как единое сооружение в социальном, архитектурном и инженерно-техническом плане. Эти решения напрямую касались перспектив развития жилищно-коммунального хозяйства.

Однако большинство проектов «социалистической реконструкции» городов были отложены в связи с масштабными планами нового строительства первой пятилетки. В свою очередь, беспорядочный

характер застройки при нарастающих объемах нового строительства вновь актуализировал вопрос о разработке градостроительного законодательства. «Основные положения устройства населенных мест», подготовленные ГУКХ НКВД РСФСР, ставили в повестку дня, наряду с проблемой «нового социалистического города», задачу реконструкции старых городских центров. Впрочем, в основу закона, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 1 августа 1932 г., был положен проект секции социалистического расселения Института экономики Комкадемии, ориентированный на новое строительство.

Годом ранее июньский (1931 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о разработке генерального плана Москвы, рассматривавшегося как образец реконструкции крупного города. Но в очередной раз возникла ведомственная неразбериха. Наряду с созданными Наркоматом коммунального хозяйства РСФСР и Всесоюзным советом по коммунальному хозяйству СТО наделил крупнейшие ведомства (в том числе Наркомат тяжелой промышленности) правом проектировать и утверждать проекты городской и районной планировки. В свою очередь, образованной в 1931 г. Академии коммунального хозяйства предписывалось в шестимесячный срок разработать общую методологию планировки и градостроительные нормативы, что было явно непосильной задачей для одного учреждения. Вопрос о разработке градостроительного законодательства по инерции обсуждался до 1937 г., но в основном в кругах гигиенистов и коммунальщиков¹.

15 мая 1933 г. председатель Всесоюзного совета по коммунальному хозяйству при ЦИК СССР Н.А. Кубяк² направил в ЦК партии докладную записку «О созыве Всесоюзной конференции по планировке и соцреконструкции городов СССР». В записке отмечались «весьма большие недостатки в вопросах планировки и соцреконструкции

¹ Косенкова Ю.Л. Формирование системы управления развитием городов в СССР (1920-е — начало 1930-х гг.) // Зодчий XXI век. 2010. № 4. С. 80–83 // НИИТАГ РААСН. URL: <http://www.niitag.ru/info/doc/?343>.

² Кубяк Николай Афанасьевич (29.07(10.08).1881, Мещовск Калужской губернии — 27.11.1937, Москва) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1898 г. В 1927–1928 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1927–1930 гг. — член Оргбюро ЦК. В 1933–1937 гг. — председатель Всесоюзного совета по коммунальному хозяйству при ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян 27.11.1937 г. Реабилитирован в марте 1956 г.

городов». Прежде всего, не были разработаны основные принципы и методология планировки новых и перепланировки существующих населенных мест. Это, в свою очередь, порождало разноречивую работу планировочных организаций. Образцами «неудачных планировочных решений новых важнейших индустриальных социалистических центров», по мнению автора записки, стали Магнитогорск, Нижний Тагил, Хибиногорск и др.³

В 1933–1934 гг. на планировку городов было ассигновано свыше 25 млн руб. Была организована сеть проектно-планировочных трестов и контор в центре и на местах. Помимо республиканского треста «Гипрогор», проектные тресты появились в 18 краях и областях. В Москве, Ленинграде и ряде крупных городов при горсоветах были образованы специальные отделы планировки, а в Москве — ряд проектных мастерских. В итоге в 1934 г. проектно-планировочными работами было охвачено до 240 городов и рабочих поселков. Особенно продвинулись работы по реконструкции столицы. Тем не менее отмечались серьезные недочеты в деле планировки, и прежде всего долгие сроки разработки проектов и их низкое качество. В силу этого утвержденные проекты имели лишь единичные города. Наблюдалось и расходование рядом горсоветов (например в Горьком) средств, выделенных на планировку, не по назначению. В итоге город строился, «не имея проекта планового размещения на территории крупнейших зданий и сооружений». Наоборот, Грозный, имевший утвержденный проект, застраивался не по проекту⁴.

Что уж тут говорить о строительстве отдельных домов. На совещании актива коммунальных работников в марте 1937 г. нарком Комаров сообщил, что в Челябинске наркомхозом в 1935 г. был утвержден план строительства жилого дома на 126 квартир объемом 79 390 куб. м и стоимостью 4731,3 тыс. руб. Через год оказалось, что объем здания увеличился на 6386,5 куб. м, а стоимость — на 1631,8 тыс. руб. Выяснилось, что в первоначальной смете строительным отделом Челябинского горсовета были пропущены: котельная и тоннели центрального отопления, освоение участка, расходы по очистке улиц и прочее на сумму 421 тыс. руб., ряд работ из-за неправильного определения

объема здания на 550 тыс. руб., расходы на гужевой транспорт из-за неправильного подсчета всех перевозок только автомобилями в размере 430 тыс. руб.⁵ В преддверии «Большого террора» подобные просчеты все чаще записывались на счет вредительства. Обычная для тех лет бесхозяйственность получала политическое звучание.

§ 1. Жилищное строительство и содержание жилого фонда

...обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних, ...квартирный вопрос только испортил их.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Демографический взрыв второй половины XIX — начала XX вв. и массовый приток деревенских жителей в города привели к тому, что крупных городах до революции основным типом жилья были казармы, подвалы и полуподвалы, а в большинстве городов — коачные помещения, землянки и полужемлянки. Так, в Петербурге в 1912 г. было около 150 тыс. «угловых жильцов», а 63 тыс. жили в подвалах. В Москве в коачных помещениях проживали 327 тыс., т.е. более 20% населения города. Почти половина горняков Донбасса проживала в землянках, и свыше 25% — в казармах и бараках. Землянка (или «каюта») строилась, как правило, на свалках, без окон и света. При этом ютившаяся на площади в 6–10 кв. м семья из 5–6 человек отдавала за квартплату до 25–30% семейного бюджета⁶.

Февральская революция резко осложнила ситуацию на рынке жилья, в том числе между владельцами квартир и квартиросъемщиками. Например, в Петрограде на одну кровать приходилось 1,8 человека, так как помимо найма комнат приметой времени стал наем углов и даже коак. В связи с этим выросла квартплата, особенно в столицах. Жилищный кризис проявлялся также в росте ночлежек и создании целых криминальных слобод на окраинах, в которых жили бежавшие из тюрем и дезертиры. Всеобщее образование домовых комитетов на-

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 32. Л. 2.

⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 30–31.

⁵ Там же. Д. 257. Л. 24.

⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

чалось только в сентябре. Хотя спектр их задач был широк, на деле они ограничивались борьбой с «хвостами» у булочных: представители квартир должны были получать хлеб на весь дом⁷. Не изменилась ситуация и после прихода к власти большевиков. 29 ноября 1917 г. анонимный автор (женщина) обратилась в Петроградский совет с жалобой на домовладельцев, созывавших «никому не нужный домовый Комитет» для своей охраны от погромщиков и заставлявших дежурить по ночам и мужчин и женщин. Автор письма слезно просила отменить «несчастную гильотину — охранку» и право домовых комитетов лишать продуктовых и хлебных карточек женщин, отказывавшихся от дежурства⁸.

Поддержание жилищного хозяйства на местах в годы Гражданской войны осуществлялось непросто. Во многих городах новые дома не строили, существовавшие дома разрушались и не ремонтировались, а пострадавшие от пожаров не восстанавливались. Не продвигалось дело и с национализацией жилого фонда. Даже в Москве в начале 1919 г. из 28 тыс. домов было национализировано всего 4,5 тыс. Как определил Пленум ЦК партии 4 мая 1919 г., национализация остальных домов оказалась «совершенно не по силам». Поэтому ЦК партии поручил партийным организациям «прекратить всякую агитацию в широких массах за национализацию»⁹. Зачастую беспорядочно проходила муниципализация жилого фонда, начало которой положил декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». На практике местные чиновники руководствовались не столько директивами центра, сколько личными интересами: изымали лучшие дома для себя и своих родственников или брали взятки¹⁰. Идея муниципализации жилья быстро показала свою несостоятельность. Жилье практически стало ничейным, что негативно сказалось на состоянии жилищного фонда.

⁷ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 113–116.

⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 67. Л. 173–174.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 7. Л. 1.

¹⁰ Смирнова Т.М. Жилищная политика Советской власти в годы НЭПа (По материалам демунципализации в Москве и Московской губернии) // Ежегодник ист.-антрополог. исслед. 2001/2002. М.: Экон-Информ, 2002. С. 278.

В Брянске в 1918 г. имелся жилищный отдел, состоявший из десяти сотрудников, которые производили обследования квартир «по мере надобности». Сдача и наем квартир и комнат регулировались городским Положением об учете и распределении жилых помещений, а цены на квартиры нормировались по «поясам города и оборудованию». Если в 1916 г. средняя цена найма трехкомнатной квартиры составляла 40 руб., а двухкомнатной — 30 руб., то в декабре 1918 г. в сопоставимых ценах стоимость найма выросла до 120 и 80 руб. соответственно. Уплотнение квартир проводилось «по мере надобности осмотром на местах» по норме 20 кв. аршин¹¹ на одного взрослого и одного ребенка до 2 лет и 10 кв. аршин на одного ребенка от 2 до 12 лет. Муниципализация домов в городе началась только в декабре 1918 г. Но большинство из 148 муниципализированных домов (1069 квартир и 2 тыс. комнат) были отданы под учреждения и только часть — под квартиры. Из них восемь домов были предоставлены бесплатно войсковым учреждениям, а остальные квартиры сдавались всем желающим, правда, предпочтение отдавалось рабочим¹².

В постановлении Владимирского городского совнархоза от 3 декабря 1918 г. до сведения горожан доводилась новая квартирная плата без учета отопления и освещения. Для квартир 1-й категории (отличных) плата устанавливалась в размере 50 коп. в месяц за каждый квадратный аршин, для квартир второй категории (хороших) — 40 коп., третьей категории (средних) — 30 коп. и четвертой (плохих) — 20 коп. К первой категории относились квартиры с паркетными полами, большими (около 5 кв. аршин) окнами, высокими (4 аршина и выше) потолками, парадным и служебным входом, водопроводом, теплой уборной и ванной. Для квартир второй категории были характерны хорошие крашенные полы, средней величины (около 4 кв. аршин) окна, потолки не более 4 аршин высотой, два входа и теплая уборная. Квартиры третьей категории характеризовались как «обыкновенного характера, не вызывающие особенных неудобств, т.е. не имеющие признаков сырости, не холодные, с достаточным количеством света».

¹¹ Аршин — законченная в 1899 г. русская единица измерения длины, равная 0,7112 м.

¹² ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

И наконец, к четвертой категории принадлежали квартиры в подвалах или на других этажах, но с признаками сырости, с холодными уборными, низкими потолками и недостатком света¹³. Впрочем, подобное жилье можно было обнаружить повсеместно. Москвич К. Антонов в письме в СНК РСФСР в январе 1920 г. так описывал свое жилище: «температура 4–5 градусов и сыро. Одно утешение, что у других ниже нуля, да еще ребятишки есть, а я живу только со старухой женой, которая ко всему притерпелась и безропотно несет крест этой каторжной жизни»¹⁴.

Хотя декрет «Об уничтожении частной собственности на недвижимость в городах» (август 1918 г.) давал право местным советам конфисковывать здания в поселках городского типа с населением свыше 10 тыс. жителей, частная собственность на дома сохранилась. Более того, после окончания Гражданской войны в целях восстановления жилищного фонда было разрешено (с рядом ограничений) частное жилищное строительство, возобновлены сделки с недвижимостью, проведена частичная демунципализация мелких, экономически неэффективных домов, а также изменены формы управления домами.

Формально с 1919 по 1922 г. плата за жилье в стране была отменена: ее взимание возобновилось по постановлению СНК РСФСР только с 1 мая 1922 г.¹⁵ Но это правило нередко применялось на местах только к рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений. Например, 30 марта 1920 г. коллегия Муромского городского коммунального отдела, заслушав «словесный доклад» заведующего жилищно-земельным подотделом, постановила с 1 апреля повысить квартплату жильцам, проживавшим в муниципальных домах, на 100%¹⁶. Так как плата за воду, освещение и квартиры составляла «ничтожный процент дохода» Витебского отдела коммунального хозяйства, а расходы на содержание работников превышали доходы,

¹³ Там же. Д. 44. Л. 207.

¹⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 4. Д. 247. Л. 36а–36аоб.

¹⁵ О плате за пользование жилыми помещениями // СУ РСФСР. 1922. № 30. Ст. 349.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 44. Л. 20–20об.

руководство отделом в начале 1920 г. поставило вопрос о повышении квартплаты «с тем, чтобы благоустроенные квартиры были предоставлены рабочему населению». Попытка разрешить жилищный вопрос переселением буржуазии из центра на окраины с помощью созданной Особой рабочей инспекции проблемы не решила. Губернский здравотдел препятствовал переселению в условиях распространения в городе заразных болезней, а многие учреждения выступили в защиту своих специалистов. Конфискованные 153 дома, оказавшиеся в «жалком состоянии», в большинстве случаев были заняты воинскими частями и не ремонтировались. Ненужную инспекцию вскоре пришлось распустить¹⁷.

В начале нэпа оценить «размеры разрушений в области коммунального хозяйства» можно было только приблизительно. В частности, восстановлению подлежало до 2,91 млн куб. саженей прежнего жилищного фонда только муниципализированных зданий. Сюда надо было добавить еще не менее 600 тыс. куб. саженей, разрушенных военным постоем в строениях этой же категории. Разрушение бывших казенных зданий составляло около 2 млн куб. саженей¹⁸. В этих условиях Главное коммунальное управление накануне введения новой экономической политики ограничивалось циркулярными письмами губернским коммунальным отделам о проведении совместно со здравотделами «жилищных недель»¹⁹.

Зато переход к нэпу привел к восстановлению доходных домов: 7 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение «О возвращении мелким собственникам небольших домов»²⁰. Но это решение, в свою очередь, породило новые трудности. Например, 18 февраля 1922 г. Гомельский губернский коммунальный отдел, рассмотрев заявление квартиросъемщика Цвилюховского об «издевательских отношениях» домовладельца Певзнера и «вымогательстве квартирной платы» продуктами или 500 тыс. руб. в месяц за «занимаемую одну маленькую

¹⁷ Там же. Д. 43. Л. 17, 19, 22.

¹⁸ Петров М. Задачи организации коммунального хозяйства // Коммунал. работник. 1922. № 7. С. 30.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 7. Л. 2.

комнату», что сильно превышало установленную губернским коммунальным отделом квартплату, постановил арестовать домовладельца на трое суток²¹. Такие конфликты были обычным делом.

С осени 1921 г. повсеместно стали создаваться жилищные товарищества (коллективы собственников дома), на которые государство переложило работы по ремонту и восстановлению жилого фонда. В 1924 г. жилтоварищества были заменены ЖАКТаами (жилищно-арендными кооперациями), получившими право распоряжаться финансами конкретного дома и заниматься распределением жилой площади в нем. Помимо ЖАКТов в этом же году начали создаваться и другие виды кооперации: рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ), объединявшие рабочих и служащих государственных предприятий, и общегражданские (ЖСКТ), включавшие кустарей, ремесленников, мелкую буржуазию и лиц свободных профессий. Понятно, что отношение государства к кооперативным товариществам зависело от их социального состава. Так, для РЖСКТ был предусмотрен ряд льгот в отношении отвода земельных участков, леса для построек, перевозки стройматериалов и т.п. Кроме того, в 1925 г. был создан государственный Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства с отделениями на местах, оказывавший финансовую помощь и выдававший кредиты РЖСКТ²².

Ускорился и процесс муниципализации жилищного фонда. Так, в 1922 г. ГУКХ НКВД по 85 городам утвердило муниципализацию 12 310 домов (94% намеченных коммунальными делами к муниципализации). Правда, 331 дом (2,7%) не утвердили, а по 475 домам (3,9%) были запрошены дополнительные сведения²³. Одновременно новая экономическая политика поставила в повестку дня срочные меры к «проведению классового принципа в оплате коммунальных услуг при условии сочетания этого принципа с самокупаемостью коммунальных услуг в целом». По решению сентябрьского (1923 г.) Пленума ЦК

²¹ ГА РФ. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

²² Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 104.

²³ В Главном управлении коммунального хозяйства (декабрь 1922 г.) // Коммунал. работник. 1923. № 2 (86). С. 29–30.

партии Политбюро создало по этому вопросу специальную комиссию под руководством вновь назначенного наркома внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородова²⁴, уже 3 ноября замененного И.И. Хлопьянкиным²⁵. 13 ноября состоялось первое совещание по вопросу о проведении классового принципа в деле оплаты коммунальных услуг, на котором присутствовали представители НКВД, Моссовета, Главэлектротранс ВСНХ, НКФ и ВЦСПС. Было принято решение о нецелесообразности издания законодательного акта о классовом коммунальном тарифе «ввиду невозможности установления единообразной стоимости коммунальных услуг по республике». Ограничились указанием губкомам партии, губисполкомам и губпрофсоветам о введении классового тарифа по оплате за коммунальные услуги путем предоставления скидок для малообеспеченных рабочих и служащих за пользование электроэнергией и водой в размере 50% с переложением стоимости по льготному тарифу «на остальные группы населения и предприятия»²⁶. По докладу комиссии 12 февраля 1925 г. Политбюро наконец приняло соответствующее постановление, в котором говорилось, что в «вопросах квартирной платы центральная власть должна ограничиться только общими директивами», предоставив регулирование вопросов квартирной платы губисполкомам. В свою очередь, высшая партийная инстанция поручила НКВД «оформить данные решения в советском порядке»²⁷.

Из докладной записки секретаря СНК РСФСР М.Ф. Болдырева «По вопросу финансирования мероприятий по восстановлению коммунального хозяйства РСФСР», направленной 25 июля 1924 г. председателю правительства А.И. Рыкову, узнаём, что в 2154 городах

²⁴ Белобородов Александр Григорьевич (14(26).10.1891, пос. Александровского завода Соликамского уезда Пермской губернии — 09.02.1938, Москва) — советский государственный деятель. В 1921–1923 гг. — заместитель, а с августа 1923 г. по ноябрь 1927 г. — нарком внутренних дел РСФСР. Репрессирован.

²⁵ Хлопьянкин Иван Иванович (1890, дер. Лутино Владимирской губернии — 26.04.1938, Коммунарка Московской области) — советский государственный деятель. В августе 1923 г. — апреле 1924 г. — заместитель наркома внутренних дел РСФСР. Репрессирован.

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 8. Л. 5–8, 11.

²⁷ Там же. Л. 12.

и поселках городского типа СССР с населением в 21,5 млн человек имелось около 27,5 млн кв. саженей жилой площади (или по 1,6 кв. аршина на человека). К этому времени значительная масса жилой площади (до 50%) в крупных городах была муниципализирована. В муниципализированных домах находилось около четверти жилой площади всех городов РСФСР. Но до установленной «голодной нормы» в 16 кв. аршин на человека не доставало 1 млн кв. саженей, или 28,5%. Увеличилась, по сравнению с довоенными годами, и населенность квартир. Так, в Москве в 1918 г. на одну комнату приходилось 1,98 жителя, а в 1923 г. — уже 2,19. В Саратове в 1918 г. на одного жителя было 18,3 кв. аршин, а в 1923 г. — только 12,3. В Воронеже эти показатели составили 19,4 и 13,2 кв. аршин соответственно. Причинами такой населенности стали: значительный рост населения крупных и фабрично-заводских городов (в Москве с 1920 г. население выросло на 50%, в Иваново-Вознесенске — на 34%, в Царицыне — на 21%, в Твери — на 27% и т.д.), пожары, разрушения и естественный износ жилья²⁸.

26 августа 1926 г. Политбюро рассмотрело вопрос «Об упорядочении дела эксплуатации и управления муниципализированными домами». В принятой резолюции «Об упорядочении дела эксплуатации и управления муниципализированными домами и усиления ответственности» указывалось, что в целях «сохранения муниципального жилищного фонда от дальнейшего разрушения», помимо доведения квартплаты до уровня, обеспечивавшего эксплуатацию, ремонт и амортизацию домов, необходимо устранить неправильное расходование домового дохода местными исполкомами и учреждениями и правильно организовать управление домами. В частности, выделялись три формы эксплуатации жилищного фонда: сдача домов в аренду, организация домовых трестов и непосредственное управление домами, построившими их предприятиями и учреждениями. Резолюция также предусматривала: развитие жилищно-арендной кооперации и жилищных товариществ и усиление контроля со стороны исполкомов над эксплуатацией жилья. Последнее предполагало «фактическое проведение в жизнь» уголовной, гражданской и административной ответственности, «повышение уголовной репрессии» за неправиль-

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 24. Л. 18–19.

ное ведение домового хозяйства и «хищническое отношение к жилищу». В целях предупреждения использования домоуправлениями доходов от домового хозяйства не по прямому назначению намечалось нормировать эти расходы, а также «значительно снизить» расходы на содержание выборного состава и обслуживающего персонала²⁹.

При этом многоквартирные дома, переданные после национализации в распоряжение работодателя (завода, учебного заведения и проч.) и нередко заселенные посторонними лицами, тяжким бременем ложились на плечи трестов, всячески стремившихся избавиться от обузы³⁰. Одновременно власти усилили «классовую линию» в заселении пустовавших квартир. Так, 29 октября 1926 г. Малый Совнарком РСФСР секретным распоряжением воспретил «всем государственным учреждениям и предприятиям, в распоряжении которых состоят национализированные или муниципализированные жилые дома, находящиеся в черте города Москвы, предоставлять в них жилые площади нетрудовым элементам»³¹. Напротив, власти Казани в середине 1920-х годов приняли решение в двухнедельный срок заколотить окна и двери пустовавших домов, превращенных обывателями в места свалок и нечистот³².

В целом жилищное хозяйство городов второй половины 1920-х годов представляло «много интересного и поучительного». По переписи 1926 г. в 506 городах РСФСР жилая площадь составляла 87 млн кв. м, а без Москвы и Ленинграда — 61 млн. Средняя норма по всем городам СССР составляла 5,9 кв. м. В то же время из 225 городов с населением свыше 20 тыс. человек пять городов имели на одного жителя от 3,7 до 4 кв. м, 64 города — 4–5 кв. м и 89 городов — 5–6 кв. м. Таким образом, 158 городов (или 70%) имели норму ниже средней. Особенно сильно отклонялись от средней нормы такие рабочие центры, как Новосибирск (4,1 кв. м), Иваново-Вознесенск (4,3), Сталин (4,4), Тула (4,5), Сталинград (4,7), Свердловск (4,8), Омск (4,8), Оренбург (4,9) и Нижний Новгород (5,1 кв. м). Но эти нормы были средними для

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 7. Л. 9–12.

³⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 946. Л. 152.

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 7. Л. 20.

³² Хроника коммунальной жизни // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 6. С. 67.

всего городского населения. Если учесть, что рабочие в указанных городах составляли от 15% (в Нижнем Новгороде) до 46% (в Сталине) населения, то для них норма была еще ниже. Положение мелких городов было более благоприятным, чем крупных: в городах численностью населения до 5 тыс. жителей приходилось 8,2 кв. м на человека, свыше 100 тыс. — 5,1 кв. м. В целом по переписи до минимальной жилищной нормы в 8 кв. м не хватало 35,847 млн кв. м. Если же взять только муниципализированную жилую площадь, то нехватка по переписи 1927 г. составляла 21 млн кв. м.

Жилищное строительство обеспечивало проживавших в городах «крайне недостаточно». Если за 1927 г. жилая площадь выросла на 2,9%, то городское населения — на 3%. Во второй половине 1920-х годов наблюдалось постепенное снижение доли комхозовского хозяйства: если в 1923 г. в ведении коммунальных органов находилось 45% всей жилой площади, то в 1928 г. — всего 30%. В 1926–1927 гг. в РСФСР частные лица построили 91,3% всех строений с площадью 64,3% от вновь созданной. Для кооперация данные показатели составляли 4,6 и 13,7%, для коммунальных отделов — 2,4 и 12,4%, для госучреждений и заводоуправлений — 1,7 и 9,6% соответственно. Выборочное обследование показало, что наименьшая доходность наблюдалась в комхозовских владениях, а наибольшая — в арендуемых частными лицами, т.е. комхозы продолжали «проедать основной капитал домовладения». Неудивительно, что в первые 2 года пятилетки жилищный вопрос оставался «самым острым и большим» и не имел «достаточно удовлетворительного решения»³³.

Нельзя, впрочем, говорить, что во второй половине 1920-х годов власти вообще игнорировали вопросы жилищного строительства. Если в контрольных цифрах Госплана на 1925–1926 гг. многие отрасли коммунального хозяйства остались «совершенно неотраженными», то вопросам жилищного строительства было уделено «некоторое внимание». В контрольных цифрах на 1926–1927 гг. «жилищному строительству уделяется еще больше места и внимания». Впрочем, в них было указано, что во всех исчислениях «допущен ряд условностей», но какие

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 47; Сиринов М. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы // Коммунал. хоз-во. 1929. № 3–4. С. 4, 5, 7, 9.

именно — не разъяснялось³⁴. Тем не менее из данных табл. 8.1 можно составить представление о месте жилищного сектора в коммунальном хозяйстве РСФСР³⁵.

Переводя эти данные в процентные показатели, можем увидеть, что государственный жилой фонд в городах за 1923/1924 хоз. год оказался изношенным на 1,4%, а вложения за год составили всего 1,2% по отношению к основному капиталу жилищного хозяйства. Соответственно убыль жилого фонда составила 0,28%. В 1924/1925 хоз. году при износе в 1,5% вложения составили уже 3,1%, что дало прирост жилья на 1,6%. В 1925/1926 хоз. году положительный тренд сохранился: 1,5, 5,38 и 3,88% соответственно. Зато в 1926/1927 хоз. году показатели несколько ухудшились: при износе в 1,49% вложения снизились до 5,8%, что сказалось на приросте жилого фонда — 3,79%. При этом положение в государственном жилищном хозяйстве было лучше, нежели в остальных коммунальных отраслях, где в 1923/1924 хоз. году убыль составила 3%, а в 1924/1925-м — 0,7%. Только с 1925/1926 хоз. года в коммунальном хозяйстве начался прирост капитала (1,4%), а в 1926/1927 хоз. году коммунальное хозяйство обогнало жилищный сектор (4,7%).

Что касается городского частного сектора, то здесь динамика была следующей: в 1923/1924 хоз. году при износе в 1,95% и вложениях в 1,1%, убыль жилого фонда составила 0,85%, а в следующем (1924/1925-м) убыль снизилась до 0,14% за счет сокращения разницы между износом (1,95%) и вложениями (1,81%). Позитивные сдвиги в частном секторе наметились в 1925/1926 хоз. году, когда прирост в 0,64% был достигнут за счет превышения вложений (2,59%) над износом (1,95%). В 1926/1927 хоз. году показатели еще больше выросли: 2,37% прироста при 1,34% износа и 3,71% инвестиций. Но наибольшие темпы прироста демонстрировал кооперативный сектор (190,3% в 1924/1925 хоз. году, 89% в 1925/1926 хоз. году и 70,75% в 1926/1927 хоз. году). Но здесь следует учитывать, что жилищное кооперативное строительство начиналось практически с нуля, а затем

³⁴ Мотоланский С. Контрольные цифры Госплана на 1926–27 г. и коммунальное хозяйство // Там же. 1926. № 21–22. С. 3, 5.

³⁵ Там же. С. 3–4.

Таблица 8.1
Движение основных фондов за 1923/1924 – 1926/1927 гг.

	Капитал к началу года	Износ за год	Вложения за год	Капитал к концу года
<i>1923/1924 г.</i>				
1. Коммунальное хозяйство	1783	80	26,3	1729,3
Жилищный фонд (городской и сельский)	17370	320,5	426,5	17 476
Прочие фонды	25 887,7	889,9	820,7	25 818,5
Итого	45 040,7	1289,4	1273,5	45 024,8
2. Распределение основных фондов				
Государственный	24 850,9	765,2	558,9	24 644,6
Кооперативный	319,9	12,7	31,4	338,6
Частный	19 869,9	511,5	688,2	20 046,6
Итого	45 040,7	1289,4	1273,5	45 024,8
3. Городской жилфонд				
Государственный	4860	72,5	58,5	4846
Кооперативный	0	0	10	10
Частный	4340	85	48	4303
Итого	9200	157,5	116,5	9159
<i>1924/1925 г.</i>				
1. Коммунальное хозяйство	1729,3	78,8	65,9	1716,4
Жилищный фонд (городской и сельский)	17 476	323	564,3	1777,3
Прочие фонды	25 819,5	883,1	1094,6	26 031
Итого	45 024,8	1284,9	1724,8	45 464,7
2. Распределение основных фондов				
Государственный	24 644,6	756,4	881,3	24 769,5
Кооперативный	338,6	12,9	66	391,7
Частный	20 041,6	515,6	777,5	20 303,5
Итого	45 024,8	1284,9	1724,8	45 464,7
3. Городской жилфонд				
Государственный	4846	73	151	4924
Кооперативный	10	0	19,3	29,3
Частный	4303	84	78	4297
Итого	9159	157	248,3	9250,3

Окончание табл. 8.1

	Капитал к началу года	Износ за год	Вложения за год	Капитал к концу года
<i>1925/1926 г.</i>				
1. Коммунальное хозяйство	1716,4	77,3	102,5	1741,6
Жилищный фонд (городской и сельский)	17617,3	327,4	725	18 114,9
Прочие фонды	26 031	892,7	1928,6	27 066,9
Итого	45 464,7	1297,4	2756,1	46 923,4
2. Распределение основных фондов				
Государственный	24 769,5	757,4	1781	25 793,1
Кооперативный	391,7	16,8	114,9	489,8
Частный	20 303,5	523,2	880,2	20 660,5
Итого	45 464,7	1297,4	2756,1	46 923,4
3. Городской жилфонд				
Государственный	4924	74	265,1	5115,1
Кооперативный	29,3	0,4	26,5	55,4
Частный	4297	84	11,4	4224,4
Итого	9550,3	158,4	403	9794,9
<i>1926/1927 г.</i>				
1. Коммунальное хозяйство	1741,6	69,7	152	1823,9
Жилищный фонд (городской и сельский)	18 114,9	308	820,2	18 627,1
Прочие фонды	27 066,9	955	2146,8	28 258,5
Итого	46 923,4	1332,7	3118,8	48 709,5
2. Распределение основных фондов				
Государственный	25 793,1	793,7	2027,6	27 027
Кооперативный	489,8	23,1	118,1	584,8
Частный	20 640,5	515,9	973,8	21 098,4
Итого	46 923,4	1332,7	3118,8	48 709,5
3. Городской жилфонд				
Государственный	5115,1	76,5	270,6	5309,2
Кооперативный	55,4	0,8	40	94,6
Частный	4324,4	58,3	161	4427,1
Итого	9494,9	135,6	471,6	9830,9

при росте вложений в абсолютном выражении разница между износом и инвестициями постепенно снижалась.

Развитие жилищного строительства и расширение сети жилищной кооперации тормозились рядом причин, и прежде всего «ненормальными условиями эксплуатации жилищного фонда», когда четыре пятых всего городского населения платило за жилую площадь не более половины стоимости эксплуатации и амортизации. Повышение в 1926/1927 хоз. году квартплаты дало общее повышение платежей только на 24%, т.е. в 2 раза меньше необходимой суммы. Сюда же можно добавить неаккуратность вноса квартплаты, дефицит в сотни миллионов рублей и недостаточность средств на ремонт жилья³⁶.

С одной стороны, за 1925–1928 гг. государством было ассигновано на жилищное строительство около 1 млрд руб., результатом чего стал значительный прирост жилого фонда, несколько ослабивший в ряде мест жилищный голод. С другой стороны, в целом по стране положение продолжало оставаться весьма тяжелым, особенно для рабочих³⁷. 27 июля 1928 г. председатель Цеккомбанка Лугановский направил в ЦК ВКП(б), членам Политбюро и лично И.В. Сталину записку «Об ухудшении жилищных условий рабочего населения Союза и о необходимости усиления финансирования жилищного строительства». По его данным, вложения в жилищное строительство (восстановление и новое строительство) из местных и централизованных источников за период 1924/1925–1927/1928 хоз. лет составили 942,3 млн руб. Но динамика инвестиций по годам была затухающей (табл. 8.2)³⁸.

Таблица 8.2

Вложения в жилищное строительство СССР

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
В абсолютных цифрах, млн руб.	105,2	201,1	289,9	377
Темп роста вложений, %	—	92	44	27

³⁶ Горений И.Е. Жилищные перспективы // Коммунал. дело: ежемес. журн ГУКХ НКВД. 1926. № 19–20. С. 36.

³⁷ Моторов Ил. Усилим борьбу на жилфронте // Коммунал. работник. 1928. № 9. С. 12.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 46.

Данные Госплана СССР и ЦСУ, учитывавшие прирост городского населения и износ жилого фонда, показывали, что средняя душевая жилищная норма, составлявшая в 1924/1925 хоз. году 6,2 кв. м, снизилась к 1927/1928 хоз. году до 5,53 кв. м, или на 9,5%. Отсюда неутешительный вывод советского банкира: «Не улучшение, а ухудшение жилищных условий мы имеем за истекшие 4 года»³⁹.

Понятно, что власти искали разные способы разрешения жилищной проблемы. В частности, 17 апреля 1928 г. СНК СССР принял Постановление «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала», предоставлявшее льготы гражданам и частным юридическим лицам Союза ССР, осуществлявшим строительство «за счет частного капитала крупных жилых домов, минимальные размеры которых определяются в порядке законодательства союзных республик». В числе льгот было облегчение создания акционерных общества без участия государственных и кооперативных капиталов, разрешение создания частных строительных контор и проч.⁴⁰ Хотя самой массовой формой управления в эти годы были жилищные товарищества, но в 1928 г. около 85% городских домостроений находилось в частной собственности⁴¹. Другое дело, что сталинский «большой скачок» похоронил планы развития частного жилого сектора.

В 1928 г., при падении средней нормы по СССР до 5,53 кв. м, «жилищные условия еще в большей мере ухудшились для рабочих центров». Свердловск дал снижение до 4 кв. м, а Иваново-Вознесенск, Тула и Бежица опустились ниже 4 кв. м. Особенно низкой жилищная норма была в горнодобывающих районах: на шахтах Кизилтреста — 2,7 кв. м, на рудниках Донбасса — 3,3–3,8. Общее ухудшение жилищных условий во многом объяснялось «диспропорцией между новым строительством и ростом населения и износом наличной жилой площади». Особенно резко сказывалось это ухудшение в рабочих центрах, где вновь прибывавшие трудовые кадры попадали в еще более тяже-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 22.

⁴¹ Близнова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история: моногр. сб. М.: Три квадрата, 2001. С. 53.

лые условия, чем старый контингент: были вынуждены проживать в землянках, железнодорожных вагонах и т.п.⁴² Хотя в целом по стране в подвалах и полуподвальных помещениях, по данным жилищной анкеты 1928–1929 гг., проживали всего 2,3% рабочих (и не было ни одной семьи, которая жила там с 1919 г.)⁴³, «средняя температура по больнице» не могла скрыть того обстоятельства, что в ряде регионов положение с жильем было просто катастрофическим.

При этом даже в столице в конце 1920-х годов состояние домов оставляло желать лучшего. Плохая прокатка железа была причиной протекания крыш, что, в свою очередь, вело к появлению сырости в домах. Палубная система полов при сыром материале способствовала образованию большого количества трещин. Внутрикномнатные перегородки делались из тонкого материала (горбылей) и отштукатуривались рогожей, в силу чего были на 100% звукопроницаемы⁴⁴.

По результатам выборочного обследования 1930 г., наименьшая средняя норма жилплощади (4,7 кв. м на человека) была отмечена в Сибири и на Урале⁴⁵. Даже в Астрахани, где размер жилой площади в 1920-е годы превышал общероссийские показатели, качество жилья было хуже, а темпы его увеличения были невелики и не позволяли разрешить жилищный вопрос. К концу десятилетия состояние фактически всех муниципализированных домовладений было неудовлетворительным. Переход к ускоренной индустриализации еще быстрее ухудшил жилищные условия из-за резкого роста числа городских жителей. И это несмотря на то что в регионе, вопреки общей государственно-партийной линии, активно велось частное строительство⁴⁶. В целом по РСФСР продолжалось снижение затрат на ремонт жилого фонда: с 107,4 млн руб. в 1927 г. до 68,5 млн руб. в 1930 г.⁴⁷

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 47.

⁴³ Шенгели Г. По следам времени. С. 16.

⁴⁴ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 109.

⁴⁵ Жуков В.И. Жилищное и коммунальное хозяйство... С. 109.

⁴⁶ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 91–92, 94.

⁴⁷ Головин М. Наши нужды, наши планы // Коммунал. и жилищ. стр.-во. 1931. № 9–10. С. 3.

Программа по жилищному строительству на 1931 г. была недовыполнена на 27–28%, а по коммунальному строительству — на 30%. Наблюдалось и сильное удорожание строительства в ряде районов страны⁴⁸.

Затраты на жилищное строительство в СССР в 1932 г. (включая окончание строительства, начатого в 1931 г.) были определены в сумме 1698 млн руб. На эти средства предполагалось построить 16,3 млн кв. м, которые обеспечат жильем 3,5 млн человек. При этом кирпичное строительство должно было составить 22,1%, каменное — 22,1, глиняное — 7, деревянное — 26,6 и прочее — 22,2%⁴⁹. Но за I полугодие 1932 г. освоение капиталовложений в жилищном строительстве достигло всего 22% годового плана и 55% полугодического. Из 796 млн руб. было освоено всего 420 млн руб. В эксплуатацию за это время было сдано всего 12% годовой программы жилья. И это несмотря на то, что специальным постановлением правительства была обусловлена сдача всего переходившего с прошлого года строительства (около 6 млн кв. м) — около 32% годовой программы) не позднее 1 июля. В итоге ни по сумме капиталовложений, ни, тем более, по физическому объему программа строительства жилья не была выполнена⁵⁰.

Зато в Москве за год с лишним, прошедший после июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б), было построено и сдано в эксплуатацию 124 новых дома и надстройки. Если в 1931 г. были сданы 96 капитальных домов, то за I полугодие 1932 г. — 55 капитальных домов и 14 надстроек⁵¹. Кроме того, ЦК партии и правительство активно развивали жилищное хозяйства Ленинграда, где и так были одни из самых высоких в стране показателей по жилищным нормам. На 1932 г. объем нового жилищного строительства в «колыбели революции», по линии как коммунального хозяйства, так промышленности и других ведомств, был определен в размере 1,2 млн кв. м, что должно было

⁴⁸ Сулимов Д.Е. Усилить жилищное строительство // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 17.

⁴⁹ Смирнов А.П. Боевые задачи жилищно-коммунального строительства // Там же. С. 15.

⁵⁰ Власенко С. Ликвидировать прорыв первого полугодия. С. 2.

⁵¹ Булганин М. В боях за пролетарскую Москву. С. 17.

дать в 4 раза больший прирост жилой площади по сравнению с показателями 1931 г. По видам строительства годовой план был таков: кирпичного — 250 тыс. кв. м, шлакобетонного — 250 тыс., надстройки — 100 тыс., переустройства и приспособления — 100 тыс. и деревянного (в пригородной зоне Ленинграда) — 500 тыс. кв. м. Наряду с программой нового жилищного строительства Ленинградскому комитету партии и Ленсовету было предложено развернуть работы по внутреннему и наружному ремонту старого жилищного фонда, а также обеспечить со стороны органов жилищно-арендной кооперации усиление ответственности за правильную эксплуатацию арендуемого фонда⁵².

Совсем иная картина с жилищным строительством наблюдалась за пределами столичных мегаполисов. В целом по стране за первую пятилетку жилфонд должен был возрасти с 164,6 млн кв. м в 1928/1929 хоз. году до 213 млн в 1932/1933 хоз. году. Но этот план не был выполнен «из-за невыполнения снижения себестоимости строительных работ». Впрочем, отставание было вызвано «исключительно невыполнением плана по линии индивидуального сектора». Обобществленный же сектор даже перевыполнил план. Всего за 1927–1932 гг. в новые дома было вселено около 2 млн только рабочих семей⁵³. Пресса озвучивала мнение партийно-государственного руководства страны, что невыполнение плана 1932 г. было вызвано тем, что горсоветы и строительные организации (и в первую очередь тяжелая промышленность, занимавшая львиную долю во вложениях в жилищное строительство) подошли к нему «не по-большевистски»⁵⁴. Данные табл. 8.3⁵⁵ показывают, что вводимая в эксплуатацию жилплощадь не зависела от объема капиталовложений в жилищное строительство, а общий жилой фонд прирастал весьма медленно.

17 апреля 1934 г. В.М. Молотов обратился в Политбюро с просьбой утвердить подготовленный специальной партийной комиссией проект постановления СНК СССР «Об улучшении жилищного строительства», в котором подчеркивалось, что «существующая прак-

Таблица 8.3

Городское жилищное строительство и жилой фонд СССР в 1929–1934 гг.

	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Капиталовложения в жилищное строительство, млн руб.	508	775	1115	1594	1323	1688
Жилплощадь, вводимая в эксплуатацию, тыс. кв. м	3375	5960	6440	7350	7210	6000
Жилфонд на конец года, кв. м	166,4	172,6	177,7	185,04	191,53	196,56

тика жилищного строительства во многих случаях не соответствует росту культурного уровня и потребностей широких масс трудящихся». В числе наиболее существенных недостатков отмечались: низкое качество и небрежное выполнение строительных и отделочных работ (протекавшие крыши, щели в полах и проч.); низкие потолки, узкие лестницы, теснота кухонь и проч.; отсутствие хозяйственных построек (погребов, сараев и т.п.), тротуаров и зеленых насаждений⁵⁶. Союзное правительство постановило с 1 июля 1934 г. строить в городах и рабочих поселках капитальные дома в 4–5 этажей и выше с водопроводом и канализацией. Также устанавливалось, что в домах должны быть двух-, трех- и четырехкомнатные квартиры для семей различного размера. Для холостых и малосемейных предлагалось устраивать квартиры с отдельными комнатами на 1–2 человек. Утверждались и обязательные строительные нормы: толщина кирпичных стен — не менее двух кирпичей, высота жилых помещений — 3–3,2 м против существовавших 2,8, ширина лестничных клеток — не менее 2,8 м вместо 2,4. Наряду с запретом в многоэтажных домах деревянных лестниц при проектировании домов правительство обязывало предусматривать: оборудование в квартирах уборных, ванн или душев, чуланов и проч.; устройство хозяйственных помещений — прачечных, погребов, ледников, мест для дров с отводом для этого подвальных и полуподвальных этажей. Также предполагалось устройство культурно-бытовых помещений для яслей, дневного пребывания детей школьного возраста и проч. Кроме того, в проектах жилых зданий в соответствии

⁵² Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда».

⁵³ Власенко С. 15 лет борьбы и побед в области городского хозяйства. С. 5.

⁵⁴ На путях второй пятилетки. С. 3.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 31.

⁵⁶ Там же. Д. 13. Л. 172–173.

с постановлением СНК СССР от 4 декабря 1933 г. предусматривалось строительство торговых помещений. Работы по устройству тротуаров и озеленению постановление обязывало заканчивать одновременно с окончанием строительства здания. Облегченное, малоэтажное, каркасное, щитовое и барачное строительство допускалось только с разрешения СНК союзных республик или, по их указанию, с разрешения краевых и областных исполкомов. 23 апреля 1934 г. опросом членов Политбюро данный проект постановления был утвержден⁵⁷. Впрочем, на практике эти мероприятия, особенно в провинции, выполнялись по мере возможности.

Материалы к отчету правительства РСФСР на XVI Всероссийском съезде советов, датированные 1 октября 1934 г., показывают, что жилой фонд городов и рабочих поселков РСФСР составлял, по данным 1932 г., 135 млн кв. м жилой площади. За время, прошедшее между XV и XVI съездами советов, жилой фонд вырос на 17 млн кв. м. При этом 75% фонда состояло в обобщественном секторе, а 25% составляли частновладельческие дома, принадлежавшие в основном рабочим и служащим. В свою очередь, из обобщественного фонда более 70% находилось в ведении горсоветов, около 20% принадлежало промышленности и свыше 8% — жилищно-строительной кооперации. Средняя изношенность жилья по РСФСР составляла 28%, причем по частновладельческому фонду процент износа повышался до 33%, снижаясь по муниципализированному фонду до 26% и по национализированному — до 19%. Однако в отдельных городах технический износ значительно превышал средний по республике: в Вологде он составил 50%, в Смоленске — 45, в Орле — 48, в Брянске — 40, в Туле — 35% и т.д. Этот показатель снижался в Москве, Ленинграде и Иваново до 20%, в Новороссийске — до 18%. Основной формой управления муниципальным жилфондом (свыше 80% фонда) являлась жилищно-арендная кооперация (жакты). Только в столице около 35% жилищ эксплуатировались домовыми трестами, а в остальных городах удельный вес домовых трестов был не более 10–12%⁵⁸. Как мы видим, реставрирование жилищного хозяйства не прижилось.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 13. Л. 171, 173–175.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.

14 октября 1935 г. председатель Госбанка СССР Л.Е. Марьясин⁵⁹ направил в ЦК партии и СНК СССР записку, через все содержание которой красной нитью проходил вывод, что «существующая практика жилищно-кооперативного строительства показывает, что жилищная кооперация совершенно не справляется со своими задачами». Такое положение автор записки объяснял безответственностью и полным отсутствием твердых обязательств перед пайщиками в отношении сроков предоставления жилплощади. Это, по его мнению, дискредитировало «самую идею жилищно-строительной кооперации» и вызывало «множество злоупотреблений при распределении жилплощади»⁶⁰.

По данным Центрожилсоюза РСФСР, в 838 районных жилищно-строительных кооперативных товариществ (РЖСКТ) на 1 января 1935 г. состояло 335,1 тыс. членов, из которых не было вселено 180,1 тыс. человек, или 53,7%. Многие невселенные пайщики (76%) вступили в члены жилищной кооперации до 1933 г. Общих данных по годам не было, но, по неполным сведениям по 10 районным РЖСКТ Москвы, 340 неудовлетворенных пайщиков были членами кооперации с 1925 г., 1060 г. — с 1926 г., 3729 — с 1927 г., 6144 — с 1928 г. и 8105 — с 1929 г. Таким образом, до 1930 г. в кооперацию вступили 19 342 человека, из них рабочих — 69%, ИТР — 15% и служащих — 16%. На 1 января 1935 г. треть невселенных членов по всей жилкооперации полностью оплатили довьездовский пай (10% стоимости жилой площади), а по Москве число таких пайщиков достигало 47,5%. При таких темпах строительства Мосгоржилсоюзу требовалось примерно 30 лет, чтобы предоставить жилплощадь всем пайщикам и 12–13 лет — полностью оплатившим довьездовский пай. Неудивительно, что с 1933 г. начался процесс сокращения численности членов жилищной кооперации и отлив паевых средств. В этом году число выбывших превысило число вновь принятых в 1,6 раза, а в 1934 г. убыло уже в 3,5 раза больше, чем

⁵⁹ Марьясин Лев Ефимович (1894, Могилевская губерния — 10.09.1937, Москва) — советский государственный и партийный деятель, член РСДРП с 1915 г. С 1934 г. — председатель Правления Государственного банка СССР, а также член СТО и заместитель наркома финансов. В декабре 1936 г. «красный банкир» был снят со своего поста и арестован, а 10 сентября 1937 г. расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 23.

прибыло. При этом больше всего выбыло именно рабочих, особенно в крупнейших пролетарских центрах. Массовое «бегство» пайщиков демонстрировали кооперативные организации Москвы и Ленинграда. Например, в Ленинграде убыль пайщиков превысила их приток в 6 раз, а в Москве — в 7 раз⁶¹.

Марьясин считал, что одной из причин сложившейся негативной ситуации являлась некомпетентность лиц, руководивших жилищно-строительной кооперацией. Для него порядок, при котором члены жилищных товариществ становились руководителями строек, являлся «несомненным организационным уродством». В итоге превышение сметной стоимости по всему строительству жилкооперации составляло 13,2%, а по отдельным объектам доходило до 60%. Финансовое хозяйство подавляющей части РЖСКТ находилось «в безобразнейшем состоянии»: недобор паев вселенных перекрывался довьездовскими паями невселенных; превышение сметных ассигнований по административным расходам и недобор средств на ремонт нового жилфонда приводили к преждевременному износу или заимствованию на цели ремонта строительных средств и т.п.⁶²

Очевидная беспомощность жилищно-строительной кооперации стала причиной роста ведомственного строительства, которое, впрочем, также имело серьезные недостатки. Дело в том, что ведомственные дома, как правило, через 2–3 года после постройки оказывались «лишь юридически связанными — вернее приписанными — к данному ведомству и предприятию». Они заселялись лицами, потерявшими связь с ведомством, а всякие попытки их выселения были, «за небольшими исключениями, почти безнадежны», т.е. «...получение жилплощади сплошь и рядом превращается в вопрос личной ловкости и удачи». В силу этого автор записки выступал за установление единого принципа получения трудящимися постоянного собственного жилища: «только путем обязательного участия собственными средствами в строительстве этого жилища». В своих расчетах он исходил из того, что платежеспособный спрос на жилую площадь огромен и будет расти с каждым годом вместе с ростом благосостояния трудящихся⁶³.

⁶¹ Там же. Л. 23–24.

⁶² Там же. Л. 25.

⁶³ Там же. Л. 26.

Но с такой позиций не было согласно руководство самой жилищной кооперации. 16 октября 1935 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову было направлено письмо председателя Совета Центрожилсоюза П.Г. Сазоновой, в котором, по понятным причинам, акцент был сделан на успехи жилищно-строительной кооперации СССР. Руководство страны информировалось, что за 10 лет работы было кооперировано 450 тыс. трудящихся и мобилизовано 250 млн руб. средств населения. Кооперация выстроила 2 млн кв. м облегченных стандартных домов и организовала собственную базу местных стройматериалов. К началу 1935 г. в эксплуатации находилось 7,2 млн кв. м жилого фонда, построенного кооперацией и принятого от хозорганов. В этих домах проживали 225 тыс. пайщиков, или 900 тыс. человек вместе с семьями. Впрочем, автор письма признавала, что за последние годы удельный вес жилищной кооперации в общем жилом строительстве все время снижался (и довольно существенно) — с 25% в 1929 г. до 3,9% в 1935 г. Причины этого она видела в огромном развороте жилищного строительства по линии хозяйственных органов, промышленности и исполкомов, а также в значительном снижении лимитов для жилищно-строительной кооперации. Если в 1931 г. кооперации было выделено 96,4 млн руб., то в 1935 г. — уже 47 млн, а на 1936 г. было запланировано всего 44 млн. Признавая неудовлетворительный характер работы жилкооперации, Сазонова видела выход в увеличении доли участия в жилищном строительстве собственных средств населения. Многие пайщики, ожидавшие жилья много лет, согласны были вносить дополнительные средства, но их привлечению мешало ограничение выделявшихся жилищно-строительной кооперации лимитов⁶⁴.

По данным П.Г. Сазоновой, на 1 января 1935 г. количество невселенных пайщиков по СССР составляло 230 тыс. человек, из которых 72 тыс. внесли полный довьездовский пай. Из числа полных пайщиков в РСФСР 51% погасили свой пай до 1933 г. Из 180 тыс. невселенных пайщиков рабочих было больше всего — 62,5%. Тогда число ИТР и не превышало пятой части (19,5%), а доля служащих была еще меньше — 18%. При этом свыше 60% невселенных пайщиков концентрировались в Москве и Ленинграде. В частности, в Москве имелось 80 тыс. таких пайщиков, в том числе 38 тыс. полнопайных. Выде-

⁶⁴ Там же. Л. 33–34.

ленный на 1936 г. жилищно-строительной кооперации РСФСР лимит в 44 млн руб. позволял отстроить 123 тыс. кв. м жилья и удовлетворить жильем 5 тыс. человек, или 3% всех невоенных пайщиков. В результате большинство кооперативов из-за отсутствия лимитов (при наличии средств пайщиков на счетах по РСФСР в сумме около 70 млн руб.) не имели возможности производить строительные работы. Если в 1935 г. из 838 кооперативов строили всего 190, то лимит на 1936 г. позволял делать это только 120 кооперативам. Тем не менее Сазонова в своей очередной записке в ЦК партии 10 ноября 1935 г. дала резко критическое заключение на записку Марьясина⁶⁵. Впрочем, как мы увидим далее, все эти дискуссии не спасли жилищно-строительную кооперацию.

В середине 1930-х годов строительство в системе жилищно-коммунального хозяйства «все еще значительно превышало сметы», особенно строительство, ведшееся хозяйственным способом (в 1935 г. — более 60% строек), тогда как подрядное строительство чаще всего укладывалось в лимиты сметной стоимости заказчика⁶⁶. Обследование Цekomбанка вскрыло удорожание на 12,8% но в жилищном строительстве, в основном за счет строительства, ведшегося исполкомами и наркоматом тяжелой промышленности. Для сравнения: удорожание в коммунальном строительстве составило всего 2,1%. Максимум удорожания (8,9%) пришелся на бани и прачечные, а минимум (0,2%) — на водоснабжение. Впрочем, в ряде городов было достигнуто снижение стоимости строительства. Например, в Мурманске на строительстве водопровода и канализации снижения стоимости удалось добиться путем ведения земляных работ зимой, что не требовало откачки воды и крепления траншей.

Ежегодный и стабильный рост стоимости жилищного строительства наблюдался с 1928 г. При этом, если в 1928–1932 гг. на это повышение влияло резкое увеличение стоимости стройматериалов, то с 1933 г., в условиях снижения стоимости стройматериалов, главным фактором удорожания строительных работ стал рост заработной платы, опере-

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 34–35, 42–47об.

⁶⁶ Поэтому постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1935 г. обозначило перевод строительства с хозяйственного способа на подрядный с одновременным созданием «мощной строительной индустрии».

жавший рост производительности труда. К примеру, по Ерманской группе заводов землекопал при норме 1 руб. за 1 кв. м платили 2 руб. 40 коп. Кроме того, на рост стоимости строительства в 1934–1935 гг. повлияли затраты на улучшение качества строительства и архитектурное оформление зданий. К значимым причинам удорожания стоимости строительства также относились замедленные темпы (односезонное строительство длилось 2–3 года) и кустарные методы работ («ни в одной отрасли хозяйства нет такой отсталости по механизации»). Это, в свою очередь, вело к перерасходам в зарплате, особенно (в 2–4 раза) по административно-хозяйственным статьям. Удорожало строительство и неупорядоченное сметное дело. Еще одной причиной удорожания строительных работ стал перерасход строительных материалов вследствие «низкого их качества и бесхозяйственности». Например, на социально-бытовом строительстве Златоустинского металлургического завода рабочие разносили ногами цемент, насыпанный в кучу в помещении, даже не обнесенном тесом. Также значительно сказывались на удорожании работ плохое качество работ и массовые переделки⁶⁷.

Нарком коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комаров в докладной записке во ВЦИК в апреле 1936 г. констатировал «особенно неудовлетворительно ведение хозяйства» в домах, принадлежавших промышленности. Убытки по этому жилфонду достигали крупных размеров. К этому времени примерно 35% площади всего жилого фонда в городах составлял частновладельческий фонд, принадлежавший, главным образом, рабочим и служащим. Именно это жилье было наиболее изношенным (34%). При минимальной потребности в кредите на ремонт этого фонда в 60 млн руб. в год Цekomбанк в 1935 г. выделил только 5 млн, а в 1936 г. повысил кредит всего до 10 млн руб. Однако, по мнению наркома, прирост жилой площади не соответствовал росту городского населения «не только в силу недостаточности капиталовложений, но главным образом, вследствие систематического невыполнения плановых заданий». Существовавшая система планирования жилищного строительства не обеспечивала горсоветам никакого влияния на объем и характер этих работ, особенно по линии ведомственного строительства. Снабжение строи-

⁶⁷ Зеликман Д. О стоимости жилищно-коммунального строительства в 1935 году // Социалист. город. 1936. № 3. С. 14–15.

тельства местными и центральными фондами было недостаточным, а стоимость ремонтных работ «чрезвычайно высока, вследствие курстарных методов работы». Квартирная плата не покрывала «нормальных потребностей домового хозяйства», что настоятельно диктовало, по мнению наркома, перестройку управления домовым хозяйством на началах хозрасчета⁶⁸.

Впрочем, ситуация с жилищным вопросом не улучшилась кардинально и во второй половине 1930-х годов. Некто А.Е. Кирпичников из Восточной Сибири в письме И.В. Сталину и М.И. Калинину в апреле 1937 г. задавался вопросом: «Только можно на картине увидеть, что, дескать, все строится общее: дома, общежития, бани и прочее. Строится ли это в самом деле?»⁶⁹. Бывший красноармеец К. Страхов в письме В.М. Молотову 17 июня 1938 г. писал, что власть больше заботится о строительстве заводов, а «о нормальных жилищных условиях позабыто с 1928 года». Автор письма обращал внимание на «ужасы, о которых немедленно нужно знать Правительству»: сырые помещения, скученность живущих, безвыходное положение беременных женщин, «не имеющих жилья и проживающих годами у застройщиков, по углам, где только возможно». Он задавался вопросом о справедливости заявлений, «что благо народа превыше всего, как строчат газеты»? По убеждению бывшего красноармейца, государство должно было обеспечить трудящегося жильем, и «право трудящегося требовать это»⁷⁰.

Не лучше обстояло дело и с состоянием жилого фонда. Так, накануне войны основная масса населения (около 70%) Астрахани продолжала жить в домах старой постройки деревянного, саманного и глинобитного типа, не подвергавшихся ремонту на протяжении 20 лет, а пятая часть жилья была совершенно непригодна для проживания. Канализационное подключение имели всего 5% домов, а водопроводное — 43%. Подключение домов к газопроводу отсутствовало, а к центральному отоплению было подсоединено всего 3–4% домов⁷¹.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 224. Л. 23–24.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 593. Л. 16.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 66. Л. 255–256.

⁷¹ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР... С. 91, 95, 99–100.

И в этой сложной ситуации власти пошли на ликвидацию целого жилищного сектора. На основании ст. 6 постановления ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшения жилищного хозяйства в городах» от 25 ноября 1937 г. советское правительство приняло постановление № 2077 «О порядке ликвидации жилищных кооперативов и их союзов передачи их домов, дач, предприятий и имущества, и расчета с пайщиками». Ликвидацию кооперативов предписывалось провести до 15 декабря 1937 г. с передачей всего имущества главным управлениям жилищного хозяйства наркоматов коммунального хозяйства союзных республик. Местные советы обязывались не позднее 10 декабря 1937 г. закончить организацию жилищных управлений, установить объем домовладений и назначить управляющих домами. Паевые взносы членов жилищно-строительных и дачно-строительных кооперативов подлежали возврату: членам кооперативов, получившим жилую площадь, за вычетом амортизационных отчислений; членам кооперативов, не получившим жилье, полностью без всяких вычетов. Но вступительные взносы членов жилищно-арендных (жактов), жилищно-строительных и дачно-строительных кооперативов, а также дифференцированные паи членов жактов возврату не подлежали. Возврат паевых взносов был возложен на местные советы, предприятия и организации, к которым переходили строения. Паевые взносы возвращали в первую очередь невселенным пайщикам в течение 6 месяцев после издания данного постановления, а затем вселенным — до 1 января 1939 г.⁷²

Понятно, что из-за жилищного кризиса устройство на завод воспринималось многими рабочими как реальная возможность получить комнату или квартиру. Правда, в 1927 г. право на ведомственную жилплощадь давалось рабочему только после 2 лет работы на предприятии, а в случае увольнения по инициативе администрации (за прогулы, разгильдяйство и иные провинности) рабочий терял право на жилплощадь⁷³.

⁷² РГИАИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 14. Л. 148–149, 151–152.

⁷³ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 113.

Статистический сборник «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», подготовленный под грифом «Совершенно секретно» в качестве приложения к еженедельному статистическому бюллетеню ЦСУ СССР № 41 (540) от 11 ноября 1959 г., содержит сведения о жилищном строительстве в СССР накануне Великой Отечественной войны. Согласно данным сборника, в 1940 г. было построено и введено в действие государственными и кооперативными организациями (без колхозов), а также городским населением жилого фонда общей площадью 12,1 млн кв. м. Не прекращалось жилищное строительство и в I полугодии 1941 г., когда было сдано 4,9 млн кв. м нового жилья⁷⁴. Сводка о состоянии жилищного хозяйства РСФСР от 14 апреля 1940 г. показывает, что вся жилая площадь в городах республики составляла 127,412 млн кв. м, а вся нежилая — 73,177 млн кв. м. Ориентировочная восстановительная стоимость домового фонда достигла в последний предвоенный год 53 295 млн руб. В РСФСР действовало около 17 тыс. домоуправлений, но всего 63 жилснаба. Зато число ремонтных трестов, контор и групп достигло 420, а их производственная программа на 1940 г. составила 580 млн руб. Число работавших в жилищном хозяйстве достигло 100,4 тыс. человек, а план капиталовложений в жилищное хозяйство на 1940 г. составил 121,36 млн руб.⁷⁵ Несколько хуже обстояло дело с ремонтом жилья в РСФСР. На 1 января 1941 г. по 44 областным и краевым комхозам и наркомхозам АССР план капитального ремонта жилого фонда был выполнен на 96,2%, что было «значительно хуже», чем в 1939 г. Полностью выполнили план капремонта только 13 краев, областей и АССР⁷⁶.

Упор на новое жилищное строительство, продиктованный ростом числа и размера городских поселений, оставлял мало организационных, технологических, кадровых и финансовых возможностей (особенно накануне войны) для осуществления программ поддержания и модернизации старого жилищного фонда.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 192об.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.

⁷⁶ Там же. Д. 442. Л. 10.

§ 2. Коммунальный быт: идеология и (или) жизненная необходимость?

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подражаться.

Михаил Зоценко. Летняя передышка

Коммуналка стала настоящим символом советской повседневности, в том числе благодаря кинематографу: «Место встречи изменить нельзя» С. Говорухина, «Покровские ворота» М. Казакова, «Мой друг Иван Лапшин» А. Германа, «Окно в Париж» Ю. Мамина и др. Вспомним героиню известного рассказа А.Н. Толстого «Гадюка», чьи представления о коммунальном быте очень напоминали казарму. Абрам Терц в рассказе «Квартиранты» изобразил одну из коммунальных квартир эпохи индустриализации, в которой обосновались бывшие обитатели языческих лесов и рек — лешаки, ведьмы и русалки. Жизнь в этой коммунальной квартире, в конце концов, довела жильца Николая до сумасшедшего дома⁷⁷. Истоком коммунальной войны без правил стала новая жилищная политика большевиков, направленная на квартирный передел и «уплотнение» проживающих. В 1918 г. в пропагандистских целях по сценарию наркома образования РСФСР А.В. Луначарского был даже снят фильм «Уплотнение».

В литературе отмечается, что появление коммунальных квартир зависело от множества факторов, которые совпали во времени и произвели незапланированный эффект:

- специфики структуры жилищного фонда Москвы, Петрограда/Ленинграда и других крупных городов: застройки центра городов домами с многокомнатными большими квартирами;
- приоритетов государственной политики (курса на подъем промышленности, и прежде всего оборонных отраслей), не позволявших выделять достаточно средств на жилищное строительство;

⁷⁷ *Беззубцев-Кондаков А.* Ноев ковчег по-советски. Русская литература и коммунальная квартира [Электронный ресурс] // Поэзия.ру. 2005. <http://www.poezia.ru/volar4.php?sid=7>.

- большой миграции в города, создававшей проблемы с расселением приезжих и приводившей к уплотнениям;
- огосударствления жилого фонда и права распоряжения им;
- концепции жилплощади, позволявшей распределять жилье независимо от семейного и социального статуса жильцов и конфигурации квартиры⁷⁸.

Однако история коммунального бытия уходит своими корнями в дореволюционное прошлое. Впервые идея дома-коммуны в России была воплощена (если не считать неудачную попытку М.В. Буташевича-Петрашевского) подрядчиком В.П. Кондратьевым, построившим несколько многоквартирных домов для среднего класса еще до того, как было создано общество «Всеобщей реконструкции жилищ для рабочих семей» (1896 г.) и задолго до завершения строительства в 1904 г. многоквартирного коммунального дома «Порт-Артур» в Петербурге. В дореволюционной России возникло и понятие «жилая площадь», когда нехватка жилья в городах вела к съему угла или даже койки в квартире.

Просто советская власть подвела под коммунальное бытие идеологическое классовое основание. Уже через две недели после прихода большевиков к власти В.И. Ленин набросал проект резолюции о конфискации квартир богатых горожан⁷⁹. Богатой тогда считали квартиру, где число комнат равнялось или было больше числа проживающих. Именно в этой формуле, фактически запрещающей людям иметь личное жизненное пространство, была заложена коммунальная система, метко охарактеризованная Владимиром Высоцким: «Все жили просто, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная».

В декабре 1917 г. Совнарком выпустил декрет о запрете любых сделок с недвижимостью, а 20 августа 1918 г. отменил частную собственность на недвижимость в городах. Специальные комиссии получили право делить площадь и выселять бывших владельцев квартир, мотивируя это целесообразностью вселения в дом «наиболее ценного» в со-

⁷⁸ Герасимова Е.Ю. Идеология и жилищная политика в 20–30-е годы // Коммунал. квартира. Виртуал. музей совет. быта. 2000. <http://www.kommunalka.spb.ru/history/history12.htm>.

⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. М.: Политиздат, 1975. С. 380–381.

циальном плане жилья. Бывший хозяин квартиры мог рассчитывать лишь на 10 кв. м: такой первоначально была норма жилплощади на одного человека. Оставшиеся метры занимал пролетариат. Так в массовом порядке и появились коммунальные квартиры. Нередко уплотнение заканчивалось плачевно для бывших хозяев жилья: после объявления их «паразитическим элементом» они могли оказаться на улице.

«Народная власть» декларировала, что «задача РКП(б) состоит в том, чтобы ... не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс»⁸⁰. Казалось, что жилищная проблема путем «передела» разрешится быстро и без особых экономических затрат. И главное — по справедливости, как это виделось герою булгаковского «Собачьего сердца» Шарикову: «взять все, да и поделить». Но жизнь оказалась намного сложнее утопических планов.

Как уже отмечалось, в России после Октября 1917 г. понятие жилплощади обрело совершенно новый смысл. Если ранее появление перегородок в комнатах и квартирах объяснялось нежеланием вступать в контакт с посторонними людьми, то в Советской России совместное проживание было признано новой моделью человеческих взаимоотношений⁸¹. В 1919 г. Наркомздрав РСФСР принял санитарные нормы жилья. В частности, все жилье в Москве было поделено на доли в 10 кв. м (на взрослого и ребенка до 2 лет) и 5 «квадратов» на ребенка от 2 до 10 лет. А в 1924 г. независимо от возраста была установлена единая норма в 8 кв. м⁸². Даже в середине 1930-х годов, когда наметился некоторый отход от идеи коммунального бытия в сторону укрепления семьи и строительства индивидуального жилья, концепция жилплощади как квадратных метров так и не заменилась понятием комнаты или квартиры.

В первые годы советской власти, когда городские советы стали активно «уплотнять» квартиры, в качестве основного аргумента выдвигали

⁸⁰ Первые декреты Советской власти: сб. факсимильно воспроизвед. док. Т. 7. М.: Книга, 1987. С. 138.

⁸¹ Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история: моногр. сб. М.: Три квадрата, 2001. С. 103.

⁸² Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Там же. С. 94.

галось стремление уравнивать жизнь рабочих и буржуазии. Кроме того, в Москве переселение рабочих с окраин столицы в «богатые» дома и квартиры в центре преследовало задачу разрушения иерархической кольцевой структуры города. В результате «жилищного передела» число рабочих в пределах Садового кольца выросло в 1917–1920 гг. с 5 до 40–50%, т.е. почти в 10 раз. Всего в столице до 1924 г. в национализированные и муниципализированные дома было вселено свыше 500 тыс. рабочих и членов их семей⁸³. И это при том, что рабочие всячески тормозили процесс переезда в новые квартиры из-за более высоких затрат на отопление «апартаментов» и транспортных неудобств при поездках на работу и обратно.

Впрочем, подобным образом рабочие вели себя не только в Москве. Р.Г. Любавский, раскрывая жилищные условия работников Харькова, установил, что «дизайнеры» новой советской культуры для того, чтобы трансформировать структуры повседневности рабочих, разработали несколько проектов. Одной из первых акций большевиков была попытка ослабить жилищный кризис и улучшить условия жизни работников за счет перераспределения существовавшего жилищного фонда. Однако эту идею не удалось реализовать в полной мере. Заводчане часто не желали переезжать в квартиры в центре города, не хотели менять устоявшиеся привычки и место жительства, разрывать сеть социальных связей и терять накопленный социальный капитал. Впрочем, в Харькове, как и в других крупных промышленных городах СССР (например, в Москве и Ленинграде), в центральных районах все же образовался значительный сегмент жилищного фонда с квартирами, в которых проживало сразу несколько семей, так называемыми «коммуналками»⁸⁴.

С переходом к нэпу классовая линия в жилищной политике начала колебаться. Если в первые годы советская власть отказалась от взимания квартирной платы, то в 1922 г. произошло ее восстановление. Правда, летом этого же года рабочие были освобождены от оплаты электроэнергии и воды. Привилегии по оплате жилья, предоставлен-

⁸³ Там же; *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента... С. 53.

⁸⁴ *Любавский Р.Г.* Повседневная жизнь рабочих Харькова в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2014. С. 10–11.

ные рабочему классу, с лихвой компенсировали «нетрудовые элементы» и лица «свободных профессий», платившие повышенный налог за занимаемую площадь.

Зато «красные директора» и их приближенные жили, ни в чем себе не отказывая. Из письма рабкора под псевдонимом «Наш» из Вятки в редакцию журнала «Голос кожевника», датированного 1924 г., узнаём, что директор местной обувной фабрики с женой и двумя дочками проживал в арендованной для него трестом четырехкомнатной квартире. При этом он взял в аренду у коммунального отдела еще одну — двухкомнатную — квартиру в доме для приезжающих, в то время как рабочие ютились по 5 человек в комнате⁸⁵. В сентябре 1923 г. работник Кунцевской ткацко-отделочной фабрики Василий Горнов обратился в НК РКИ СССР с жалобой на несправедливое решение квартирного вопроса. Он сообщал, что бухгалтеру фабрики Солодову, которому показалась тесной квартира из двух комнат и кухни, директор выделил новую квартиру, выселив из нее заведующего яслями. И это несмотря на то, что «рабочие уплотнены так, что впечатление получается, будто бы это не рабочие в каморках, а сельди в бочках»⁸⁶.

Открытая нэпом возможность «делать деньги» на сдаче в аренду жилищного фонда заставляла местных чиновников забывать о «классовой солидарности». Даже в судах нередко, по утверждению Ю. Ларина, жилищные дела решались в пользу нэпманов⁸⁷. Например, в Ленинграде один из особняков 6 лет находился в безвозмездной аренде у актера Ксендзовского, который регулярно «смазывал» заведующего комотхозом за хорошие арендные условия⁸⁸. Не были редкостью случаи, когда владельцы городских квартир возвращали себе дачи (иногда даже несколько), в то время как другие лишались единственного жилья. То есть жилищные нормы существовали скорее на бумаге и применялись в основном по отношению к неимущим слоям населения. Размер арендной платы также устанавливался произвольно и зависел как от аппетитов чиновника, так и от пределов «благодарности» квартиро-

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5545. Оп. 1. Д. 6. Л. 135.

⁸⁶ Там же. Ф. 374. Оп. 21. Д. 8. Л. 5.

⁸⁷ *Ларин Ю.* О судьях // Правда. 1923. 10 нояб. С. 1.

⁸⁸ *Север А.* Антикоррупционный комитет Сталина. М.: Алгоритм, 2009. С. 68–69.

съемщика. За определенное «вознаграждение» местные власти могли и не замечать излишков площади. Введение в апреле 1926 г. с санкции ВЦИК РСФСР конкурса на звание «подходящего» домовладельца на практике расширило возможности взяточничества в этой сфере⁸⁹.

Письмо группы евреев из городов и местечек Могилевского округа Подольской губернии во ВЦИК (1924 г.) рисует жалкую картину частного жилого сектора, состоявшего из «домишек» из одной комнаты и кухни. Они жаловались в столицу, что начальник местной милиции под страхом «антисанитарных актов» заставляет их изо дня в день чистить улицы, которые «гораздо чище, чем в Москве». Даже «проведение в местечке электричества» они рассматривали как очередную способ выкачать «последние монетки» из населения, которому «светло и без электричества»⁹⁰. В августе 1926 г. рабочий депо Вязьма коммунист Г.Ф. Привольнев жаловался И.В. Сталину, что в «настоящее время дают квартиры более зажиточным семьям», а должны, по его мнению, обеспечивать жильем в первую очередь семьи с доходом до 10 руб. на едока⁹¹.

С ростом городского населения в 1926 г. на одного человека в Москве по норме приходилось уже 5 кв. м жилплощади. В эти годы власти ввели практику «самоуплотнения», когда управдомы предлагали жильцам самостоятельно найти себе соседей на «излишки» площади. Что из себя представляло в эти годы подобное «уплотненное» жилище, наглядно свидетельствует сохранившееся воспоминание поэтессы И. Одоевцевой: «В Москве, на Басманной в квартире из шести комнат двадцать один жилец всех возрастов и всех полов живут в тесноте и в обиде:

Эх, привольно мы живем —
Как в гробах покойники:
Мы с женой в комоды спим,
Теща в рукомойнике»⁹².

⁸⁹ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. С. 130–134, 136.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33–38.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 102–102об.

⁹² Одоевцева И.В. На берегах Невы: лит. мемуары. М.: Худож. лит., 1988. С. 245–246.

Параллельно этому происходила переориентация быта от семейного к общественному. Жилищная политика новой власти, помимо ярко выраженной проблемы жилищного дефицита, определялась рядом других, в том числе идеологических, факторов. Идеальным вариантом расселения считались появившиеся в 1918–1919 гг. дома-коммуны, призванные стать образцовыми домами для трудящихся и школой коллективизма, освободить женщину от рабского домашнего труда, приучить людей к самоуправлению и способствовать отмиранию семьи и переустройству быта. Впрочем, коммунальные проекты 1920-х годов предусматривали личное жизненное пространство семьи (спальни, ванна, реже — кухня), а коммунальное пространство предназначалось для совместной деятельности жильцов — комнаты для занятий по интересам, общественные столовые и т.п. Например, в Магнитогорске первые капитальные дома строили по проекту, который вообще не предусматривал кухонь, поскольку предполагалось, что все будут питаться в общественных столовых.

В октябре 1923 г. в Москве открылся первый дом-коммуна для рабочих завода «Динамо» без кухонь, ванн и детских комнат. Коммунальная организация жизни (одна кухня на всех и использование прихожей как места общего пользования) была не только неизбежной в условиях дефицита жилья, но и полностью отвечала новой социально-политической и идеологической системе. Более того, коммунальные идеи находили довольно широкую поддержку в рабочей среде. Так, в 1926 г. в № 4 журнала «Современная архитектура» были опубликованы результаты опросов общественного мнения о коммунальных домах. Поразительно, что, хотя все участники опроса отстаивали право на уединение, домашний уют (символом последнего выступала отдельная квартира) не относился респондентами к разряду необходимых жизненных условий.

В 1920-е годы в столице появилось еще несколько домов-коммун, хотя большинство проектов осталось на бумаге. Наиболее радикальные архитекторы предпочитали проектировать коммунальные квартиры для рабочих с общими кухнями и ванными, так как «жизнь в коммуне» требовала упразднения семьи как частной экономической общности и замены ее коллективным хозяйством. Впрочем, Экономический совет в 1927 г. постановил обратить внимание ведомств, осуществлявших жилищное строительство, на «целесообразность проведения

в жизнь строительства типов домов с коллективным использованием вспомогательной площади». Таким образом, экономические требования совпадали с идеологическими декларациями: социалистический город должен преодолевать противоположность города и деревни и, главное, противостоять капиталистическому общежитию. При таком подходе место для сна, отдыха, личной гигиены и частной жизни вполне могло соответствовать одной комнате. В 1929 г. был спланирован такой настоящий дом-коммуна, принятый за образец массового строительства. Его планировка предусматривала одну общественную кухню и одно общее пространство. При этом размер комнат был минимальным, чтобы сократить время пребывания там и расширить, в свою очередь, коллективное времяпрепровождение.

Однако попытки реализовать идеи «коллективной жизни» на практике провалились: строительство домов-коммун оказалось делом дорогим, общественные столовые пустовали, в прачечных была очередь на месяц вперед. Тем не менее официальный идеал коммунальной квартиры и обобществленного быта просуществовал фактически до 1930 г. — до момента выхода постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта». Постановление ориентировало на строительство жилищ «переходного периода», где «формы обобществления быта могут проводиться только на основе добровольности». Разочарованию в «коллективизации быта» способствовала и смена направления в архитектуре: от конструктивизма архитекторы переходят к «сталинскому классицизму»⁹³.

Если совсем недавно идеалом социалистического общежития считались дома-коммуны, то Планом социалистической реконструкции и развития Москвы, утвержденным в 1934 г., намечалось строительство жилого комплекса на юго-западе столицы, где для каждой семьи предусматривалась отдельная квартира. Но и здесь, конечно, первыми приобщились к этим благам руководящие работники, высшие слои интеллигенции и передовики производства. Основная часть жителей столицы продолжала ютиться в коммуналах.

Впрочем, на местах коммунальные идеи внедрялись со значительным сдвигом по времени. К примеру, в Саратове в конце 1920-х годов был возведен трехэтажный жилой дом «Новый быт», где местами

⁹³ Герасимова Е. Идеология и жилищная политика в 20–30-е годы.

общего пользования стали не только кухни и туалеты, но и комнаты досуга. Однако жильцы (кстати, работники НКВД), «оказавшиеся сплошь почему-то строптивыми, никак не желали проводить время вместе». В итоге затея с социалистическим досугом была забыта⁹⁴.

В Харькове власти в 1920-е годы предпринимали только робкие попытки «советизировать» повседневность пролетариев согласно представлениям о социалистическом образе жизни, однако к решительным действиям они перешли только в годы первых пятилеток. Так, в 1930-е годы в 8 км от Харькова, одновременно с тракторным заводом, было начато строительство социалистического городка для рабочих, получившего название «Новый Харьков». По замыслу архитекторов, жизнь в нем должна была быть организована по новому социалистическому образцу. Поэтому в квартирах не были запроектированы кухни, а рабочие должны были питаться в общественных столовых. Было запланировано, что дома будут соединены между собой (а также с клубом, столовой, библиотекой и т.д.) специальными коридорами-мостами на уровне второго этажа, чтобы человек, не выходя на улицу, мог перейти из одного здания в другое. Но уже с самого начала организаторы столкнулись с проблемой ресурсов для воплощения этих грандиозных планов. В результате проект «Нового Харькова» был воплощен в реальность лишь в общих чертах. Согласно плану должны были построить почти 300 домов, из которых в 1939 г. было возведено лишь 50. В 1934 г. в новых жилых корпусах проживало около 14 тыс. рабочих и членов их семей, тогда как почти 16 тыс. человек были вынуждены жить в бараках. Таким образом, во второй половине 1930-х годов строительство социалистического города было фактически прекращено, а работникам разрешили возводить на его территории индивидуальные частные дома. В Харькове было разработано еще несколько подобных проектов, но значительно менее масштабных (например, поселение «Новый быт»). Впрочем, их строительство также не было реализовано в полном объеме⁹⁵.

⁹⁴ Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города... С. 101.

⁹⁵ Любавский Р.Г. Повседневная жизнь рабочих Харькова в 1920–1930-е гг. С. 10–11.

В целом по стране типичным жилищем рабочей семьи, состоявшей из 4–5 человек, была небольшая комната в коммуналке, нередко с одним окном. Зачастую мебель была представлена одной деревянной кроватью, двумя столами и двумя табуретами. Нередким было отсутствие матрасов, постельного белья и скатертей. Зато в изобилии присутствовали клопы, тараканы и шелуха от семечек. Попытки «окультурить» жилище сводились к наличию «кривого зеркала» и картинок на стенах. Были и еще менее приспособленные жилища, например, комната размером в 15 кв. аршин, где муж с сыном спали на полу, а жена с дочкой — на кровати. Или бывшая самоварная при гостинице с асфальтовым полом, всю меблировку которой составляли два стола, кровать, четыре стула и несколько ящиков, на которых спали дети. При этом, несмотря на низкую, на первый взгляд, квартплату, жильё (включая дрова, освещение и воду) обходилось в среднем в 15% зарплаты рабочего⁹⁶.

Единые нормы проектирования жилья, утвержденные в 1931 г., делили все жилые дома на четыре категории, где 1-я категория — здания проспектов и площадей столицы, а 4-я — временное жильё, главным образом бараки, которое для многих жильцов стало постоянным. Отдельная квартира в 1930-е годы была наградой за особые заслуги перед государством. За исключением новых промышленных центров, большинство коммуналок 1930-х годов были не построены, а переделаны из старых отдельных квартир, что объяснялось уже не идеологией, а элементарной нехваткой жилья. При этом встречались весьма анекдотические ситуации, когда в «коммунальный» переоборудовался дореволюционный публичный дом. Если в середине 1920-х годов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 марта 1925 г. на нужды строительства рабочих жилищ выделялось 75% средств фонда по улучшению быта рабочих и служащих⁹⁷, то с переходом к широкомасштабной индустриализации положение в корне изменилось. Официально индустриальный авангард имел преимущества при распределении жилья, но на практике это было трудно реализовать, так как города переживали острый жилищный кризис. Если в 1930 г. в Мо-

⁹⁶ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М.: Кн-во ВЦСПС, 1928. С. 31–32, 72–73, 118.

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 946. Л. 16–17.

скве средняя норма жилплощади составляла 5,5 кв. м на человека, то к 1940 г. она снизилась почти до 4 кв. м⁹⁸.

В провинции положение с жильем нередко обострялось и того хуже. Например, в Донбассе уже в середине 1930-х годов 40% рабочих имели менее 2 «квадратов» жилой площади на человека⁹⁹. Это объяснялось правом городских жилотделов подселать новых жильцов в уже занятые квартиры. Подобные «самоуплотнения», введенные постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в 1927 г., стали одним из самых страшных кошмаров для граждан в конце 1920-х — начале 1930-х годов. В одно мгновение квартира, занятая одной семьей, по велению местного начальства превращалась в коммунальную. «Право на самоуплотнение» владельцы «излишков» жилой площади (более 8 кв. м) должны были реализовать в течение 3 недель, после чего вопрос о принудительном вселении решало домоуправление¹⁰⁰.

Правительственные учреждения утопали в просьбах и жалобах граждан на отсутствие подходящего жилища. Тридцатилетний ленинградский рабочий, 5 лет проживший в коридоре, умолял В.М. Молотова дать ему комнату для «построения в ней личной жизни», а дети одной московской рабочей семьи из 6 человек просили не вселять их в каморку под лестницей, без окон, общей площадью 6 «квадратов»¹⁰¹. Рабочий 9-й обувной фабрики им. Л.М. Кагановича из Днепропетровска З.Н. Червиц в письме А.Я. Вышинскому 1 января 1940 г. жаловался на проживание «в крайне тяжелых жилищных условиях» — в тесном сыром подвале. Когда обувная фабрика построила четырехэтажный дом, Червиц, несмотря на то что его просьбу о выделении квартиры поддержали Л.М. Каганович и И.В. Сталин, комнаты не получил. Зато работавший на фабрике всего 3 месяца секретарь парткома Яковлев добился отдельной квартиры. Как и директор (с весьма примечательной для общества всеобщего дефицита фамии-

⁹⁸ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 59.

⁹⁹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. С. 125.

¹⁰⁰ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева» — Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. С. 101.

¹⁰¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 60.

лией) Блат, отдавший свою квартиру родной сестре («барышне одинокой») и получивший трехкомнатную квартиру в новом доме. Инженер Геллер вселился в новую квартиру, а свою передал какому-то Хацкевичу, а последний свою комнату продал шуруину. По сообщению Червица, было немало тех, кто «просто-напросто продали свои квартиры, заняв квартиры в новом доме»¹⁰².

Если население старых промышленных центров жило, главным образом, в коммуналках, то на новостройках положение с жильем было просто катастрофическим: рабочие жили в землянках, палатках или бараках по несколько семей в комнате. Да и коммуналка Магнитогорска 1930-х годов была больше похожа на барак. Она представляла собой ряд комнат, не всегда даже разделенных дверью, где жили совершенно чужие люди, с общими душевой, туалетом и кухней (иногда на 80 квартир), что порождало повседневные конфликты среди жильцов. Значительной части городских жителей, особенно из тех, кто перебрался в города в годы форсированной индустриализации, пришлось на долгие годы поселиться в подвалах и даже в землянках. В 1938 г. председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, приехав в г. Ефремов Тульской области, обнаружил улицу, проходившую по склону крутого оврага и состоявшую из землянок-мазанок. Жили в этих «жилых коровниках» рабочие возведенного в городе завода синтетического каучука — новейшего и сложнейшего по тем временам химического предприятия¹⁰³.

Характерной приметой жилищной ситуации в новых промышленных городах было то, что жилье и коммунальные услуги предоставлялись не местными советами, а предприятиями. Подобные «ведомственные городки» постепенно стали неотъемлемой чертой жизни советских рабочих семей. Когда в столице право на владение домами переходило от города к предприятиям, это вело к автоматическому выселению «посторонних» вне зависимости от того, получают они другую площадь от местного совета или нет. В 1930 г. эта политика была применена к домам, принадлежавшим угольной и сталелитейной от-

раслям, в 1931 г. — к домам транспортных ведомств, армии и флота, а в 1935 г. — жилому фонду НКВД (в 1939 г. эта процедура в отношении домов НКВД была повторена)¹⁰⁴. Это можно рассматривать как новое своеобразное издание «черты оседлости» для рабочих разной ведомственной принадлежности.

Но чаще всего ведомственное жилье имело вид бараков или общежитий. Несмотря на то что в них обычно селили молодых неженатых рабочих, женатым рабочим с семьями тоже порой приходилось жить в них. На примере сибирского Кузнецка известно, что бараки обычно делились на большие общие спальни. Мужчины и женщины, как правило, жили в разных бараках или, по крайней мере, в разных общих комнатах. В самых больших бараках, на 100 человек, часто проживало 200 и более. Бывало, что люди занимали кровать посменно или жили на производстве в подсобных помещениях и цехах. Предприятиям дали указания поделить большие комнаты в общежитиях и бараках, чтобы жившие там семьи могли хоть как-то уединиться. Но если в Магнитогорске этот процесс к 1938 г. был почти завершен, то в целом по стране эпоха бараков так быстро не закончилась. Несмотря на постановление Моссовета 1934 г., запрещавшее строительство новых бараков в столице, к 1938 г. их число увеличилось с 5 тыс. до 5225¹⁰⁵.

Приоритеты коммунального образа жизни были спровоцированы острым дефицитом жилья. Рост населения городов стал ощущаться с 1923 г., к 1926 г. городское население почти догнало уровень 1913 г., а в 1926–1939 гг. городское население в связи с индустриализацией выросло более чем в 2 раза¹⁰⁶. Но урбанизация в СССР протекала при отсутствии массового жилищного строительства, т.е. обострение жилищного кризиса в 1930-е годы было прямым следствием смены установок хозяйственно-политической стратегии в связи с поворотом к форсированной индустриализации. Если в директивах XV съезда партии подчеркивалось, что жилищному строительству следует уделять чрезвычайное внимание, то уже с трибуны XVI съезда И.В. Сталин

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 81а. Д. 26. Л. 139–139об.

¹⁰³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Изд-во полит. лит., 1989. С. 111.

¹⁰⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1931. № 1. Ст. 1, 110, 342; 1937. № 62. Ст. 278; Собрание постановлений правительства СССР. 1939. № 53. Ст. 462.

¹⁰⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 64.

¹⁰⁶ Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 42.

недвусмысленно дал понять, что жилищная проблема является одним из «второстепенных вопросов»¹⁰⁷. В результате в 1930-е годы коммунальное жильё превращается в своеобразный социокультурный феномен. Во-первых, оно становится преобладающим типом жилища в больших городах (на каждые 100 жилищ в конце 1930-х годов приходилось чуть более 150 семей) и, во-вторых, перестаёт восприниматься как временное бытие. Огромный поток переселенцев из деревни с их идеалом публичности личной жизни привел к тому, что с учетом личных домов, которые в предвоенный период составляли около трети городского жилищного фонда, около половины городских семей (а в крупных городах — и более) не имели изолированных жилищ и вынуждены были жить без элементарной бытовой изоляции.

Тем не менее дефицит жилья и долголетние очереди на него заставляли мириться с коммунальным образом жизни. Плохие жилищные условия отчасти компенсировались дешевизной жилья, так как квартплата определялась с учетом не только количества квадратных метров, но и зарплаты квартиросъемщика. В частности, в бюджетах индустриальных рабочих 1932–1933 гг. на оплату жилья уходило всего 4–5% всех расходов семьи¹⁰⁸.

Но к середине 1930-х годов политика в области квартирной платы изменилась. В проекте постановления ЦИК и СНК СССР «О квартирной плате» от 20 июля 1935 г. в «целях улучшения обслуживания жилищно-бытовых нужд трудящихся и хозяйственной эксплуатации жилищного фонда, обеспечения полной его сохранности и восстановления, а также для укрепления начал хозяйственного расчета» было указано, чтобы оплата жилых помещений в городах и рабочих поселках устанавливалась «в соответствии с качеством и степенью благоустройства помещений и на началах полной самокупаемости жилищного хозяйства». Месячная ставка квартплаты за 1 кв. м жилой площади устанавливалась в следующих размерах: в домах, оборудованных водопроводом, канализацией, центральным отоплением, ванными и газом, — 1 руб. 30 коп.; в домах, имевших водопровод, канализацию и центральное отопление, — 1 руб. 15 коп.; в домах с водопроводом, канализацией и печным отоплением — 1 руб.; в домах, имевших лишь

¹⁰⁷ Сталин И.В. Соч.: в 13 т. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. С. 2.

¹⁰⁸ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 143.

водопровод, — 80 коп.; в домах без всякого благоустройства — 70 коп. Но в эти ставки не входили оплата расходов на центральное отопление, оплата счетов за электричество, газоснабжение, водопровод и канализацию¹⁰⁹. То есть в середине десятилетия произошло очевидное повышение квартплаты, особенно существенное для ранее льготных по классовому признаку категорий населения.

Тем не менее довольно низкая квартирная плата для рабочих, не окупавшая даже ремонта жилищ, создавала у обитателей коммуналок чувство «псевдохозяина». Кроме того, в 1930-е годы коммунальная квартира порождала массовое соглядатайство и доноительство: «Бог видит все, соседи — еще больше». Ветераны коммуналок вспоминали, что «в каждой квартире был свой сумасшедший, так же как свой пьяница, свой смутьян и свой доносчик». К середине 1930-х годов в коммуналках сложилась система правил бытового поведения, закрепленная в Правилах внутреннего распорядка, и своеобразная властная иерархия. Сменившие квартирнанимателей квартирные уполномоченные обязаны были выполнять не только функции поддержания порядка в квартире, но и сотрудничать с жилищными и милицейскими органами.

Отчасти можно согласиться с профессором Принстонского университета С. Коткином, что «коммунальная модель... оказалась не чем иным, как миром, вывернутым наизнанку»¹¹⁰. Хотя, думается, коммунальная квартира была скорее переходным типом между деревенской и городской культурой и механизмом адаптации огромных масс населения в инородной культурной среде. Скорее права Ш. Фицпатрик, что коммуналки были не просто проклятием советской системы, но и образом жизни: где-то они становились источником не только вражды и нервных срывов для их обитателей, но и взаимопомощи и взаимопонимания¹¹¹.

Коммуналки способствовали «переплавке» стилей жизни различных социальных групп в унифицированный «советский», стиранию социальных границ и формированию массовой «тоталитарной» пси-

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 163. Л. 51.

¹¹⁰ Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху. С. 110.

¹¹¹ Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism... P. 48–49.

хологии. Но при этом они не выполняли одну из основных функций городского жилища — защиты приватной жизни, препятствовали формированию автономного индивида и дифференциации приватной и публичных сфер, тем самым замедляя процесс реальной урбанизации. В коммунальном общежитии сочетались урбанистические, традиционные и введенные властью, «советские» механизмы контроля, распределения ресурсов, освоения жилища и бытовой дисциплины¹¹². Хотя на практике повседневная жизнь коммуналок нередко развивала в человеке именно девиантные качества, которые в общественном сознании воспринимались как чуждые советскому обществу.

---

¹¹² Подробнее по этому вопросу см.: Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда — Ленинграда, 1917—1991): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 23 с.

Послесловие

Предпринятое исследование позволяет сделать ряд выводов относительно противоречивости модернизационного сдвига 1920—1930-х годов. Развитие транспортной инфраструктуры существенно преобразило облик городов и рабочих поселков. Однако несмотря на появление новых видов транспорта (автобусов, такси, троллейбусов и метро) основным городским транспортным средством, как и до революции, оставался трамвай. В целом по стране протяженность транспортных маршрутов была незначительной, а изношенность парка, наоборот, большой. В 1930-е годы значительная часть городских магистралей была лишена мостовых, а большинство имевшихся требовало капитального ремонта. Не в лучшем состоянии, несмотря на «зеленую пятилетку», находились и городские парки.

К войне так и не удалось ликвидировать диспропорции между развитием водопровода и канализации, ростом водопроводной и канализационной сети и числом домовых подключений. Ситуация с городским освещением стала улучшаться только с конца 1920-х годов. Но и в 1930-е годы рост доли электрифицированного жилья отставал от увеличения численности домовладений. Сохранялось отставание газификации и теплофикации жилого фонда от темпов городского жилищного строительства. Развитие банно-прачечного хозяйства вполне укладывалось в государственный курс на поддержание ускоренных темпов роста коммунального хозяйства при минимизации затрат и невысоком качестве услуг.

С ликвидацией частного гостиничного сектора в годы первых пятилеток состояние основной части гостиничного фонда (прежде всего в провинции) мало изменилось. Гостиницы развивались проблематично как с точки зрения сервиса, так и с финансовой стороны. Рост жилищного строительства постоянно отставал от роста численности населения. Все предложенные способы разрешения жилищного вопроса (города-сады и дома-коммуны, муниципализация и «квартирный» передел, использование гостиничных номеров и дач под жилье,

новое строительство домов заводами и кооперацией и т.п.) не смогли решить жилищный вопрос кардинально.

Тем не менее межвоенный период стал временем закладывания основ советского жилищно-коммунального хозяйства со всеми его плюсами и минусами. Создание современной инфраструктуры городов сопровождалось ухудшением городской экологии, бюрократизация сферы управления ЖКХ постепенно подавила общественные инициативы, преимущества централизации строительных и ремонтных работ свелись на нет остаточным принципом финансирования коммунальной отрасли. Приоритет строительных программ в отношении столичных городов и крупных промышленных центров в ущерб малым городам усиливал диспропорции в развитии регионов. И, наконец, ожидание скорой войны не стимулировало развития отраслей, не связанных с оборонным комплексом. Тем не менее именно модель жилищно-коммунального хозяйства 1930-х годов определила жизнедеятельность советского социума на долгие годы.

Библиография

А. Первичные источники

І. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. Р-130.** Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) — Совет Министров РСФСР. 1917–1991 гг.
Оп. 2. 1917–1919 гг. Д. 353.
Оп. 4. 1920 г. Д. 237, 247.
Оп. 24. Д. 154, 178.
- Ф. А-314.** Главное управление коммунального хозяйства при Совете Народных Комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР. 1930–1990 гг.
Оп. 1. Документальные материалы Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР, Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР. 1930–1945 гг. Д. 1, 2, 9, 10, 17–20, 35, 40, 73, 122, 145, 163, 175, 184, 185, 224, 257, 289, 341, 373, 401, 433, 442, 461, 611, 741, 1897, 1920, 2033–2038, 3791, 3793, 4171.
- Ф. Р-374.** Центральная контрольная комиссия ВКП(б) — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР (ЦКК ВКП(б) — НК РКИ СССР). 1923–1934 гг.
Оп. 21. Центральное бюро жалоб и предложений. 1923–1929 гг. Д. 8.
- Ф. Р-393.** Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917–1930 гг.
Оп. 13. Информационно-статистический отдел. Д. 1в.
Оп. 84. Управление делами. Административно-организационное управление. Финансовый отдел. Д. 16.
- Ф. А-469.** Государственный трест зеленого хозяйства (Госзеленхоз) Министерства коммунального хозяйства РСФСР. 1931–1964 гг.
Оп. 1. Опись на документальные материалы постоянного хранения. 1936–1966 гг. Д. 4.
- Ф. А-520.** Государственная контора по проектированию бань и прачечных (Банпрачпроект) Главного управления бань и прачечных Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. 1932–1941 гг.

- Оп. 1.** Опись документальных материалов постоянного хранения за 1937–1941 гг. Д. 2, 7.
- Ф. Р-1235.** Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК).
- Оп. 53.** Документальные материалы Секретариата Председателя ВЦИК. 1917 г. Д. 67.
- Оп. 55.** Документальные материалы Секретариата Председателя ВЦИК. 1919–1920 гг. Д. 4, 12.
- Оп. 98.** Документальные материалы отдела частных заявлений и ходатайств ВЦИК. 1921–1922 гг. Д. 3.
- Оп. 119.** Документальные материалы отдела национальностей ВЦИК. 1924–1925 гг. Д. 9.
- Ф. Р-1244.** Редакция газеты «Известия»
- Оп. 2.** Дела редакции газеты «Известия» Советов депутатов трудящихся СССР и издательство «Издательство Советов депутатов трудящихся СССР». 1917–1927 гг. Д. 55.
- Ф. Р-4041.** Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) Наркомата внутренних дел РСФСР. 1918–1930 гг.
- Оп. 1.** Документальные материалы. Д. 1, 2, 14, 15, 17, 32, 40, 42–44, 46.
- Оп. 9.** Научно-технический совет. Д. 72, 73.
- Ф. Р-5446.** Совет Министров СССР. 1923–1991 гг.
- Оп. 81а.** Секретариат Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Вышинского А.Я. 1939–1944 гг. Д. 26.
- Оп. 82.** Секретариат Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища Молотова В.М. 1931–1957 гг. Д. 66.
- Ф. Р-5545.** Редакция журнала «Голос кожевника», органа Центрального комитета профессионального союза рабочих кожевников СССР. 1917–1934 гг.
- Оп. 1.** Дела редакции журнала «Голос кожевника» при ЦК Союза кожевников. 1924 г. Д. 6.
- Ф. Р-9475.** Народный комиссариат местного самоуправления РСФСР. 1917–1918 гг.
- Оп. 1.** Дела постоянного хранения. 1917–1918 гг. Д. 7, 8, 43, 71, 79.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

- Ф. 3.** Политбюро ЦК КПСС (1952–1990 гг.).
- Оп. 31.** Группа 17. Жилищно-коммунальное строительство. 1919–1966 гг. Д. 1, 2, 7, 8, 13, 14, 24, 32, 33.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17.** Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС). 1898, 1903–1991 гг.
- Оп. 78.** Центральная бухгалтерия и типография Управления делами ЦК КПСС. Д. 593.
- Оп. 85.** Секретный отдел ЦК ВКП(б). Д. 484.
- Оп. 120.** Отделы ЦК РКП(б) и ЦК ВКП(б). 1920–1939 гг. Д. 62.
- Ф. 78.** Калинин Михаил Иванович (1875–1946).
- Оп. 1.** Документы секретариата М.И. Калинина. 1918–1962 гг. Д. 527, 593.
- Ф. 142.** Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933).
- Оп. 1.** Луначарский А.В. 1872–1972 гг. Д. 641.
- Ф. 610.** Редакция «Рабочей газеты» (1922–1932).
- Оп. 1.** Редакция «Рабочей газеты». 1924–1931 гг. Д. 200.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

- Ф. 1562.** Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.
- Оп. 41.** Д. 239.
- Ф. 3429.** Высшие советы народного хозяйства (ВСНХ) СССР и РСФСР. 1917–1932 гг.
- Оп. 1.** Дела постоянного хранения. Управление делами, секретариат президиума и Административно-финансовое управление (АФУ) ВСНХ СССР за 1917–1932 гг. Д. 860.
- Оп. 2.** Дела постоянного хранения. Органы функционального управления за 1917–1924 гг. Д. 76.
- Оп. 5.** Дела постоянного хранения. Центральное управление государственной промышленности (ЦУГПРОМ) за 1923–1925 гг. Отчетно-ревизионное управление. Д. 946.
- Ф. 4372.** Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР).
- Оп. 93.** Д. 821.
- Ф. 7733.** Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917–1991 гг.
- Оп. 1.** Общее управление. Бюджетное управление. 1917–1925 гг. Департамент государственного казначейства: полевые казначейства; Департамент железнодорожных дел. 1917–1922 гг. Управления: налогами, доходами, валютное: финансово-экономическое бюро, курсы финансовых работников, профсоюзная организация. 1917–1927 гг. 1923–1928 гг. Валютное управление. Отдел международных расчетов. 1917–1935, 1939–1942 гг. Д. 688.

II. Опубликованные источники

- Бюллетень Наркомхоза РСФСР. 1932. № 21.
- Владимирский А.К.* Коммунальные услуги. Справочник для домоуправлений и съемщиков жилья и нежилых помещений. М.: Изд-во Мособлисполкома, 1930.
- Гостиница на 150 человек городского типа 3-этажная с центральным отоплением. Ленингр. обл. изд-во, 1934. 12 с.
- Гостиницы. 10 технических проектов. Ленингр. обл. изд-во, 1934. 60 с.
- Коммунально-жилищные секции горсоветов о своей работе: сокращ. стеногр. оргсовещания ВЦИК с участием делегатов Всерос. съезда работников коммунал. хоз-ва, представителей секций и отделов коммунал. хоз-ва (апрель 1932 г.). М.: Власть Советов, 1932. 37 с.
- Коммунальное и жилищное хозяйство: кодифицир. сб. законодательства РСФСР на 1 сентября 1933 г. М.: Сов. законодательство, 1933. 168 с.
- Коммунальное строительство в СССР. Ч. 2. / сост. А.И. Гольдберг. М.: Всекохудожник, 1932. 7 с.
- Коммунальное хозяйство: системат. сб. законодат. и ведомств. постановлений по вопросам аренды помещений по законодательству на 1 января 1936 г. / сост. А.Н. Михальченко, А.Д. Пальгов. Пятигорск: Изд-во Бюро хозбюллетеней, 1936. 311 с.
- Коммунальное хозяйство города Н. Новгорода к 1926–27 году / под ред. Н. Станкевича. Н. Новгород: Б.и., 1927. 158 с.
- Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1925 г. М.: Стат. бюро НКВД, 1925. 70 с.
- Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г.. М.: Изд-во НКВД, 1927. 371 с.
- Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1928 г. М.: Гл. упр. коммунал. хоз-ва НКВД, 1929.
- Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г.: краткий стат. справ. М.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1938. 64 с.
- Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу I пятилетки: Основные итоги переписи коммунального хозяйства 1932 г. М.: ЦУНХУ Госплана СССР; В/о Союзоргучет, 1935. 116 с.
- Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу первой пятилетки: сб. стат. материалов за 1927/28–31 гг. в сопоставлении с дореволюционными. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 135 с.
- Коммунальное хозяйство Сталинградской губернии к началу 1927 г. Сталингр. губ. отдел коммунал. хоз-ва, 1927. 129 с.

- Коммунальное хозяйство Урала. Итоги переписи коммунальных предприятий и городского благоустройства 1932 г. Свердловск: Урал. обл. упр. коммунал. хоз-ва, 1933. 90 с.
- Коммунальное хозяйство ЦЧО. Решения 1-го областного совещания руководителей коммунального хозяйства ЦЧО, 12–15 ноября 1928 г. Воронеж: Коммуна, 1929. 20 с.
- Левитин М.Ф., Фалькович П.А.* Коммунальное хозяйство: сб. важнейших постановлений, циркуляров и инструкций / под ред. Ф.Т. Недзвецкого. М.: Моск. рабочий, 1935. 320 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1965–1975. Т. 17. 1968. 656 с.; Т. 54. 1975. 864 с.
- Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1977. 712 с.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
- Обязательное постановление Президиума Московского Совета РКиКД от 9 июня 1924 г. «О выселении административным порядком граждан из помещений гостиниц, состоящих в ведении управления московскими гостиницами, сдаваемых посуточно» // Коммунал. хоз-во. 1924. № 12. С. 92.
- Одоевцева И.В.* На берегах Невы: лит. мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 336 с.
- Первые декреты Советской власти: сб. факсимильно воспроизвед. док. М.: Книга, 1987. 337 с.
- Постановление ВЦИК и СНК СССР от 20 июля 1931 г. «Об образовании Наркомата коммунального хозяйства РСФСР» // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 5–6. С. 15.
- Постановление ВЦИК об утверждении наркомом коммунального хозяйства РСФСР Комарова Николая Павловича // Там же. С. 16.
- Постановление Президиума ЦИК СССР об утверждении «Положения о Всесоюзном совете по коммунальному хозяйству при ЦИК СССР» от 3 ноября 1931 г. // Там же. № 9. С. 6.
- Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР» // Там же. № 5–6. С. 7–15.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. № 60; 1931. № 1; 1937. № 62.
- Сборник правил, положений и инструкций по гостиничному хозяйству / под ред. В.И. Шиходырова. М.; Л.: Изд-во М-ва коммунал. хоз-ва РСФСР, 1948. 72 с.

- Смирнов А.К.* Действующие распоряжения по коммунальному хозяйству / под ред. П.Ф. Анохина. М.: Изд-во НКВД, 1928. 335 с.
- Собрание постановлений Правительства СССР. 1939. № 53.
- Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1940. № 10.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 10; 1920. № 26, 66.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1931. № 4, 42; 1932. № 44; 1934. № 42.
- Сталин И.В.* Соч.: в 13 т. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. 427 с.
- Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2: Стат. данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М.: Изд. Стат. отд. Моск. Совета, 1927. 222 с.
- Экономико-статистический справочник Ленинградской области. Л., 1932. 623 с.

III. Публикации в периодической печати

- 4-й Всероссийский съезд Союза РКХ (6—10.12.1922 г.) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1923. № 1 (85). С. 15—20.
- А.Д.* Проверяем проведение в жизнь решений июньского Пленума ЦК ВКП(б) // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 3—4. С. 20—24.
- Авинов Н.* Задачи развития коммунального хозяйства союза по данным пятилетних перспектив Госплана // Коммунал. хоз-во. 1927. № 9—10. С. 6—10.
- Азартный притон надо прикрыть // Трудовой набат. 1924. 9 февр. С. 3.
- Алексеев К.* Кремация и оздоровление городов // Коммунал. хоз-во. 1922. № 8—9. С. 16—18.
- Амчиславский И.* Как устроить культурную и доступную баню // Фельдшер. 1938. № 3.
- Ананов И.* Основные черты коммунальных учреждений // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3—4. С. 53—57.
- Андреев А.* История московского водопровода // Вед. моск. гор. полиции. 1850. № 63, 64, 66, 67.
- Антонов Г.* П/секция и улучшение хозяйства гостиниц // Коммунал. хоз-во. 1928. № 6. С. 87.

- Афонин Д.И., Бегунов И.Н.* Рационализация эксплуатации уличного освещения Ленинграда // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 8. С. 25—26.
- Бабаянц Р.* Методы определения и нормы накопления городских отходов // Там же. № 3. С. 31—33.
- Бартель Г.* О введении кремации в городах СССР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 2. С. 31—37.
- Его же.* О введении кремации в СССР // Там же. 1925. № 15—16. С. 27—32.
- Его же.* О кремационных обществах // Там же. 1927. № 1. С. 45—49.
- Его же.* Обзор деятельности по кремации за 1927 год // Коммунал. хоз-во. 1928. № 5. С. 8—10.
- Его же.* Работа Московского крематория // Там же. 1929. № 19—20. С. 27—35.
- Беленький И.А., Рапопорт В.С.* Жилищно-коммунальное строительство горсоветов РСФСР в 1940 г. // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1940. № 5. С. 1—2.
- Беленький М.* Городское хозяйство прежде и теперь // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 2. С. 7—21.
- Беляев, Бутузов.* Дорожное хозяйство Москвы // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 28—33.
- Большевик. 1932. № 4.
- Бондаревский Д.И., Бекин П. Л.* Современный трамвайный подвижной состав // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1935. № 8. С. 29—32.
- Брагинцев Н.* За лучшую эксплуатацию водопроводов и канализаций // Там же. 1936. № 6. С. 7—9.
- Его же.* О водопроводных присоединениях // Коммунал. дело: ежемес. журнал ГУКХ НКВД. 1925. № 9. С. 25—32.
- Его же.* Стахановское движение и рационализация городских водопроводов и канализаций // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 4. С. 11—14.
- Его же.* Электрификация водопроводов // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 4. С. 7—16.
- Браунер А.* Мусоросжигание в городах // Там же. 1922. № 3. С. 39—48.
- Броун А.А.* Задачи озеленения городов // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1935. № 3. С. 5—8.
- Буденный Н.* Сучки и задоринки // Коммунал. работник. 1923. № 5 (89). С. 5—6.

- Булавин Н.П.* Грузовой троллейбус // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1939. № 10. С. 30–35.
- Булганин М.* В боях за пролетарскую Москву // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 9–10. С. 16–22.
- Бурче Ф.Я.* Очистка населенных мест // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 11–12. С. 30–34.
- Бюджет Главного управления коммунального хозяйства // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 1. С. 45–47.
- В Главном управлении коммунального хозяйства (декабрь 1922 г.) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1923. № 2 (86). С. 29–32.
- В МОКХ. МОКХ накануне третьего года пятилетки // Коммунал. хоз-во. 1930. № 8–9. С. 120–122.
- Валевский Н.* Уличные комитеты в борьбе за благоустройство // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1935. № 4. С. 3–5.
- Василевский Н.* Гостиничное хозяйство городов — на высшую ступень // Там же. 1937. № 1. С. 14–16.
- Васильев В.С.* Сборные дождеприемные колодцы // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1940. № 4. С. 27–28.
- Верещаковский И.* Необходим коренной перелом! // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 2–3. С. 16–19.
- Веселовский Б.* Некоторые итоги и ближайшие задачи // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 1. С. 3–14.
- Его же.* Очередные задачи в области снижения себестоимости продукции коммунальных предприятий // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 11. С. 3–6.
- Виноградов Н.В.* Очистка районного центра на базе сельскохозяйственной утилизации отходов // Там же. 1937. № 7. С. 27–31.
- Власенко С.* Коммунальное хозяйство перед новыми задачами // Коммунал. хоз-во. 1934. № 6. С. 3.
- Его же.* Ликвидировать прорыв первого полугодия // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 7–8. С. 1–5.
- Его же.* 15 лет борьбы и побед в области городского хозяйства // Там же. № 9–10. С. 1–15.

- Вопросы быта // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1923. № 10 (94). С. 18–19.
- Выгодский Л.* Новое жилищное строительство (по данным переписи 1926 г.) // Власть Советов. 1928. № 10–11. С. 20–24.
- Г.А.* Расширенное заседание Президиума ЦК (особое совещание с представителями мест, ГУКХ и ответственными работниками ЦК 15/IX-22 г.) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1922. № 4 (81). С. 18–19.
- Г. и С.* Коммунальная очистка городов // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 9–10. С. 47–48.
- Гальперштейн Б.* Коммунальное хозяйство и Великий Октябрь (1917–1924 гг.) // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1924. № 4. С. 3–6.
- Гербо А.* Электрические трамваи // Коммунал. хоз-во. 1925. № 1. С. 7–20.
- Гибшман А.* Из дорожной статистики // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 5. С. 10–12.
- Его же.* Органы коммунального хозяйства в городах и поселках // Там же. № 2. С. 50–54.
- Его же.* Статистика коммунального хозяйства // Там же. № 3–4. С. 153–167.
- Головин М.* Наши нужды, наши планы // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1931. № 9–10. С. 1–7.
- Его же.* Текущие вопросы коммунальной жизни // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1926. № 1. С. 37–44; № 4. С. 46–58; № 11. С. 54–58; 1929. № 6. С. 7–11.
- Гольдберг М.* О нормировании зеленых насаждений и свободных пространств в городах // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 2. С. 18–22.
- Горбов В.С.* Очередная задача в деле оздоровления городов // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 15–16. С. 18–27.
- Его же.* Очередные задачи в деле оздоровления русских городов // Там же. № 19. С. 18–23.
- Горений И.Е.* Жилищные перспективы // Там же. 1926. № 19–20. С. 24–43.
- Городское благоустройство // Там же. 1924. № 9. С. 55.
- Горожанин.* Контрольные цифры коммунально-жилищного хозяйства СССР // Коммунал. хоз-во. 1931. № 23–24. С. 69–71.
- Гостиницы для крестьян // Коммунал. хоз-во. 1923. № 15–16. С. 33.
- Гостиницы для приезжающих // Там же. № 4. С. 22–23.

- Гостиницы для приезжающих в Москву // Там же. № 17. С. 29.
- Государственный курорт в Крыму // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 2. С. 100–103.
- ГР. С-В. Метрополитен строится // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1932. № 19–20. С. 10.
- Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурс. дело. 1921. № 1. С. 21–34.
- Гречуха В.Ф. Больше внимания архитектуре Ленинграда // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 4–5. С. 34–37.
- Гринвальд Ю.К. Трамвай и автобус среди других транспортных средств в городах // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1926. № 3. С. 116–124.
- Губельман Н., Лебедев Г. Пролетарской Москве — зеленые насаждения // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 5–6. С. 67–71.
- Гуров Н. Коммунальное хозяйство г. Смоленска и его перспективы // Там же. № 1. С. 87–91.
- Данилов Ф. Первый Всесоюзный (XIII) водопроводный и санитарно-технический съезд // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 11–12. С. 2–10.
- 12 октябрей на хозяйственном фронте // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1929. № 31. С. 10–11.
- Домбровский А.А. Проблема укрупнения прачечных предприятий // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1939. № 4. С. 29–31.
- Ермоленко В.Д. Типовые проекты для малоэтажного строительства жилых домов и гостиниц // Там же. 1940. № 5. С. 4–8.
- Ефремов И.А. Двухэтажный советский троллейбус // Там же. 1939. № 1. С. 42–45.
- Еще раз о «Пале Рояль» // Трудовой набат. 1922. 29 нояб. С. 3.
- Жилищная политика СССР за 16 лет // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 5. С. 1–8.
- Жилищно-коммунальное строительство в 1937 году // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 1. С. 2–4.

- Жохов К. Мусороперерабатывающие станции // Там же. 1936. № 3. С. 33–34.
- Жуков В.И. Жилищное и коммунальное хозяйство (По материалам обследования НК РК РСФСР) // Коммунал. хоз-во. 1930. № 8–9. С. 109–112.
- За боевую перестройку коммунального и жилищного хозяйства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 4. С. 1–3.
- За торговлю самогонкой // Трудовой набат. 1922. 10 нояб. С. 3.
- Забайкальский рабочий. 1936. 4 авг.
- Занин Е.Н. Строительство бань и прачечных // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 33–38.
- Зарвавшийся нэпман // Трудовой набат. 1922. 24 нояб. С. 3.
- Зарубин Н. Поставить на должную высоту банно-прачечное хозяйство // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 10–11. С. 19–20.
- Зеликман Д. О стоимости жилищно-коммунального строительства в 1935 году // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 3. С. 14–15.
- Земблехтер М. Итоги 4-го съезда заведующих коммунальным хозяйством СССР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 3–7.
- И.Ц. К вопросу о Московских гостиницах (Справки для тов. Ларина) // Коммунал. хоз-во. 1923. № 4. С. 8–9.
- Иванов Н. Реорганизация коммунально-жилищной системы // Коммунал. и жилищ. стр-во: орган Ленингр. облисполкома и Ленсовета, 1933. № 1. С. 13–14.
- Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. 11 сент.
- Иоффе И. К итогам совещания по газификации Москвы // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 8. С. 21–25.
- Июльский. Общественный контроль за жилищным строительством // Власть Советов. 1928. № 18. С. 17–18.
- К. Перспективы развития коммунального хозяйства и жилищного строительства на ближайшее пятилетие (Беседа с начальником ГУКХа т. Анохиным) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва 1929. № 28. С. 2.
- К.С. В городском хозяйстве. Беседа с т. Н.И. Ивановым (заведующий Губоткомхозом) // Петрогр. правда. 1922. № 223. 3 окт. С. 3.

- К итогам VIII пленума ЦК СРКХ // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1933. № 6. С. 2–4.
- Каганович Л.М.* Улучшение материально-бытовых условий трудящихся и городское хозяйство // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 1. С. 8–10.
- Как и когда будет построен московский метрополитен? // Там же. С. 84–85.
- Карпин Н.* О коммунальном воспитании населения // Правда. 1921. № 200. 9 сент. С. 1.
- Кастальский А.В.* Перспективы канализационного строительства в третьей пятилетке // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 7. С. 16–19.
- Катцен И.Е.* Завершение строительства Арбатского радиуса московского метро // Там же. № 3. С. 9–14.
- Кашкароев Н.А.* Санитарно-техническое строительство в третьей пятилетке // Там же. № 9–10. С. 27–29.
- Кириллов И.* Коммунальное хозяйство и война // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 1. С. 18–26; № 3–4. С. 16–46.
- Коварский Е.* Основные вопросы организации строительных работ в коммунальном хозяйстве // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1924. № 3. С. 3–16.
- Колесников Ф.* Огненное погребение (к постройке второго крематория в Москве) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1931. № 9. С. 17.
- Комиссия В.Ц.И.К. по коммунальному хозяйству // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1922. № 1. С. 3–7.
- Коммунальное хозяйство накануне IX Съезда профсоюзов // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1932. № 23. С. 4–5.
- Коммунально-жилищное хозяйство Московской области к 15-й годовщине Октября и его перспективы // Коммунал. хоз-во. 1932. № 10–11. С. 19–38.
- Коммунальные предприятия // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 7. С. 62–70; 1926. № 7. С. 53–58; № 21–22. С. 95–102.
- Кондратьев С.* Нужно суметь овладеть техникой банно-прачечного дела // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 10–11. С. 18.
- Коновалов П.В.* Итоги коммунального строительства 1935 года и план на 1936 год // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по де-

- лам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1935. № 12. С. 7–11.
- Коржев П.* Санитарное оздоровление городов и рабочих поселков // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1930. № 2. С. 41–51.
- Корчагин С.* Важнейшая задача дня // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 1. С. 15–19.
- Коток Н.* Вопросы практики инвентаризационной работы // Коммунал. мысль: сб. ст. Вып. 3. Л., 1929. С. 25–28. Красная газета. 1922. 22 ноября.
- Краткие сведения о состоянии коммунального хозяйства в городах Московской губернии // Коммунал. хоз-во. 1928. № 6. С. 40–44.
- Кривошеев А.* О статистике в нашем Союзе // Рабочая жизнь. 1920. № 5. С. 6.
- Кротов И.* Реконструкция московского водопровода в связи с постройкой канала «Москва — Волга» // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1935. № 5. С. 18–22.
- Кубяк Н.А.* Во втором полугодии ликвидировать прорыв в жилищно-коммунальном строительстве // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 4. С. 1–4.
- Л.В.* Нужна ли канализация при экстенсивной застройке? // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1922. № 1. С. 37–38.
- Л.Н.* Дорожное строительство во второй пятилетке // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1932. № 9. С. 42–43.
- Лавров Ф.* Перспективы развития дорожного строительства на 1929/1930 г. // Коммунал. хоз-во. 1929. № 21–22. С. 21–23.
- Ларин Ю.* Жилищный комбинат московских рабочих // Правда. 1923. № 21. *Его же.* О судьях // Там же. 1923. 10 нояб. С. 1.
- Леви В.* Показатели работы электрических станций // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 6. С. 19–29.
- Леонгардт Ю.* Наши задачи в трамвайном хозяйстве // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1931. № 12–13. С. 7–8.
- Лившиц Н.* Электрические станции общественного пользования, их состояние, функционирование и финансовое положение // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 2. С. 85–96.
- М.Ф.* Пять лет по пути Ленина // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1929. № 2. С. 2–3.
- Меллер В.А.* Москва строит гостиницы-гиганты // Коммунал. хоз-во. 1931. № 21–22. С. 34–39.

- Меркулов Е. Холодный асфальт должен получить широкое применение в Советском Союзе // За рулем. 1932. № 17. С. 18–19.
- Метелев А.* Ремонт городов // Правда. 1921. № 168. 2 авг. С. 1.
- Митлянский Ю.* О присоединениях домовладений к магистралям водопровода и канализации // Коммунал. хоз-во. 1924. № 7. С. 2–4.
- Его же.* Трамвайные тарифы в 1922 году // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1923. № 5–6. С. 85–89.
- МОКХ на 1931 г. // Коммунал. хоз-во. 1930. № 11–12. С. 14–20.
- Монгайт А.* Раскопки 1938 г. на Ярославском дворике в Новгороде // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 192–195.
- Морозов А.* Водопроводы и канализация в городах РСФСР // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1926. № 23–24. С. 10–16.
- Его же.* Задачи санитарно-технического строительства в городах РСФСР // Там же. 1929. № 8. С. 10–22.
- Его же.* Электрификация городов РСФСР // Там же. 1927. № 5. С. 6–13.
- Московские гостиницы // Коммунал. хоз-во. 1923. № 6. С. 25; 1925. № 17. С. 67.
- Мотоянский С.* Контрольные цифры Госплана на 1926–27 г. и коммунальное хозяйство // Там же. 1926. № 21–22. С. 3–9.
- Моторов Ил.* Усилим борьбу на жилфронте // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1928. № 9. С. 12.
- Мясников В.* Выше темпы и качество строительства // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 4–5. С. 4–7.
- Н.И.* Гостиничное хозяйство Москвы // Коммунал. хоз-во. 1926. № 19–20. С. 90–92.
- На путях второй пятилетки // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 1. С. 2–3.
- На рубеже двух пятилеток // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1932. № 71–72. С. 1–2.
- Нейбах И.* На борьбу за план 1933 года // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 2. С. 1–4.
- Его же.* Работу коммунальных предприятий на должную высоту // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 6. С. 1–2.
- Нефедьев А.* Дорожное хозяйство к 10-летию Октябрьской революции // Коммунал. дело: ежемес. журнал ГУКХ НКВД. 1927. № 12. С. 63–78.

- Нечто о гостиницах // Правда. 1923. 6 февр.
- Николаев Н.* Очистка городов // Коммунал. хоз-во. 1922. № 12. С. 7–8.
- Никольский Вл.* К вопросу об архитектурно-художественном оформлении города Ленина // Коммунал. и жилищ. стр-во: изд. Ленингр. облисполкома и Ленсовета. 1933. № 3. С. 5–6.
- Нэповские прелести и дети // Трудовой набат. 1922. 29 нояб. С. 3.
- О московских гостиницах // Коммунал. хоз-во. 1923. № 8. С. 39; 1924. № 7. С. 32.
- О плате за пользование жилыми помещениями // СУ РСФСР. 1922. № 30. Ст. 349.
- О результатах капитального строительства 1932 года и о мерах по выполнению плана строительства 1933 г. // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 3. С. 15–16.
- Организация Народного комиссариата коммунального хозяйства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 1–4.
- Павлов Н.Н.* Как устроен и работает трамвай // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1924. № 5–6. С. 15–16.
- Парзын Г.Х.* Канал Москва — Волга — величайшая победа техники социализма // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 5. С. 1–6.
- Перепись Всероссийского совещания по вопросам коммунальной статистики // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1924. № 4. С. 71–75; № 5. С. 86–90.
- Перкон П.* В ногу с темпами индустриализации. Уроки и перспективы коммунального и жилищного строительства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 4. С. 28–33.
- Петров М.* Благоустройство населенных мест и его задачи // Коммунал. хоз-во. 1921. № 7. С. 9–10.
- Его же.* Благоустройство наших городов перед революцией // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1922. № 1–3 (78–80). С. 26–28.
- Его же.* Задачи организации коммунального хозяйства // Там же. № 7. С. 30–32.
- Его же.* Курортное дело РСФСР и его организация // Коммунал. дело: ежемес. журнал ГУКХ НКВД. 1923. № 3–4. С. 47–52.
- Печковский Н.* Коммунальное хозяйство Тульской губернии // Там же. 1924. № 1–2. С. 66–69.

- Его же.* Московские гостиницы // Коммунал. хоз-во. 1923. № 19. С. 18–19.
 План работ МКХ на 1928/29 г. // Там же. 1929. № 13–14. С. 136–141.
 Пленум Административной п/секции 12 мая // Там же. 1928. № 13–14. С. 122–123.
 Пленум Административной п/секции 10 июля // Там же. № 15–16. С. 135–137.
 Пленум секции 23 октября // Там же. № 21–22. С. 150–152.
 Пленум секции Моссовета от 21 мая. План работы секции на апрель — октябрь 1929 года // Там же. 1929. № 11–12. С. 147.
 По большевистски организуем работу над второй пятилеткой социалистической реконструкции городов // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 3–4. С. 1–5.
Полуян Я. Коммунальная энергетика (состояние и перспективы) // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 1. С. 6–8.
 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании НК КХ РСФСР» № 209 // Изв. 1931. № 209. 31 июля.
 Постановление Совещания наркомов коммунального хозяйства союзных республик, состоявшегося во Всесоюзном Совете по делам коммунального хозяйства при ЦИК ССР 16–17 февраля 1936 года // Там же. № 3. С. 10.
 Правда. 1936. 5 авг.
 Предварительные итоги Всесоюзной переписи коммунальных предприятий // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 3. С. 64–65.
 Привлечь внимание масс к коммунальному строительству! // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунального хоз-ва. 1929. № 10. С. 1.
 Проверка работы аппарата треста «Московские гостиницы» // Коммунал. хоз-во. 1930. № 11–12. С. 29–31.
Пронин П. 1-я Всероссийская трамвайная конференция (17–24.12.1922 г.) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунального хоз-ва. 1923. № 2 (86). С. 44–45.
Пушечников В. О постройке нового водопровода в г. Екатеринбурге // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 2. С. 49–52.
 Работа секций Моссовета по МКХ за 6 месяцев // Коммунал. хоз-во. 1927. № 21–22. С. 144.

- Ржевский В.А.* Дорожное строительство // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 11–12. С. 34–43.
Романчук О. К вопросу об организации санитарно-технического дела (водопровод, канализация и центральное отопление) // Рабочая жизнь. 1919. № 9–10. С. 26–30.
Росиевский Г.И. Коммунальная энергетика в третьей пятилетке // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунального хоз-ва при СНК РСФСР. 1939. № 4. С. 8–10.
Рыскулов Т.Р. Коммунальное хозяйство на новом подъеме // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунального хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 2–3. С. 2–8.
С.П. Усовершенствованные мостовые в городах // Рабочая жизнь. 1919. № 11–12. С. 29–30.
Саргатских П. Больше зелени! // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунального хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 7. С. 98–99.
Его же. Внимание зеленому строительству // Там же. № 5–6. С. 86.
Его же. Материальная ценность зеленых насаждений в градостроительстве // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунального хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 9. С. 4–5.
Святыцкий Н. Коммунальный пассажирский транспорт РСФСР в четвертом году пятилетки // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунального хоз-ва. 1932. № 39–40. С. 6.
Севастьянов В. Кусочки тюменского быта / Вечером // Трудовой набат. 1922. 8 дек. С. 3
Семашко Н. Правда о всероссийской здравнице // Правда. 1921. № 151. 13 июля. С. 1.
Синельников Н.М. Проблема строительства городских дорог во второй пятилетке // Коммунал. хоз-во. 1932. № 12. С. 4–9.
Сиринов М. Коммунальное хозяйство в пятилетнем плане // Там же. 1929. № 9–10. С. 5–9.
Его же. Коммунальное хозяйство РСФСР и его перспективы // Там же. № 3–4. С. 3–9.
Сметнев Н.И. Домовые прачечные // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунального хоз-ва при СНК РСФСР. 1939. № 1. С. 38–42.
Его же. Основы банно-прачечного дела в СССР // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунального хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 2. С. 46–49.
Его же. Пути развития советской бани // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунального хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 1. С. 30–37.

- Смирнов А.П.* Боевые задачи жилищно-коммунального строительства // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 1. С. 14–15.
- Его же.* Проблема жилищного и коммунального хозяйства // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 9–13.
- Соколова М.* Автобусный транспорт Союза в 1924–1927 гг. // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1928. № 4. С. 43–47.
- Ее же.* Автотранспорт СССР // Там же. 1929. № 9. С. 29–32.
- Соломин.* Газовый завод // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1923. № 3. С. 33.
- Сорокин М.* Жилищное хозяйство и строительство города Ленина // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 8. С. 23–27.
- Сосянц В.Г.* Перспективы развития троллейбусного хозяйства в СССР // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 3. С. 19–21.
- Его же.* Применение автоматических и централизованных управлений на трамваях // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 2. С. 40–41.
- Его же.* Реконструкция городского транспорта в СССР // Там же. 1935. № 1. С. 8–16.
- Сосянц В., Эрмансон Э.* Перспективы развития коммунального транспорта в третьей пятилетке // Коммунал. стр-во: ежемес. журн. Акад. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1938. № 1. С. 14–18.
- Спеишин Н.* Задачи банно-прачечного хозяйства в третьем пятилетии // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 7. С. 20.
- Сталинская Конституция и задачи коммунальных органов // Там же. № 1. С. 4–6.
- Статистик.* Жилищное дело и население Ленинграда // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1924. № 1. С. 45–47.
- Страментов А.Е.* Строительство городских дорог // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 11–12. С. 11–15.
- Сулимов Д.Е.* Усилить жилищное строительство // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 1. С. 17–25.

- Суходрев.* Укреплять коммунальные секции советов // Там же. 1933. № 4. С. 13–14.
- Титульный список капиталовложений в 1928/29 г. по МКХ в целом // Коммунал. хоз-во. 1929. № 13–14. С. 142–144.
- Тихвинский В.* О гостиничном хозяйстве страны // Там же. 1931. № 17–18. С. 43–44.
- Тихоцкий В.* Очередные задачи дорожного дела в уездах // Там же. 1926. № 2. С. 122–133.
- Трамвай в Н.-Новгороде // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 1–2. С. 72.
- Трамвайщик.* Наши трамваи к одиннадцатой годовщине октября // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1928. № 27. С. 4.
- Тузис Г.* Почему нужна Всесоюзная коммунальная перепись // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 2–3. С. 45–47.
- У нас и у них // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1932. № 24. С. 3–4.
- Умов.* Практические соображения об устройстве уличного освещения в Москве и других городах СССР // Коммунал. хоз-во. 1925. № 5. С. 27–32.
- Ушаков Н.М.* К итогам Всесоюзной конференции по реконструкции городов // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1933. № 3. С. 11–14.
- Его же.* План жилищно-коммунального хозяйства и строительства 1937 г. // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1937. № 2. С. 4–9.
- Его же.* Проблемы второго пятилетия // За социалист. реконструкцию городов (СОРЕГОР): орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР. 1932. № 7–8. С. 8–12.
- Фр.* Об электростанциях // Коммунал. хоз-во. 1923. № 14. С. 7.
- Френкель З.* От свалок к полям ассенизации // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 17. С. 15–23.
- Фуремс М.* На пороге тринадцатого года (достижения и трудности коммунального хозяйства) // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1929. № 31. С. 3.
- Холодилин С.* Собираение и хранение домового мусора во владениях // Коммунал. хоз-во. 1926. № 2. С. 57–62.

- Хроника // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1924. № 5. С. 37–54.
- Хроника коммунальной жизни // Там же. 1925. № 6. С. 49–74; 1927. № 7. С. 68–94; № 8. С. 52–83; 1929. № 3. С. 64–97.
- Хроника коммунальной техники // Там же. 1925. № 1. С. 37–45.
- Хроника центра // Там же. 1921. № 1. С. 70–90.
- Целибеев П.* Автобусное хозяйство у нас и за границей и обзор американской автобусной промышленности // Коммунал. хоз-во. 1930. № 1–2. С. 46–60.
- Его же.* Газовое дело у нас и за границей // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1928. № 13. С. 21.
- Его же.* Дальнейшее развитие коммунального хозяйства // Там же. № 3. С. 22.
- Его же.* Коммунальное хозяйство к 10-летию Октября // Там же. 1927. № 20. С. 6–7.
- Его же.* Современное развитие трамвая в наших городах // Там же. 1929. № 19. С. 5.
- Цена номеров в гостиницах // Коммунал. хоз-во. 1923. № 12. С. 25.
- Цивцивадзе И.* Восстановление гостиничного хозяйства Москвы // Там же. 1924. № 22. С. 22–24.
- Ее же.* О московских гостиницах // Там же. 1925. № 23. С. 57–59.
- Шейнис Д.* Пример, которому не следует подражать // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1922. № 6 (83). С. 21.
- Его же.* К вопросу о жилищных товариществах // Там же. 1923. № 2 (86). С. 26–27.
- Шенгели Г.* По следам времени // Коммунал. хоз-во. 1932. № 10–11. С. 5–19.
- Шестаков С.С.* О развитии строительства в Москве в связи с жилищным кризисом // Там же. 1926. № 1. С. 64–67.
- Штоцкий Я.* О работе горкомхозов // Коммунал. дело: орган Гл. упр. коммунал. хоз-ва при СНК РСФСР. 1931. № 12. С. 25–26.
- Шетинин.* Озеленим пролетарскую столицу // Там же. № 9. С. 45–48.
- Щусев А.В.* Анализ архитектурных форм гостиницы «Москва» // Акад. архитектуры. 1936. № 3. С. 73–78.
- Эвморфонуло Л.* Хлорирование водопроводной воды // Коммунал. дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1928. № 5. С. 47–57.
- Электрификация нашей страны // Коммунал. работник: орган ЦК Моск. губотдела Всерос. союза работников коммунал. хоз-ва. 1927. № 7. С. 8.

- Я.П.* Коммунальные электростанции и стахановское движение // Социалист. город: ежемес. орган Всесоюз. совета по делам коммунал. хоз-ва при ЦИК СССР и НКВД РСФСР. 1936. № 8. С. 4–6.
- Янов П.Н.* Первая асфальто-бетонная дорога под Ленинградом // Вопр. коммунал. хоз-ва: ежемес. журн. Ленингр. губоткомхоза. 1929. № 9. С. 73–75.

Б. Вторичные источники

IV. Монографии и сборники статей

- Аверьянов Б.И.* Путь к звездам отеля. Сочи; М.: [б.и.], 2000. 231 с.
- Александрсон Г.* Экономическая структура городов США. М.: Иностран. лит., 1959. 214 с.
- Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Мол. гвардия, 2003. 576 с. (Живая история: повседнев. жизнь человечества).
- Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг.: Брокгауз и Эфрон, 1922. 256 с.
- Его же.* Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. 151 с.
- Баня и печь в русской народной традиции / В.А. Липинская, Т.С. Макашина, Л.Н. Чижикова и др. М.: INTRADA, 2004. 287 с.
- Богданов И.А.* Старейшие гостиницы Петербурга. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 336 с. (Три века Петербурга).
- Введенский А.С.* Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. М.; Л.: Экономгиз, 1932. 80 с.
- Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 468 с.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
- Волков Ю.Ф.* Введение в гостиничный и туристический бизнес: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 352 с. (Высшее образование). (Учебники, учеб. пособия).
- Глазычев В.Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 180 с.
- Его же.* Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Изд-во полит. лит., 1989. 319 с.

- Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15–17 апреля 2003 г. Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 231 с.
- Гудков Л. «Культура повседневности» в новейших социологических исследованиях. Общие проблемы культуры. Обзорная информация. Вып. I. М.: ГБЛ; НИО Информкультура, 1988. 51 с.
- Гурский В.Н. Основы жилищного законодательства (1917–1927). М.: Правовая защита, 1927. 455 с.
- Егоров М.В., Шibaев Д.Б. История московского автобуса. М.: МосГорТранс, 2004. 296 с.
- Зудин И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни (Быт современной молодежи). Л.: Прибой, 1929. 99 с.
- Иванов М.Д., Кирсанов А.И., Розалиев В.В. История московского трамвая (1899–2009). М.: ЗАО «Медиа-Бюро», 2009. 302 с.
- История города. Новониколаевск — Новосибирск: ист. очерки: в 2 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2005. Т. 1. 864 с.; Т. 2. 640 с.
- История Москвы: в 6 т. М.: АН СССР, 1952–1959. Т. 3. 1953. 872 с.; Т. 4. 1954. 960 с.; Т. 5. 1955. 818 с.
- Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: опыт моногр. исслед. домаш. рабочего быта. Т. 1. М.: Кн-во ВЦСПС, 1928. 290 с.
- Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. 352 с.
- Ковалевский В. Душа деянием жива. СПб.: Посох, 1999. 208 с.
- Ковченков В. Московская кухня. М.: Моск. рабочий, 1981. 96 с.
- Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 207 с.
- Колдомасов Б.И., Верещаковский И.И. Коммунальное хозяйство на высшую ступень / под общ. ред. Я.В. Полуяна. М.: Сов. законодательство, 1931. 104 с.
- Коммунальная мысль: сб. ст. Вып. 3. Л.: Ин-т коммунал. хоз-ва, 1929. 80 с.
- Коммунально-жилищное строительство: сб. работ / общ. ред. Я.Г. Гевирц. Л.: ЛНИИКХ, 1933. 238 с.
- Коммунальные предприятия. Экономические основы строительства и эксплуатации: сб. ст. / под ред. Б.Б. Веселовского. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1929. 196 с.
- Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР: учебник. М.: Высш. шк., 1986. 399 с.
- Лалин В.В. Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европ. дом, 2007. 288 с.

- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»; Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. 320 с.
- Ее же. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 444 с.
- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 340 с.
- Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с. (История сталинизма).
- Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 303 с. (История сталинизма).
- Его же. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации в архитектурном проектировании. 1917–1941 гг. Изд-во ИргТУ, 2003. 217 с.
- Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М.: Прогресс, 1977. 262 с.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР. 1917–1936 гг.: учеб. пособие. М.: Госполитиздат, 1962. 748 с.
- Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013. 818 с. (История сталинизма).
- Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. 159 с.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. 271 с.
- Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 310 с.
- Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. Кн. 3. М.: РОССПЭН, 2009. 336 с.
- Преображенский Н.Ф. Жилищный вопрос при диктатуре пролетариата. М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. 128 с.
- Рекомендации по формированию структуры сети гостиниц. М.: ЦНИИЭП-жилища, 1987. 42 с.

- Русская баня: история, традиции, полезные советы / сост. Е. Бугров. М.: У-Фактория, 2004. 392 с.
- Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурные характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2004. 292 с.
- Сазанов А.* Похоронное дело в России: История и современность. СПб.: Роза мира, 2001. 96 с.
- Север А.* Антикоррупционный комитет Сталина. М.: Алгоритм, 2009. 240 с. (Загадка 1937 года).
- Семенов В.С., Каминский И.М., Попова Н.А.* Гостиничное хозяйство: справ. пособие. М.: Стройиздат, 1985. 320 с.
- Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
- Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
- Социалистическая реконструкция Новосибирска. М.: Власть Советов, 1936. 168 с.
- Сытин П.В.* Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. М.: Новая Москва, 1926. 231 с.
- Тошев В.А.* Развитие бытового обслуживания населения в СССР. М.: Высш. шк., 1982. 103 с.
- Утехин И.В.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001. 248 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.; 2-е изд.: М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.
- Шерих Д.* 1924. Из Петрограда — в Ленинград. М.: Центрполиграф; СПб.: ООО «Мим-Дельта», 2004. 240 с.
- Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 288 p.
- Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1961. 533 p.

V. Статьи

- Аннинский Л.* Государственный стиль // Родина. 1995. № 11.
- Белоногова В.Ю.* «В Благовещенском приходе против площади». К истории Деулинской гостиницы // Пушкин на Нижегород. земле. Н. Новгород: Рекл. изд-во «Бегемот», 1999. С. 45—50.

- Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918—1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история: моногр. сб. М.: Три квадрата, 2001. С. 53—89.
- Булгыгина Т.А.* Опыт поиска источников по истории современности городских и сельских жителей Ставрополя // Новая локал. история: сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь; М.: [б.и.], 2009. С. 44—51.
- Висимская Я.* Скандал с Карлом Марксом // Перм. телеграф. 1991. № 4.
- Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 287—334.
- Извозик В.С., Лебина Н.Б.* Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920—1930-х годов // Вопр. истории. 2001. № 4. С. 98—110.
- Кириллов В.В.* Идеи реконструкции Москвы в проектах 20-х — начала 30-х годов XX века // Рус. город: ист.-методолог. сб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 214—245.
- Кириченко Е.* «Метрополь» — энциклопедия русского модерна // Наше наследие. 1995. № 35—36. С. 155—163.
- Косякова Е.И.* Городская среда Новониколаевска — Новосибирска (1893—1941 гг.): опыт исторического изучения // Проблемы культуры городов России: материалы Пятого всерос. науч.-практ. семинара. Омск: Изд. дом «Наука», 2004. С. 36—40.
- Ее же.* Формирование городской черты Новосибирска в 1929—1930 гг. // Новосибир. обл. в контексте рос. истории: материалы Регион. ист.-краевед. конф. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. С. 113—115.
- Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история: моногр. сб. М.: Три квадрата, 2001. С. 103—126.
- Курочкина Н.* Гостиница Гальяни в Твери // Наше наследие. 1995. № 34. С. 130—131.
- Ее же.* «Как прежде была гостиница купца Гальяни...» // Твер. старина. 1992. № 1. С. 14—16.
- Леканова С.Н., Оленьков В.Д., Ганченков В.Н.* Архитектурный памятник в стиле модерн — биржевая гостиница купца Башкирова в г. Троицке Челябинской области // Модерн: взгляд из провинции: сб. докл. Науч.-практ. конф., 16—18 марта 1994 г. Челяб. дом печати, 1995. С. 38—44.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Тр. по знаковым системам. Тартус. гос. ун-т, 1984. №. 18. С. 32—44.
- Мамаев А.В.* Местное самоуправление и городское хозяйство в революционном городе (на примере г. Вятка) // Клио. 2008. № 1. С. 66—74.

- Его же.* Трансформация органов самоуправления г. Москвы в конце 1917 — первой половине 1918 гг.: переход от думской модели к Совету // История гос-ва и права. 2009. № 20. С. 23–24.
- Орлов И.Б.* Курортный туризм в СССР в 1930-е годы // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: материалы Междунар. науч. конф., Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г. Ставрополь; Пятигорск; М.: ПГЛУ, 2007. С. 279–286.
- Его же.* Советский курорт 1930-х годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования // Современные проблемы туризма и сервиса: науч.-практ. журн. 2009. № 3. С. 25–30.
- Его же.* Эволюция русской бани: от образа жизни к помывочному пункту // Туризм и сервис в панораме тысячелетий: альманах. Вып. 2. М.: МПГУ; ФГОУ ВПО «РГУТиС», 2010. С. 73–80.
- Паликова Т.В.* Верхнеудинск — «маленький городок» // История в подробностях. 2011. № 9 (15). С. 64–72.
- Ее же.* Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в. // Гуманитар. вектор (Чита). 2010. № 3 (23). С. 48–54. (Педагогика, психология).
- Ее же.* «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестн. РУДН. Сер. «История России». М., 2009. № 2. С. 38–53.
- Паперный В.* Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история: моногр. сб. М.: Три квадрата, 2001. С. 90–102.
- Попов А.Д.* Край древних развалин и новых санаториев: деятельность «Интуриста» в Крымской АССР (1931–1941 гг.) // Вестн. МГУС. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 2. С. 111–115.
- Смирнова Т.М.* Жилищная политика Советской власти в годы НЭПа (По материалам демунципализации в Москве и Московской губернии) // Ежегодник ист.-антрополог. исслед. 2001/2002. М.: Экон-Информ, 2002. С. 276–289.
- Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Тр. по знаковым системам. Тартус. гос. ун-т, 1984. № 18. С. 3–29.
- Федулин А.А.* Революционный «жилищный передел» в г. Москве (1918–1921 гг.) // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 87–90.
- Федулин А.А.* Социальная политика Советского государства в области улучшения жилищных условий трудящихся на примере г. Москвы в 1917–1923 гг. (по материалам переписей населения и текущей статистики) // Социальная политика совет. гос-ва и рабочий класс: Вопр. методологии, историографии, источниковедения: сб. тр. М.: МГИАИ, 1988.

- Фокина Т.П.* Культурно-символические ресурсы и будущее города: организационный аспект // Города региона: культур.-символ. наследие как гуманитар. ресурс будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15–17 апреля 2003 г. Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 21–25.
- Харитонов А.Е.* Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопр. истории. 1965. № 5. С. 63–67.
- Худенко А.В.* Повседневность в лабиринте рациональности // Социс. 1993. № 4. С. 67–74.
- Черных А.И.* Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Там же. 1995. № 10. С. 71–78.
- Шевченко М.В.* Городская жизнь в Петроградских газетах 1917 года // Проблемы социального и гуманитар. знания: сб. науч. работ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 248–264.
- Шерстюк М.В.* К вопросу об истории канализации и водостока в Москве // Новая локал. история: сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь; М., 2009. С. 367–377.
- Шматько Л.П.* Гл. 2: Гостиничное хозяйство — основное звено материально-технической базы туристической индустрии // Туризм и гостинич. хоз-во: учеб. пособие / под ред. Л.П. Шматько. 3-е изд., испр. и доп. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2007. С. 74–152. (Туризм и сервис).
- Яковенко И.Г.* Город — разрушитель социокультурного синкретизма // Человек и город: в 2 т. Т. 1. М.: МГВП КОКС, 2000. С. 165–168.
- Яковлева О.А.* Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII в. // Изв. АН СССР. Отдел. техн. наук. 1951. № 4.
- Ваутан Z.* Is There a Post-Modern Sociology? // Theory, Culture & Society. SAGE. L.: Beverly Hills; New Delhi. 1988. Vol. 5. No. 2. P. 217–237.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

- Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 234 с.
- Вахитайн В.В.* Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2007. 24 с.
- Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда — Ленинграда, 1917–1991): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 23 с.

- Денисова М.А.* Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы (На материалах города Курска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 24 с.
- Жулева М.С.* История повседневности жителей г. Кургана в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 195 с.
- Карнишина Н.Г.* Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда. Середина 50-х — 80-е гг. XIX-века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 536 с.
- Климочкина А.Ю.* Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х гг.: на материалах Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 22 с.
- Кобозева А.В.* Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 22 с.
- Корнеева Е.И.* Советское гостиничное хозяйство в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 190 с.
- Корноухова Г.Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е годы. (На материалах Астраханской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 22 с.
- Ее же.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е годы. (На материалах Астраханской области: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 197 с.
- Косякова Е.И.* Городская повседневность Новониколаевска — Новосибирска в конце 1919 — первой половине 1941 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 22 с.
- Коцюба Л.К.* Соотношение традиций и новаций в истории ресторанного дела России (вторая половина XIX — начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.
- Любавский Р.Г.* Повседневная жизнь рабочих Харькова в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2014. 22 с.
- Макарова Н.Н.* Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. 280 с.
- Рогач А.А.* Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918–1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 20 с.
- Савельев А.В.* Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.
- Соловьева Т.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920–1930-е гг. (на материалах г. Саратова): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 269 с.

- Федоров А.Н.* Социальные процессы в российском губернском городе в условиях революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.: на материалах Центрального промышленного района: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

VII. Справочные издания

1932. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по г. Ленинграду и Ленинградской области. Ленингр. упр. нар.-хоз. учета, 1932. 336 с.
- Весь СССР: справ.-путеводитель / сост. Б.Б. Веселовский, Н.Н. Накоряков, Н.А. Гейнике; под ред. Д.В. Полуяна. М.: Изд. Трансрекламы НКПС, 1930. 1015 с.
- Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967): справочник. М.: ЦГА РСФСР, 1971. 624 с.
- Россия: географическое описание Российской империи по губерниям и областям. Т. 1: Европ. Россия. СПб.: Тип. «Бережливость», 1913. 286 с.
- Русский рекламный плакат / сост.: А. Снопков, П. Снопков, А.М. Шклярчук. М.: Контакт-Культура, 2001. 224 с.
- Символы эпохи в советском плакате: альбом-кат. / сост. Е.В. Арсланова, О.В. Киташова, Е.В. Коломейцева. М.: ГИМ, 2001. 216 с.
- Центральные архивы Москвы: путеводитель по фондам. М.: Мосгорархив, 1999. Вып. 1. 364 с.; Вып. 2. 268 с.; Вып. 3. 336 с.; Вып. 5. 168 с.

VIII. Интернет-ресурсы

- Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Поздеева О.Г.* Коммунального хозяйство [Электронный ресурс] // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург: EdwART, 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ekaterinburg/251/КОММУНАЛЬНОЕ>.
- Беззубцев-Кондаков А.* Ноев ковчег по-советски. Русская литература и коммунальная квартира [Электронный ресурс] // Поэзия.ру. 2005. URL: <http://www.poezia.ru/volar4.php?sid=163>.
- Богданов И.* Бренд / Европейский опыт // Изд. дом «Top Manager». URL: <http://www.top-manager.ru/?a=1&id=173>.
- Его же.* Праздник тела и души // Родина. 2000. № 4. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=194&n=13.
- Герасимова Е.Ю.* Идеология и жилищная политика в 20–30-е годы // Коммунал. квартира. Виртуал. музей сов. быта. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru/history/history12.htm>.

- Гопники [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гопники>.
- История гостиниц Москвы [Электронный ресурс] // HotelsMoscow.ru: сайт. URL: <http://www.hotelsmoscow.ru/hotelhistory.htm>.
- История московской конки [Электронный ресурс] / материал подгот. по тексту кн.: *Тархов С.А.* Городской пассажирский транспорт Москвы. М.: б.и., 1997. 112 с. // Мосгортранс: сайт. URL: <http://www.mosgortrans.ru/transport/history/moscow-tram/istorija-moskovskoi-konki/>.
- История Тучково [Электронный ресурс] // Тучково.су: сайт города. URL: <http://www.tuchkovo.su/stranicy-istorii/istoriya-tuchkovo.html>.
- Косенкова Ю.Л.* Формирование системы управления развитием городов в СССР (1920-е — начало 1930-х гг.) // Зодчий XXI век. 2010. № 4. С. 80–83 // НИИТАГ РААСН URL: <http://www.niitag.ru/info/doc/?343>.
- Краснова Е.И., Семенов С.В.* Исторические гостиницы: «Астория» и «Англетер» [Электронный ресурс] // Allcafe: сайт. URL: <http://www.allcafe.ru/readingroom/history/181/>.
- Курукин И.* «Семь радостей», или Баня на Руси [Электронный ресурс] // Итоги.ru. 2000. № 52 (238). 26 дек. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2000/52/119750.html>.
- Марков В.М.* Здравствуй, Владивосток: путеводитель-справ. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1988 // Приморский край — новости Приморья. URL: http://www.primkray.ru/index.php?a=info&rid=v1_b5_1&text.htm.
- Матвеева Л.Л.* Архитектура 1920–1930 гг. в Новосибирске [Электронный ресурс] // Сибир. заимка: электрон. журн. 2000. № 5. URL: <http://zaimka.ru/soviet/matveeva4.shtml>.
- МВД России: сайт. URL: <http://www.mvd.ru/about/history/367/>.
- Меерович М.Г.* Рождение и смерть советского города-сада [Электронный ресурс] // Архи.ру: сайт. URL: <http://www.archi.ru/lib/publication.html.?fl=5&id=1850569462&sl=1>.
- Обращение «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда» от 3 дек. 1931 г. [Электронный ресурс] // Б-ка норматив.-правовых актов Союза Сов. Социалист. Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3808.htm.
- Письмо Комиссии Советского Контроля Председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову, 2 июля 1937 г. // Тот самый, 37-й. Радио Свобода. 2007. 31 марта. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/386127.html>.
- «Пятница»: агентство путешествий: сайт. URL: <http://www.5day.ru/best/russia/lechenie/KVM/KISL1/ISTKIS1/>.
- Семяников В.* Архив газеты «Пермские квартиры, дома и офисы». 2006 г. // Метросфера. URL: <http://www.metrosphera.ru/street/text/?id=13&pr=1>.

- Сорокин В.* Улица Покровка [Электронный ресурс] // Наука и жизнь: портал журн. 2006. № 9. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/7228/>.
- Guide to Property: инф.-аналит. портал о недвижимости. URL: www.g2p.ru.
- Heliopark. Hotels & Resorts: офиц. сайт сети отелей. URL: www.heliopark.ru.
- Hotelline: портал гостинич. бизнеса. URL: www.hotelline.ru.

Научное издание

Орлов Игорь Борисович
**«Коммунальная страна»: становление
советского жилищно-коммунального хозяйства
(1917–1941)**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *О.А. Шестопалова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *С.В. Родионова*
Корректор *О.А. Шестопалова*

Подписано в печать 00.00.2015. Формат 60×88/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 17,1
Тираж ??? экз. Изд. № ????

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Схема коммунального хозяйства Ленинского района Москвы

Источник: Каганович Л.М. Улучшение материально-бытовых условий трудящихся и городское хозяйство // За социалист. реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 9.

Канализация Харькова. Фильтры с неподвижными разбрызгивателями

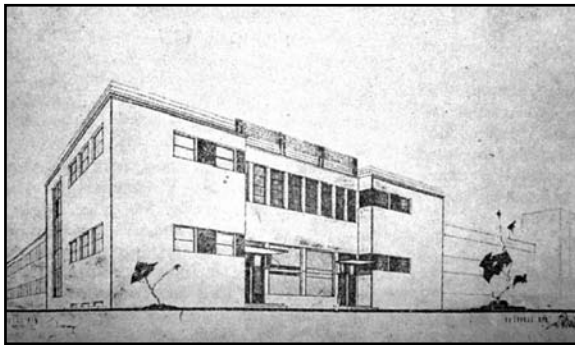
Источник: Целибеев П. Коммунальное хозяйство к 10-летию Октября // Коммунал. работник. 1927. № 20. С. 6.

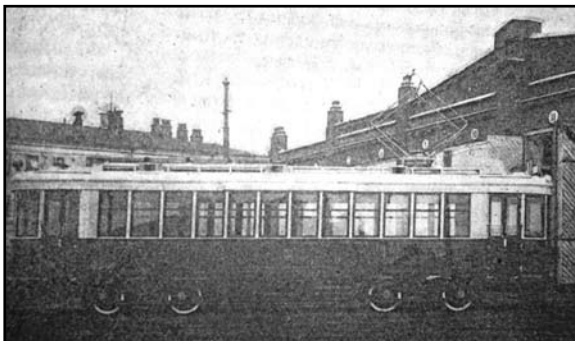
Постройка водопроводного резервуара в Баку

Источник: Целибеев П. Коммунальное хозяйство к 10-летию Октября. С. 7.

Фасад бани на 250 мест

Источник: Сметнев Н.И. Основы банно-прачечного дела в СССР // За социалист. реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 48.

Московский четырех- осный вагон трамвая

*Источник: Целибеев П.
Коммунальное хозяйство
к 10-летию Октября. С. 7.*

Театральный проезд (Москва)

Источник: К. Перспективы развития коммунального хозяйства и жилищного строительства на ближайшее пятилетие (Беседа с начальником ГУКХа т. Анохиным) // Коммунал. работник. 1929. № 28. С. 2.

Первый московский троллейбус. 1930-е годы

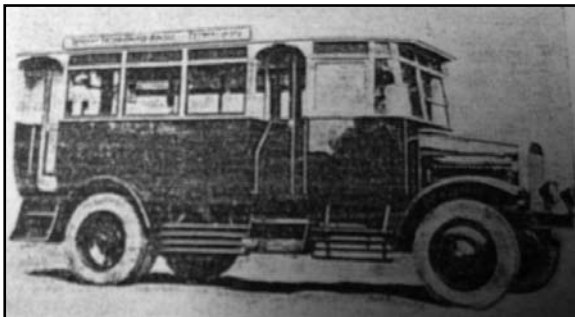
Источник: Москва 1920–1930-х годов.
URL: <http://dedushkin1.livejournal.com/121624.html?thread=3196952>.

Трехосный автобус с отдельным империадом для городского движения

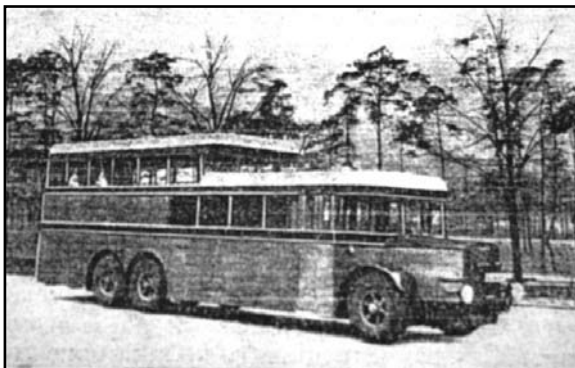
Источник: Целибеев П. Автобусное хозяйство у нас и за границей и обзор американской автобусной промышленности // Коммунал. хоз-во. 1930. № 1–2. С. 50.

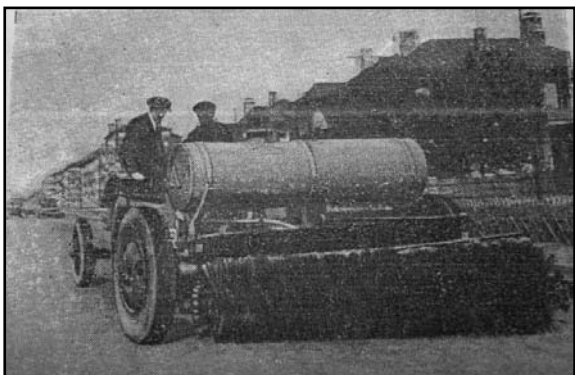
**Автобус на шасси
трехтонного грузового
автомобиля Ярослав-
ского завода**

Источник: Целибеев П.
Автобусное хозяйство
у нас и за границей... С. 51.

**Автобус для междуна-
родных сообщений**

Источник: Целибеев П.
Автобусное хозяйство
у нас и за границей... С. 50.

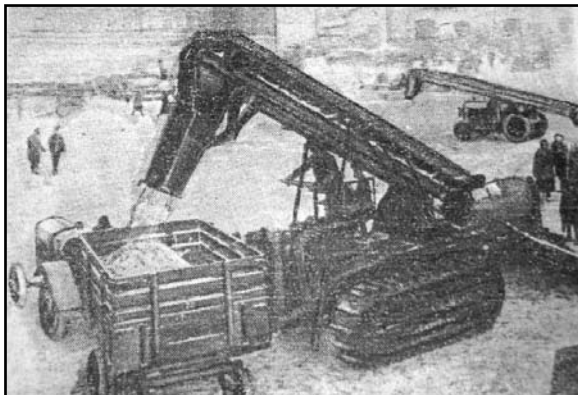

**Прицепная подметаль-
ная щетка системы
МГТО**

Источник: Бурче Ф.Я.
Очистка населенных мест
// Социалист. город. 1937.
№ 11–12. С. 32.

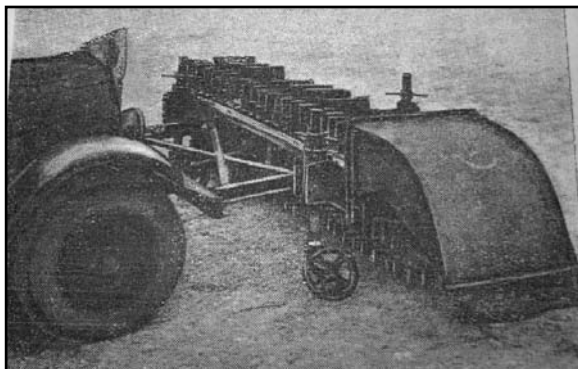
Снегопогрузчик Харьковского тракторного завода

*Источник: Бурче Ф.Я.
Указ. соч. С. 32.*

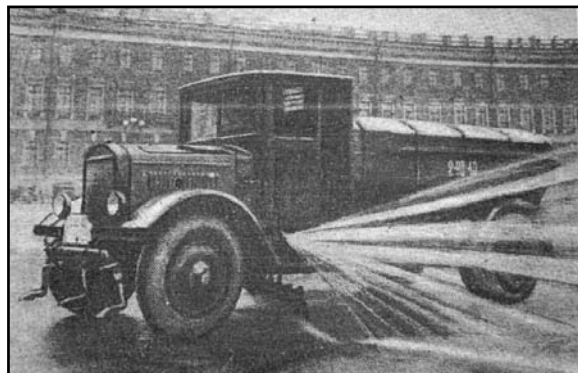
Прицепная подметальная щетка

*Источник: Бурче Ф.Я.
Указ. соч. С. 31.*

Поливочно-моечная машина (Ленинград)

*Источник: Бурче Ф.Я.
Указ. соч. С. 31.*

**Мясницкая улица
в 1920-е годы (Москва)**

Источник: Еду в Москву: сайт о туризме, отдыхе в Москве.

URL: <http://eduvmsk.ru/photogallery/old/photo29.html>.

Городской парк Нальчика. 1933 г.

Источник: Информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги».

URL: <http://fond-adygi.ru/page/melodii-i-ritmy-atazhukinskogo-sada>.

Обложка книги Г. Бартеля «Кремация» (М.: М.К.Х., 1925)

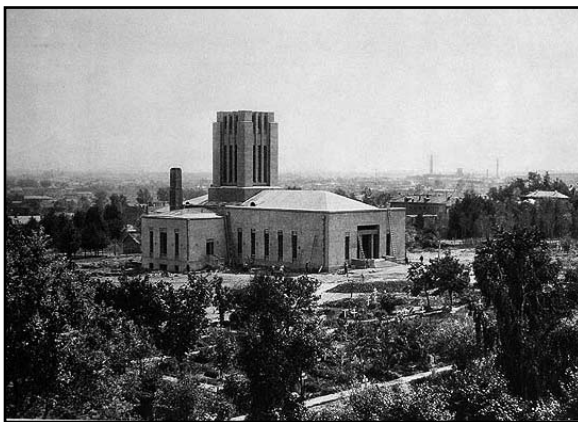
Источник: LiveLib. Сохраняем знания. *URL:* <http://www.livelib.ru/book/1000324711>.

Первый московский (Донской) крематорий. 1927 г.

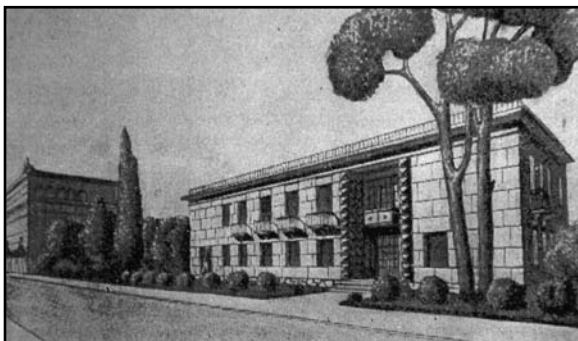
Источник: Донской крематорий // Википедия.

URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9#mediaviewer/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Donskoi_Krematory.jpg.

Главный фасад типового проекта гостиницы на 40 мест (автор проекта — арх. П.В. Помазанов)

Источник: Ермоленко В. Д. Типовые проекты для малоэтажного строительства жилых домов и гостиниц // Коммунал. стр.-во. 1940. № 5. С. 6.

Гостиница «Москва» в 1930-е годы

Источник: Savok.org.
URL: <http://www.savok.org/arxitektura/1109-sovetskaya-arxitektura-1920-1950-gg-chast-1.html>.

**Гостиница
«Московская»
в 1920-е годы (Ростов)**

Источник: Skyscrapercity.com. URL: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?p=86326247>.

Массовое строительство в соцгородах 1930-х годов

Источник: Все для Windows 7. URL: <http://upcfc.org/hardware/5011-socgorod-vosstanovit-onzhe-pamyatnik-doma-levoberezhya-budet-oxranyat-unesko.html>.

**Коммунальная
квартира 1930-х годов**

Источник: форум
г. Белая Церковь.
URL: <http://bc-city.com/topic/69642-nazad-v-sssr/page-17>.